

Александр
Бюма

Волчицы
из Машкуле

1

✿
XIX
ВЕК
В РОМАНАХ
ДЮМА
✿

Александр Дюма

Вотчицы
из Машкуле

том 1

Книга первая
Книга вторая
главы I-XIV

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРЕССА»
1995

84 4 Фр
Д 96

Под общей редакцией
Ю. П. Уварова

Перевод с французского

Д 4703010100—3008 3008—95
080(02)—95

ISBN 5—253—00827—6

© Чечет В. А.
Перевод. 1995.
© Чечет Л. А.
Перевод. 1995.
© Кулиш Н. Ф.
Перевод. 1995.

Книга
первая

I

АДЪЮТАНТ ШАРЕТТА

Если вам, дорогой читатель, придется путешествовать из Нанта в Буреф, то по дороге на Сен-Фильбер сверните в сторону, чтобы проехать по южному берегу озера Гран-Лье, а затем, продолжив путь, через час или два в зависимости от того, пойдете ли вы пешком или поедете в экипаже, вы окажетесь на опушке Машкульского леса.

Там, слева от дороги, среди нескольких деревьев, как бы являющихся частью того же леса, от которого их отделяет лишь дорога, вы непременно обратите внимание на две островерхие башенки и серую крышу маленького замка, проглядывающего сквозь листву.

Стены в трещинах, выбитые окна, порыжевшая от мха и диких ирисов кровля этого дворянского жилища придают ему, несмотря на несостоявшиеся претензии на

феодалную роскошь и две башни по бокам, столь жалкий вид, что он не вызывал бы зависти у прохожих, если бы не его восхитительное местоположение — рядом с вековыми деревьями Машкульского леса, чьи качающиеся зеленые верхушки вздымаются до горизонта, насколько хватает глаз.

В 1831 году замок принадлежал одному старому маркизу и назывался по имени хозяина — замок Судэ.

Теперь, когда вы имеете некоторое представление о замке, мы познакомим вас с его хозяином.

Маркиз де Судэ был последним оставшимся в живых прямым потомком древнего и славного бретонского рода, ибо озеро Гран-Лье, Машкульский лес и город Буреф находятся в той части Франции, которая в настоящее время относится к департаменту Нижняя Луара, но прежде, до деления страны на департаменты, входила в провинцию Бретань. Некогда род маркиза де Судэ был могучим феодальным деревом, чьи ветви простирались над всей провинцией; однако предки маркиза, вынужденные много тратить, чтобы достойно выглядеть в королевской карете, постепенно так расшатали это дерево, что лишь вовремя подоспевший 1789 год не дал замшелому стволу рухнуть под ударами топора судебного исполнителя — что было бы бесславной участью для такой блестящей фамилии.

Когда пробил час Бастилии и пала древняя твердыня королей, предвосхитив падение королевской власти, маркиз де Судэ, наследник если не владений — от них остался только упомянутый выше маленький замок, — то, во всяком случае, имени своего отца, был первым пажом Его Королевского Высочества монсеньора графа Прованского.

В шестнадцать лет — а именно столько было тогда маркизу — великие события представлялись лишь досадными происшествиями; мудрено было, впрочем, не стать беспечным среди поклонников Эпикура, Вольтера, страстных поборников конституции в Люксембургском дворце, где для эгоизма была благоприятная почва.

Именно маркиз де Судэ был послан на Гревскую площадь дожидаться мгновения, когда палач затянет веревку на шею Фавраса, и тот, испустив последний вздох, вернет Его Королевскому Высочеству ненадолго утраченный покой.

Он примчался бегом, чтобы сообщить своему господину:

— Свершилось, Монсеньор!

И Монсеньор своим ясным и мелодичным голосом произнес:

— За стол, господа! За стол!

И все стали ужинать — так, словно честный дворянин, беззаветно отдавший жизнь за его высочество, не был только что повешен, как убийца и бродяга.

Затем наступили первые мрачные дни Революции, вышла в свет красная книга, ушел в отставку Неккер, погиб Мирабо.

Однажды, 22 февраля 1791 года, собралась огромная толпа и окружила Люксембургский дворец.

Причиной тому были слухи. Говорили, будто его высочество намеревался бежать и присоединиться к эмигрантам, собиравшимся на Рейн.

Но Его Королевское Высочество вышел на балкон и торжественно поклялся не покидать короля, несмотря ни на что.

И действительно, 21 июня он уехал вместе с королем, по всей видимости, для того, чтобы не нарушить клятву.

И все же, на свое счастье, он его покинул; ибо беспрепятственно добрался до границы вместе со своим спутником маркизом д'Аварэ, в то время как Людовик XVI был арестован в Варенне.

Наш юный паж слишком дорожил репутацией послушного моде молодого человека, чтобы остаться во Франции, хотя монархии вскоре должны были понадобиться самые ревностные ее слуги; он, в свою очередь, эмигрировал и, поскольку никто не обратил внимания на восемнадцатилетнего пажа, без приключений добрался до Кобленца и вступил в одну из мушкетерских рот, которые воссоздавались под командованием маркиза де Монморена. Когда начались первые стычки с республиканцами, он храбро сражался под началом трех принцев Конде, был ранен у Тионвиля, а затем, после многих бед, испил самую горькую чашу разочарования: роспуск эмигрантского ополчения; и многие несчастные не только потеряли надежды на будущее, но и последний кусок хлеба — солдатское жалованье.

Правда, солдаты сражались против Франции, и их хлеб был замешен рукой чужеземца.

И тогда маркиз де Судэ обратил взоры на Бретань и Вандею, где уже два года шла война.

В Вандее уже не осталось в живых ни одного из тех, кто вначале стоял во главе восстания: Кателино был убит в Ванне, Лескюр — в Трамблэ, Боншан — в Шолле, д'Эльбе расстреляли или должны были вскоре расстрелять в Нуармутье.

И наконец армия, которую называли великой, была разгромлена под Мансом.

Эта великая армия потерпела поражение под Фонтенэ, Сомюре, Торфу, Лавале и Доле; она одержала верх в шестидесяти сражениях; она сумела противостоять натиску республиканцев, которыми поочередно командовали Бирон, Россиньоль, Клебер, Вестерман, Марсо; неизменно отвергая помощь Англии, ей пришлось пережить горькие минуты, когда горели ее хижины, убивали ее детей, расправлялись с ее отцами; ее командующими были Кателино, Анри де Ларошжаклен, Стоффле, Боншан, Фортестье, д'Эльбэ, Лескюр, Мариньи и Тальмон; она осталась верна своему королю, когда вся Франция отвернулась от него; она не перестала почитать своего Бога, когда Париж провозгласил, что Бога больше нет; и наконец, благодаря ей, перед судом истории Вандею однажды нарекли *землей гигантов*.

Единственными военачальниками, которых еще не удалось сломить, были Шаретт и Ларошжаклен. Но если у Шаретта были солдаты, то у Ларошжаклена их уже не осталось.

Дело в том, что пока великую армию громили под Мансом, Шаретт, назначенный главнокомандующим, в Нижнем Пуату сумел набрать войско с помощью шевалье де Куэтю и Жолли.

Они встретились недалеко от Молеврие: Шаретт во главе своего войска и Ларошжаклен с дюжиной молодых.

Шаретту было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что к нему прибыл военачальник, а не солдат. Он был самого высокого мнения о себе и не желал ни с кем делить власть. Он держался холодно и высокомерно. Было время обеда, а он даже не пригласил Ларошжаклена к столу.

В тот же день восемьсот человек оставили армию Шаретта и перешли к Ларошжаклену.

Назавтра Шаретт сказал своему молодому сопернику:

— Я выступаю в Мортань; вы будете сопровождать меня.

— До сих пор,— ответил Ларошжаклен,— мне не приходилось кого бы то ни было сопровождать, ибо я привык, чтобы сопровождали меня.

И выступил самостоятельно, оставив Шаретта действовать, как тому заблагорассудится.

Мы последуем за Шареттом, поскольку его последние бои и гибель имеют отношение к нашему повествованию.

Двадцать шестого июня 1795 года, после смерти Людовика XVII, в Бельвиле, где в то время находилась ставка, королем Франции был провозглашен Людовик XVIII.

Пятнадцатого августа 1795 года, то есть меньше чем через два месяца после этого события, некий молодой человек доставил Шаретту письмо от нового короля.

В этом письме, написанном в Вероне 8 июля 1795 года, Шаретту официально предлагалось возглавить роялистскую армию.

Шаретт собирался послать к королю его же гонца с благодарностью за оказанную милость, однако молодой человек сказал, что возвратился во Францию, чтобы сражаться, и попросил главнокомандующего считать доставленную им депешу рекомендацией для вступления в ряды его армии.

Шаретт тут же назначил его своим адъютантом.

Этим юным гонцом был не кто иной, как бывший паж его высочества, маркиз де Судэ.

Когда маркиз выходил от Шаретта, намереваясь поехать немного отдохнуть, ибо проскакал, не останавливаясь, двадцать лье, он наткнулся в дверях на молодого часового, лет на пять-шесть старше его, который, сняв шляпу, склонился в почтительном поклоне.

Он узнал в нем сына одного из отцовских арендаторов, с которым когда-то очень любил охотиться: никто не умел лучше его загонять кабана, и подбадривать собак голосом и трубить в рог, когда зверь был окружен.

— Гляди-ка! Жан Улье, дружище, ты ли это? — воскликнул он.

— Я самый, господин маркиз, и к вашим услугам,— ответил молодой крестьянин.

— Очень рад, дружище, честное слово! Ты по-прежнему превосходный охотник?

— Э! Так-то оно так, господин маркиз, только вот уже четверть часа, как мы охотимся не за кабаном, а за другой дичью.

— Неважно. Если хочешь, поохотимся вместе на эту дичь так же, как это делали раньше, когда преследовали другую живность.

— Я бы не прочь, господин маркиз, совсем не прочь,— отозвался Жан Уллье.

И с той минуты Жан Уллье занял при маркизе де Судэ такую же должность, какую маркиз де Судэ занимал при Шаретте — другими словами, Жан Уллье стал «адъютантом» главнокомандующего.

Помимо охотничьих талантов, у Жана Уллье было много других достоинств. Когда приходило время разбивать лагерь, он брал на себя все заботы, так что маркизу оставалось только отдыхать; даже в самые тяжелые дни у маркиза всегда были ломоть хлеба, кружка воды и охалка соломы — в Вандее это считалось роскошью, которую не всегда имел сам главнокомандующий.

Было бы очень соблазнительно отправиться вслед за Шареттом, а значит, и за нашим юным героем в очередной поход, полный приключений, из тех, что были предприняты вождем роялистов и принесли ему славу лучшего в мире партизана; но история — коварная сирена, и если вы, неосторожно повинувшись ее призывам, последуете за ней, то еще неизвестно, куда она вас заведет.

Поэтому мы упростим наш рассказ, насколько это возможно, предоставив другим рассказывать об экспедиции графа д'Артуа на острова Дье и Нуармутье, о странном поведении этого принца, когда он три недели находился у побережья Франции, но так и не высадился на берег, и об отчаянии роялистской армии, покинутой теми, за кого она сражалась более двух лет.

Тем не менее Шаретту некоторое время спустя удалось одержать блестящую победу у Четырех дорог; но это была его последняя победа, ибо он стал жертвой предательства.

Попав в засаду, де Куэтю, правая рука Шаретта, его второе «я» после гибели Жолли, был схвачен и расстрелян. В последние дни жизни Шаретт не мог сделать ни

шага, чтобы о нем не доложили его противнику, будь то Гош или Траво.

Окруженный войсками республиканцев, теснимый со всех сторон, преследуемый днем и ночью, вынужденный скрываться в чащобах и оврагах, понимавший, что рано или поздно его настигнет пуля в какой-нибудь стычке или он будет расстрелян на месте, если его захватят живым, не имевший крыши над головой, мучимый лихорадкой, умирающий от голода и жажды, не осмеливающийся попросить на ближней ферме ни крошки хлеба, ни глотка воды, ни охапки соломы, он лишился всей своей армии — с ним остались лишь тридцать два человека, среди которых были маркиз де Судэ и Жан Улье; и вот 25 мая 1796 года ему докладывают, что на него с разных сторон наступают четыре колонны республиканцев.

— Ну что же! — сказал он. — Значит, именно здесь придется принять последний бой и дорого продать свою жизнь.

Это было в деревне Прелиньер, в приходе Сен-Сюльпис. Но Шаретт с горсткой людей не просто ждал республиканцев: он пошел им навстречу. В Гийоньере на их пути встал генерал Валантэн с двумя сотнями гренадеров и егерей.

Шаретт выбрал удобную позицию.

В течение трех часов он сдерживал натиск и отражал атаки двух сотен республиканцев.

Двенадцать его сподвижников упали мертвыми рядом с ним. От армии шуанов, насчитывавшей к моменту высадки графа д'Артуа на остров Дье двадцать четыре тысячи солдат, осталось двадцать человек.

Эти двадцать человек сражались бок о бок со своим командующим, и ни один из них даже не помышлял о бегстве.

Решив, что, пора кончать, генерал Валантэн взял в руки ружье и поднял оставшихся под его командой сто восемьдесят солдат в штыковую атаку.

В этой атаке Шаретт был ранен в голову и потерял три пальца на левой руке от удара саблей.

Его вот-вот должны были взять в плен, когда некий эльзасец по имени Пфефер, испытывавший к Шаретту нечто большее, чем преданность, почти религиозное

благоговение, сорвал с головы командующего шляпу с плюмажем, взамен отдал свою и, бросаясь налево, крикнул:

— Бегите направо, я уведу их за собой!

В самом деле, республиканцы устремились за ним, в то время как Шаретт с оставшимися в живых пятнадцатью сподвижниками скрылись в противоположном направлении.

Шаретт уже было добрался до опушки Шаботьерского леса, как вдруг появился отряд генерала Траво.

Завязалась еще одна, уже последняя схватка, в которой у Шаретта была лишь одна цель — погибнуть.

Истекая кровью, он едва держался на ногах и чуть было не падал. Один вандеец по имени Боссар взвалил его на плечи и понес к лесу, но вскоре упал, сраженный пулей.

Его сменил другой, Ларош-Даво, но, сделав пятьдесят шагов, он упал в канаву, отделяющую лес от равнины.

Тогда командующего подхватил маркиз де Судэ и, в то время как Жан Улье двумя выстрелами из ружья убил двух республиканских солдат, опередивших остальных преследователей, скрылся в лесу с командующим и его уцелевшими семью товарищами. Когда они углубились в лес шагов на пятьдесят, к Шаретту, казалось, вернулись силы.

— Судэ,— сказал он,— слушай мой последний приказ.

Молодой человек остановился.

— Положи меня у подножия этого дуба.

Судэ не решался повиноваться.

— Я все еще твой командующий,— властно приказал Шаретт,— так повинуйся мне!

Смирившись, молодой человек выполнил волю умирающего и уложил командующего у подножия дуба.

— Так! — сказал Шаретт,— а теперь хорошенько слушай. Король, назначивший меня главнокомандующим, должен узнать, как я погиб. Возвращайся к его величеству Людовику XVIII и расскажи ему все, что ты видел. Такова моя воля!

Шаретт говорил так торжественно, что маркизу де Судэ, к которому он впервые обращался на «ты», и в голову не пришло ослушаться.

— А теперь поспеши,— продолжал Шаретт,— нельзя терять ни минуты, вон идут «синие»!

В самом деле, на опушке леса показались республиканцы.

Судэ пожал руку, протянутую Шареттом.

— Обними меня,— сказал командующий.

Молодой человек обнял его.

— Довольно,— сказал Шаретт.— Иди!

Судэ взглянул на Жана Уллье.

— Пойдешь со мной? — спросил он.

Но крестьянин угрюмо покачал головой.

— Что мне, по-вашему, там делать, господин маркиз? — сказал он.— Здесь-то я...

— А что ты будешь делать здесь?

— Если мы когда-нибудь свидимся, господин маркиз, я вам расскажу об этом.

И выстрелил два раза по республиканцам, подошедшим ближе других.

Оба республиканца упали.

Один из них был старшим офицером; солдаты окружили и склонились над ним.

Жан Уллье и маркиз де Судэ воспользовались этой задержкой и углубились в лесные дебри.

Но вскоре они расстались: Жан Уллье увидел заросли кустарника и скользнул в них, словно уж на прощанье махнув рукой маркизу де Судэ.

А тот продолжил свой путь.

II

КОРОЛЕВСКАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Маркиз де Судэ добрался до берега Луары и нашел рыбака, который переправил его на мыс Сен-Жильдас.

В море недалеко от берега он увидел английский фрегат.

За несколько лишних луидоров рыбак доставил маркиза прямо на фрегат.

Взойдя на борт, он почувствовал себя в безопасности.

Два или три дня спустя фрегат встретился в море с трехмачтовым торговым судном, которое готовилось войти в Ла-Манш.

Это был голландский бриг.

Маркиз де Судэ попросился на этот корабль, и английский капитан доставил его на борт.

Голландский бриг высадил маркиза в Роттердаме.

Из Роттердама он добрался до Бланкенбурга, маленького городка в герцогстве Брунсвикском, который Людовик XVIII избрал своей резиденцией.

Ему надо было исполнить последнее поручение Шаретта.

Людовик XVIII ужинал: время приема пищи было для него всегда священным.

Бывшему пажу пришлось дожидаться, пока Его Величество не закончит трапезу.

И только после ужина он был допущен к королю.

Он рассказал о событиях, которые видел собственными глазами, и особенно подробно остановился на последнем бое и говорил при этом так, что Его Величество, не слишком впечатлительный от природы, от избытка чувств даже воскликнул:

— Довольно, довольно, маркиз! Да, шевалье де Шаретт служил нам верой и правдой, мы признаем это.

И знаком приказал маркизу удалиться.

Гонец повиновался; но выходя за дверь, он услышал раздосадованный голос короля:

— Что за болван этот Судэ — рассказывать такое после ужина! Это же может расстроить мне пищеварение!

Маркиз был самолюбив; он подумал, что дождался весьма посредственной награды от человека, ради которого рисковал жизнью.

В кармане у него оставалась сотня луидоров; в тот же вечер он покинул Бланкенбург, говоря себе:

— Если бы я знал, какой прием меня здесь ожидает, не стал бы тратить столько усилий, чтобы добраться сюда!

Он вернулся в Голландию, откуда отплыл в Англию. И там начался новый период в жизни маркиза де Судэ. Он был из тех людей, которых обстоятельства лепят по своему подобию, которые сильны или слабы, отважны или малодушны в зависимости от среды, где они оказываются по воле случая. В течение шести месяцев ему пришлось участвовать в ужасной вендейской эпопее и стать

достойным ее; он обагрил своей кровью лесные заросли и песчаные пустоши Верхнего и Нижнего Пуату; он стойчески выносил не только непостоянство военного счастья, но и терпел лишения, какие выпадают на долю тех, кто ведет партизанскую войну, разбивал лагерь на снегу, скитался без хлеба, без теплой одежды, не находил крыши над головой в топких лесах Вандей, и за все время у него не возникло ни сожаления, не вырвалось ни единой жалобы!

И вот после всего, что ему пришлось пережить, затеваясь среди громадного Лондона, где он печально и бесцельно бродил, с грустью вспоминая о днях сражений, он не нашел в себе ни мужества противостоять праздности, ни твердости, чтобы побеждать скуку, ни энергии, чтобы не жить в нищете, ожидавшей его в ссылке.

Этот человек, мужественно воевавший с превосходящим по численности противником, не устоял перед пошлыми соблазнами безделья; он стал искать наслаждений повсюду и по любой цене, и все для того, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся в его жизни с тех пор, как он перестал подвергаться смертельной опасности на полях сражений.

Однако изгнанник был слишком беден, чтобы выбирать достойные своему положению наслаждения: мало-помалу он утратил не только облик аристократа, которого в Вандее не могла скрыть крестьянская одежда, но и утонченный вкус — наряду с шампанским познал эль и портер и нашел прелесть в расфуфыренных девицах с Гросвенора и Хаймаркета, — он, познавший любовь герцогини!

Очень скоро отсутствие твердых жизненных принципов и постоянный недостаток средств заставили заключать сделки, которые сказались на его репутации; он делал долги, которые не отдавал; его друзьями стали собутыльники из низших слоев общества. В результате его товарищи по эмиграции отвернулись от него и, как обычно происходит в жизни, чем меньше людей оставалось вокруг маркиза де Судэ, тем больше опускался он на дно.

Так прошли два года, и вот однажды в одном из прионов Сити, который он часто посещал, случай свел его с молодой работницей, которую некая омерзительная

сводня, каких много в Лондоне, впервые вывела на продажу из мансарды, где она жила.

Хотя превратности судьбы сказались на характере маркиза, несчастная все же сразу почувствовала в нем остатки бывшего благородства; в слезах она бросилась к его ногам, умоляя избавить от бесчестия, на которое ее толкали и для которого она не была создана — ведь до сих пор она хранила целомудрие.

Девушка была хороша собой; маркиз предложил свою помощь.

Она бросилась ему на шею и поклялась подарить ему всю свою любовь, отдать всю свою преданность.

Хотя маркизу и в голову не приходило, что он совершает доброе дело, но он помешал превратить в товар красоту Евы.

Ибо несчастное дитя звалось Евой.

Бедная и честная девушка сдержала слово: маркиз стал ее первой и последней любовью.

В сущности, эта встреча пришлось как нельзя кстати для них обоих. Маркиз уже начинал тяготиться петушиными боями, едкими испарениями пивных, потасовками с констеблями и ласками уличных девок; нежность юного создания принесла ему покой; обладание этой девушкой, похожей на белоснежного лебедя — символ ее родной Британии, тешило его самолюбие. Постепенно его образ жизни изменился, и, если он и не вернулся к привычкам людей своего круга, то по крайней мере зажил, как порядочный человек.

Вместе с Евой он перебрался в мансарду возле Пикадилли. Девушка отлично умела шить и ей удалось найти работу у белошвейки. А маркиз стал давать уроки фехтования.

С этого времени они зажили на скудные доходы от уроков маркиза и заработки Евы и были счастливы, ибо их любовь была достаточно сильной, чтобы скрашивать нищенское существование.

Однако и эта любовь, как и все на свете, оказалась не вечной; впрочем, остыла она нескоро.

К счастью для Евы, тяготы вандейской войны и необузданные наслаждения лондонского дна истощили жизненные силы ее возлюбленного, и он до времени состарился.

В самом деле, к тому дню, когда маркиз де Судэ по-

нял, что пламя его любви к Еве уже угасло или, во всяком случае, должно вот-вот угаснуть, когда поцелуи молодой женщины перестали не то что утолять его страсть, но даже возбуждать ее, он так привык к Еве, что даже, уступи он желанию отправиться на поиски развлечений на стороне, ему бы не хватило ни силы, ни решимости разорвать связь, в которой он находил однообразное и повседневное удовлетворение.

Этот гуляка из «бывших», чьи предки в течение трех веков владели феодальным правом вершить суд в своем графстве, этот недавний *разбойник*, адъютант *разбойника* Шаретта, двенадцать лет вел убогое существование мелкого служащего или даже мелкого ремесленника, терпеливо снося удары судьбы.

Небо долго не рещалось благословить этот незаконный союз, но, наконец, молитвы, которые возносила Ева все двенадцать лет, были услышаны. Бедная женщина забеременела и произвела на свет двух девочек близнецов.

К несчастью, Еве было суждено лишь несколько часов наслаждаться долгожданнами радостями материнства: ее унесла родильная горячка.

После двенадцати лет совместной жизни ее чувство к маркизу де Судэ было таким же сильным и глубоким, как в первые дни их связи, но эта беспредельная любовь не помешала ей понять, что главное в характере ее возлюбленного — легкомыслие и эгоизм; она умерла, страдая от неизбежности разлуки с человеком, столь ею любимым, но также и от мучительной тревоги за будущее детей, которых она оставляла в столь беспечных руках.

Эта утрата вызвала у маркиза де Судэ противоречивые чувства, которые мы опишем как можно подробнее, ибо, как нам кажется, они позволяют узнать внутренний мир человека, которому предстоит сыграть важную роль в нашем повествовании.

Вначале он искренне и всерьез оплакивал свою подругу; он не мог не воздавать должное ее достоинствам и сознавал, сколько счастья принесла ему её нежная привязанность.

Затем, когда первая скорбь утихла, он ощутил нечто похожее на радость школьника, вырвавшегося на свободу. Рано или поздно его имя, титул, знатность рода сделали бы разрыв с Евой неизбежным, поэтому маркиз не

слишком роптал на Провидение, совершившее то, что ему самому было бы тяжело исполнить.

Но чувство удовлетворения длилось недолго. Нежность Евы, ее постоянная забота о нем избаловали маркиза, и теперь он понял, сколь многого лишился, хотя раньше не придавал этому значения.

Мансарда с тех пор, как в ней больше не раздавался чистый и нежный голос англичанки, снова стала тем, чем была на самом деле: омерзительной лачугой, а постель с тех пор, как по подушке больше не рассыпались волны густых белокурых волос его подруги, превратилась в нищенское ложе.

Где он найдет теперь нежные ласки, трогательную предупредительность, которыми двенадцать лет одаривала его Ева?

Оставшись один, маркиз осознал, что утраченного не вернуть, и принялся пуще прежнего оплакивать возлюбленную. И когда ему пришлось расстаться с двумя крошками, которых кормилица забрала в Йоркшир, горе вызвало у него такой порыв нежности, что крестьянка, увозившая девочек, была растрогана до глубины души.

А затем, расставшись со всем, что привязывало его к прошлому, маркиз де Судэ не выдержал гнета одиночества; он стал мрачен и молчалив, им овладело неодолимое отвращение к жизни и, поскольку вера в Бога была в нем не слишком глубока, он скорее всего в конце концов бросился бы в Темзу, если бы не катастрофа 1814 года, подоспевшая как раз вовремя, чтобы отвлечь его от мрачных мыслей.

Возвратившись на родину, которую уже не чаял снова увидеть, маркиз де Судэ, попросившись на прием, явился к королю (за все время своего изгнания он не докучал ему никакими просьбами) и обратился с просьбой отблагодарить за пролитую кровь; но королям зачастую хватает и одного предлога, чтобы проявить неблагодарность, а у Людовика XVIII по отношению к его бывшему пажу их было целых три.

Во-первых, маркиз крайне несвоевременно явился к его величеству с вестью о гибели Шаретта — в самом деле, эта весть дурно повлияла на августейшее пищеварение.

Во-вторых, он поспешно и невовремя уехал из Блан-

кенбурга, сказав на прощание слова, еще более неуместные, чем сам этот отъезд.

В-третьих, самым важным предлогом был беспорядочный образ жизни, который вел маркиз в эмиграции.

Храбрость и преданность бывшего пажа заслужили громкие похвалы; в то же время маркизу тихонько намекнули, что человек, позволивший себе в прошлом столь скандальное поведение, не вправе рассчитывать на высокую должность.

Король, сказали ему, уже не абсолютный властитель, и он должен считаться с общественным мнением; после засилья безнравственности он должен установить новый строгий порядок.

Маркизу растолковали, что с его стороны было бы великодушно, если бы он увенчал жизнь, полную преданности и самоотречения, принесением в жертву велениям времени своих честолюбивых планов.

Короче, ему посоветовали удовлетвориться крестом Св. Людовика и пенсией командира эскадрона и отправиться проедать королевский хлеб в свое поместье Судэ — это было все, что осталось несчастному эмигранту от громадного состояния его предков.

Приятно отметить, однако, что эти разочарования отнюдь не помешали маркизу де Судэ исполнить свой долг — вновь покинуть родной замок, когда Наполеон чудесным образом возвратился с острова Эльба.

После нового поражения императора маркиз де Судэ во второй раз вернулся в свиту законного государя.

Но на этот раз он оказался догадливей, чем в 1814 году, и не попросил у правительства Реставрации ничего, кроме должности начальника охоты на волков в округе Машкуль, которая и была ему предоставлена с великим удовлетворением, ибо она была бесплатной.

Всю свою молодость маркиз де Судэ был лишен любимой забавы — в его семье страсть к охоте была наследственной, — и теперь предался этому занятию с самозабвением. Одинокая жизнь, для которой он не был создан, сделала его угрюмым, а обманутые ожидания — нелюдимым; и в радостях охоты он находил забвение от горьких воспоминаний. Поэтому руководство охотой на волков, дававшее ему право беспрепятственно рыскать по королевским лесам, доставило ему больше удоволь-

ствия, чем крест Св. Людовика и грамота командира эскадрона, которые вручил ему король.

Так маркиз де Судэ прожил в своем небольшом замке два года, день и ночь пропадая в лесах с шестью гончими (на большую стаю не хватило бы его скудного дохода), видясь с соседями ровно столько, сколько нужно было, чтобы не прослыть медведем, и не помышляя ни о каком-то там наследстве, не вспоминая о былых подвигах. И вот однажды утром, когда он отправился осматривать северную часть Машкульского леса, ему встретилась на дороге крестьянка, несшая на каждой руке по ребенку лет трех-четырёх.

Маркиз де Судэ узнал крестьянку и покраснел.

Это была кормилица из Йоркшира, которой он уже года три или больше не выплачивал обещанных денег на содержание двух ее подопечных.

Славная женщина добралась до Лондона и, проявив незаурядную сметливость, навела справки во французском посольстве. И приехала во Францию — благодаря послу, который ничуть не сомневался, что маркиз де Судэ будет вне себя от счастья, когда ему вернут его детей.

И, что самое удивительное, посол был не так уж далек от истины.

Обе малютки были так удивительно похожи на покойную Еву, что маркиз на мгновение растрогался: он обнял их с непритворной нежностью, затем передал англичанке ружье, а сам взял на руки девочек и принес эту неожиданную добычу в свой маленький замок, к величайшему изумлению кухарки из Нанта, составлявшей всю его прислугу и засыпавшей вопросами по поводу его необычайной находки.

Эти вопросы ужаснули маркиза.

Ему было всего тридцать девять лет, и он подумывал о женитьбе, ибо считал своим долгом не допустить, чтобы на нем прекратился столь блестящий род; кроме того, он не прочь был бы переложить на женщину заботы о хозяйстве, которые ему были просто ненавистны.

Но осуществить этот план было бы трудно, если бы две девочки остались под его крышей.

Поэтому он щедро заплатил англичанке и на другой день отправил ее домой.

Ночью он принял решение, которое, как ему показа-

лось, было способно примирить его противоречивые устремления.

Каково же было это решение?

Об этом читатель узнает в следующей главе.

III

СЕСТРЫ-БЛИЗНЕЦЫ

Маркиз де Судэ улегся в постель, твердя про себя старую истину: «Утро вечера мудренее».

И с этой мыслью уснул.

И ему приснился сон.

Ему пригрезились былые сражения в Вандее под предводительством Шаретта, чьим адъютантом он был, и, в частности, сын одного из отцовских арендаторов, который был его собственным адъютантом: Жан Уллье, о котором он ни разу не вспомнил и которого ни разу не видел с того дня, как они расстались в Шаботьерском лесу, простившись с умирающим Шареттом.

Насколько он помнил, Жан Уллье, до того как присоединиться к армии Шаретта, жил в деревне Шеврольер близ озера Гран-Лье.

Маркиз де Судэ вызвал из Машкуля человека, которого обычно посылал со всякими поручениями, велел седлать лошадь, вручил письмо и приказал отправиться в деревню Шеврольер и узнать, жив ли еще некий Жан Уллье и не покинул ли он эти края.

Если он был жив и не уехал из здешних мест, человеку из Машкуля следовало вручить ему письмо и, по возможности, привезти с собой в замок.

Если он перебрался куда-нибудь неподалеку, гонец должен был его найти.

Если он находился слишком далеко, следовало выяснить, куда он уехал.

Если он умер, надо было вернуться и сообщить о его смерти.

Жан Уллье не умер, Жан Уллье не уехал в дальние края, Жан Уллье даже не перебрался куда-то неподалеку от деревни Шеврольер.

Жан Уллье жил в самой деревне Шеврольер.

Вот что приключилось с ним после того, как он расстался с маркизом де Судэ.

Он забрался в чащу кустарника, откуда мог, оставаясь невидимым, наблюдать за происходившим.

Жан Уллье увидел, как генерал Траво взял в плен Шаретта и при этом обходился с ним со всей почтительностью, какую человек с характером генерала мог проявить к Шаретту.

Однако это было, наверное, не все, что хотел увидеть Жан Уллье, Шаретта уложили на носилки и унесли, а он все еще сидел в своем убежище.

Надо сказать, что в лесу, кроме него, остались также офицер республиканской армии с отрядом из двенадцати человек.

Через час после того, как был установлен этот пост, в десяти шагах от Жана Уллье из леса вышел крестьянин-вандеец, который на возглас часового «Кто идет?» откликнулся: «Друг» — странный ответ в устах крестьянина-роялиста, разговаривающего с солдатами-республиканцами.

Затем крестьянин назвал пароль, и часовой пропустил его.

И наконец крестьянин подошел к офицеру, который с выражением неопишуемого отвращения вручил ему кошелек, полный золота.

После этого крестьянин удалился.

Очевидно, офицер и двенадцать солдат были оставлены в лесу только затем, чтобы дожидаться этого крестьянина, ибо, стоило ему исчезнуть в кустах, как, в свою очередь, ушли и они.

Очевидно также, что теперь Жан Уллье увидел все, что хотел увидеть: он выбрался из кустов так же, как забрался в них, то есть ползком, встал на ноги, сорвал с шапки белую кокарду и с беспечностью человека, который три года подряд каждый день ставил на карту свою жизнь, углубился в лесную чащу.

Той же ночью он добрался до Шеврольера.

И направился прямо туда, где был его дом.

На месте дома чернели обугленные развалины.

Жан Уллье сел на камень и заплакал.

Ведь в этом доме он оставил жену и двоих детей...

Но вскоре он услышал шаги и поднял голову.

Мимо проходил крестьянин; несмотря на темноту, Жан Уллье узнал его.

Он позвал:

— Тенги!

Крестьянин подошел к нему.

— Кто это меня зовет? — спросил он.

— Это я, Жан Уллье, — ответил шуан.

— Храни тебя, Господь! — отозвался Тенги.

И собрался идти дальше.

Жан Уллье остановил его.

— Я спрошу, а ты должен мне ответить, — сказал он.

— Ты же мужчина?

— Да.

— Если так, спрашивай, я отвечу.

— Где мой отец?

— Убит.

— Моя жена?

— Убита.

— Мои дети?

— Убиты.

— Спасибо.

Жан Уллье снова сел на камень. Он уже не плакал.

Мгновение спустя он упал на колени и стал молиться.

И самое время — он уже готов был богохульствовать.

Он вознес молитву за погибших.

А потом, обретя силы в нерушимой вере, дававшей ему надежду когда-нибудь вновь встретиться с ними в лучшем мире, он устроился на ночлег на скорбных развалинах.

На рассвете следующего дня он уже трудился, такой же спокойный, такой же решительный, как если бы его отец по-прежнему ходил за плугом, жена хлопотала у очага, а дети играли перед домом.

Один, не обращаясь ни к кому за помощью, он заново отстроил свою хижину.

И стал в ней жить, кормясь плодами своего смиренного подневного труда, и тот, кто вздумал бы посоветовать Жану Уллье просить у Бурбонов награду за то, что он, справедливо или несправедливо, считал исполнением своего долга, тот рисковал бы обидеть бедного крестьянина в его благородном простосердечии.

Понятно, что при таком характере Жан Уллье, получив от маркиза де Судэ письмо, в котором тот называл его своим старым товарищем и просил незамедлительно явиться к нему в замок, — не заставил себя долго ждать.

Он запер дом, положил ключ в карман и, так как жил он один и предупреждать об отъезде было некого, тут же пустился в путь.

Посланец маркиза хотел было уступить ему лошадь или по крайней мере посадить его сзади, но Жан Уллье покачал головой.

— Благодарение Богу,— сказал он,— ноги у меня крепкие.

И, положив руку на шею лошади, двинулся вперед, скорым, как бы гимнастическим шагом со скоростью два лье в час.

К вечеру Жан Уллье был в замке маркиза.

Маркиз встретил его с нескрываемой радостью; весь день он терзался мыслью, что Жан Уллье уехал или умер.

Надо ли говорить, что причиной этих терзаний была не участь Жана Уллье, а страх за собственное будущее.

Мы уже предупредили читателя, что маркизу де Судэ был присущ некоторый эгоизм.

Тут же маркиз отвел Жана Уллье в сторону и доверительно поведал ему о затруднительном положении, в которое он попал.

Жан Уллье, чьи двое детей были зверски убиты, так и не понял до конца, почему отец по своей воле расстался с двумя дочерьми.

И все же он принял предложение маркиза де Судэ: взять на воспитание его дочерей до тех пор, пока они не достигнут возраста, когда их можно будет отправить в пансион.

Ему следовало подыскать в Шеврольер или в окрестностях какую-нибудь славную женщину, которая смогла бы заменить им мать — насколько вообще возможно заменить мать двум сироткам.

Жан Уллье принял бы это предложение даже в том случае, если бы девочки были невзрачными и надоедливыми, но они были так ласковы, так пригожи, так изящны, их улыбка была так обворожительна, что крестьянин сразу же привязался к ним, как умеют привязаться его характера люди.

Он утверждал, будто они со своими белыми и розовыми личиками и длинными кудрями так похожи на мраморных ангелочков вокруг Богоматери в церкви Гран-

Лье, разбитых во время Революции, что, увидев их в первый раз, ему захотелось преклонить колено.

Итак, было решено, что назавтра Жан Улье заберет девочек с собой.

К несчастью, со времен отъезда английской кормилицы и до появления Жана Улье шли непрерывные дожди.

Маркиз, которому пришлось сидеть в четырех стенах, почувствовал, что начинает скучать.

Заскучав, он позвал дочек и стал играть с ними, а затем, посадив одну из них себе на шею, другую на спину, стал, подобно королю Генриху IV, ползать по комнате на четвереньках.

Но он усовершенствовал забаву, которую Беарнец придумал для своего потомства: он стал голосом подражать то звуку охотничьего рога, то лаю гончих.

Эта домашняя охота в закрытом помещении невероятно позабавила маркиза де Судэ.

А обе крошки, само собой, еще никогда в жизни так не смеялись.

И вдобавок, они успели привыкнуть к нежности отца, к ласкам, которые он щедро расточал им в эти недолгие часы, видимо, желая успокоить свою совесть, растревоженную столь скорым расставанием после длительной разлуки.

Девочки проявляли к маркизу невероятную привязанность, а их бурная благодарность грозила расстроить его планы.

Так что около восьми часов вечера, когда к крыльцу подкатила одноколка и близнецы поняли, что их сейчас увезут, они подняли страшный крик.

Берта бросилась к отцу, обхватила его ногу и уцепилась за господина, который дал ей много конфет и на котором было так хорошо кататься верхом, своими ручками, а бедный маркиз не решался освободиться, боясь, что вывихнет ей запястья.

Что касается Мари, то она просто села на ступеньку крыльца и залилась слезами, но плакала она так безутешно, что Жана Улье это тихое горе тронуло больше, чем бурное отчаяние ее сестры.

Маркиз де Судэ употребил все свое красноречие, стараясь убедить крошек, что, если они сядут в одноколку,

то получают больше сладостей и развлечений, чем получили бы, оставшись у него, но чем дольше он говорил, тем громче рыдала Мари, тем яростнее Берта топала ногами и цеплялась за него.

Терпение маркиза было на исходе, и, видя, что уговоры бесполезны, он уже вознамерился применить силу, но в это мгновение он поднял глаза и встретился взглядом с Жаном Улье.

По смуглым обветренным щекам крестьянина скатились две крупные слезы и затерялись в рыжих бакенбардах, окаймлявших его лицо, словно пышный воротник.

В этих слезах были и мольба, обращенная к маркизу, и укор, обращенный к нему как к отцу девочек.

Маркиз де Судэ знаком велел ему распрягать и, в то время как Берта, правильно понявшая этот знак, пустилась в пляс от радости, сказал ему на ухо:

— Поедешь завтра.

Погода в тот день выдалась прекрасная, и маркиз решил воспользоваться присутствием Жана Улье в замке и взял его с собой на охоту. Он привел крестьянина к себе наверх, чтобы тот помог ему надеть охотничий костюм.

Жан Улье был потрясен чудовищным беспорядком, царившим в этой комнатухе, что стало для маркиза поводом продолжить задушевный разговор: он пожаловался на своего домоправителя в юбке, вполне сносно справлявшегося со своими обязанностями на кухне, но возмутительно небрежного во всех прочих хозяйственных делах, особенно в том, что касалось одежды хозяина.

Маркизу понадобилось, наверное, минут десять, чтобы отыскать куртку, еще не лишившуюся всех своих пуговиц, и штаны, не зиявшие чересчур непристойными прорехами.

Наконец костюм был надет.

Хотя маркиз, как мы уже сказали, был охотником на волков, при его бедности он не мог позволить себе роскошь нанять псаря; поэтому он сам направлял своих немногочисленных гончих. И поскольку ему приходилось и смотреть, чтобы собаки не потеряли след, и одновременно целиться, он редко возвращался с добычей.

На этот раз все было по-другому.

Могучий крестьянин в расцвете сил карабкался по самым крутым и обрывистым лесным тропкам с легкостью

и неутомимостью серны; когда на пути попадались кусты и он считал, что в обход было бы слишком далеко идти, он просто перемахивал через них и благодаря своим крепким ногам не отставал от собак ни на полшага; наконец, два или три раза он так удачно направлял гончих, что кабан, не надеясь больше спастись бегством от своих преследователей, решил остановиться и дать им бой в кустарнике, где собаки вцепились в него и маркиз имел удовольствие его пристрелить — а раньше ему бы это ни за что не удалось.

Когда маркиз вернулся домой, он был вне себя от радости и поблагодарил Жана Уллье за чудесную охоту, которой был ему обязан.

За ужином он был в прекраснейшем расположении духа и придумал новые игры, чтобы девочкам стало так же весело, как и ему самому.

Вечером маркиз пошел к себе в комнату и увидел, что в углу сидит Жан Уллье, скрестив ноги, как сидят турки и портные.

Перед ним лежала целая куча одежды, а в руках он держал старые замшевые штаны и яростно орудовал иглой.

— Какого черта ты тут делаешь? — спросил маркиз.

— Зима на здешних равнинах суровая, особенно, когда ветер дует с моря; вот вернусь к себе, и как подумаю, что северный ветер пробирает вас сквозь эдакие дыры, так у меня самого ноги озябнут, — ответил Жан Уллье и показал хозяину на штаны, которые чинил: один из швов лопнул от колена до пояса.

— Вот как! Ты, значит, шить умеешь? — спросил маркиз.

— Эх! — отозвался Жан Уллье. — Чему только не научишься, если двадцать лет живешь один! Да притом, кто побывал солдатом, тому все нипочем!

— Ну-ну! Разве я сам не был солдатом? — спросил маркиз.

— Нет, вы-то были офицером, а это не совсем то же самое.

Маркиз де Судэ взглянул на Жана Уллье с восхищением, затем улегся в постель, уснул и громко захрапел, но это нисколько не помешало бывшему шуану заниматься своим делом.

Среди ночи маркиз проснулся.

Жан Уллье все еще сидел за работой.

Куча старой одежды перед ним почти не уменьшилась.

— Да тебе ни за что не справиться, бедный мой Жан, даже если ты просидишь до рассвета! — сказал маркиз.

— Эх, боюсь, правда ваша!

— Тогда иди спать, мой старый товарищ. Ты не уедешь, пока хоть немного не приведешь в порядок все это старье, а завтра мы с тобой еще поохотимся.

IV

КАК ЖАН УЛЛЬЕ, ПРИЕХАВ К МАРКИЗУ НА ЧАСОК, ОСТАВАЛСЯ БЫ ТАМ И ПО СЕЙ ДЕНЬ, ЕСЛИ БЫ ОБА ОНИ НЕ УМЕРЛИ ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Утром, перед тем, как ехать на охоту, маркиз де Судэ решил поцеловать дочек.

Для этого он поднялся к ним в комнату и был чрезвычайно удивлен, найдя там вездесущего Жана Уллье, который опередил его и теперь умывал двух крошек с прилежанием и терпением опытной гувернантки.

Несчастный крестьянин, которому это занятие напоминало о погибших детях, казалось, был на верху блаженства.

Восхищение маркиза сменилось уважением.

И все это время они непрерывно охотились, и с каждым днем охота становилась все увлекательнее и удачнее.

В течение недели Жан Уллье, исполнявший попеременно обязанности егеря и управителя, по возвращении в замок приступал ко второй своей обязанности и без устали трудился, подновляя обветшалый гардероб хозяина; вдобавок он еще успевал прибрать весь дом снизу доверху.

Теперь уже маркиз де Судэ не то, что не торопил его с отъездом, но, напротив, с ужасом думал о том, что вынужден будет отпустить такого бесценного слугу.

С утра до вечера, а порой и с вечера до утра он перебирал в уме достоинства вандейца, определяя среди них самое важное для себя.

Жан Уллье обладал чутьем ищейки, он мог по сло-

манному кусту ежевики или по прямой росистой траве угадать, куда забежал зверь.

На сухих и каменистых тропах Машкуля, Бурнефа и Эгрефея он мог без колебаний назвать возраст кабана, чей след казался едва различимым.

Ни один егеря с коня не направлял гончих так успешно, как это делал длинноногий Жан Улле.

И наконец, в дни, когда приходилось давать отдых усталым гончим, никто лучше его не умел угадывать, в какой осоке водится больше всего бекасов, и привести туда хозяина.

— Ах! Право же, к черту женитьбу! — восклицал порой маркиз, когда его, казалось, должны были занимать совсем другие мысли. — Зачем мне по собственной воле вступать на борт этой галеры, где столько достойных людей ведут такое жалкое существование? Клянусь господним брюхом, я уж не так молод — скоро стукнет сорок; я не мечтатель, не рассчитываю прельстить кого-то своей наружностью. Значит, остается лишь надеяться, что какая-нибудь пожилая вдова польстится на мои три тысячи ливров ренты, половина из которых исчезнет вместе со мной; у меня появится сварливая, желчная, своенравная маркиза де Судэ; быть может, она запретит мне охотиться с этим молодчиной Жаном Улле, и уж точно не сможет вести хозяйство лучше, чем он. Но с другой стороны, — говорил себе маркиз, приосанившись и задумчиво раскачивая верхнюю половину туловища, — с другой стороны, разве позволительно в наше время давать угасать знатным родам, этой всегдашней опоре монархии? И разве не сладостно будет увидеть, как мой сын возродит былую славу нашего дома? А в противном случае, что подумают люди обо мне, у которого никогда не было жены — законной по крайней мере. Что скажут соседи об этих двух девочках, поселившихся у меня в доме?

Эти раздумья, охватывавшие маркиза, как правило, в дождливые дни, когда скверная погода мешала предаться любимой забаве, — эти раздумья порой вызывали у него мучительную растерянность.

Он вышел из затруднительного положения так, как выходят из подобных положений все вялые, слабохарактерные люди, все, кому не хватает духу принять решение: оставил все без изменений.

В 1831 году Берте и Мари исполнилось семнадцать лет, в то время как в положении маркиза ничего не изменилось.

И тем не менее, сколь это ни покажется странным, маркиз все еще не решил окончательно, должны ли его дочери оставаться с ним или нет.

А Жану Уллье, который повесил на гвоздь ключ от своего дома в Шеврольере, ни разу за четырнадцать лет не пришлось в голову снять этот ключ с гвоздя.

Он терпеливо дожидался, когда хозяин прикажет ему вернуться домой; но поскольку с его появлением в замке воцарились чистота и порядок, поскольку маркизу с тех пор ни разу не пришлось жаловаться на неудобство, связанное с отсутствием пуговиц, поскольку охотничьи сапоги всегда были смазаны жиром, поскольку ружья всегда находились в таком состоянии, словно побывали в мастерской лучшего нантского оружейника, поскольку Жан Уллье с помощью суровых приемов, перенятых у одного из товарищей по «разбойничьей» армии, мало-помалу отучил кухарку вымещать дурное настроение на хозяйне, поскольку гончие всегда были просто загляденье — не слишком жирны и не слишком тощи, с блестящей шерстью, четыре раза в неделю выдерживали бег по восемь—десять часов и каждый раз брали след, а также поскольку веселый щебет и милые шалости детей, их порывистые ласки скрашивали его однообразное существование, поскольку так приятно было коротать вечера и дождливые дни с Жаном Уллье за беседами и воспоминаниями о былой войне, ставшей теперь достоянием истории — ведь с тех пор уже минуло лет тридцать пять — в общем, поскольку маркиз как бы вновь ощутил нежную заботу, домашний уют, то мирное счастье, которым он наслаждался с Евой и к которому теперь прибавилась упоительная радость охоты,— по всем вышеуказанным причинам маркиз изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год откладывал минуту расставания.

Что до Жана Уллье, то у него имелись свои причины не торопить маркиза с решением. У этого человека было не только отважное, но и доброе сердце.

Как мы уже рассказывали, он сразу же привязался к Берте и Мари; и в его душе отца, тосковавшей по утраченным детям, привязанность вскоре переросла в любовь, в которой он увидел смысл всей своей жизни. Сна-

чала он никак не мог понять, почему маркиз не желал предоставить близнецам права детей, которых надеялся прижить в законном браке, чтобы не дать угаснуть своему роду. В Нижнем Пуату, если кто обидел честную девушку, был только один способ поправить дело: жениться. Коль скоро маркиз уже не мог это сделать, го,— как полагал Жан Улье,— было бы вполне уместно по крайней мере не отказываться от детей Евы. После двух прожитых в замке месяцев вандеец, поразмыслив обо всем этом, взвесив все в уме и проверив сердцем, был бы очень недоволен, если бы ему велели уехать, и тут уж его чувство уважения, которое он испытывал к маркизу де Судэ, не помешало бы, ввиду чрезвычайных обстоятельств, высказать хозяину свое мнение прямо и без обиняков.

К счастью, маркиз не посвятил слугу в хитросплетения своих мыслей, которыми тешился все эти годы, поэтому Жан Улье, приняв временное за постоянное, подумал, что его хозяин считал правомерным присутствие девочек в замке и выполнял тем самым свой отцовский долг.

Итак, к моменту окончания этой, быть может, слишком затянутой вводной части Берте и Мари пошел восемнадцатый год.

Древняя кровь маркизов де Судэ, смешавшись со здоровой кровью английской простолюдинки, совершила чудо: дочери Евы превратились в цветущих девушек с правильными, тонкими чертами лица, со стройной и гибкой талией, с осанкой, полной благородства и изысканности.

Они были поразительно похожи друг на друга, как это обычно бывает у близнецов, но только у Берты волосы были темные, в отца, а у Мари белокурые, в мать.

К несчастью, в воспитании этих красавиц основное внимание уделялось их физическому развитию, но никак не совершенствованию качеств, присущих их полу.

Да и могло ли быть иначе, если они росли возле отца, человека бездеятельного и вялого, раз и навсегда решившего жить сегодняшним днем, не заботясь о будущем?

Жан Улье был единственным воспитателем дочерей Евы так же, как прежде он был их единственной нянькой.

Достойный вандеец научил их всему, что знал и умел: читать, писать, считать, истово и горячо молиться Богу

и Пресвятой Деве, а еще бегать по лесам, лазать по скалам, пробираться через заросли остролиста, ежевики, терновника, и делать все это без колебаний, страха и усталости, попадать из ружья в птицу на лету и в косылу на бегу; и, наконец, скакать без седла на неукротимых конях из Мельро, пасущихся на лугах и на пустошах так же вольно, как кони гаучо в пампасах.

Маркиз де Судэ наблюдал за тем, как Жан Ульье воспитывал девочек, не пытаясь придать воспитанию дочерей иное направление, ему даже не приходило в голову как-то помешать развитию тех наклонностей, какие вырабатывали в них эти чисто мужские занятия. Достойный дворянин был слишком счастлив, видя, что нашел в них отважных охотниц, в которых нежная дочерняя почтительность соединялась с веселым живым характером и подлинной страстью к благородной забаве: с тех пор, как они стали вместе сопровождать его, он получал от охоты двойное удовольствие.

Справедливости ради следует отметить, что к урокам Жана Ульье маркиз все же добавил кое-что свое.

Когда Берте и Мари исполнилось четырнадцать лет и они начали сопровождать отца в его прогулках по лесу, детские игры, которым прежде посвящались вечера в замке, потеряли для них всю свою привлекательность.

Тогда, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту, маркиз научил Берту и Мари играть в вист.

Близнецы сами, как могли, занимались своим нравственным воспитанием, тогда как Жан Ульье уделял основное внимание их физической подготовке: однажды, играя в прятки, они обнаружили комнату, которую не открывали, судя по всему, лет тридцать.

Это была библиотека.

Там оказалось около тысячи томов.

И каждая из девочек выбрала себе книги по вкусу.

Чувствительная и нежная Мари предпочла романы; трезвая и деятельная Берта увлекалась историческими сочинениями.

Потом они обменивались впечатлениями: Мари пересказала Берте «Амадиса» и «Поля и Виргинию», а Берта поведала Мари о трудах Мезерэ и Велле.

В результате беспорядочного чтения у девушек сложились весьма превратные понятия о жизни, законных требованиях и обычаях мира, о котором они знали лишь понаслышке.

Когда девочки пошли к первому причастию, машкульский священник, любивший их за благочестие и доброе сердце, осмелился сделать несколько замечаний по поводу странной жизни, которую готовят детям, давая им подобное воспитание, но дружеские увещания натолкнулись на себялюбивое равнодушие маркиза.

И девочек продолжали воспитывать в том же духе, в результате чего они приобрели привычки, которые — из-за ложного положения Берты и ее сестры — создали им прескверную репутацию во всем крае.

А произошло это потому, что соседями маркиза де Судэ были захудалые дворяне, завидовавшие его славному имени и только ждавшие первого подходящего случая, чтобы ответить ему презрением за пренебрежение, какое предки маркиза, вероятно, выказывали их прабабушкам и прадедушкам. Когда стало известно, что он воспитывал в своем доме и называл дочерьми рожденных вне брака детей, сплетники поспешили раструбить о порочной жизни, которую он вел в Лондоне; молва превеличила его грехи, а бедную Еву, по милости Провидения чудом сохранившую чистоту, превратила в уличную девку. Постепенно мелкопоместные дворяне из Бовуара, Сен-Леже, Бурнефа, Сен-Фильбера и Гран-Лье перестали бывать у маркиза и приглашать к себе под предлогом, что он ронял дворянское достоинство — с их стороны было очень мило позаботиться об этом, ведь сами они по большей части обзавелись титулом совсем недавно.

Вскоре не одни только мужчины осуждали маркиза де Судэ за то, как он вел себя в настоящем и прошлом: красота сестер настроила против них их жен и дочерей; и дело приняло скверный оборот.

Если бы Берта и Мари были дурнушками, сердца этих милосердных дам и благочестивых девиц, от природы склонных к христианскому всепрощению, возможно, простили бы бедняге маркизу неуместное отцовство; но кого бы не охватило негодование при виде двух девушек, которые своими изысканными манерами, благородством и очарованием затмевали особ самого безупречного происхождения во всей округе?

Такое бесстыдное превосходство, разумеется, не заслуживало ни пощады, ни милосердия.

К девушкам так плохо относились, что, даже если бы

они не дали повода, о них все равно говорили бы самым нелестным образом, а здесь еще совсем не женские увлечения и причуды сестер!

И вскоре ко всеобщему негодованию знати Нижней Луары присоединилось возмущение дворян из департаментов Вандея и Мэн-и-Луара.

Если бы не море, омывавшее берега Нижней Луары, злословие проложило бы себе дорогу не только на юг и восток, но также и на запад.

Мещане и дворяне, горожане и сельские жители — все судачили о них.

Молодые люди, едва ли один раз видевшие Берту и Мари, с хвастливой улыбкой, полной надежд, говорили о дочерях маркиза де Судэ — за неимением приятных воспоминаний.

Благочестивые вдовы крестились, услышав их имена; гувернантки пугали ими непослушных детей.

Самые снисходительные люди ограничивались тем, что приписывали близнецам три добродетели Арлекина, которые, по общему мнению, отличали всех последователей святого Юбера, покровителя охотников: страсть к любовным похождениям, игре, вину. Остальные же всерьез утверждали, что будто в маленьком замке Судэ каждый вечер происходят оргии, ни в чем не уступавшие разврату во времена Регентства; а некоторым романтикам с буйной фантазией башенки замка, приют невинной любви двух десятков голубей, представлялись недоброй памяти Нельской башней, логовом распутства и злодеяний.

Короче, о Берте и Мари сложили столько небылиц, что, несмотря на безгрешную жизнь и безупречное поведение, они предстали пугалом для всей округи.

Досужие пересуды челяди замка, мастеровых, работавших в Судэ, и даже тех людей, кто прислуживал сестрам или кому они делали добро, стали причиной того, что их возненавидели и простые люди. И вышло так, что за исключением нескольких слепых или немощных старушек, которым сиротки сами оказывали помощь, все, кто носил блузу и сабо, эхом повторяли нелепые выдумки важных господ. И любой дровосек или сапожник из Машкуле, любой земледелец из Сен-Фильбера или Эгрефейля считал для себя зазорным снять перед ними шляпу.

Наконец, крестьяне придумали Берте и Мари прозвище, которое радостно подхватили в высших слоях общества, в точности соответствовавшее бурным страстям и постыдному образу жизни, которые приписывали девушкам.

Их прозвали *Волчицы из Машкуле*.

V

ВОЛЧИЙ ВЫВОДОК

Маркиз де Судэ не обращал внимания на проявления всеобщего недоброжелательства; более того, казалось, он даже не догадывался о них. Когда он заметил, что соседи перестали наносить ответные визиты после того, как изредка у них бывал, он обрадовался, что избавился от опостылевшего ему занятия, поскольку выезжал к соседям крайне неохотно после долгих уговоров дочерей или Жана Улье.

Иногда до него доходили отголоски сплетен, но он был так счастлив со своим слугой, своими дочерьми и своими собаками, что счел за благо не портить себе настроение, прислушиваясь ко всяким глупостям. И по-прежнему каждый день носился по полям за зайцами, и порой, если удавалось, затравливал кабана, в то время, как вечерами играл в вист с двумя бедняжками, оклеветанными молвой.

Жан Улье был настроен далеко не столь философски, как его хозяин; кроме того, его скромное положение позволило ему знать гораздо больше.

Его преданность двум девушкам была поистине безграничной; он не мог отвести от них восхищенного взгляда — сидели ли они с улыбкой на устах в гостиной замка или же, нагнувшись к гриве коня, со сверкавшими глазами, разгоревшимся лицом, разлетающимся по ветру волосами под широкополой шляпой с подрагивавшим пером скакали во весь опор рядом с ним. Он от души радовался, когда видел, как они статны и пригожи, как добры и ласковы с отцом и с ним; он считал, что вложил частицу самого себя в эти два восхитительных создания, и не понимал, почему весь мир не преклоняет перед ними колена.

И поэтому первые, кто осмелился повторить ходившие в округе сплетни, получили такой отпор, что остальным сразу расхотелось следовать их примеру. Однако Жану Уллье, который по-настоящему был отцом Берте и Мари, не нужно было слушать чьи-то разговоры, чтобы знать мнение людей о своих любимицах.

С присущей ему пронизательностью он распознавал недоброжелателей по одной лишь улыбке, беглому взгляду, движению руки, кивку головой, и это делало его глубоко несчастным.

Его больно ранило презрительное отношение к сироткам, которое ни бедные, ни богатые люди не давали себе труда скрывать. Если бы он давал волю своим чувствам, то затевал бы ссору с каждым, чей взгляд показался бы ему непочтительным, и одних проучил бы ударом кулака, а другим предложил бы решить дело поединком. Но здравый смысл подсказывал ему, что репутацию Берты и Мари нужно защищать совсем по-другому, и дракой не восстановить их доброе имя. Кроме того, он опасался — и это пугало его больше всего, — что, если он не сдержит себя и ввяжется в какую-нибудь потасовку, сестры узнают, что думают о них в городе.

И потому бедный Жан Уллье терпел неза заслуженную обиду и изливал свою боль только в горьких слезах и горячих молитвах Богу, великому поборнику справедливости и защитнику обиженных. Это сделало его нелюдимым. Видя вокруг одних лишь врагов своих дорогих детей, он не мог не возненавидеть людей и готовился воздать им злом за зло, мечтая о новых революциях.

Но революция 1830 года, с которой Жан Уллье связывал определенные надежды, не дала ему возможности осуществить планы мести.

Однако Жан Уллье ждал, что мятеж, не утихавший на улицах Парижа, захлестнет в какой-то момент провинцию.

Однажды, погожим сентябрьским утром, маркиз де Судэ, его дочери, Жан Уллье и свора гончих — за последние годы она несколько раз обновлялась, но числом больше не стала — охотились в Машкульском лесу.

Вот уже три месяца маркиз с нетерпением ждал этого дня, обещавшего ему редкое удовольствие, а речь шла всего-навсего о том, чтобы захватить выводок волчат, которых Жан Уллье обнаружил в их логове еще

слепыми и за которыми с тех пор присматривал, как и подбирает истому волчатнику.

Последняя фраза, быть может, нуждается в некоторых пояснениях для тех читателей, кто незнаком с благородным искусством охоты.

Герцог Бирон, обезглавленный в 1602 году по приказу Генриха IV, когда-то, будучи совсем юным, говорил своему отцу:

— Дай мне полсотни кавалеристов, и когда из города, как обычно, выедут за фуражом двести человек, я перебью их всех до одного; если эти двести человек погибнут, город будет вынужден сдаться.

— А что потом?

— А потом город будет взят, вот и все!

— И король перестанет в нас нуждаться. А мы всегда должны быть ему необходимы, болван!

Так двести солдат остались живы, город не был сдан, а Бирон и его сын остались необходимыми и, следовательно, сохранили себе королевскую милость и королевское жалование.

Так вот, с волками произошло то же самое, что с солдатами, которых пощадил отец Бирона. Если бы волки перевелись, то не нужен был бы управляющий охоты на волков.

Таким образом, Жан Улле, помощник охотника, заслуживает прощения за то, что позаботился о волчатах-сосунках и не пристрелил без всякой жалости их волчицу-мать, как поступил бы с матерым самцом.

Но это еще не все.

Трудность охоты на матерого волка состоит в том, что травить его собаками трудно, а загонять — занятие скучное и однообразное; а вот охотиться на пяти — семимесячного волчонка легко и увлекательно.

Желая доставить хозяину удовольствие, Жан Улле, когда обнаружил этот выводок, постарался не потревожить и не вспугнуть волчицу; он не стал жалеть чужих овец, которые пойдут на прокорм матери и детенышам; пока они подрастали, он приглядывал за ними с трогательной заботливостью, следя за тем, чтобы они не стали добычей какого-нибудь дерзкого охотника, и обрадовался, когда нашел логово пустым и понял, что волчица унесла своих детенышей в лес.

Наконец, однажды, решив, что они уже достаточно подросли для выполнения задуманного, он дал им уйти в мелколесье, протянувшееся на несколько сотен гектаров, и спустил на одного из волчат все шесть собак маркиза.

Бедный волчонок, не понимавший, что значат весь этот истошный лай и звуки рога, потерял голову: он выскочил из осоки, где остались его мать и братья, которые могли бы отвлечь собак и дать ему возможность спастись; он перебежал в лесосеку и там с полчаса петлял, как заяц, а затем обессиленный непривычно долгим бегом, чувствуя, что отяжелевшие лапы не хотят нести его дальше, простодушно уселся на свой хвост и стал ждать.

Ему не пришлось долго дожидаться, чтобы узнать, что от него хотят: вожак Домино, серая жесткошерстная вандейская гончая, через несколько секунд набросился на него и одним движением челюстей переломил ему хребет.

Жан Уллье, отогнав собак, пустил их по следу волчонка в обратном направлении, и через десять минут брат убитого уже удирал во всю прыть, а собаки гнались за ним по пятам.

Однако этот волчонок оказался хитрее: он не стал выбегать из мелколесья, и ему удалось ненадолго отсрочить свою гибель, потому что собак то и дело сбивали со следа другие волчата или сама волчица, словно нарочно попадавшие на их пути, но Жан Уллье слишком хорошо знал свое дело, чтобы упустить добычу из-за таких пустяков: как только гончие устремлялись по четкому и прямому следу, какой обычно бывает у взрослых волков, он сдерживал собак, возвращался с ними к тому месту, где они потеряли след волчонка, и пускал в нужном направлении.

Наконец, видя, что преследователи догоняют его, бедный волчонок решил схитрить и вернуться назад, чтобы сбить собак со следа; он побежал в обратную сторону и выскочил прямо на маркиза и его дочерей; растерявшись от неожиданности, он попытался было проскользнуть между ногами у лошадей, но маркиз, пригнувшись к шее лошади, ухватил его за хвост и кинул собакам, которые успели выбежать из леса.

Удачная охота так раззадорила маркиза, что он не

захотел останавливаться на достигнутом. Он стал обсуждать с Жаном Уллье план последующих действий.

Однако в разгар этой дискуссии волчица, у которой, очевидно, не осталось сомнений в том, что не оставят в покое ее уцелевших детенышей, перебежала дорогу шагах в десяти от собак.

При виде зверя гончие, которых не развели по сторонам, подняли страшный лай и, опьянев от охотничьего азарта, бросились вдогонку.

Их попытались сдержать, остановить, но все было тщетно — и повелительные возгласы, и отчаянные вопли, и щелканье хлыста.

Жан Уллье побежал, в то время как маркиз и его дочери пустили лошадей в галоп; но на сей раз собаки погнались уже не за робким неопытным волчонком-неумышленником: это был матерый зверь, могучий, неустрашимый и хитрый хищник, который бежал так уверенно, словно возвращался в свое логово, бежал напрямик через овраги, валуны, пригорки, быстрые ручьи, встречавшиеся на пути; бежал без страха, не слишком отрываясь от погони, то и дело увертываясь от гнавшихся за ним гончих, проносясь среди собак и устрашая их взглядом своих раскосых глаз и еще больше щелканьем страшных зубов.

Пробежав три четверти леса, волчица выскочила на равнину, как бы направляясь к лесу Гранд Ланд.

Неутомимый Жан Уллье не отставал от нее и держался шагов на триста — четыреста позади собак. А маркиз и его дочери, которым пришлось избегать крутых спусков, объезжая их по отлогим склонам и дорогам, остались далеко позади.

Когда сестры, в свою очередь, добрались до опушки леса и поднялись на пригорок, господствовавший над деревушкой Марна, они заметили на расстоянии полулье со стороны Машкуле и Бриардьера, в кустарнике между Марной и Жаклери Жана Уллье, его собак и его волчицу, следовавших друг за другом по прямой линии, в том же порядке и с той же скоростью.

Двойной успех в начале охоты и бешеная скачка сильно разгорячили кровь маркиза де Судэ.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Я бы отдал десять дней своей жизни, если бы очутился сейчас между

Сент-Этьен де Мерморт и Гимарьер, чтобы всадить пулю в эту паршивую волчицу!

— Она, понятное дело, бежит в лес Гранд Ланд,— ответила Мари.

— Да,— подхватила Берта,— но ведь ей непременно надо вернуться на то место, где остались ее волчата; сколько же она будет еще от них удаляться?

— И верно, лучше бы нам вернуться назад, чем продолжать погоню,— сказала Мари.— Помните, отец, как в прошлом году мы погнались за матерым волком, который водил нас за нос десять часов,— мы проскакали пятнадцать лье, и все впустую, лошади обезножели, собаки захромали, а мы сами вернулись домой несолоно хлебавши.

— Ну-ну-ну! — произнес маркиз.— Одно дело тогда, а сейчас другое дело. Если хотите, сударыни, можете возвращаться туда, откуда она выскочила на нас, а я поскачу за собаками. Тысяча чертей! Не бывать тому, чтобы собаки загнали зверя без меня!

— Мы поедем за вами, отец,— в один голос ответили девушки.

— Ну что ж, тогда вперед! — воскликнул маркиз и в подтверждение своих слов, дважды прищпорив коня, направил его вверх по склону.

Дорога, которую выбрал маркиз, была каменистой с глубокими рывинами, которыми стал знаменит Нижний Пуату; лошади все время спотыкались, на каждом шагу могли бы упасть, если бы всадники не сдерживали их изо всех сил, и как ни пытались охотники отыскать кратчайший путь, им все равно бы не удалось добраться до леса Гранд Ланд раньше собак и егеря.

Так как у маркиза лошадь была лучше, чем у его дочерей, он смог вырваться на несколько сотен шагов вперед; но, устав от скверной дороги и заметив в стороне открытое поле, повернул лошадь и, не предупредив дочерей, пустился вскачь через равнину.

А Берта и Мари, думая, что отец все еще едет впереди, продолжали опасный путь по изрытой дороге.

Так они ехали одни примерно четверть часа, пока не оказались на участке дороги, где ее с обеих сторон сжимали каменные склоны, окаймленные живыми изгородями, ветви которых сплетались над головами всадниц; вдруг они внезапно остановились: им показалось, что не-

вдалеке слышался так хорошо знакомый им лай собак.

В то же мгновение в нескольких шагах от них раздался выстрел, из живой изгороди выскочил крупный заяц с окровавленными обвисшими ушами и стрелой понесся по дороге, в то время как с поля, нависавшего над узкой дорогой, донеслись отчаянные крики: «Ату! Ату! Ату! Взять его! Взять!»

Сестры подумали, что наблюдают за охотой одного из соседей, и хотели было тихонько удалиться, как вдруг из изгороди через дыру, проделанную зайцем, с истошным лаем выскочил их пес Крепыш, а потом одна за другой остальные гончие — Фаро, Беллод, Домино и Фанфар — бросились за несчастным зайцем, словно не гнались раньше за более благородной добычей.

Но как только на них выскочила собака, они увидели в узкой прорехе изгороди голову человека.

Юноша с бледным, испуганным лицом, с всклокоченными волосами, с безумным взглядом, совершал нечеловеческие усилия, чтобы вслед за головой протиснуться через отверстие всем туловищем, и, следуя этим тернистым путем, издавал тот самый вопль: «Ату! Ату!», который Берта и Мари слышали после выстрела пять минут назад.

VI

ПОДСТРЕЛЕННЫЙ ЗАЯЦ

В Нижнем Пуату живые изгороди делают примерно так же, как в Бретани, а именно пригибают и переплетают между собой крепкие молодые деревца; и если сквозь такую изгородь проскочил заяц, если вслед за ним пронеслись одна за другой шесть гончих, то это вовсе не означало, что дыра в изгороди превращалась в широкие ворота; и бедный юноша, чья голова была зажата, словно в тисках гильотины, напрасно вертелся, выгибался, брыкался, раздирал в кровь руки и лицо, но ему так и не удалось сдвинуться с места хотя бы на дюйм.

Однако юный охотник не терял мужества, продирался сквозь ветки что было сил, как вдруг замер, услышав громкий хохот.

Он повернул голову и заметил двух амазонок, которые, нагнувшись в седле, от души смеялись.

Смутившись, когда услышал смех двух красивых девушек, понимая, насколько забавно он выглядел со стороны, молодой человек, — а ему едва сравнялось двадцать лет, — хотел было податься назад, но, как видно, над ним тяготел рок, ибо ему никак не удавалось высвободиться из злосчастной изгороди. Шипы и колючки так крепко впились в его одежду, охотничья сумка так запуталась в гибких ветвях, что отступление стало просто невозможным; изгородь превратилась в западню, из которой он не мог выбраться, и эта вторая неудача довела совсем уже развеселившихся зрителей до безудержного хохота.

И тогда бедняга возобновил свои попытки освободиться, он делал это уже не просто с силой и решимостью, как раньше, а с яростью, с бешенством, и при этом новом, поистине нечеловеческом усилии на его лице отразилось такое отчаяние, что Мари первая почувствовала сострадание.

— Хватит смеяться, Берта, — обратилась она к сестре. — Ты же видишь, что мы причиняем ему боль.

— И правда, — согласилась Берта. — Но что делать, если я не в силах сдержаться.

Все еще смеясь, она прыгнула с лошади и побежала к бедному юноше, чтобы вызволить его из западни.

— Сударь, — сказала молодому человеку Берта, — думаю, что вам не помешает небольшая помощь, если вы хотите выбраться отсюда; вы не возражаете, если мы с сестрой поможем вам?

Но смех девушек ранил самолюбие молодого человека гораздо сильнее, чем шипы и колючки, раздиравшие его кожу; поэтому, сколь ни были любезны слова Берты, они не могли заставить бедного пленника забыть о наемщиках, предметом которых он только что был.

Он ничего не ответил и, как человек, решившийся выпутаться из беды без посторонней помощи, предпринял еще одно, последнее усилие высвободиться. Упершись обеими руками в ветки, он попытался протиснуть верхнюю часть туловища наискось, по-змеиному; к несчастью, при этом движении он наткнулся лбом на обрубленный сук дикой яблони, который крестьянин, мастеривший изгородь, стесал в виде тонкого и острого лезвия; этот сук разрезал кожу на лбу, словно отточенная бритва, юноша, почувствовав, что ранен не на шутку, закричал, а из раны тут же хлынула кровь, залив ему лицо.

При виде несчастья, невольной причиной которого они стали, сестры бросились к молодому человеку, схватили его за плечи и, присоединив к решимости силу, несвойственную обыкновенным женщинам, вытащили его наружу и усадили на каменистый склон.

Еще не зная, что рана не так серьезна, как им показалось на первый взгляд, Мари побледнела и задрожала; что же касалось Берты, которая была менее впечатлительна, чем ее сестра, то она ни на минуту не потеряла самообладания.

— Беги вон к тому ручью,— сказала она Мари,— и намочи платок, надо вытереть у этого бедняги кровь с лица, а то он ничего не видит.

Пока Мари выполняла это поручение, Берта, обернувшись к молодому человеку, спросила:

— Вам очень больно, сударь?

— Простите, мадемуазель,— ответил он,— рана меня так беспокоит, что я не знаю, снаружи болит у меня голова или внутри.

А затем, разразившись рыданиями, которые он до этой минуты сдерживал с большим трудом, воскликнул:

— Ах! Господь наказывает меня за то, что я ослушался матушки!

Человек, который произнес эти слова, был совсем юн — как мы говорили, ему едва исполнилось двадцать лет,— но они прозвучали совсем по-детски, если принять во внимание рост и охотничью одежду молодого человека, что, несмотря на сострадание, вызванное его раной, девушка вновь рассмеялась.

Бедный юноша бросил на сестер взгляд, полный укора и мольбы, а на ресницах блеснули две крупные слезы.

В то же мгновение он порывистым движением отбросил смоченный прохладной водой платок, который Мари положила ему на лоб.

— Да что это вы такое делаете? — спросила Берта.

— Оставьте меня! — воскликнул молодой человек.— Я не желаю, чтобы обо мне заботились после того, как надо мной насмеялись. О! Как я теперь жалею, что не убежал отсюда, как я хотел вначале, рискуя пораниться в сто раз сильнее!

— Пусть будет так, но раз уж вам хватило благодарумия не сделать этого,— возразила Мари,— не теряйте

здорового смысла и сейчас, позвольте мне снова положить повязку на вашу рану

И, подобрав платок, девушка приблизилась к раненому с выражением такого глубокого сочувствия, что он, покачав головой не в знак отказа, а в знак покорности, ответил:

— Поступайте, как вам угодно, мадемуазель.

— О! О! — воскликнула Берта, от которой не укрылась смена настроения на лице юноши.— Для охотника вы, сударь, что-то уж слишком чувствительны.

— Прежде всего, мадемуазель, я вовсе не охотник, а сегодня, после того, что со мной случилось, я менее чем когда-либо расположен им стать.

— Тогда прошу меня простить,— сказала Берта все тем же насмешливым тоном, который так возмутил молодого человека,— но вы так ожесточенно сражались с шипами и колючками, а главное, с таким пылом натравливали наших собак, что позволительно было подумать, что вы по крайней мере стремитесь, чтобы вас называли охотником

— О, нет, мадемуазель, я поддался порыву, которого и сам не понимаю теперь, когда ко мне вернулось хладнокровие, и я сознаю всю правоту матушки, называющей нелепой и жестокой эту забаву, цель которой — наслаждаться и потешить свое тщеславие муками и смертью беззащитного животного

— Поосторожнее, сударь! А не то нам, находящим удовольствие в этой нелепой и жестокой забаве, вы покажетесь лисой из басни,— сказала Берта.

В это мгновение Мари, снова намочив платок в ручье, собралась во второй раз положить его на голову юноши.

Но раненый оттолкнул ее.

— Ради всего святого, мадемуазель,— сказал он.— Избавьте меня от ваших забот. Разве вы не видите, что ваша сестра продолжает надо мной издеваться?

— Прошу вас, успокойтесь,— попросила Мари так мягко, как только могла

Однако юноша, не поддавшись обаянию этого мягкого голоса, поднялся на одно колено, явно намереваясь встать и уйти.

Это упрямство, присущее скорее ребенку, чем мужчине, рассердило вспыльчивую БERTУ, и ее нетерпение, вызванное таким похвальным чувством, как человечность,

излилось, однако, в выражениях, чересчур сильных для особы ее пола.

— Черт возьми! — воскликнула она так же, как ее отец в сходных обстоятельствах — Так этот гадкий мальчишка не желаешь слушаться? Ты перевязывай, Мари, а я буду держать его — черта с два он у меня пошевелит рукой.

В самом деле, Берта схватила молодого человека за запястья с такой неожиданной для девушки силой, что все его попытки освободиться оказались тщетными, и это облегчило Мари ее задачу: она, наконец, сумела наложить на рану платок.

После того как Мари оказала первую помощь, будто ученица Дюпюитрена или Жюбера, Берта сказала:

— В таком состоянии, сударь, вам уже нетрудно будет добраться до дому; поэтому можете поступить так, как хотели вначале, и убраться отсюда восвояси, даже не надо нас благодарить. Вы свободны.

Однако, несмотря на данное ему разрешение, несмотря на возвращенную ему свободу, молодой человек не двинулся с места.

Казалось, бедняга был безмерно удивлен и в то же время глубоко унижен тем, что он, такой слабый, оказался во власти двух таких сильных женщин; он переводил взгляд с Берты на Мари и с Мари на Берту, не зная, что им сказать в ответ.

В конце концов он не придумал иного способа выйти из затруднительного положения, кроме как закрыть лицо руками.

— Боже! — с беспокойством воскликнула Мари — Неужели вам плохо?

Молодой человек не ответил.

Берта осторожно отвела руки от лица и, увидев, что он плачет, стала сразу такой же мягкой и сострадательной, как ее сестра.

— Выходит, вы ранены серьезнее, чем кажется на первый взгляд, и вам очень больно, раз вы так плачете? — спросила Берта — В таком случае, садитесь либо на мою лошадь, либо на лошадь сестры, и мы с Мари доведем вас до дома.

Но юноша решительно покачал головой в знак отказа.

— Послушайте, — настоятельно сказала Берта, — не будьте ребенком. Мы обидели вас, но разве могли мы

предположить, что вместо охотника встретим чувствительного, как девушка, юношу? Как бы там ни было, мы признаем, что были не правы, и просим принять наши извинения; может быть, мы делаем это не совсем так, как положено, но вам следует учесть всю необычность того, что происходит, и уяснить себе, что чистосердечие — это все, что можно ожидать от двух девушек, к которым неблагосклонно Небо, чтобы посвящать все свое время нелепому развлечению, которое имеет несчастье не нравиться вашей достопочтимой матушке. Ну как, вы все еще сердитесь на нас?

— Нет, мадемуазель,— ответил молодой человек.— Я зол лишь на себя самого.

— Отчего же?

— Не знаю, что вам сказать... Быть может, мне стыдно, что я, мужчина, оказался слабее вас; а быть может, меня просто терзает мысль о том, что меня ждет дома, как мне объяснить матушке, откуда у меня эта рана?

Сестры переглянулись: их, женщин, ни за что не поставила бы в тупик такая безделица; однако, как ни хотелось им рассмеяться, на сей раз они сдержались, понимая, с каким нервным и впечатлительным человеком имеют дело.

— Ну что ж,— сказала Берта,— если вы на нас не сердитесь, пожмите мне руку, и расстанемся, как недавние, но добрые друзья.

И она протянула раненому руку так же, как мужчина протянул бы мужчине.

А он, со своей стороны, собирался, наверно, сделать то же самое, как вдруг Мари подняла палец, призывая всех к вниманию.

— Шшш! — шепнула Берта.

И вместе с сестрой стала прислушиваться, а рука ее замерла в воздухе, не дотянувшись до руки молодого человека.

Издали, но быстро приближаясь, послышался громкий, заливистый, долгий лай: так лают гончие, предвкушая раздел добычи.

Это были собаки маркиза де Судэ: в отличие от Берты и Мари у них не было причин оставаться на изрытой дороге, и потому они понеслись за подстреленным зайцем, и теперь гнали его назад.

Берта схватила ружье молодого человека, правый ствол которого был не заряжен.

Хозяин ружья сделал предостерегающий жест, но улыбка девушки успокоила его.

Она быстро проверила шомполом заряд в левом стволе, как делает всякий предусмотрительный охотник, воспользовавшийся ружьем, которое заряжено не им; убедившись, что все в порядке, она сделала несколько шагов вперед и вскинула ружье с легкостью, свидетельствовавшей, насколько привычно ей это движение.

Спустя мгновение заяц выскочил из изгороди, на сей раз с противоположной стороны, собираясь, очевидно, снова бежать тем же путем, но, заметив наших героев, одним прыжком повернулся, чтобы бежать назад.

Как ни стремительно было это движение, Берта успела прицелиться; прогремел выстрел, заяц скатился по склону и упал замертво посреди дороги.

Тем временем Мари по примеру сестры подала руку молодому человеку.

Несколько секунд они стояли в ожидании, держась за руки.

Берта подобрала зайца и подошла с ним к незнакомцу, все еще не выпускавшему руки Мари.

— Вот, сударь, ваше оправдание,— сказала она.

— То есть как?

— Вы скажете, что заяц выскочил у вас из-под ног; скажете, что выстрелили сами, не зная как, в безотчетном порыве, затем торжественно попросите прощения у матушки и поклянетесь, как только что клялись нам, что это с вами никогда не повторится. А заяц будет смягчающим вину обстоятельством.

Юноша уныло покачал головой.

— Нет,— сказал он.— Я ни за что не осмелюсь признаться матушке, что я ее ослушался.

— Значит, она вообще запретила вам охоту?

— Разумеется!

— Так вы браконьер! — воскликнула Берта.— Вы начинаете с того, чем другие кончают. Сознаться по крайней мере, что делаете это по призванию.

— Не надо шутить, мадемуазель; вы были так добры ко мне, что я не смогу больше сердиться на вас: в результате причиненная вами боль мучает меня больше, чем раньше.

— Тогда, сударь, вам остается одно из двух: либо солгать, что вы совсем не хотите, а мы вам не советуем, либо честно во всем признаться. Поверьте, как бы ваша досточтимая матушка ни относилась к избранному вами развлечению, ваша искренность обезоружит ее. В конце концов не такое уж это преступление: подстрелить зайца.

— Все равно, мне не хватит духу!

— О! Верно, ваша досточтимая матушка очень сурова с вами? — спросила Берта.

— Нет, мадемуазель, она очень добра и ласкова со мной, она идет навстречу всем моим желаниям, предупреждает все мои прихоти, но когда дело доходит до того, чтобы позволить мне дотронуться до ружья, она становится неумолима. Да это и понятно, — со вздохом сказал молодой человек, — мой отец погиб на охоте.

Обе девушки вздрогнули.

— В таком случае, сударь, — произнесла Берта, которая стала столь же серьезной, как и тот, к кому она обращалась, — наши шутки были особенно неуместны, а наши сожаления будут особенно глубокими. И я надеюсь, что вы забудете о шутках и запомните только сожаления.

— Я буду помнить, мадемуазель, лишь об участии, о помощи, которую вы пожелали мне оказать, и я, в свою очередь, надеюсь, что вы забудете мои детские страхи и глупую обидчивость.

— Напротив, сударь, мы все запомним, — возразила Мари, — чтобы никогда больше не поступать с человеком так несправедливо, как мы поступили с вами, и притом с такими неприятными последствиями.

Пока Мари все это говорила, Берта села на лошадь.

Молодой человек во второй раз робко протянул руку Мари.

Мари коснулась ее кончиками пальцев и, в свою очередь, легко вскочила в седло.

Затем, подзвав собак, которые прибежали на зов и окружили их, сестры прищипорили коней и ускакали.

Раненый молча и недвижно смотрел вслед двум девушкам, пока они не скрылись за поворотом. Потом уронил голову на грудь и впал в глубокую задумчивость.

Останемся вместе с новым героем нашего повествования, с которым нам следует познакомиться поближе.

VII ГОСПОДИН МИШЕЛЬ

Все случившееся произвело на молодого человека столь сильное впечатление, что, когда обе девушки скрылись из виду, ему показалось, будто он очнулся от сна.

Это и понятно: ведь он был в том возрасте, когда даже те, кому в зрелые годы суждено стать людьми положительными, платят неизбежную дань романтике; и встреча с двумя девушками, столь непохожими на других, перенесла его в фантастический мир юных грез, где воображение могло витать на воле в поисках волшебных замков, построенных руками фей, которые рушатся по мере того, как мы продвигаемся вперед в этой жизни.

Это не означает, однако, что молодой человек влюбился в одну из амазонок, просто его поразило это сочетание красоты, утонченности, любезного обращения и грубоватых, чисто мужских хваток.

Он дал себе слово, что непременно увидится с ними или по крайней мере узнает, кто они такие.

Казалось, небу было угодно тут же удовлетворить его любопытство: направившись домой, шагах примерно в пятистах от того места, где произошла вышеописанная сцена, он встретил человека в длинных кожаных гетрах, у которого поверх блузы на перевязи висели охотничий рог и карабин, а в руке он держал хлыст.

Этот человек шел быстрым шагом и был, по-видимому, сильно не в духе.

Судя по всему, это был егерь, с кем охотились девушки.

И молодой человек, приветливо улыбнувшись, обратился к нему:

— Друг мой, вы, должно быть, ищите двух девушек: одну верхом на караковом жеребце, другую — на рыжей кобыле?

— Во-первых, сударь, я вам вовсе не друг, потому как мы с вами незнакомы, во-вторых, я ищу не двух девушек, а моих собак, — грубо ответил человек в блузе. — Какой-то дурень отвлек их от преследования и направил по следу зайца, которого он перед тем упустил, как и положено такому горе-охотнику.

Юноша закусил губу.

А человек в блузе, в котором читатели, вероятно, уже узнали Жана Уллье, продолжал:

— Ну да, я наблюдал за происходившим с пригорка Бенаст, а когда волк повернул назад, чтобы сбить собак со следа, я спустился вниз; с радостью отдал бы награду, которую обычно жалует мне господин маркиз де Судэ, лишь бы пройтись хлыстом по спине этого невежи!

Тот, к кому он обращался, счел неуместным и дальше играть роль, взятую на себя вначале, и из всей язвительной речи Жана Уллье, которую выслушал, словно она к нему не имела никакого отношения, обратил внимание лишь на одно слово.

— А! — воскликнул он. — Так вы человек маркиза де Судэ?

Жан Уллье исподлобья взглянул на своего незадачливого собеседника.

— Я сам по себе, — ответил старый вандеец, — а у маркиза хожу за собаками, и столько же для собственного удовольствия, сколько для того, чтобы помочь хозяину.

— Странное дело, — заметил молодой человек, как будто обращаясь к самому себе, — за все шесть месяцев, что я живу у матушки, мне ни разу не доводилось слышать, что маркиз де Судэ был женат.

— Коли так, сударь мой, — перебил его Жан Уллье, — считайте, что узнали от меня, а если вам это не по нраву, вы от меня еще кое-что узнаете, понятно?

И, произнеся эти слова с непонятной для собеседника угрозой, Жан Уллье, не заботясь больше о расположении духа, в каком останется его собеседник после встречи с ним, круто повернулся и, прервав разговор, быстро зашагал по Машкульской дороге.

Оставшись один, молодой человек сделал еще несколько шагов в направлении, в котором двигался после того, как расстался с девушками, прежде чем свернуть налево и пойти напрямик через поле.

В поле пахал крестьянин.

Это был человек лет сорока, выделявшийся среди земляков смышленной и хитровой физиономией, свойственной уроженцам Нормандии; щеки у него были румяные, взгляд — быстрый и пронизательный; казалось, что он все время старался скрыть дерзкое выражение глаз тем, что беспрерывно моргал. Вероятно, он надеялся с по-

мощью этой уловки приобрести глуповатый или по крайней мере добродушный вид, обезоруживший недоверчивого собеседника; однако его насмешливый рот с приподнятыми уголками, похожий на рот Пана — бога лесов и пастбищ, выдавал, несмотря на все его усилия, наличие в его венах анжуйской и нормандской крови.

Хотя пахарь и видел, что молодой человек направляется прямо к нему, он не прекратил работу, ибо знал, сколько труда ему понадобится, чтобы заставить лошадей вновь бороздить эту твердую глинистую землю; поэтому он не выпустил из рук плужника, как будто был один, и только дойдя до конца борозды и повернув лицом упряжку и установив плуг для продолжения работы, он изъявил желание вступить в разговор, в то время как его лошади могли передохнуть.

— Ну что, — сказал он почти развязным тоном, — хорошо ли мы поохотились, господин Мишель?

Вместо ответа молодой человек снял с плеча охотничью сумку и бросил к ногам крестьянина.

Сквозь плотную сетчатую ткань тот заметил шелковистую желтоватую шерсть зайца.

— Ого! — сказал он. — Для начала совсем недурно, господин Мишель.

С этими словами он вытащил зайца из сумки, осмотрел его глазом знатока.

— Ах ты, дьявольщина! — воскликнул он, закончив осмотр. — Да он стоит три франка десять су, никак не меньше! Славный у вас получился выстрел, господин Мишель, вот что я вам скажу. И вам, должно быть, показалось куда интереснее свертывать из книг пыжи, чем читать их, как час назад, когда мы повстречались.

— Вот уж нет, мэтр Куртен, — ответил юноша. — Я все-таки больше люблю свои книги, чем ваше ружье.

— Может, вы и правы, господин Мишель, — ответил Куртен, по лицу которого промелькнула тень недовольства, — если бы ваш покойный батюшка был того же мнения, с ним бы ничего не произошло. Что до меня, то я, если б мне не надо было работать по двенадцать часов в сутки, охотился бы не только по ночам.

— Так, значит, вы по-прежнему посещаете ваш шалаш, Куртен? — осведомился молодой человек.

— Да, господин Мишель, время от времени, чтобы развлечься.

— Придется вам иметь дело с жандармами!

— Ба! Бездельники они, ваши жандармы. Не поймать им меня, слишком поздно просыпаются.

А затем, придав лицу то лукавое выражение, которое он обычно старался скрыть, добавил:

— Право же, господин Мишель, я в этих делах смыслю побольше, чем жандармы. Второго Куртена в наших краях не найдешь, и единственное средство помешать мне охотиться—это сделать меня егерем, как Жана Уллье.

Но Мишель ничего не ответил на этот прозрачный намек, а поскольку он не знал, кто такой Жан Уллье, то вторая половина фразы осталась для него столь же непонятной, как и первая.

— Вот ваше ружье, Куртен,—сказал он, протягивая его крестьянину.— Благодарю вас за то, что решились одолжить его мне. Намерения у вас были самые добрые, и не ваша вина, если я не нахожу, как все остальные люди, удовольствия в охоте.

— Надо попробовать еще разок, господин Мишель, надо войти во вкус: чем позже начнешь, тем больше будет успехов. Я слышал от любителей устриц, съедавших за обедом по тридцать дюжин, что до двадцати лет они и смотреть на них не могли. Выходите из замка с книгой, как сегодня утром, и госпожа баронесса ни о чем не догадается; зайдите к папаше Куртену на его поле—ружьешко всегда будет в вашем распоряжении и, коли работа терпит, я подниму для вас дичь. А сейчас пойду поставлю ружье в козлы.

Козлами папаша Куртен назвал живую изгородь, отделявшую его поле от соседского.

Он засунул ружье, прикрыв его листвою и расправив колючие ветки ежевики и терновника так, чтобы скрыть от глаз прохожих, а заодно предохранить от дождя и сырости—двух опасностей, которые не страшат настоящего браконьера до тех пор, пока у него не перевелись тряпки и свечные огарки.

— Куртен,—начал Мишель, стараясь казаться как можно безразличнее,—вы знали, что маркиз де Судэ был женат?

— Ей-богу, нет, не знал,—ответил крестьянин.

Добродушный вид юноши ввел в заблуждение Куртена.

— И что у него есть две дочери? — продолжал он

Куртен, все еще возившийся с ружьем и заканчивавший переплетать непослушные терновые ветки, живо обернулся и уставился на молодого человека таким пытливым взором, что тот, хотя вопрос и был вызван простым любопытством, вспыхнул до корней волос.

— Выходит, вы встретили Волчиц? — спросил Куртен.— В самом деле, я слышал рог старого шуана.

— Кого вы называете Волчицами, Куртен? — спросил Мишель.

— Я называю Волчицами незаконнорожденных дочерей маркиза, кого же еще?

— Этих двух девушек вы называете Волчицами?

— Черт возьми, да у нас тут все их так называют. Но вам-то невдомек, раз вы приехали из Парижа.

Грубость, с какой мэтр Куртен высказался о девушках, привела робкого молодого человека в такое замешательство, что он, сам не зная почему, решил солгать.

— Нет, я их не встретил,— сказал он.

Куртен что-то заподозрил, услышав ответ молодого человека.

— Тем хуже для вас,— заметил он,— ведь это две славненькие барышни: и на вид хороши, и с ними приятно поговорить.

Затем он взглянул на Мишеля, как обычно, помаргивая глазами.

— Говорят, они чересчур смешливы,— продолжал он,— да ведь девчонкам так и положено, верно, господин Мишель?

Не понимая причины, молодой человек почувствовал, что сердце его больно сжалось, когда этот неотесанный крестьянин с оскорбительным добродушием отозвался о двух очаровательных амазонках, с которыми он расстался, полный восхищения и глубокой благодарности.

Отгорчение молодого человека отразилось на его лице

Теперь Куртен уже не сомневался, что Мишель встретился с Волчицами, как он их называл; а оттого, что молодой человек это отрицал, результат встречи представился ему гораздо более серьезным, чем был на самом деле.

Не вызывало сомнения, что маркиз де Судэ только что побывал в окрестностях Ложери, и казалось вполне

вероятным, что Мишель видел Мари и БERTУ — на охоте отец редко обходился без них; возможно, юноша не только виделся, но и говорил с ними. А согласно мнению, сложившемуся у местных жителей о сестрах Судэ, беседа с ними не могла стать ничем иным, кроме как началом любовной интрижки.

В результате умозаключений Куртен, привыкший мыслить логически, пришел к выводу, что с его молодым хозяином ничего другого произойти не могло.

Мы сказали «молодым хозяином», потому что Куртен обрабатывал полоску земли во владениях Мишеля.

Но труд земледельца был недостоин Куртена; он мечтал о должности егеря при баронессе и ее сыне.

Поэтому хитрый крестьянин стремился во что бы то ни стало расположить к себе молодого хозяина.

Он потерпел неудачу, подговаривая его не слушаться матери, запретившей сыну охоту. А сейчас ему показалось, что если он станет поверенным в любовных тайнах хозяина, то приблизится к заветной цели. По тени недовольства, промелькнувшей на лице Мишеля, он понял, что сделал ошибку, повторив злые измышления о двух амазонках, и теперь решил поправить дело.

Мы уже видели, как он попытался сгладить неприятное впечатление от своих слов.

Он решил продолжать в том же духе.

— В сущности,— заметил он с плохо разыгранным добродушием,— злые языки всегда преувеличивают, особенно если речь идет о молодых девушках. Мадемуазель Берта и мадемуазель Мари...

— Их зовут Мари и Берта? — живо отозвался молодой человек.

— Да, Мари и Берта. Мадемуазель Берта — та, что брюнетка, а мадемуазель Мари — блондинка.

Он посмотрел на Мишеля со всей пытливостью, на какую только был способен, и ему показалось, что при упоминании Мари молодой человек слегка покраснел.

— Я сказал,— продолжил настойчивый крестьянин,— что мадемуазель Мари и мадемуазель Берта любят охоту, но ведь это человека не портит, ибо покойный кюре из Бенаста был завзятый браконьер, а его мессы не ста-

ли хуже от того, что его собака сидела в ризнице, а ружье лежало за алтарем.

— Во всяком случае,— ответил Мишель, забыв, что недавно отрицал свою встречу с девушками,— во всяком случае, они выглядят кроткими и добрыми, особенно мадемуазель Мари.

— Они и в самом деле такие, господин Мишель, кроткие и добрые! Когда в прошлом году стояла душная жара, и болотная лихорадка унесла столько жизней, кто ухаживал за больными, да притом беспрекословно, в то время как врачи, аптекари и им подобные вплоть до ветеринаров пустились наутек? Волчицы, как их все называют. О, эти девушки не из тех, кто занимается богоугодными делами напоказ. Нет, они украдкой заходят в дома нуждающихся, они дают милостыню и собирают благословения. И потому, хотя богатые их ненавидят, хотя знатные им завидуют, можно смело сказать: бедные стоят за них горой.

— Почему же о них сложилось такое нелестное мнение? — спросил Мишель.

— Э! Разве узнаешь? Разве кому-нибудь это важно? Разве кто-нибудь об этом задумывается? Видите ли, господин Мишель, люди, прощу прощения, они вроде как птицы: если заводится среди них какая хилая да недужная, они все на нее кидаются и выщипывают перья. Точно могу сказать вам только одно: к этим бедным девушкам люди их круга поворачиваются спиной и нелестно отзываются о них. Взять хотя бы вашу матушку, господин Мишель, вот уж добрая женщина, верно? А коли попробуете заговорить с ней об этих девушках, она, даю вам слово, ответит, как все: «Это потаскушки!»

Однако, несмотря на резкую перемену во взглядах Куртена, Мишель, казалось, был не расположен открывенничать; что до самого Куртена, то он, со своей стороны, счел, что за один раз достаточно подготовил почву для доверительных бесед, о которых мечтал. Видя, что Мишель собрался уходить, Куртен проводил его до края своего поля.

Пока они шли, он заметил, что молодой человек часто посматривал в сторону темневшего вдали Машкульского леса.

VIII

БАРОНЕССА ДЕ ЛА ЛОЖЕРИ

Мэтр Куртен почтительно поднимал перед молодым хозяином поперечину, закрывавшую вход на его поле, когда из-за живой изгороди послышался женский голос, позвавший Мишеля по имени.

При звуке этого голоса молодой человек вздрогнул и застыл на месте.

В то же мгновение особа, которой принадлежал этот голос, показалась у забора, отделявшего поле мэтра Куртена от соседнего.

Это была дама лет сорока — сорока пяти. Попробуем описать ее нашим читателям.

Лицо у нее было самое заурадное и не выделялось ничем, кроме жеманно-высокомерного выражения, которое составляло разительный контраст с ее вульгарными манерами. Ростом она была невелика, к тому же пухленькая. Одета в шелковое платье, слишком роскошное для того, чтобы гулять по полям, голову ее прикрывала шляпа с широкой, развевающейся батистовой оборкой, падавшей ей на лицо и на шею. В остальном туалет ее был столь изыскан, что можно было подумать, будто она недавно побывала с визитом на улице Шоссе-д'Антен или в предместье Сент-Оноре.

Это и была та самая особа, чьи упреки заранее вызывали страх у бедного молодого человека

— Что такое? — воскликнула она. — Вы здесь, Мишель? Право же, друг мой, в вас очень мало благоразумия и вы недостаточно почтительны к вашей матери! Вот уже больше часа, как вас ждут за столом в замке; вы знаете, что самое главное для меня, чтобы обед начинался вовремя, — и вот я нахожу вас здесь за разговором с этим мужланом!

Вначале Мишель пробормотал какие-то извинения, но тотчас его мать заметила то, что не заметил Куртен — или, быть может, предпочел обойти вниманием, чтобы не задавать лишних вопросов, а именно: голова молодого человека была обвязана платком, с пятнами крови, которые не могли скрыть даже очень широкие поля соломенной шляпы.

— Боже мой! — воскликнула она, повышая свой и без того достаточно пронзительный голос. — Вы ранены! Что

с вами случилось? Говорите, несчастный! Вы же видите, что я умираю от беспокойства.

Тут мать молодого человека перелезла через плетень с таким проворством и, главное, с легкостью, какую никто бы не мог ожидать от особы ее возраста и телосложения, и, очутившись рядом с Мишелем, сняла с него шляпу и платок, прежде чем он успел помешать ей.

Рана, с которой сорвали повязку, снова начала кровоточить.

Господин Мишель, как называл его Куртен, не предполагавший, что мать столь быстро узнает о его приключении, чего он ожидал с таким страхом, совершенно растерялся и не знал, что ответить.

Мэтр Куртен пришел к нему на помощь.

По замешательству своего молодого хозяина лукавый крестьянин догадался, что тот, не желая сознаваться матери в своем проступке, в то же время не решался на обман; у него, Куртена, не было таких нравственных устоев, как у молодого человека, и он с готовностью взял на себя грех, который Мишель в своем простодушии не решался совершить.

— О, госпоже баронессе не стоит беспокоиться! Это пустяк,— сказал он,— совершенный пустяк.

— Но все-таки, что же с ним такое произошло? Ответьте за него, Куртен, раз уж этот господин так упорно хранит молчание.

И в самом деле, молодой человек не произнес ни слова.

— Сейчас узнаете, госпожа баронесса,— ответил Куртен.— Надо вам сказать, что у меня здесь лежали обрезанные ветки; они были чересчур тяжелы, и одному бы мне не унести их на плечах; господин Мишель по доброте своей помог мне, и какой-то сук из этой проклятушей охапки, как видите, оцарапал ему лоб.

— Но это не просто царапина! Вы могли выколоть ему глаз! В другой раз, мэтр Куртен, поищите себе ровню, чтобы поднимать ваши ветки, понятно? Не говоря уже о том, что вы чуть не искалечили этого ребенка; ваш поступок сам по себе совершенно недопустим!

Мэтр Куртен смиренно опустил голову, как бы сознавая всю тяжесть содеянного; однако это не помешало ему заметить все еще лежавшую на траве охотничью

сумку и ловко рассчитанным пинком отправить зайца под ту же изгородь, где уже было спрятано ружье.

— Идемте же, господин Мишель,— сказала баронесса, настроение которой нисколько не улучшилось от покорности крестьянина,— идемте же, мы покажем вашу рану врачу.

Пройдя несколько шагов, она обернулась.

— Между прочим, мэтр Куртен, я еще не получила деньги, которые вы должны были мне выплатить к дню Св. Жана, а срок аренды у вас истекает на Пасху. Имейте в виду, я твердо решила не возобновлять договор с арендаторами, которые неаккуратно выполняют свои обязательства.

Физиономия мэтра Куртена стала еще более жалкой, чем была всего за несколько минут до этого; вскоре, однако, он повеселел: пока мать перелезала через изгородь, притом не так проворно, как в первый раз, сын едва слышно произнес два слова:

— До завтра!

И поэтому, несмотря на только что прозвучавшую угрозу, он бодро взялся за рукоятки плуга и снова повел его по борозде, в то время как его господа возвращались в замок; и потом весь вечер подбадривал лошадей, напевая им «Парижанку», весьма модный в те годы патриотический гимн.

Пока мэтр Куртен на радость своим лошадам распевает патриотический гимн, скажем несколько слов о семействе Мишель.

Вы уже видели сына, любезные читатели, вы видели мать.

Мать была вдовой одного из военных интендантов, кто за счет государства сумел в короткий срок нажить значительное состояние, следуя за императорской армией, и которым солдаты дали меткую кличку Рис-хлеб-соль.

Звали интенданта Мишелем; он был уроженцем Майенны, сыном простого крестьянина и племянником сельского учителя, который, добавив к бесплатным урокам чтения и письма некоторые наставления в арифметике, определил будущность своего племянника.

Взятый в армию по первому призыву в 1791 году, Мишель начал службу в 22-й полубригаде без всякого воодушевления; этот человек, которому впоследствии суж-

дено было стать непревзойденным финансистом, уже успел взвесить шансы «за» и «против» быть убитым или произведенным в генералы. И поскольку результаты этих подсчетов оказались не слишком утешительными, он благодаря своему красивому почерку ухитрился получить место в штабной канцелярии. Эта удача доставила ему такое же удовлетворение, какое другой получил бы при продвижении по службе.

Словом, военные кампании 1792 и 1793 годов Мишель-старший провел в надежном укрытии.

Летом 1793 года генерал Россиньоля, посланный успокоить или истребить Вандею, случайно разговорился в штабе с писарем Мишелем и, узнав от него, что он родом из восставшего края и что все его друзья сражались на стороне вандейцев, решил воспользоваться такой благоприятной возможностью. Он выхлопотал Мишелю бессрочный отпуск и отправил его домой с единственным условием: вступить в войско шуанов и время от времени оказывать генералу те же услуги, какие господин де Морепа оказывал Людовику XV, то есть сообщать свежие новости. Мишель, найдя в этом задании большие материальные выгоды, выполнял его с большим рвением и постоянством не только для генерала Россиньоля, но и для его преемников.

Переписка Мишеля с республиканскими генералами была в самом разгаре, когда в Вандею прибыл очередной командующий по имени Траво.

Результаты боевых действий армии во главе с генералом Траво широко известны, мы говорили о них в одной из первых глав нашей книги; впрочем, вот основные из них: вандейская армия разбита, Жолли убит, де Куэ-тю погиб в засаде, устроенной неизвестным предателем; наконец, Шаретт был взят в плен в Шаботьерском лесу и расстрелян на площади Виарм в Нанте.

Какую роль сыграл Мишель в перипетиях ужасной вандейской драмы? Быть может, у нас еще будет возможность узнать об этом; во всяком случае, после этих кровавых событий Мишель, неизменно получавший поощрения за превосходный почерк и большие способности к счету, поступил приказчиком в контору одного из крупнейших армейских интендантов.

Там ему удалось быстро выдвинуться; в 1805 году он

добился подряда на поставку обмундирования армии, отправлявшейся в Германию.

В 1806 году он поставил обувь для частей и подразделений, участвовавших в героической прусской кампании.

В 1809 году он получил должность интенданта армии, вступившей в Испанию.

А в 1810 году он женился на единственной дочери одного из своих коллег и, таким образом, удвоил свое состояние.

Кроме того, он облагородил свое имя, удлинив его: в те годы это было заветным желанием людей, чьи имена казались им чересчур короткими.

Вот как это произошло.

Тестем господина Мишеля был Батист Дюран, родом из деревушки Ложери, и, чтобы его не спутали с другим Дюраном, с которым ему часто приходилось сталкиваться по службе, стал называть себя Дюран де ла Ложери.

По крайней мере таков был предлог.

Он отдал свою дочь в один из лучших парижских пансионов, где при поступлении ее записали как Стефани Дюран де ла Ложери.

Женившись на дочери своего коллеги, интендант Мишель решил, что имя жены неплохо бы присоединить к его собственному, и стал называть себя Мишелем де ла Ложери.

Наконец, при Реставрации, купив за круглую сумму титул барона, занял подобающее место как среди финансовой, так и среди земельной аристократии.

Через несколько лет после возвращения Бурбонов, а точнее, году в 1819 или 1820-м барон Мишель де ла Ложери лишился своего тестя, почтенного Батиста Дюрана де ла Ложери.

Он оставил дочери, а следовательно, и зятю, свое поместье Ложери, находившееся, как уже можно было догадаться по некоторым подробностям в предыдущих главах, в пяти-шести лье от Машкульского леса.

Барон Мишель де ла Ложери, как настоящий сеньор, каковым он, впрочем, и являлся, решил прибыть в Ложери, вступить во владение поместьем и предстать перед своими вассалами. Барон Мишель был умным человеком; он мечтал заседать в палате депутатов, но для этого ему надлежало победить на выборах, а результаты

голосования зависели от его популярности в департаменте Нижняя Луара.

Прожив до двадцати пяти лет среди крестьян, за исключением двух или трех лет, когда он работал в бюро, ему было доподлинно известно, как следовало вести себя с сельскими жителями.

Правда, чтобы добиться заветной цели, ему надлежало сделать так, чтобы люди забыли о его неслыханной удаче.

Он постарался сойти, что называется, за славного малого, отыскал для этого нескольких товарищей по давним вандейским войнам, брал их за руку, со слезами на глазах вспоминал гибель бедного господина Жолли, бесценного господина де Куэтю и незабвенного господина Шаретта. Наведя справки и узнав о нуждах незнакомой ему сельской общины, он построил мост, который позволил установить транспортное сообщение между важнейшими городами департамента Нижняя Луара и департамента Вандея, привел в порядок три проселочные дороги, заново отстроил разрушенную церковь, сделал щедрые пожертвования сиротскому приюту и богадельне, и, услышав в ответ благодарности, нашел роль благодетеля столь приятной, что изъявил желание полгода проводить в столице, а остальное время жить в своем замке Ложери.

Наконец, уступая настойчивым просьбам жены, которая, оставшись в Париже, не разделяла охватившей его непреодолимой страсти к деревенской жизни и слала ему письмо за письмом, уговаривая побыстрее вернуться в столицу, барон Мишель назначил отъезд на понедельник, а накануне, в воскресенье, должна была состояться большая облава на волков в рощах Повриера и в лесу Гранд Ланд, где этих хищников водилось видимо-невидимо.

Это было еще одно богоугодное дело, совершаемое бароном де ла Ложери.

На этой охоте барон Мишель продолжал играть роль радушного хозяина; он позаботился о напитках: за загонщиками ехали две тележки с двумя бочонками вина, из которых мог пить каждый, кто хотел; к возвращению охотников он велел приготовить настоящий пир, на который были приглашены жители двух или трех деревень. Барон, отказавшись от лучшего места во время

облавы, пожелал тянуть жребий, как простой загонщик, и, когда ему досталось крайнее место в цепи, воспринял неудачу с благодушием, от чего все присутствовавшие пришли в восторг.

Охота была просто великолепной. Из загонных выбежали звери, и по ним раздавались такие мощные залпы, что казалось, будто шла небольшая война. Волков и кабанов кучей сваливали на тележку, на которых стояли бочонки с вином, не говоря уж о запретной дичи, вроде зайцев и косуль: их обстреливали на этой облаве так же, как на всякой другой охоте под видом не приносящих пользу зверей, и прятали в надежном месте, чтобы вернуться за ними с наступлением темноты.

Охотники были так опьянены успехом, что забыли о герое дня; и только когда прогремели последние выстрелы, они пришли к единодушному мнению, что не видели барона Мишеля с самого утра. Охотники в один голос утверждали, что после того, как барон участвовал в загоне, где по жребию ему выпало занять крайнюю позицию в цепи, они его не видели. Кто-то предположил, что барону наскучила охота или что он, чересчур увлекшись ролью радушного хозяина, вернулся в свой дом в Леже, чтобы проверить, все ли готово к приему гостей.

Приехав в Леже, охотники барона там не обнаружили. Самые беспечные среди них сели за стол без хозяина. Однако человек пять или шесть, томимых мрачными предчувствиями, вернулись в Повриерский лес и, прихватив фонари и факелы, отправились на поиски.

После двух часов бесплодного блуждания по лесу его нашли во рву у второго загона.

Он был мертв: пуля попала прямо в сердце.

Смерть барона наделала много шума. Прокуратура Нанта завела уголовное дело, был арестован стрелок, располагавшийся во время облавы рядом с барьером. Но он заявил, что находился на расстоянии ста пятидесяти шагов от убитого и вдобавок между ними еще был участок леса: поэтому он ничего не видел и не слышал. Кроме того, было установлено, что из ружья этого крестьянина за весь день не было сделано ни одного выстрела. Наконец, с того места, где был стрелок, можно было попасть в жертву только справа, а барону Мишелю пуля угодила в сердце с левой стороны.

Таким образом, следствие зашло в тупик. Оставалось только все свалить на несчастный случай; по-видимому, как это часто бывает на облавах, бывшего интенданта сразила шальная пуля, безо всякого злого умысла выпущенная из чьего-то ружья.

Однако по округе поползли слухи о свершившемся возмездии. Говорили, хотя и шепотом, словно из-под каждого куста дрока все еще могло выглянуть дуло шуанского ружья, что какой-то старый солдат Жолли, Куэтю и Шаретта заставил несчастного интенданта жизнью заплатить за предательство и гибель трех прославленных вождей восстания; но слишком многие желали бы сохранить все это в тайне, а потому обвинение в убийстве не будет выдвинуто никогда.

Итак, баронесса Мишель де ла Ложери осталась вдовой с единственным сыном на руках.

Баронесса представляла собой весьма распространенный тип женщины, чьи достоинства заключались в отсутствии недостатков. Пороки госпоже баронессе были совершенно чужды, страсти неведомы. Попав восемнадцатилетней девушкой под супружеское ярмо, она следовала за своим мужем, не сворачивая ни вправо, ни влево и даже не задавая вопроса, существует ли другая дорога; ни разу не пришло ей в голову, что женщина может взбунтоваться. Лишившись ярма, она испугалась обретенной свободы и ощутила безотчетную потребность в новых цепях. Эти новые цепи дала ей религия, и, подобно всем ограниченным умам, она погрузилась в фальшивое благочестие, казавшееся чрезмерным, но при этом вполне подвластным разуму.

Госпожа баронесса всерьез считала себя святой; она не пропускала ни одной мессы, соблюдала посты, неукоснительно выполняла все наставления церкви и страшно удивилась бы, если ей кто-то сказал, что она грешит с утра до вечера. А между тем это была чистая правда; если говорить, например, о христианском смирении, то баронессу де ла Ложери можно было бы чуть ли не ежеминутно уличать в нарушении заветов Спасителя, ибо ее аристократическая гордость, как бы мало она ни была оправдана, граничила с умопомешательством.

Мы видели, как наш деревенский хитрец, мэтр Куртен, называвший молодого хозяина просто господин Мишель, ни разу не забыл назвать его матушку баронессой.

Разумеется, госпожа де ла Ложери питала глубочайшее отвращение к тому миру и к тому времени, в которые ей довелось жить. Она не могла прочесть в газете отчет уголовной полиции, чтобы не обвинить и то и другое (и мир и время) в самой чудовищной безнравственности; послушать ее, так железный век начался в 1800 году. И потому главной ее заботой было уберечь сына от тлетворного влияния современных идей, воспитав его вдали от общества и связанных с ним опасностей. Она и слышать не хотела о том, чтобы отдать его в школу; даже учебные заведения иезуитов не внушали ей должного доверия, поскольку преподобные отцы слишком легко мирились со светскими обязанностями своих юных воспитанников. И если наследник баронского титула взял несколько уроков у посторонних людей, к чьим услугам все же пришлось прибегнуть, чтобы научиться тому, что должен знать и уметь молодой человек, занятия эти проходили не иначе, как в присутствии матери и по одобренной ею программе, ибо только она сама должна была руководить обучением сына как в практическом, так и теоретическом плане, обращая при этом особое внимание на привитие необходимых моральных качеств.

Только незаурядный ум, каким, на свое счастье, обладал юный барон, мог вынести эту десятилетнюю пытку и не тронуться.

Однако, как мы видели, она сделала сына слабым и бесхарактерным человеком, начисто лишенным той силы и упорства, какими должен обладать настоящий мужчина, как воплощение твердости, решимости и здравомыслия.

IX

ПОЗУМЕНТ И АЛЛЕГРО

Как и предполагал Мишель, и в особенности опасался, мать крепко отругала его.

Рассказ мэтра Куртена ее не убедил: рана на лбу ее сына вовсе не походила на царапины, оставленные какой-то колючкой.

Не зная, почему ее сын вдруг решил скрыть истинную причину происшествия, но чувствуя, что никакими расспросами ей не удастся добиться правды, она довольствовалась тем, что время от времени устремляла пристальный взор на загадочную рану, покачивая головой, вздыхая и морща строгое материнское чело.

Во время ужина молодому человеку было не по себе, он сидел, не поднимая глаз, и едва прикоснулся к еде; однако следует признать, что его смущал не только испытующий взгляд матери.

Между его опущенными ресницами и материнским взглядом словно бы непрестанно витали две тени.

Этими двумя тенями были Берта и Мари.

Надо признаться, о Берте Мишель думал с некоторым нетерпением, не зная на чем остановиться, к какому выводу прийти. Кто же была та амазонка, которая управлялась с ружьем как заправский охотник, умела перевязать рану не хуже хирурга, а если пациент сопротивлялся, удерживала его запястья своими белыми ручками точно так же, как бы это сделал своими мозолистыми ручищами Жан Уллье?

Но зато как прелестна была Мари с ее длинными белокурыми волосами и большими голубыми глазами! Как нежен был ее голос, как убедительно он звучал! С какой легкостью она прикасалась к ране, смывала кровь, накладывала повязку!

По правде говоря, Мишель вовсе не жалел, что поранился: если бы не эта рана, рассуждал он, у двух девушек не было бы причины заговорить с ним и позаботиться о нем.

Гораздо неприятнее самой раны были дурное настроение его матери и подозрения, которые не могли не появиться. Но гнев баронессы де ла Ложери со временем пройдет, а след в его сердце, оставленный недолгими мгновениями, которые он пережил, когда держал в своей руке ладонь Мари, не изгладится никогда.

Как всякое сердце, начинающее любить, но еще не уверенное в том, что любит, сердце молодого человека сейчас больше всего жаждало одиночества.

А потому, сразу же после ужина, улучив минуту, когда мать разговаривала с одним из слуг, он удалился, не слушая, что сказала мать, или, вернее, не вникая в смысл обращенных к нему слов.

А между тем к словам этим все же стоило прислушаться.

Госпожа де ла Ложери запретила сыну всякие прогулки или поездки в сторону Сен-Кристоф-дю Линьерон, где, как сказал ей слуга, свирепствовала лихорадка.

Она также приказывала выставить вокруг Ложери санитарный кордон, чтобы ни один житель зараженной деревни не мог проникнуть в замок.

Этот приказ следовало бы сразу же исполнить по отношению к молодой девушке, которая пришла просить у баронессы де ла Ложери помощи заболевшему отцу, охваченному первым приступом горячки.

Если бы Мишель не был так поглощен собственными мыслями, он, несомненно, прислушался бы к словам матери, ибо этот несчастный был мужем его кормилицы, арендатором Тенги, а фермерша, пришедшая просить о помощи, — его молочной сестрой Розиной, к которой он сохранил нежную привязанность.

Но в это мгновение взор юноши был обращен к замку Судэ, а та, о ком он думал, была очаровательная *волчица* по имени Мари.

Вскоре он забрел в самый дальний и самый глухой уголок парка.

Он взял с собой книгу как предлог для уединения и, пока не дошел до аллеи с высокими тенистыми деревьями, делал вид, будто прилежно читает; но тот, кто вздумал бы спросить у него название книги, привел бы его в большое замешательство.

Он уселся на скамью и погрузился в размышления.

О чем думал Мишель?

Ответ напрашивался сам собой.

Как ему снова увидеть Мари и ее сестру?

Встретиться с ними впервые ему помог случай, но произошел он лишь через полгода после его возвращения в родные края.

Выходит, ожидать пришлось долго.

А если он снова увидится с соседками только через шесть месяцев, что будет нестерпимо долго, учитывая состояние его души!

С другой стороны, завязать отношения с обитателями замка Судэ было отнюдь не простым делом.

Маркиз де Судэ, эмигрант 1790 года, и барон Мишель де ла Ложери, получивший дворянский титул при Империи, не испытывали друг к другу особенно теплых чувств.

И вдобавок, по тем немногим словам, которые Жан Улле успел сказать молодому человеку, незаметно было, чтобы он испытывал сильное желание продолжить с ним знакомство.

Оставались только обе девушки, проявившие к нему участие: грубоватое у Берты, ласковое у Мари; но как добраться до девушек, которые, правда, охотятся два-три раза в неделю, но никогда не выезжают из замка без отца и Жана Уллье?

Мишель намеревался прочесть один за другим все романы, какие только были в библиотеке замка, надеясь обнаружить в каком-нибудь из них простое и остроумное решение этой задачи: он опасался, что собственного ума ему будет недостаточно.

В этот момент он почувствовал, как кто-то осторожно тронул его за плечо; он вздрогнул и обернулся.

Это был мэтр Куртен.

Лицо достойного фермера излучало удовлетворение, которое он даже не пытался скрыть.

— Прошу прощения, господин Мишель,— сказал арендатор,— увидев, как вы сидите тут неподвижно, я решил, что это не вы, а ваша статуя.

— Теперь, Куртен, ты видишь, что это я.

— И очень тому рад, господин Мишель. Беспokoясь, я хотел узнать, чем для вас закончился разговор с госпожой баронессой.

— Она немножко поругала меня.

— О! Надо думать. А вы сказали ей про зайца?

— Нет, я поостерегся!

— А о *Волчицах*?

— О каких волчицах? — переспросил молодой человек, который был не прочь перевести разговор на эту тему.

— О Волчицах из Машкуле... Я вроде говорил вам, что так называют девушек из Судэ.

— Сам понимаешь, Куртен, если я умолчал о зайце, так уж о них — тем более! Полагаю, что собаки из Судэ и Ложери, как говорится, не охотятся вместе.

— Так или эдак,— продолжил Куртен с насмешливым видом, который, несмотря на все его усилия, ему не всегда удавалось скрыть,— но ежели ваши и их собаки не охотятся вместе, то вы сами можете поохотиться с их собаками.

— Что ты имеешь в виду?

— Вот, поглядите,— сказал Куртен, потянув за поводок и, можно сказать, выведя на сцену двух гончих.

- Что это? — спросил молодой барон.
- Что это? Позумент и Аллегро, что же еще!
- Но я не знаю, что такое Позумент и Аллегро.
- Собаки этого разбойника Жана Уллье.
- Зачем ты увел его собак?
- Я их у него не уводил, я их просто задержал.
- А по какому праву?
- По двум сразу: во-первых, по праву землевладельца, во-вторых, по праву мэра.

Куртен был мэром деревни Ложери, насчитывавшей два десятка домов, и чрезвычайно гордился этим.

— Может быть, ты объяснишь мне, в чем твои права, Куртен?

— Значит, так, господин Мишель: во-первых, я как мэр конфискую их потому, что они охотились в неположенное время.

— Я не знал, что бывает такое время, когда не положено охотиться на волков, а тем более маркизу де Судэ, который истребляет волков по воле...

— Вот и славно! Коли он егермейстер, пускай травит своих волков в Машкульском лесу, а не на равнине. Впрочем, вы же сами видели,— продолжал мэтр Куртен со своей лукавой улыбкой,— вы же сами видели, то была не волчья охота, раз они гнались за зайцем, да вдобавок одна из Волчиц этого зайца подстрелила.

У молодого человека чуть не сорвалось с языка, что ему неприятно слышать, как мадемуазель Судэ называют этим прозвищем, и что он просил бы никогда впредь его не повторять, однако он не осмелился выразить свою просьбу так откровенно.

— Застрелила его действительно мадемуазель Берта, Куртен, но сначала я ранил его своим выстрелом. Выходит, виноват я.

— Ну и ну! Как прикажете понимать ваши слова? Разве вам пришлось бы в него стрелять, если бы собаки не выгнали его на вас? Нет. Стало быть, это собаки виноваты в том, что вы стреляли в зайца, а мадемуазель Берта прикончила его. И потому я как мэр наказываю этих собак за то, что они под предлогом травли волков охотились за зайцем в неположенное время. Но это еще не все; уже наказав их как мэр, я наказываю их снова как землевладелец. Разве я позволял собакам маркиза охотиться на моих землях?

— На твоих землях, Куртен? — смеясь спросил Мишель. — По-моему, ты ошибаешься: они охотились на моих землях, а точнее, на землях моей матери.

— А это все едино, господин барон, поскольку эти земли арендую у вас я. Теперь, знаете ли, не тысяча семьсот восемьдесят девятый год, когда сеньорам было дозволено носиться с гончими по крестьянским полям и валить спелые хлеба, ничего не платя за это. Нет, нет и нет! У нас сейчас тысяча восемьсот тридцать второй год, господин Мишель, каждый хозяин на своем поле, и дичь принадлежит тому, у кого она кормится. И выходит, что заяц, которого травил собаки маркиза, принадлежит мне, поскольку он питался пшеницей, посеянной мной на землях мадам Мишель, и мне положено съесть этого зайца, подстреленного вами и добитого Волчицей.

Мишель вздрогнул, и Куртен краем глаза подметил это; однако молодой человек не решился открыто выразить свое недовольство.

— Не могу понять одну вещь, — сказал Мишель. — Как эти собаки, которые так натягивают поводок и, судя по всему, идут за тобой так неохотно, позволили тебе увести их?

— Э! — ответил Куртен. — Мне это было совсем не трудно. Вернувшись после того, как я поднял поперечину полевой изгороди перед вами и госпожой баронессой, я застал эту парочку за столом.

— За столом?

— Да, столом им служила изгородь, куда я спрятал зайца. Они нашли его и поужинали. Похоже, их не очень-то сытно кормят в замке Судэ и охотятся они для самих себя. Поглядите, что они сделали с моим зайцем.

Сказав это, Куртен вытащил из обширного кармана куртки заднюю часть зайца в качестве вещественного доказательства.

Голова и вся передняя часть исчезли бесследно.

— Подумать только, — добавил Куртен, — они успели повернуть это дельце, пока я провожал вас. У! Придется вам, голубчики, загнать нам не одного зайца, чтобы заставить меня забыть этого!

— Куртен, можно тебе кое-что сказать? — спросил молодой барон.

— Говорите, господин Мишель, не стесняйтесь.

— Видишь ли, будучи мэром, ты должен особенно строго соблюдать законы.

— Законы я знаю наизусть. Свобода! Общественный порядок! Разве вы не заметили, что эти слова написаны над входом в мэрию, господин Мишель?

— Что же, с тем большим основанием я могу сказать тебе, что твой поступок противозаконен и наносит ущерб свободе и общественному порядку.

— Как это? — спросил Куртен. — Разве собаки Волчиц не нарушают общественный порядок, охотясь на моих землях в неположенное время, и я не вправе их задерживать?

— Они не нарушают общественный порядок, Куртен; они задевают интересы частного лица, и ты вправе не задерживать их, а составить по этому поводу протокол.

— О! Это слишком долгая история; коли позволять собакам охотиться где попало и ограничиваться тем, что составлять на них протокол, то выйдет, что свобода у нас для собак, а не для людей.

— Куртен, — сказал молодой человек с некоторой напыщенностью, в большей или меньшей степени присущей всем людям, перелиставшим Свод законов, — ты совершаешь весьма распространенную ошибку, путая свободу с независимостью: независимость есть свобода людей, которые сами по себе несвободны, друг мой.

— Но что же такое тогда свобода, господин Мишель?

— Свобода, милейший Куртен, есть отказ каждого человека от собственного «я» во имя общего блага. Весь народ, как и отдельный гражданин, черпает свободу из общего источника независимости; мы обладаем свободой, Куртен, но лишены независимости.

— Эх! Я в этом не разбираюсь, — отвечал Куртен. — Я — мэр и землевладелец, у меня две лучшие гончие маркиза, Позумент и Аллегро, и я их не отпущу. Пускай, если угодно, он придет за ними, а я тогда у него спрошу, что он делает на сборищах в Торфу и в Монтегю.

— Что ты хочешь этим сказать?

— О! Мне все ясно.

— Может быть, но мне-то неясно.

— А вам без надобности, вы же не мэр.

— Да, но ведь я здешний житель, и мне хочется знать, что происходит вокруг.

— Что тут происходит, заметить нетрудно. Господа опять что-то замышляют, вот что происходит.

— Господа?

— Ну да, дворяне! То есть те, что... Ладно, умолкаю, хотя вы-то не из этих дворян.

Молодой человек вспыхнул до корней волос.

— Так ты говоришь, Куртен, дворяне что-то замышляют?

— А зачем бы им иначе устраивать сборища по ночам? Собирались бы они, бездельники, днем, чтобы поесть и выпить,— так на здоровье, это разрешается, и власти ничего не имеют против; но если люди собираются по ночам, у них явно не добрые намерения. Так или эдак, но пусть ведут себя смирно! Я с них глаз не спущу. Я здешний мэ́р, и если это не дает мне права задерживать собак, то зато позволяет отправлять людей за решетку. Я знаю, так написано в Своде законов.

— Говоришь, маркиз де Судэ посещает эти собрания?

— Ясное дело, как же ему их не посещать, этому старому шуану, бывшему адъютанту Шаретта! Пусть только явится сюда и потребует обратно своих собак, да, пусть только явится, я пошлю его в Нант вместе с его Волчицами! Пускай девицы там объяснят, с чего это у них появилась привычка носиться по лесу ночью.

— Но, Куртен,— сказал Мишель с живостью, причину которой нетрудно было угадать,— ты же сам говорил: если они ночью носятся по лесам, то только затем, чтобы оказывать помощь бедным больным.

Куртен отступил на шаг и со свойственным ему смешком указал пальцем на молодого хозяина:

— Эге! Вот я и поймал вас!

— Поймал меня? — покраснев, вымолвил молодой человек.— На чем же ты меня поймал?

— Вы к ним неравнодушны.

— Я?

— Да, да, да... О! Я вас за это не осуждаю, совсем напротив; они хотя и мадемуазели, однако, спору нет, прехорошенькие. Полноте, не краснейте. Вы же не в семинарии учились, вы не священник, не дьякон, не викарый, вы пригожий двадцатилетний юноша. Приступайте к делу, господин Мишель; если вы придетесь им не по вкусу в то время, как они сами пришли по вкусу вам, значит, вкус у них чересчур тонкий.

— Но, мой дорогой Куртен,— ответил Мишель,— если даже предположить, что ты сказал правду — а это не так,— то разве я знаком с ними? Разве я знаком с маркизом? Разве можно просто встретиться с двумя девушками верхом на лошадях, а потом вдруг явиться к ним в гости?

— Ах да, понимаю,— с ухмылкой заметил Куртен.— У них ведь в кармане ни су, а замашки господские. Тут нужен какой-нибудь случай, повод, предлог. Думайте, господин Мишель, думайте; вы человек ученый, говорите по-латыни и по-гречески, изучали Свод законов; вы должны найти выход.

Мишель покачал головой.

— Так! — сказал Куртен.— Вы думали и не придумали.

— Я этого не говорил,— живо отозвался молодой барон.

— Верно! Вы не говорили, зато я скажу... В сорок лет человек еще не так стар, чтобы не помнить время, когда ему было двадцать...

Мишель стоял молча, опустив голову; он чувствовал на себе сверлящий взгляд крестьянина.

— Ну что, так и не придумали никакого повода?.. А я вот придумал.

— Ты?..— воскликнул молодой человек, встрепенувшись.

Но тут же спохватился, что выдал свои самые сокровенные помыслы.

— С чего это, черт возьми, ты взял, будто мне хочется в замок? — спросил он, пожав плечами.

— А повод,— продолжал Куртен, словно его хозяин не попытался только что все отрицать,— а повод вот какой...

Мишель сделал равнодушное и рассеянное лицо, однако весь превратился в слух.

— Вы говорите Куртену: «Куртен, вы заблуждаетесь насчет ваших прав, вы не вправе задерживать собак маркиза де Судэ ни как мэра, ни как землевладелец; вы имеете право на возмещение убытков, но об этом возмещении можно договориться полюбовно». А на это Куртен вам отвечает: «О! Когда имеешь дело с вами, господин Мишель, всякие подсчеты ни к чему, все мы знаем вашу щедрость». А вы на это говорите: «Куртен, собак ты от-

дашь мне, а остальное уж мое дело». Я отвечаю: «Вот вам собаки, господин Мишель. Что до возмещения убытков, то тут ей-Богу дело можно уладить одним-двумя золотыми, никто не требует казни грешника». И тогда, знаете ли, вы пишете записочку маркизу. Вы нашли собак и отправляете маркизу, думая, что он о них беспокоится; по вашему приказу Рыжик или Ласка отведут их в замок. Тут уж ему нельзя будет не поблагодарить вас и не пригласить к себе... А может, даже для верности вам бы надо отвести их самолично.

— Хорошо, хорошо, Куртен,— сказал молодой барон,— отдай мне собак, я отошлю их маркизу, но не затем, чтобы он пригласил меня в замок.— Ты не прав в своих предположениях,— а потому, что с соседями надо жить в дружбе.

— Ну, тогда будем считать, что я ничего не говорил... Но все равно, мадемуазели Судэ — прехорошенькие девочки! А что касается возмещения убытков...

— Ах, верно,— улыбаясь, сказал молодой барон,— это более чем справедливо, вот тебе за ущерб, причиненный собаками, которые забежали на твою землю и наполовину съели зайца, убитого Бертой.

И он отдал арендатору все, что было у него в кошельке, то есть три или четыре луидора.

Его счастье, что там было так мало: окрыленный надеждой проникнуть в замок Судэ, он отдал бы Куртену вдвасятеро больше, оказался больше денег у него в кармане.

Куртен бросил оценивающий взгляд на несколько луидоров, которые получил в возмещение убытков, и, передав поводок молодому человеку, пошел восвояси.

Но, отойдя на несколько шагов, он повернул назад.

— А все же, господин Мишель,— сказал он, снова приблизившись к хозяину,— не надо вам водить дружбу с этими людьми. Запомните, что я вам рассказал о господах из Торфу и Монтегю: и двух недель не пройдет, как поднимется большой шум, господин Мишель, это я вам говорю.

И на этот раз удалился окончательно, напевая «Парижанку», к словам и мелодии которой питал особое расположение.

Молодой человек остался один с двумя собаками.

**ВСЕ СКЛАДЫВАЕТСЯ НЕ СОВСЕМ ТАК,
КАК ПРЕДСТАВЛЯЛ СЕБЕ БАРОН МИШЕЛЬ**

Сначала наш влюбленный собирался последовать первому совету Куртена, то есть отправить собак маркизу с Рыжиком или Лаской, слугами, работавшими на ферме и в замке; своими прозвищами, под которыми Куртен представил их нашим читателям, первый из них был обязан слишком яркому цвету шевелюры, а второй — сходством лица с мордочкой жирного зверька, героя одной из самых очаровательных басен Лафонтена.

Однако поразмыслив, молодой человек решил, что в этом случае маркиз де Судэ может ограничиться письменным изъявлением благодарности без всякого приглашения.

Если бы, на его несчастье, маркиз поступил именно так, возможность попасть в замок была бы упущена; пришлось бы ждать другого случая, а он выпадает не каждый день.

Если же, напротив, молодой человек отвел бы собак сам, его непременно пригласили бы: коль скоро ваш сосед был настолько любезен, что прошагал шесть или семь километров и самолично доставил вам собак, которых вы считали пропавшими, которыми вы дорожите, его нельзя отпустить просто так, не пригласив передохнуть или даже, если время позднее, переночевать в замке.

Мишель достал часы: они показывали начало седьмого.

Мы уже говорили, кажется, что госпожа баронесса Мишель сохранила, а точнее, переняла обычай обедать в четыре часа пополудни. В доме отца госпожи баронессы обедали в полдень.

Таким образом, у молодого барона было достаточно времени, чтобы сходить в замок, если бы он решился на это.

Но пойти в замок значило принять трудное решение, а решительностью, как мы уже сообщали читателю, Мишель не обладал.

Четверть часа ушло на мучительные колебания. К счастью, в начале мая солнце заходит только в во-

семь часов вечера; значит, до наступления темноты оставалось еще полтора часа.

Впрочем, приличия позволяли явиться в замок и в девятом часу.

Но девушки ведь целый день были на охоте, устали, вдруг они рано лягут спать?

А молодой человек желал повидаться вовсе не с маркизом де Судэ. Ради одного маркиза он бы не прошел шесть километров, тогда как для того, чтобы увидаться с Мари, мог бы, кажется, прошагать сотню лье!

Он решил, не мешкая, отправиться в путь.

Но тут молодой человек заметил, что он без шляпы.

Однако если бы он зашел домой за шляпой, то мог там натолкнуться на мать; начались бы расспросы: куда он идет? Чьи это собаки?

Шляпа была ему ни к чему, отсутствие шляпы легко объяснить поспешностью; скажем, ее унесло ветром или же зацепило веткой, и она покатилась в овраг, а он из-за собак не смог ее подобрать.

Отсутствие шляпы грозило куда меньшими затруднениями, чем возможное объяснение с баронессой.

Поэтому молодой человек ушел без шляпы, ведя на поводке собак.

Не успел он пройти нескольких шагов, как стало ясно: чтобы добраться до замка Судэ, ему не понадобится, как он рассчитывал, час с четвертью.

Как только собаки узнали дорогу, на которую свернул их вожатый, ему пришлось уже не тянуть их за собой, а удерживать.

Они учуяли псарню и натягивали веревку изо всех сил; если бы их впрягли в легкий экипаж, они домчали бы барона Мишеля за каких-нибудь полчаса.

Следуя за ними, молодой человек мог одолеть это расстояние за три четверти часа — надо было только бежать.

Поскольку нетерпеливое желание собак добраться до дома совпадало с его собственным, он не удерживал их.

Пробежав минут двадцать, они оказались в Машкульском лесу: это был самый короткий путь.

В лес можно было войти, поднявшись на довольно крутой пригорок.

Молодой барон легко взбежал на него, однако, очу-

тившись на вершине, почувствовал, что ему надо отдышаться.

Собаки же такой потребности не ощущали.

Они не скрывали желания продолжить путь.

Барон воспротивился этому желанию, выгнувшись всем телом назад, в то время как они тянули его вперед.

Согласно одному из основных законов механики, две равные силы уравнивают друг друга.

Молодой человек обладал недюжинной силой; ему удалось сдержать собак.

Воспользовавшись остановкой, он достал платок и вытер лоб.

Пока он вытирал лоб и наслаждался вечерней прохладой, ему показалось, что ветер донес издали чей-то призывный крик.

Не он один услышал этот крик: ответом ему послужил долгий тоскливый вой, какой издают обычно потевшие собаки.

И они с удвоенной силой начали рваться вперед.

Барон успел передохнуть, вытереть лоб, и теперь у него больше не было причин противиться желанию Позумента и Аллегро продолжить путь. Вместо того, чтобы откинуться назад, он наклонился вперед и побежал.

Шагов через триста снова послышался призывный крик, на этот раз ближе, а следовательно, отчетливее первого.

Собаки ответили на него лаем и еще яростнее рванулись вперед.

Молодой человек догадался, что кто-то ищет собак.

Еще через полкилометра в третий раз послышались те же звуки: зов человека, вышедшего на поиски, и ответ животных, которых он искал.

На этот раз Позумент и Аллегро рванулись с такой силой, что их вожатый, пытаясь угнаться за ними, был вынужден убыстрить шаг.

Минут пять он выдерживал этот бег, выбиваясь из сил, как вдруг на опушке леса показался какой-то человек, одним прыжком перепрыгнул через овраг и сразу очутился посреди дороги, преградив путь молодому барону.

Это был Жан Улье.

— Вот те на! — сказал он. — Стало быть, господин

Любезник, вы не только отвлекаете моих собак от волка, на которого я охочусь, и пускаете их по следу зайца, на которого охотитесь сами, вы еще даете себе труд вести их на поводке.

— Сударь,— произнес молодой человек, еле переводя дух,— сударь, если я веду этих собак на поводке, то для того лишь, чтобы иметь честь самолично отдать их господину маркизу де Судэ.

— Ага! Вот так, без шляпы, без лишних церемоний? Не трудитесь! Теперь, когда мы с вами встретились, я могу отвести их сам.

И, прежде чем господин Мишель успел помешать ему или даже разгадать его намерения, Жан Уллье вырвал у него из рук веревку и набросил ее собакам на шею, как набрасывают повод на шею лошади.

Почувствовав свободу, собаки опрометью понеслись по направлению к замку, а за ними, почти не отставая, побежал Жан Уллье, шелкая хлыстом и покрикивая:

— На псарню, негодники, на псарню!

Все это произошло так быстро, что собаки и Жан Уллье были уже в километре от барона, а он не успел еще прийти в себя.

Он так и остался, убитый горем, стоять посреди дороги.

Минут десять он простоял, раскрыв рот и не сводя глаз с поворота, за которым скрылись Жан Уллье и собаки, как вдруг в двух шагах от него раздался нежный и ласковый девичий голос:

— Боже праведный! Господин барон, что вы делаете здесь, на дороге, в такой час, с непокрытой головой?

Молодой человек весьма затруднился бы ответить, что он делал: он мысленно провожал свои надежды, которые улетали к замку Судэ и за которыми он не осмеливался последовать.

Он обернулся, чтобы увидеть, кто заговорил с ним.

И узнал свою молочную сестру, дочь арендатора Тенги.

— Ах, это ты, Розина,— сказал он.— А сама ты сейчас откуда?

— Увы, господин барон,— ответила девушка, едва сдерживая слезы,— я иду из замка Ложери, где госпожа баронесса приняла меня очень плохо.

— Как это так, Розина? Ты же знаешь, матушка тебя любит и оказывает тебе покровительство.

— В обычные времена — да, но не сегодня.

— Что значит «не сегодня»?

— Истинная правда! Всего час назад, никак не больше, она велела выгнать меня вон.

— Почему же ты не попросилась ко мне?

— Я попросилась, господин барон, а мне ответили, что вас нет дома.

— Как?! Меня не было в замке? Да я только что оттуда, дитя мое! Как бы ты быстро ни бежала, тебе не опередить меня, за это уж я ручаюсь!

— Ах! Быть может, так оно и есть, господин барон: видите ли, когда ваша досточтимая матушка прогнала меня, мне пришлось в голову пойти к *Волчицам*, но я решилась на это не сразу.

— А что ты собираешься просить у *Волчиц*?

Произнести это слово Мишелю стоило немалых усилий.

— То же самое, за чем приходила к госпоже баронессе: помощи моему бедному отцу, он очень болен.

— Болен чем?

— Лихорадкой, которую он подцепил на болотах.

— Лихорадкой? — переспросил Мишель. — Какой, тифозной?

— Не знаю, господин барон.

— А что сказал доктор?

— Эх, господин Мишель, доктор живет в Паллю; меньше, чем за сто су он и с места не сдвинется, а мы не так богаты, чтобы платить большие деньги за визит доктора.

— И моя мать не дала тебе денег?

— Говорю вам, она даже видеть меня не пожелала! «Лихорадка! — воскликнула она. — Ее отец болен лихорадкой, а она пришла в замок? Гоните ее прочь!»

— Этого не может быть.

— Я сама слышала, господин барон, уж больно громко она кричала; и потом, меня ведь действительно выгнали.

— Постой, постой, — заволновался молодой человек, — сейчас я дам тебе денег.

И сунул руку в карман.

Но, как мы помним, все, что у него было, он отдал Куртону.

— Боже! — воскликнул он. — Бедное мое дитя, у меня нет ни су! Вернемся вместе в замок, Розина, я дам тебе сколько нужно.

— О, нет! — ответила девушка. — Туда я не вернулась бы за все золото мира. Нет! Тем хуже, раз уж я решилась, пойду к *Волчицам*. Они сочувствуют чужому горю, они не выгонят бедную девушку, у которой отец при смерти и которая просит помощи.

— Но... — нерешительно возразил молодой человек. — Но ведь они, говорят, небогаты.

— Кто?

— Мадемуазели Судэ.

— О! Я не денег пойду у них просить... Они не милостыню подают: Господь свидетель, то что они делают, гораздо лучше.

— Что же они делают?

— Они приходят туда, где люди болеют, и, коли не могут вылечить больного, поддерживают умирающего и плачут вместе с теми, кто остался в живых.

— Да, — ответил молодой человек, — так они поступают при обычной болезни, но если это злокачественная лихорадка?..

— А разве они на это посмотрят? Разве добрые сердца разбирают, заразная эта хворь или нет? Видите, я сейчас иду к ним, верно?

— Да.

— Ну так вот, подождите здесь, через десять минут я вернусь с одной из сестер: она будет ухаживать за моим отцом. До встречи, господин Мишель. Ах! Никак не ожидала такого отношения от госпожи баронессы: выгнать, точно воровку, дочь вашей кормилицы!

И девушка удалилась, а молодой человек не нашелся, что ей ответить.

Но кое-что из сказанного девушки запало ему в душу.

Она сказала: «Подождите здесь, через десять минут я вернусь с одной из сестер».

Мишель твердо решил ждать; упустив один случай, он хотел воспользоваться другим.

А вдруг случится так, что вместе с Розиной придет Мари?

Но можно ли себе вообразить, чтобы восемнадцати-

летняя девушка, дочь маркиза де Судэ, вышла из дому в восемь часов вечера и отправилась за полтора лье ухаживать за бедным крестьянином, больным лихорадкой?

Это было не то что неправдоподобно, а попросту невымыслимо.

Розина думала о сестрах Судэ лучше, чем они были на самом деле, подобно тому, как все остальные относились к ним предвзято.

Да и можно ли поверить, чтобы набожная баронесса Мишель, которая приписывала себе все добродетели, какие только были на свете, повела себя в таких обстоятельствах прямо противоположно тому, как поступили две девушки, осуждаемые всей округой?

А если все произойдет, как предсказывала Розина, не будет ли это означать, что именно сестры Судэ и есть подлинные христианки?

Но, разумеется, ни одна из них не придет.

Молодой человек уже повторил себе это в десятый раз за десять минут, когда из-за поворота дороги, за которым исчезла Розина, показались две женские фигуры.

В одной из них, несмотря на сгущавшиеся сумерки, он узнал Розину; но сопровождавшая ее особа была неузнаваема под длинной накидкой.

Барон Мишель был в таком смятении, а сердце так трепетало, что у него подкосились ноги, он не смог и шагу сделать навстречу двум девушкам и ждал, когда они подойдут к нему.

— Ну, господин барон,— горделиво сказала Розина,— что я вам говорила?

— А что ты ему говорила? — спросила девушка в накидке.

У Мишеля вырвался вздох: этот твердый и решительный голос принадлежал Берте.

— Я говорила ему,— ответила Розина,— что у вас со мной не поступят так, как в замке Ложери, и не прогонят.

— Но ты, наверное, не сказала мадемуазель де Судэ, чем болен твой отец? — сказал Мишель.

— По всем признакам,— ответила Берта,— болезнь походит на тифозную горячку. Поэтому нельзя терять ни

минуты. это как раз та болезнь, которую надо начать лечить вовремя. Пойдете с нами, господин Мишель?

— Но, мадемуазель,— сказал молодой человек,— ведь тифозная горячка — заразная болезнь.

— Одни это утверждают, другие отрицают,— невозможно ответила Берта.

— Но тифозная горячка смертельна! — не унимался Мишель.

— Да, во многих случаях. Но бывает, что больные выздоравливают.

Молодой человек притянул Берту к себе.

— И вы хотите подвергнуться такой опасности? — спросил он.

— Разумеется.

— Ради какого-то неизвестного, чужого вам человека?

— Пусть нам он чужой,— с подкупающей мягкостью ответила Берта,— но кому-то он приходится отцом, братом, мужем. В этом мире нет чужих, господин Мишель, и разве судьба этого несчастного вам безразлична?

— Это муж моей кормилицы,— пробормотал Мишель.

— Вот видите,— заметила Берта,— вы были неправы, назвав его чужим.

— Но ведь я предлагал Розине вернуться вместе со мной в замок, я хотел дать ей денег, чтобы она пригласила врача.

— А ты отказалась и решила вместо этого обратиться к нам? — спросила Берта.— Спасибо, Розина.

Молодой человек был смущен. Ему приходилось много раз слышать о милосердии, но он никогда не видел, чтобы кто-то проявлял его. И вот оно вдруг явилось перед ним в облике Берты.

Он шел за девушками в задумчивости, поникнув головой.

— Если вы идете с нами,— сказала Берта,— то будьте так добры, господин Мишель, возьмите этот ящичек с лекарствами.

— Да, но господин барон с нами не пойдет,— сказала Розина.— Он знает, как госпожа баронесса боится любой заразы.

— Ошибаешься, Розина,— возразил молодой человек.— Я иду с вами.

И он взял ящичек, который протянула ему Берта.

Час спустя все трое подходили к хижине, принадлежавшей отцу Розины.

МУЖ КОРМИЛИЦЫ

Эта хижина стояла не в самой деревне, а несколько поодаль, примерно на расстоянии ружейного выстрела, на опушке. Она примыкала к рощице, куда выходила ее задняя дверь.

Папаша Тенги, как обычно называли отца Розины, был шуаном; в юности он участвовал в первой вандейской войне под началом знаменитых вождей: и Жолли, и де Куэтю, и Шаретта, и Ларошжаклена.

Он был женат и имел двоих детей. Старшим был сын, который служил в армии. Младшей была дочь Розина

После рождения каждого из них жена Тенги — как делают обычно бедные крестьянки — кормила грудью еще одного новорожденного ребенка.

Молочным братом юного Тенги был последний отпрыск знатного дворянского рода из Мэна; его звали *Анри де Бонвиль*, и вскоре он появится на страницах нашего романа.

А молочным братом Розины был, как мы уже знаем, Мишель де ла Ложери, одно из главных действующих лиц нашей драмы.

Анри де Бонвиль был двумя годами старше Мишеля, прежде мальчишки часто играли вдвоем у порога того дома, в который Мишелю предстояло теперь войти вслед за Розиной и Бертой.

Позднее они снова увиделись в Париже. Баронесса де ла Ложери всячески поощряла дружбу сына с молодым человеком, занимавшим благодаря своему имени и состоянию видное положение в западных провинциях.

Эти два младенца принесли в дом Тенги некоторый достаток. Но таков уж вандейский крестьянин — своего достатка он не показывает никогда.

Тенги представлялся бедняком себе в ущерб, и, как бы серьезно ни был болен, он не стал бы посылать в Паллю за врачом, чей визит обошелся бы ему в пять франков.

Впрочем, крестьяне вообще, а вандейские крестьяне в особенности, не верят ни в медицину, ни во врачей. Вот почему Розина обратилась за помощью в замок Ложери, куда имела доступ как молочная сестра Мишеля, вот по-

чему побежала к сестрам Судэ после того, как ее выгнали из Ложери.

Услышав шаги, больной с трудом приподнялся, но тут же с жалобным стоном упал на свое ложе. В комнате горела свеча, освещавшая одну лишь кровать, остальное тонуло во мраке; при этом скудном свете можно было различить мужчину лет сорока, распростертого на жалком одре, ведущего смертельную схватку с беспощадным демоном заразы.

Он был бледен до синевы; остекленевший взгляд выражал подавленность, и время от времени все его тело сотрясалось с головы до ног, словно к нему подключили гальваническую батарею.

От этого зрелища Мишель вздрогнул, ему стало понятно, почему его мать, представляя себе состояние больного, не решилась впустить Розину: ведь девушка несла с собой горячечные испарения, почти ощутимо витающие над постелью страдальца и в освещенном пространстве вокруг него.

Он подумал о камфоре, о хлоре, об уксусе четырех разбойников¹, словом, обо всех средствах, предохранявших здорового человека от заразы, когда он находился рядом с больным, и, не имея ни уксуса, ни хлора, ни камфоры, ограничился тем, что остался стоять возле двери, чтобы можно было дышать свежим воздухом.

Берта ни о чем подобном и не подумала: она направилась прямо к постели и взяла больного за руку, пылавшую от лихорадочного жара.

Молодой человек рванулся было вперед, чтобы остановить ее, открыл рот, чтобы закричать; но он словно окаменел, потрясенный бесстрашным поступком Берты во имя милосердия, и некоторое время оставался объятый ужасом и в то же время восхищенный мужественным поведением девушки.

Берта расспросила больного. Вот что он рассказал.

Проснувшись вчера утром, он почувствовал такую усталость в теле, что, когда встал с кровати, ноги у него подкосились, он чуть было не упал: это было не что иное, как предостережение, посланное ему природой; но сельские жители редко прислушиваются к ее советам.

Вместо того чтобы снова лечь в постель и послать за

¹ Медицинский уксус с добавлением лекарственных трав, которым пользовались мародеры во время чумы в Марселе в 1720 году.

врачом, Тенги оделся и, поборов недомогание, спустился в погреб и принес кружку сидра. Затем отрезал себе ломать хлеба: по его мнению, *ему следовало набраться сил.*

Кружку сидра он выпил с удовольствием, а вот хлеба не смог проглотить ни куска.

А потом побрел на работу в поле.

По дороге у него началась мучительная головная боль и сильное кровотечение из носа; чувство слабости во всем теле переросло в ломоту: раза два или три ему пришлось присесть. Он с жадностью напился из двух источников, попавшихся ему на пути; но не только не утолил жажду, а, напротив, захотел так нестерпимо пить, что в третий раз напился из дорожной рывины.

Наконец, он пришел на свое поле. Но теперь у него уже не было сил выворотить заступом хотя бы ком земли из борозды, которую начал копать накануне. Несколько мгновений он стоял, опершись на заступ. Потом голова у него закружилась, и он в забытьи лег, или, вернее, упал, на землю.

Так он пролежал до семи часов вечера и провел бы так ночь, если бы мимо случайно не проходил крестьянин из деревни Леже. Увидев лежавшего на земле человека, крестьянин окликнул его — тот не ответил, а только пошевелился. Крестьянин подошел ближе и узнал Тенги. Большого труда ему стоило довести больного до дому: Тенги был так слаб, что им понадобилось час с лишним, чтобы пройти четверть мили.

Встревоженная Розина дождалась отца. Увидев его, она пришла в ужас и хотела бежать в Паллюо за врачом, но Тенги строго-настрого запретил ей и улегся в постель, уверяя, что это пустяки и до завтра все пройдет. Только вот его жажда вместо того, чтобы пройти, делалась все сильнее, а потому он велел Розине поставить у кровати на стул кувшин с водой.

Ночь он провел без сна, снедаемый лихорадочным жаром, то и дело пил, но так и не смог залить пылавший у него внутри огонь. Утром он попытался встать, но сумел только присесть на кровати, и то с большим трудом. Голова болела, потом началось головокружение, и он стал жаловаться на мучительную боль в правом боку.

Розина вновь принялась настаивать на том, чтобы послать за господином Роже — так звали врача из Пал-

люю, и снова отец решительно запретил ей. Девушка села у кровати, готовая исполнять все желания больного и оказать необходимую помощь, предоставив все, что он хотел.

А хотел он больше всего на свете воды: каждые десять минут он просил пить.

Так Розина ухаживала за ним до четырех часов полудни.

В четыре часа отец сказал ей, качая головой.

— Знаешь, я чувствую, что подцепил лихорадку. Надо сходить в замок к добрым барышням и попросить у них лекарство.

Мы видели, к чему привело это решение.

Пощупав пульс больного и выслушав историю его болезни, которую он с трудом поведал ей прерывающимся голосом, Берта, насчитавшая сто ударов в минуту, поняла: папаша Тенги боролся с тяжелым приступом лихорадки.

Но что это была за лихорадка? Увы, Берта была слишком несведуща в медицине, чтобы определить.

Однако, поскольку больной то и дело кричал: «Пить! Пить!»,— она нарезала дольками лимон, вскипятила с ним воду в большом кофейнике, чуть подсластила этот лимонад и дала Тенги вместо воды.

Заметим, что перед тем, как бросить сахар в кипящую воду, она узнала от Розины, что сахара у них в доме нет: для вандейского крестьянина сахар — это предел роскоши!

К счастью, предусмотрительная Берта положила несколько кусков сахара в свою аптечку.

Она огляделась в поисках этого ящичка.

И увидела его под мышкой у Мишеля, все еще стоявшего у дверей.

Знаком она подозвала молодого человека к себе, но не успел он шелохнуться, как она снова сделала знак, приказывавший оставаться на месте.

Она сама подошла к нему, прижимая палец к губам.

И сказала совсем тихо, чтобы ее не услышал больной:

— Состояние этого человека очень серьезное, и я не смею принимать решение самостоятельно. Здесь необходим врач, и я боюсь даже, как бы он не пришел слишком поздно! Я сейчас дам Тенги какое-нибудь болеутоляющее,

а вы тем временем бегите в Паллюо, милый господин Мишель, и привезите доктора Роже.

— А вы-то, вы? — с тревогой спросил барон.

— Я остаюсь, вы застанете меня здесь. Мне надо обсудить с больным кое-что важное.

— Кое-что важное? — удивленно переспросил Мишель.

— Да, — ответила Берта.

— Однако... — не унимался молодой человек.

— Я ведь сказала вам, — перебила его девушка, — что малейшее промедление может иметь страшные последствия. Лихорадки вроде этой часто бывают смертельными, даже если их начать лечить вовремя, а на такой стадии от них погибают почти всегда. Идите, не теряя ни минуты, доставьте сюда врача.

— А если лихорадка заразная? — спросил молодой человек.

— Ну и что же? — в ответ сказала Берта.

— А не может случиться так, что вы заболите?

— Сударь, — возразила Берта, — если бы мы думали о таких вещах, половина наших крестьян умерли бы без всякой помощи. Идите же, и пусть Бог позаботится обо мне.

Молодой человек взял руку Берты и, потрясенный бесстрашием этой женщины, столь простым и столь возвышенным, на которое он, мужчина, вряд ли будет когда-либо способен, прижал эту руку к своим губам.

Его порыв был столь стремителен, что Берта вздрогнула, побледнела как мел и со вздохом произнесла:

— Идите, друг мой, идите!

На этот раз ей не пришлось дважды повторять приказание: Мишель стрелой вылетел из хижины. Какой-то неведомый прежде огонь разливался по его телу, удваивая жизненные силы. Он чувствовал в себе непомерную мощь, он был способен творить чудеса. Ему казалось, что у него, как у древнего Меркурия, выросли крылья на голове и на ногах. Если бы у него на пути вдруг встала стена, он бы перескочил через нее; если бы перед ним разлилась река и поблизости не было бы ни броду, ни моста, то он, не раздумывая, бросился бы в плывь и преодолел ее без колебаний.

Он жалел, что Берта попросила его о такой безделице; ему хотелось бы препятствий, какого-нибудь трудного, даже невозможного задания.

Разве можно ожидать от Берты признательности за то, что он пройдет пешком лье с четвертью, чтобы привести врача?

Не два с половиной лье хотелось ему пройти, он бы пошел на край света!

Он был бы счастлив получить какое-нибудь доказательство собственного героизма, которое позволило бы ему соизмерить свое мужество с мужеством Берты.

Понятно, что молодой барон в возбуждении, в котором пребывал, не ощущал усталости: расстояние в лье с четвертью, отделявшее Леже от Паллюо, он преодолел меньше, чем за полчаса.

Доктор Роже был своим человеком в замке Ложери, находившемся в часе езды от Паллюо. Молодому барону достаточно было назвать свое имя, и доктор, еще не зная, что его зовут к простому крестьянину, поднялся с кровати и крикнул через дверь спальни, что через пять минут будет готов.

Действительно, через пять минут он вышел в гостиную и спросил у молодого человека, какова причина неожиданного ночного визита.

Вкратце Мишель изложил ему суть дела. Так как господин Роже удивился, что юноша проявляет к крестьянину такой живой интерес,— прибегает ночью, взволнованный, вспотевший, чтобы позвать к нему врача,— то молодой барон Ложери объяснил свое участие своей давней привязанностью к больному, мужу его кормилицы.

Доктор расспросил о симптомах болезни; Мишель в точности повторил все, что услышал, и попросил господина Роже взять с собой необходимые лекарства, ибо деревня Леже еще не успела приобщиться к цивилизации до такой степени, чтобы иметь свою аптеку.

Видя, что молодой барон весь взмок, и узнав, что он пришел пешком, доктор, уже было приказавший седлать лошадь, отменил свое распоряжение и велел слуге заложить двуколку.

Мишель воспротивился этому изо всех сил; он утверждал, что пешком доберется быстрее, чем доктор верхом: его переполняла дерзновенная отвага юности и велико-

душия, и он действительно добрался бы до Леже пешком так же быстро, как доктор верхом, если не еще быстрее.

Доктор настаивал, Мишель отказывался; молодой человек положил конец спору, выбежав за дверь и крикнув доктору:

— Приезжайте так скоро, как только можете, я побегу вперед и скажу, что вы едете.

Доктор подумал, что сын баронессы Мишель сошел с ума.

Он решил, что вскоре нагонит его, и повторил свой приказ заложить двуколку.

Одна только мысль о том, что он появится перед молодой девушкой в двуколке, приводила нашего влюбленного в ужас.

Ему казалось, что Берта будет испытывать к нему гораздо большую благодарность, если увидит, что он вернется бегом и распахнет дверь хижины с криком: «Вот и я! За мной едет доктор!», — чем если бы увидела его подъезжающим вместе с доктором в двуколке. Вот если бы он примчался верхом на гордом скакуне с развевающимися по ветру гривой и хвостом, выдыхающем пламя из ноздрей и возвещающем о его прибытии громким ржанием... Но в двуколке!

В сто раз лучше было прийти пешком.

Первая любовь исполнена такой поэзии, что все прозаическое вызывает у нее глубокую ненависть.

Что сказала бы Мари, когда ее сестра Берта поведала бы ей, что послала молодого барона за доктором Роже в Паллюю и что молодой барон вернулся вместе с врачом в двуколке?

Нет, как мы уже сказали, прийти пешком было в десять, в двадцать, в сто раз лучше.

Чутье подсказывало молодому человеку, что покрытый испариной лоб, горящие глаза, тяжело вздымавшаяся грудь, запыленная одежда, встрепанные ветром волосы произведут на девушку благоприятное впечатление.

Что же касалось самого больного, Бог ты мой, надо признаться, под влиянием лихорадочного возбуждения он почти о нем забыл. Не о нем думал Мишель, а о двух сестрах. Не ради него он бежал со скоростью три лье в час, а ради Берты и Мари.

Событие, которое потрясло нашего героя, отошло в тень: оно было уже не целью, а лишь поводом.

Если бы Мишель звался Гиппоменом и состязался в беге с Аталантой, ему не пришлось бы ради победы разбрасывать на ее пути золотые яблоки.

Он пренебрежительно смеялся при мысли о том, что доктор погонял свою лошадь, надеясь догнать его; холодный ночной ветер, леденивший капли пота у него на лбу, доставлял ему неизъяснимое наслаждение.

Чтобы доктор догнал его! Он скорее умрет, чем позволит себя обогнать.

На дорогу из Леже в Паллюю у него ушло полчаса; обратный путь он проделал за двадцать пять минут.

Словно догадываясь о невероятной скорости, с какой молодой человек спешил к ней, Берта вышла и стояла на пороге в ожидании своего гонца; она знала, что он никак не мог вернуться раньше, чем через полчаса, но все же прислушивалась.

Ей показалось, что она слышит вдали чьи-то шаги.

Невозможно было поверить в такое скорое возвращение молодого барона, и все же она ни на секунду не усомнилась в том, что это был именно он.

В самом деле, минуту спустя она увидела, как появился во тьме его силуэт; а в то же самое время он, не сводя глаз с двери, но не веря своим глазам, заметил ее, стоявшую неподвижно с рукой, прижатой к сердцу, которое впервые забилося часто и громко.

Когда молодой человек предстал перед Бертой, он, словно бегун на марафонскую дистанцию, был без голоса, без сил, без дыхания: еще немного — и он, подобно греку, рухнул бы наземь, если не мертвым, то без чувств.

У него хватило духу только сказать:

— Доктор сейчас придет.

А затем он, чтобы не упасть, оперся рукой о стену.

Если б он был в состоянии говорить, он воскликнул бы: «Вы ведь расскажете мадемуазель Мари, что из любви к ней и к вам я пробежал меньше чем за час два с половиной лье?» Но он не мог вымолвить ни слова, поэтому Берта должна была подумать — и подумала, — что ее посланец совершил этот подвиг ради нее одной.

Радостно улыбнувшись, она достала платок.

— Боже! — воскликнула она, осторожно вытирая пот с лица молодого человека и стараясь не прикасаться к ране на лбу. — Как же я сердита, что вы так близко

к сердцу приняли мою просьбу поторопиться. До чего вы себя довели?

Затем, словно мать, распекавшая непослушное дитя, пожав плечами, с бесконечной теплотой произнесла:

— Какой же вы еще ребенок!

В слове «ребенок» прозвучала такая невыразимая нежность, что Мишель вздрогнул.

Он взял руку Берты.

Рука была влажной и дрожала.

И тут с дороги послышался шум приближавшейся двуколки.

— Ах! Вот и доктор,— сказала Берта, отстраняя руку молодого человека.

Он взглянул на нее с удивлением. Почему она отстранила его руку? Ему было не понять, что творилось в сердце девушки, однако он смутно догадывался, что если она оттолкнула его руку, то не из ненависти, не из отвращения, не от гнева.

Берта вошла в дом, чтобы сообщить, вероятно, больному о приезде врача.

Мишель остался стоять в дверях в ожидании доктора Роже.

Видя, как доктор подъезжает в плетеной двуколке, смешно подпрыгивая на ухабах, Мишель лишний раз порадовался, что решил вернуться пешком.

Правда, если бы Берта, услышав стук колес, зашла в дом, как она сделала только что, она бы не заметила молодого человека в этом вульгарном экипаже.

Может быть, если бы она его не увидела, то осталась бы стоять у дверей ждать, пока он не появится?

Мишель подумал, что это более чем вероятно, и ощутил в своем сердце если не жар утоленной любви, то, во всяком случае, теплоту удовлетворенного самолюбия.

ХИ

БЛАГОРОДСТВО ОБЯЗЫВАЕТ

Когда врач вошел в комнату к больному, Берта снова заняла свое место у изголовья кровати.

Вначале доктора Роже изумила эта очаровательная фигура, напоминавшая ангелов германских сказаний, ко-

торые склонялись над умирающим, чтобы принять их души.

Но в тот же миг он узнал девушку: заходя в бедную крестьянскую хижину, он редко когда не встречал там Берту или ее сестру, вставших между умирающим и смертью.

— О! Доктор! — сказала она.— Идите, идите скорее! У бедного Тенги начался бред.

В самом деле, больной впал в сильнейшее возбуждение.

Доктор подошел к кровати.

— Полно, друг мой,— сказал он,— успокойтесь!

— Оставьте меня, оставьте! — ответил больной.— Мне надо встать, меня ждут в Монтегю.

— Нет, дорогой Тенги,— возразила Берта,— пока еще нет...

— Ждут, мадемуазель, ждут! Это должно было случиться сегодня ночью. Если я останусь здесь, кто же передаст сообщение из замка в замок?

— Молчите, Тенги, молчите! — воскликнула Берта.— Подумайте, ведь вы больны, и у вашей постели находится доктор Роже.

— Доктор Роже из наших, мадемуазель, при нем можно говорить все. Он знает, что меня ждут, для него не секрет, что мне без промедления надо встать, он в курсе, что я должен идти в Монтегю.

Доктор Роже и Берта обменялись быстрыми взглядами.

— *Масса*,— сказал доктор.

— *Марсель*,— ответила Берта.

И оба в одно мгновение порывистым движением протянули и пожали друг другу руки.

Берта вновь повернулась к больному.

— Да, верно,— сказала она ему на ухо,— доктор Роже один из наших, но здесь есть и посторонние...

Она понизила голос до шепота, чтобы ее мог слышать один лишь Тенги.

— И этот посторонний,— добавила она,— молодой барон де ла Ложери.

— А! Правда ваша,— ответил больной,— он-то посторонний. Не говорите ему ничего! Куртен — предатель. Но если я не пойду в Монтегю, кто же туда пойдет?

— Жан Улье! Не беспокойтесь, Тенги.

— О! Если пойдет Жан Улле,— сказал больной,— если пойдет Жан Улле, мне туда ходить без надобности! На ногах он стоит твердо, глаз у него острый, а ружье бьет без промаха!

И он расхохотался.

Но этот взрыв смеха, казалось, исчерпал его силы, и он снова упал на кровать.

Молодой барон выслушал этот разговор,— впрочем, расслышав его далеко не полностью,— и ничего в нем не понял.

Однако он разобрал слова: «Куртен — предатель!» — и, поймав на себе взгляд девушки, говорившей с больным, догадался о том, что речь шла о нем.

Он подошел ближе, сердце у него сжалось; он почувствовал, что от него что-то скрывают.

— Мадемуазель,— обратился он к Берте,— если я вас стесняю или если я вам просто больше не нужен, вам только надо намекнуть — и я исчезну.

В этих скупых словах прозвучала такая печаль, что Берта растрогалась.

— Нет,— сказала она,— нет, останьтесь. Напротив, мы еще нуждаемся в вас, вы поможете Розине выполнить предписания доктора Роже, пока я буду говорить с ним о лечении нашего больного.

Затем она обратилась к врачу.

— Доктор,— произнесла она едва слышно,— займите их; позже вы скажете мне то, что знаете, а я вам то, что знаю я.

Затем она обернулась к Мишелю.

— Не правда ли, друг мой,— произнесла она так ласково, как только могла,— не правда ли, вы ведь хотите помочь Розине?

— Я сделаю все, что вы мне скажете, мадемуазель,— ответил молодой человек,— приказывайте, и я все исполню.

— Вот видите, доктор,— заметила Берта,— у вас два преданных помощника.

Доктор поспешил к своей двуколке и принес оттуда бутылку сельтерской воды и мешочек сухой горчицы.

— Возьмите это,— сказал он молодому человеку, протягивая ему бутылку,— откупорьте и давайте больному по полстакана через каждые десять минут.

Затем он передал мешочек с горчицей Розине.

— Разведи это в кипятке,— приказал он,— мы будем делать твоему отцу примочки к ногам.

Больной снова впал в протрацию, до того, как почувствовал прилив энергии, когда Берте удалось успокоить его, лишь пообещав послать вместо него Жана Улье.

Доктор взглянул на Тенги и, сделав вывод, что в том состоянии, в котором он находился, его можно было оставить на попечение молодого барона, быстро подошел к Берте.

— Послушайте, мадемуазель де Судэ,— сказал он ей,— раз мы поняли, что имели дело с единомышленником, то скажите же мне, что вам известно.

— Мне известно, что Мадам села на корабль в Массе двадцать первого апреля и должна была прибыть в Марсель двадцать девятого или тридцатого апреля. Сегодня шестое мая; значит, Мадам уже высадилась, и Юг уже охвачен восстанием.

— Это все, что вам известно? — спросил доктор.

— Да, все,— ответила Берта.

— Вы не читали вечерних газет за третье число? Берта улыбнулась.

— Мы в замке Судэ не получаем газет,— ответила она.

— Ну так знайте,— сказал доктор,— все пропало!

— Как все пропало?

— Мадам потерпела неудачу.

— О Боже, что вы сказали!

— Чистую правду. После благополучной переправы на «Карло Альберто» Мадам высадилась на берег в нескольких лье от Марселя. Ожидавший там проводник отвел ее в уединенный дом, окруженный лесом и скалами. Всего шесть человек сопровождали Мадам.

— Я слушаю, слушаю.

— Одного из них она тотчас послала в Марсель сообщить руководителю заговора о том, что она высадилась и теперь ждет исполнения обещаний, которые ей дали, прежде чем она решила отправиться во Францию.

— А потом?

— Посланец вернулся вечером с запиской, в которой принцессу поздравляли с благополучным прибытием и извещали, что Марсель завтра восстанет.

— И что же?

— Назавтра действительно началось вооруженное

восстание, но Марсель не принял в нем никакого участия, и дело кончилось разгромом.

— А Мадам?

— Никто не знает, где она сейчас. Есть надежда, что она снова взойшла на борт «Карло Альберто».

— Труссы! — прошептала Берта.— О! Я всего лишь женщина, но если бы герцогиня прибыла в Вандею, то, клянусь Богом, я бы могла показать пример некоторым мужчинам! Прощайте, доктор, и спасибо вам!

— Вы нас покидаете?

— Необходимо, чтобы о том, что вы рассказали, узнал мой отец. Сегодня вечером состоялось собрание в замке Монтегю. Я возвращаюсь в Судэ. Моего бедного больного можно поручить вам, не правда ли? Оставьте здесь письменные распоряжения. Если не произойдет ничего неожиданного, я или моя сестра завтра ночью будем ухаживать за ним.

— Хотите поехать в моей двуколке? Я вернусь пешком, а экипаж вы мне пришлете завтра с Жаном Улье или с кем-нибудь другим.

— Благодарю вас, но я не знаю, где будет завтра Жан Улье. К тому же, мне лучше пройтись. Здесь немного душно, прогулка только пойдет мне на пользу.

Берта крепко, по-мужски пожала руку доктору, набросила на плечи накидку и вышла.

Но за порогом она встретилась с Мишелем: он не слышал ее беседы с доктором, однако ни на секунду не терял девушку из виду и, поняв, что она собирается выйти, опередил ее и поджидал у двери.

— Ах, мадемузель,— сказал Мишель.— что же такое происходит, что вы узнали?

— Ничего,— ответила Берта.

— О! Ничего!.. Если бы вы ничего не узнали, вы не ушли бы вот так, не вспомнив обо мне, не простившись со мной, не кивнув мне на прощание головой.

— А зачем мне с вами прощаться, если вы меня проводите домой? Мы успеем проститься у вострот замка Судэ...

— Как! Вы разрешаете?...

— Что? Проводить меня? Но, сударь, после всего, что вы сделали ради меня, это ваше право.. если только вы не слишком устали, разумеется.

— Я слишком устал, чтобы проводить вас, маде-

муазель? Но с вами или с мадемуазель Мари я пошел бы на край света! Слишком устал? О! Никогда в жизни!

Берта улыбнулась. Затем, искоса взглянув на молодого человека, прошептала:

— Как жаль, что он не из наших!

Но, улыбнувшись, добавила:

— Ба! С таким характером из него можно вылепить кого угодно.

— Мне кажется, вы разговариваете со мной,— сказал Мишель,— однако я не слышу, что вы мне говорите.

— Это оттого, что я разговариваю с вами тихо-тихо.

— Почему же вы разговариваете со мной тихо-тихо?

— А вот почему: то, что я вам говорю, нельзя произносить во весь голос, по крайней мере сейчас.

— А позже? — спросил молодой человек.

— О! Позже, может быть.

Губы молодого человека шевельнулись, но он не издал ни единого звука.

— Можно узнать, что означает ваша пантомима? — спросила Берта.

— Что я тоже говорю с вами тихо-тихо. Но в отличие от вас я бы произнес это во весь голос и прямо сейчас, если б только посмел.

— Я не такая, как другие женщины,— сказала Берта с почти пренебрежительной улыбкой,— то, что при мне говорят тихо, можно произносить и во весь голос.

— Ну так вот: я тихо-тихо говорил вам, что испытываю глубокое сожаление, видя как вы, не глядя, идете навстречу несомненной опасности... столько же несомненной, сколько и ненужной.

— Какую опасность вы имеете в виду, дорогой сосед? — чуть насмешливым тоном спросила Берта.

— Ту, о которой вам только что сообщил доктор Роже. В Вандее скоро будет восстание.

— Неужели?

— Надеюсь, вы не станете это отрицать?

— Я? А зачем мне отрицать это?

— Ваш отец и вы будете в нем участвовать.

— Вы забываете о моей сестре,— смеясь, сказала Берта.

— О нет! Я ни о ком не забываю,— со вздохом возразил Мишель.

— Так что же из этого?

— Так позвольте мне, как близкому, преданному другу, сказать вам... что вы неправы.

— Почему же я неправа, мой близкий, преданный друг? — спросила Берта с легкой насмешливостью в голосе, от которой не могла полностью избавиться.

— Потому что сейчас, в тысяча восемьсот тридцать втором году, Вандея уже не та, что была в девяносто третьем, или, вернее, потому что Вандеи больше нет.

— Тем хуже для Вандеи! Но, к счастью, здесь еще существует благородное сословие, господин Мишель; а есть одна истина, которая пока еще вам неведома, но через пять или шесть поколений станет очевидна вашим потомкам: высокое положение обязывает.

Молодой человек встрепенулся.

— А теперь, — сказала Берта, — прошу вас, переменим тему нашего разговора: на такие вопросы я больше отвечать не буду, поскольку, как сказал бедный Тенги, вы не из наших, господин Мишель.

— Но о чем же мне тогда говорить с вами? — спросил молодой человек; он совсем пал духом, видя, как сурова с ним Берта.

— О чем вам говорить со мной? Да обо всем на свете! Сегодня такая дивная ночь — поговорим о ночи; ярко светит луна — поговорим о луне; в небе сверкают звезды — поговорим о звездах. Небо безоблачно — поговорим о небе.

И девушка, подняв голову, устремила пристальный взгляд на прозрачный небосвод.

Мишель испустил глубокий вздох и, не проронив ни слова, зашагал рядом с нею. Что мог сказать ей он, городской, книжный человек перед лицом величественной природы, которая была ее стихией? Разве был он, подобно Берте, с самого детства приобщен ко всем чудесам Творения? Разве видел, подобно ей, все оттенки разгоравшейся зари и заходившего солнца? Мог ли он, подобно ей, распознавать таинственные звуки ночи? Когда же жаворонок возвещал о пробуждении природы, разве понимал он, о чем говорит жаворонок? Когда в сумерках разливалась трель соловья, наполняя весь мир гармонией, разве понимал он, о чем говорит соловей? Нет, он знал ученые премудрости, о которых не ведала Берта; но девушке были известны премудрости природы, которых не знал Мишель.

О! Если бы девушка заговорила, с каким благоговением он бы ее слушал!

Но, на его беду, Берта молчала; ее переполняли думы, которые находят выход не в звуках и словах, а во взглядах и вздохах.

А молодой человек погрузился в мечты.

Ему представилось, что он не шел вдвоем с суровой и резкой Бертой, а прогуливался с нежной Мари; вместо этого одиночества, в котором Берта черпала силу, рядом шла Мари, и, постепенно слабая, опиралась на его руку...

О! Вот когда бы слова у него полились потоком! Вот когда бы он мог столько всего сказать о ночи, о луне, о звездах и о небе!

С Мари он был бы наставником и повелителем.

С Бертой он был учеником и рабом.

Около четверти часа молодые люди шли молча, как вдруг Берта остановилась и знаком приказала Мишелью последовать ее примеру.

Молодой человек выполнил ее приказ: с Бертой его уделом было повиновение.

— Слышите? — спросила Берта.

— Нет, — произнес Мишель, покачав головой.

— А я слышу, — насторожившись, с загоревшимся взором прошептала девушка.

И снова внимательно прислушалась.

— Но что же вы слышите?

— Это скачет моя лошадь и лошадь Мари; меня кто-то ищет. Есть какие-то новости.

Она вновь напрягла слух.

— Это Мари меня ищет.

— Как вы это определили? — спросил молодой человек.

— По бегу лошадей. Прошу вас, ускорим шаг.

Стук копыт быстро приближался, и через пять минут в темноте они различили какие-то фигуры.

Это были две лошади и женщина: на одной лошади она ехала, другую держала за уздечку.

— Я же говорила вам, что это моя сестра, — промолвила Берта.

В самом деле, молодой человек узнал Мари не столько по фигуре девушки, появившейся из темноты, сколько по частым ударам своего сердца.

Мари тоже его узнала — об этом нетрудно было догадаться по удивлению, написанному на ее лице.

Было очевидно, что она рассчитывала застать сестру одну или с Розиной, но никак не в обществе молодого барона.

Мишель заметил, что девушка никак не ожидала его увидеть здесь, и сделал шаг вперед.

— Мадемуазель, — обратился он к Мари, — я встретил вашу сестру, когда она направлялась к больному Телги, и, чтобы ей не ходить одной, проводил ее.

— И отлично сделали, сударь, — ответила Мари.

— Нет, ты не понимаешь, — со смехом возразила Берта, — ему кажется, что он должен извиниться за меня или, быть может, за себя. Придется простить бедного мальчика. Он получит изрядную нахлобучку от матери!

Затем она оперлась на седло Мари.

— В чем дело, блондинка? — спросила она.

— Дело в том, что марсельский мятеж провалился.

— Я знаю. Мадам уплыла на корабле.

— А вот и неправда!

— Как? Неправда?

— Мадам заявила, что раз уж она приехала во Францию, то больше ее не покинет.

— Ты не ошибаешься?

— Нет; сейчас она направляется в Вандею, если уже не прибыла туда.

— Откуда вам это стало известно?

— Из письма, доставленного в замок Монтегю во время собрания, когда все уже предавались отчаянию.

— Храбрая душа! — восторженно воскликнула Берта.

— Поэтому отец понесся оттуда во весь опор, а вернувшись и узнав, где ты, приказал мне взять лошадей и поехать за тобой.

— Вот и я! — воскликнула Берта.

И вставила ногу в стремя.

— Ты что же, не простишься со своим бедным рыцарем? — спросила Мари.

— Напротив.

И Берта протянула руку молодому человеку, который медленно с грустным видом приблизился к ней.

— Ах, мадемуазель Берта, — едва слышно произнес он, пожимая ей руку, — как я несчастен!

— Отчего вы несчастны?

— Оттого, что я не один из ваших, как вы только что выразились.

— А кто вам мешает стать им? — спросила Мари, в свою очередь, протягивая ему руку.

Молодой человек схватил эту руку и поцеловал ее с двойным жаром: любви и признательности.

— О да, да, да! — сказал он тихо, чтобы его могла слышать только Мари. — Ради вас и вместе с вами!

Но рука Мари вырвалась из рук молодого человека из-за резкого движения лошади.

Берта, пришпорив своего коня каблуком, хлестнула пяткой по крупу лошади своей сестры.

Всадницы взяли с места галопом и словно тени исчезли в темноте.

Молодой человек остался одиноко стоять посреди дороги.

— Прощайте! — крикнула Берта.

— До свидания! — крикнула Мари.

— О да, да! — ответил он, протягивая руки к двум уносящимся силуэтам. — До свидания, до свидания!

Девушки продолжали путь, не произнося ни слова.

И только когда они уже были у ворот замка, Берта сказала:

— Мари, ты будешь смеяться надо мной.

— Отчего же? — спросила Мари, невольно вздрогнув.

— Я люблю его, — сказала Берта.

Из груди Мари едва не вырвался горестный крик.

Но у нее хватило сил сдержать его.

— А я крикнула ему «До свидания», — подумала она. — Дай Бог, чтобы мы больше не свиделись.

ХІІІ

КУЗИНА, ЖИВУЩАЯ ЗА ПЯТЬДЕСЯТ ЛЬЕ

На следующий день после описанных нами событий, то есть 7 мая 1832 года, в замок Вуйе съехалось множество гостей.

Они собрались отпраздновать день рождения графини де Вуйе, которой исполнилось двадцать четыре года.

За стол, сервированный на двадцать пять или двадцать шесть персон, сели префект департамента Вьенны, мэр Шательро и близкие родственники госпожи де Вуйе.

Когда доедали суп, один из слуг, наклонившись к графу де Вуйе, сказал ему на ухо несколько слов.

Граф велел слуге дважды повторить сказанное.

Затем обратился к присутствовавшим.

— Прошу прощения,— сказал он,— но у ворот ждет какая-то дама, она приехала на почтовых и, по-видимому, не желает говорить ни с кем другим, кроме меня. Вы разрешите мне отлучиться на несколько минут, чтобы узнать, что же она хочет от меня?

Возражений не последовало; вот только во взгляде, которым графиня де Вуйе проводила мужа до дверей, сквозило легкое беспокойство.

Граф поспешил к воротам; в самом деле, он увидел почтовую коляску.

В ней находились двое мужчин и женщина.

На козлах рядом с кучером сидел лакей в небесно-голубой с серебряными галунами ливрее.

Завидев графа де Вуйе, которого он, по-видимому, ждал с нетерпением, лакей легко соскочил на землю.

— Да шевелись же ты, тихоход! — крикнул он, считая, что граф уже не мог его слышать.

Граф де Вуйе замер в недоумении и даже больше, чем в недоумении — в изумлении.

Какой-то лакей посмел обратиться к нему так непочтительно?

Он подошел поближе, чтобы как следует взгреть нахала.

И вдруг расхохотался.

— Как, это ты, де Люссак? — спросил он.

— Разумеется, это я.

— Что означает этот маскарад?

Мнимый лакей открыл дверцу коляски и подал руку сидевшей в ней даме, чтобы помочь ей выйти.

— Дорогой граф,— сказал он,— имею честь представить тебе Ее Высочество герцогиню Беррийскую.

Затем, обратившись к герцогине, произнес:

— Герцогиня, имею честь представить вам одного из наших лучших друзей и одного из самых верных ваших слуг.

Граф отступил на два шага.

— Герцогиня Беррийская! — в изумлении воскликнул он.

— Она самая, сударь,— ответила герцогиня.

— Разве ты не счастлив, не горд принимать у себя Ее Королевское Высочество? — спросил де Люссак.

— Так счастлив и так горд, как только может быть настоящий роялист, но...

— Как это? Есть какое-то «но»? — спросила герцогиня.

— Но сегодня день рождения моей жены, и у меня за столом — двадцать пять человек!

— Ну что ж сударь, раз существует французская поговорка: «если есть место для двух, найдется место и третьему», — то дадим ей более широкое толкование: «если есть место для двадцати пяти, найдется место для двадцати восьми»; предупреждаю, барон де Люссак, хотя в настоящую минуту и выполняет роль лакея, рассчитывает поужинать со всеми, поскольку умирает с голоду.

— О! Не беспокойся, я сниму ливрею, — вставил барон.

Граф де Вуйе схватился за голову, готовый рвать на себе волосы.

— Как же быть? Как же быть? — восклицал он.

— Полноте, — сказала герцогиня, — давайте рассуждать здраво.

— О, да, рассудим здраво, — ответил граф. — Ваше предложение как нельзя кстати! Я схожу с ума.

— И похоже, не от радости, — заметила герцогиня.

— От ужаса, Мадам!

— О! Вы преувеличиваете трудность положения.

— Но поймите же, Мадам, у меня за столом префект Вьенны и мэр Шательро!

— Что ж, представьте меня им.

— В качестве кого, Боже милостивый?

— В качестве вашей кузины. Есть же у вас кузина, которая живет в пятидесяти лье отсюда?

— Что за мысль, Мадам!

— Ну же, ну!

— Да, в Тулузе у меня есть кузина — госпожа де ла Мар.

— Вот и отлично! Я буду госпожой де ла Мар.

Затем она обернулась и подала руку старику лет шестидесяти — шестидесяти шести, который не выходил из кареты, ожидая окончания их разговора.

— Сюда, господин де ла Мар, сюда! — сказала она. — Мы устроили сюрприз нашему кузену: прибыли как раз

ко дню рождения его жены. Идемте же, кузен,— добавила герцогиня, спускаясь с коляски.

И она весело взяла графа де Вуйе под руку.

— Идем,— ответил господин де Вуйе, решив участвовать в отчаянном предприятии, которому герцогиня положила такое веселое начало.— Идем!

— А как же я? — крикнул барон де Люссак, который влез в коляску, превращенную им в гардеробную, и снимал там небесно-голубую ливрею, облачаясь в черный редингот.— Про меня, часом, не забыли?

— Но ты-то кем у нас будешь? — спросил господин де Вуйе.

— Черт возьми! Я буду бароном де Люссаком и, если Мадам не возражает, кузеном твоей кузины.

— Полегче, полегче, господин барон! — заметил старик, сопровождавший герцогиню.— Мне кажется, что вы позволяете себе слишком много вольностей.

— Ба! Мы тут среди полей,— сказала герцогиня.

— В полевых условиях, вы хотели сказать! — подхватил де Люссак.

И, закончив переодевание, в свою очередь, воскликнул:

— Идем!

Граф де Вуйе, выйдя вперед, храбро направился в столовую.

Необъяснимо долгое отсутствие графа удивило гостей и встревожило хозяйку.

Поэтому, когда дверь столовой вновь открылась, все взгляды обратились на вошедших.

Но сколь ни трудна была роль, которую предстояло им сыграть, актеры ничуть не растерялись.

— Дорогая,— обратился граф к жене,— я рассказывал тебе об одной моей кузине, живущей в окрестностях Тулузы.

— Госпоже де ла Мар? — быстро подхватила графиня.

— Вот именно, госпоже де ла Мар. Так вот, направляясь в Нант, она не могла проехать мимо нашего замка, не познакомившись с тобой: по воле случая она прибыла в день твоего рождения, надеюсь, что это принесет ей счастье.

— Дорогая кузина! — воскликнула герцогиня, раскрывая объятия графине де Вуйе.

Женщины поцеловались.

А представляя мужчин, граф ограничился тем, что громко произнес:

— Господин де ла Мар... Господин де Люссак.

Гости поклонились.

— А теперь,— сказал господин де Вуйе,— надо найти вновь прибывшим место за столом. Они не скрыли от меня, что умирают с голода.

Среди собравшихся началось движение; стол был велик, сидеть за ним было просторно, и найти три свободных места не составляло труда.

— Вы, кажется, говорили мне, дорогой кузен, что у вас обедает префект Вьенны? — спросила герцогиня.

— Совершенно верно, мадам: это вон тот почтенный гражданин в очках, белом галстуке и с ленточкой офицера ордена Почетного легиона в петлице, кто сидит справа от графини.

— О! Тогда представьте меня ему.

Граф де Вуйе, ввязавшись в рискованное предприятие, решил идти до конца.

Он подошел к префекту, который сидел в величественной позе, откинувшись на спинку стула.

— Господин префект,— сказал он,— моя кузина, которая с присущим ей уважением к власти полагает, что общего представления недостаточно, и пожелала быть вам представленной особо.

— И вообще, и особо, и официально,— ответил галантный сановник,— я говорю мадам: добро пожаловать!

— Да будет так, сударь,— произнесла герцогиня

— Стало быть, мадам едет в Нант? — спросил префект, чтобы сказать что-нибудь.

— Да, сударь, а оттуда — в Париж, по крайней мере так я рассчитываю.

— Мадам не впервые собирается посетить столицу?

— Нет, сударь, не впервые: я прожила там двенадцать лет.

— И мадам покинула этот город?..

— О! Не по своей воле, уверяю вас.

— И давно?

— В июле будет два года.

— Понятно, когда поживешь в Париже...

— То хочется вновь туда вернуться! Как приятно, что вы это понимаете.

— О, Париж, Париж! — вздохнул префект.

— Вы правы: это земной рай,— ответила герцогиня. И порывисто отвернувшись, чувствуя, что из глаз вот-вот брызнут слезы.

— К столу, к столу! — воскликнул граф де Вуйе.

— О, дорогой кузен,— сказала герцогиня, взглянув на приготовленное ей место,— позвольте мне остаться возле господина префекта; он так прочувствованно пожелал мне успеха в деле, которое для меня важнее всего на свете, что сразу же вошел в число моих друзей.

Префект, очарованный этим комплиментом, живо подвинул стул, и герцогиню усадили слева от него, к огорчению особы, которой было предназначено это почетное место.

А мужчины без возражений заняли указанные им места, и вскоре они — в особенности барон де Люссак — как и собирались, воздали должное обеду.

Примеру господина де Люссака последовали все присутствовавшие, и за столом на несколько минут наступила та торжественная тишина, какая бывает в начале ожидавшегося с нетерпением обеда.

Первой нарушила молчание Мадам: ее дерзновенный ум, словно морская птица, находил отраду в бурях.

— Господа,— сказала она,— мне кажется, что наше появление прервало общий разговор. Нет ничего печальнее застолья, проходящего в тишине, и предупреждаю вас, дорогой граф, я ненавижу такие обеды, они напоминают парадные приемы в Тюильри, где, рассказывают, можно было заговорить только после того, как король вымолвил слово. Вы ведь вели беседу до нашего появления; о чем вы говорили?

— Дорогая кузина,— ответил граф де Вуйе,— господин префект любезно сообщил нам официальные подробности стычки в Марселе.

— *Стычки?* — переспросила герцогиня.

— Такое слово он употребил.

— И в данном случае это самое подходящее слово,— сказал мэр.— Представьте, насколько слабо было обеспечено подобное предприятие, если достаточно было младшему лейтенанту тринадцатого пехотного полка арестовать вожака смутьянов — и весь мятеж провалился!

— Ах! Боже мой, господин префект,— с грустью сказала герцогиня,— во время великих событий всегда наступает роковая минута, когда судьба государей и импе-

рий колеблется, словно лист на ветру! Вот, скажем, если бы в Мюре, когда Наполеон направился навстречу посланным против него солдатам, его схватил бы за шиворот какой-нибудь младший лейтенант, возвращение с острова Эльбы тоже осталось бы всего лишь стычкой.

Мадам говорила с такой страстной убежденностью, что за столом наступила тишина.

Она первая нарушила молчание:

— А куда подевалась среди этой сумятицы герцогиня Беррийская?

— Она вернулась на борт «Карло Альберто» и вновь вышла в море.

— А!

— Мне кажется, что это единственный разумный поступок с ее стороны,— добавил префект.

— Вы правы, сударь,— сказал старик, который сопровождал Мадам и до сих пор не вымолвил ни слова.— Если бы я тогда находился рядом с Ее Высочеством и она бы прислушивалась к моему мнению, я бы от всего сердца дал ей этот совет.

— Я же не к вам обращаюсь, любезный супруг,— произнесла герцогиня,— я говорю с господином префектом, я спрашиваю, точно ли ему известно, что герцогиня снова села на корабль?

— Мадам,— заявил префект с повелительным взмахом руки, отметающим всякие возражения,— правительство разослало официальное уведомление.

— А! — отозвалась герцогиня.— Если правительство рассылает официальное уведомление, значит, так и было. Однако,— сказала она, пробуя ступить на более скользкий путь, чем тот, по которому она шла до сих пор,— мне говорили другое.

— Мадам! — с мягким укором произнес старик.

— Что же вам говорили, кузина? — спросил граф де Вуйе, в свою очередь, начинавший входить в азарт.

— Да, что же вам говорили, мадам? — настаивал префект.

— О! Видите ли, господин начальник,— сказала герцогиня,— ничего официального я вам сообщить не могу: речь пойдет о слухах, которые могут оказаться сущим вздором.

— Госпожа де ла Мар! — воскликнул старик.

— Ах, господин де ла Мар... — отозвалась герцогиня.

— Знаете, мадам,— вкрадчиво произнес префект,— ваш муж кажется мне ужасно несговорчивым! Держу пари, это он не дает вам вернуться в Париж?

— Вы угадали! Но я надеюсь попасть туда наперекор ему. «Что хочет женщина, то хочет Бог».

— О женщины, женщины! — воскликнул чиновник.

— Что? — спросила герцогиня.

— Ничего,— ответил префект.— Я жду, мадам, когда вам угодно будет рассказать нам об этих самых слухах.

— Ах, Боже мой, это совсем просто. Мне говорили, заметьте, речь идет лишь о слухах, мне говорили, будто герцогиня Беррийская, несмотря на уговоры друзей, решительно отказалась вернуться на борт «Карло Альберто».

— Предположим, но где она сейчас, в таком случае? — поинтересовался префект.

— Во Франции.

— Во Франции! А что ей делать во Франции?

— Бог ты мой,— сказала герцогиня,— вам ведь известно, господин префект, что главная цель Ее Королевского Высочества — Вандея.

— Весьма вероятно, однако, раз она потерпела поражение на юге...

— Это еще одна причина, чтобы попытаться преуспеть на западе.

Префект пренебрежительно улыбнулся.

— Итак, вы полагаете, что Мадам уплыла на корабле? — спросила герцогиня.

— Могу с уверенностью уведомить,— заявил префект,— что сейчас она находится во владениях сардинского короля, у которого Франция потребует объяснений.

— Бедные сардинцы! Он даст очень простое объяснение.

— Какое же?

— «Я знал, что Мадам — сумасбродка, но не до такой степени».

— Мадам, мадам! — вмешался старик.

— Ну и ну! — возмутилась герцогиня.— Хотелось бы надеяться, господин де ла Мар, что вы, ограничивая меня в желаниях, согласитесь хотя бы уважать мое мнение, тем более что его наверняка разделяет господин префект. Не правда ли, господин префект?

— Дело в том,— смеясь ответил чиновник,— что Ее Королевское Высочество действовала, по-моему, во всей этой истории чрезвычайно легкомысленно.

— Вот видите! А что же будет, если эти слухи подтвердятся и Мадам прибудет в Вандею?

— Но как она туда попадет?

— Ну, скажем, через соседнюю префектуру или через вашу... Говорят, что ее видели и узнали в Тулузе, когда она меняла лошадей и сидела перед почтовой станцией в открытой коляске.

— Ну уж извините! — сказал префект. — Это вы хва- тили через край.

— Настолько через край,— заметил граф,— что гос- подин префект не поверил ни слову из того, что вы ска- зали.

— Ни одному слову,— произнес префект, делая уда- рение на каждом из слогов, которые он произнес.

В это мгновение дверь открылась, и графский лакей доложил, что курьер из префектуры просит разрешения вручить главе департамента телеграмму, только что по- лученную из Парижа.

— Вы разрешите ему войти? — спросил префект у графа де Вуйе.

— Разумеется! — ответил тот.

Курьер вошел и подал запечатанную депешу префек- ту, который, поклонившись, извинился перед гостями, так же, как только что извинился перед хозяином дома.

Наступила глубокая тишина, все взоры были прико- ваны к префекту.

Мадам переглянулась с графом де Вуйе, который тихо посмеивался с бароном де Люссаком и совсем не собирался скрывать своего веселого настроения, и со своим мнимым мужем, который сохранял невозмутимую серьезность.

— Ах! — в изумлении воскликнул вдруг глава депар- тамента.

— Что случилось? — осведомился граф де Вуйе.

— А то,— воскликнул префект,— что госпожа де ла Мар сказала нам правду, говоря о том, что Ее Королев- ское Высочество не покинула Францию и направляется в Вандею через Тулузу, Либурн и Пуатье.

С этими словами префект поднялся с места.

— Но куда же вы, господин префект? — спросила герцогиня.

— Исполнять свой долг, сударыня, каким бы тяжким он ни был, и отдать приказ об аресте Ее Королевского Высочества в том случае, если она, как сказано в депеше из Парижа, неосмотрительно последует через мой департамент.

— Исполняйте, господин префект, ваш долг,— сказала Мадам.— Я могу лишь восхищаться вашим усердием и обещать при случае вспомнить об этом.

И она протянула префекту руку, которую тот галантно поцеловал, после того, как вопросительно взглянул на господина де ла Мар и получил от него разрешение.

XIV

МАЛЫШ ПЬЕР

Вернемся в хижину папаши Тенги, которую мы покинули, чтобы заглянуть ненадолго в замок Вуйе.

Прошло двое суток.

Мы снова видим Бертю и Мишеля у постели больного.

Хотя регулярные визиты доктора Роже сделали присутствие девушки в доме, где она могла заразиться чумой, совершенно излишним, Берта, несмотря на уговоры Мари, продолжала и дальше ухаживать за вандейцем.

Быть может, ее влекло в жилище фермера не только христианское милосердие.

Как бы то ни было, но в результате вполне понятного совпадения Мишель, позабыв свои страхи, опередил мадемуазель де Судэ и уже был в хижине, когда туда пришла Берта.

Рассчитывал ли Мишель увидеть именно Бертю? Мы не осмелились бы ответить на этот вопрос. Возможно, он думал, что сестры дежурят у постели больного по очереди.

Возможно также, он смутно надеялся, что Мари не упустит случая встретиться с ним, и сердце неистово заколотилось у него в груди, когда в открытых дверях хижины возник силуэт, пока еще трудно различимый в темноте, но который по изяществу своих линий мог принадлежать лишь одной из дочерей маркиза де Судэ.

Узнав Бертю, Мишель испытал легкое разочарование; но мог ли молодой человек в силу своей любви, питав-

шей безграничную нежность к маркизу де Судэ, с симпатией относиться к грубому Жану Улле и даже был расположен к их собакам, мог ли он не любить сестру Мари?

Разве доброжелательность этой девушки не должна была приблизить его к той, другой? Разве не счастлив он будет вести разговор о той, которой не было рядом с ним?

И потому он проявлял необычайную заботливость по отношению к Берте, а девушка не считала нужным скрывать, что это радует ее.

К несчастью для Мишеля, им было трудно заняться чем-нибудь другим, кроме ухода за больным.

Тенги с каждым часом становилось все хуже.

Он впал в состояние оцепенения, называемое врачами «кома», в которое впадает больной при смерти.

Он уже не видел того, что происходило вокруг, уже не отвечал, когда с ним заговаривали; его расширенные зрачки смотрели в одну точку. Он был почти все время неподвижен, только его руки иногда пытались натянуть одеяло на лицо или взять какие-то воображаемые предметы, которые, как ему казалось, находились возле кровати.

Берте, несмотря на свою молодость, приходилось неоднократно видеть предсмертную агонию, и она не могла строить иллюзии, зная, какой печальный конец ждет несчастного бедного крестьянина. Она решила избавить Розину от тяжкого зрелища предсмертных мук ее отца, которые могли начаться с минуты на минуту, и потому велела девушке сходить за доктором Роже.

— Мадемуазель,— сказал Мишель,— если хотите, за доктором мог бы сходить я. Я бегаю быстрее девушки, и к тому же отпускать ее ночью одну небезопасно.

— Нет, господин Мишель, с Розиной ничего не случится, а у меня есть свои причины просить вас остаться со мной. Вам это будет неприятно?

— О! Мадемуазель, не думайте об этом! Я до того рад быть вам полезным, что никогда бы не упустил такую возможность.

— Успокойтесь, быть может, вскоре мне не раз придется испытать вашу преданность.

Не прошло и десяти минут после ухода Розины, как больной, казалось, почувствовал явное и почти неверо-

ятное облегчение: взгляд стал осмысленным, дышать стало легче, сведенные судорогой пальцы разжались, и он несколько раз провел ими по лбу, чтобы вытереть обильный пот.

— Как вы себя чувствуете, папаша Тенги? — спросила Берта.

— Лучше,— слабым голосом ответил он.— Может статься, Господу не угодно, чтобы я дезертировал перед сражением? — добавил он, сиюсь улынуться.

— Наверное! Ведь вы будете сражаться и за него тоже.

Крестьянин грустно покачал головой, испутив глубокий вздох.

— Господин Мишель,— произнесла Берта, отведя его в угол, чтобы больной их не слышал.— Господин Мишель, бегите к кюре, попросите его прийти и разбудите соседей.

— Разве ему не лучше, мадемуазель? Он только что сказал вам об этом.

— Какой же вы ребенок! Неужели вы никогда не видели, как гаснет лампа? Последнее пламя всегда самое яркое: вот так же бывает и с нашим бедным телом. Бегите скорее! Агонии не будет: лихорадка истощила все силы этого несчастного; его душа отлетит без борьбы, без усилия, без надрыва.

— И вы останетесь с ним одна?

— Бегите скорее и не беспокойтесь обо мне.

Мишель вышел, а Берта подошла к постели Тенги, который протянул ей руку.

— Спасибо вам, смелая девушка,— сказал крестьянин.

— Спасибо за что, папаша Тенги?

— Во-первых, спасибо за вашу заботу... и еще за то, что надумали позвать кюре.

— Вы слышали?

На этот раз Тенги сумел улынуться по-настоящему.

— Да,— ответил он,— хотя вы и говорили чуть слышно.

— Но присутствие кюре не должно наводить вас на мысль, что вам предстоит умереть, милый мой Тенги: не бойтесь!

— Бояться! — вскричал крестьянин, пытаясь приподняться и сесть в постели.— Бояться! Почему? Я почитал

стариков и заботился о детках, страдал без ропота, трудился без жалоб, славил Бога, когда град опустошал мое маленькое поле и благословлял Его, когда созревал добрый урожай; ни разу не прогнал я нищего, посланного святой Анной к моему бедному очагу; я выполнял заповеди Господа и наставления церкви; когда наши священники сказали: «Вставайте и беритесь за оружие», я сражался с врагами моей веры и моего короля и был смиренным после победы и верящим в успех после поражения; я все еще готов отдать жизнь за святое дело, так мне ли бояться? О нет, мадемуазель! Для нас, бедных христиан, это светлый день, когда мы умираем. Хоть я и невежда, но я это понимаю. Этот день уравнивает нас со всеми великими, со всеми счастливыми на земле; и если этот день настал для меня, если Господь призывает меня к себе, то я готов и предстану перед его судом, полный надежд на Его милосердие.

Лицо Тенги озарилось, когда он произносил эти слова; но благочестивый порыв исчерпал последние силы бедного крестьянина.

Он тяжело упал на кровать, бормоча что-то невнятное: можно было разобрать лишь слова «синие», «приход», имена Бога и Пресвятой Девы.

В это мгновение вошел кюре. Берта указала ему на больного, и священник, сразу поняв, что от него ждут, начал обряд соборования.

Мишель умолял Берту уйти, девушка согласилась, и оба, помолвившись последний раз у изголовья Тенги, вышли из хижины.

Один за другим входили соседи; каждый преклонял колено и повторял за священником слова молитвы.

Две тоненькие свечки желтого воска, поставленные по сторонам медного распятия, освещали эту скорбную сцену.

Внезапно в ту минуту, когда священник и все присутствующие вполголоса читали «Аве Мария», недалеко от хижины раздался крик совы.

Крестьяне вздрогнули.

Услышав этот звук, умирающий, чьи глаза уже несколько мгновений как затуманились, а дыхание стало свистящим, приподнял голову.

— Я здесь! — крикнул он. — Я здесь!.. Я поведу вас!

И он попытался изобразить крик совы в ответ на крик, который только что услышал.

Это ему не удалось; при его слабеющем дыхании получилась лишь какой-то всхлип, голова откинулась назад, глаза широко раскрылись. Он был мертв.

И тут на пороге хижины появился незнакомец.

Это был молодой бретонский крестьянин в широкополой шляпе, красном жилете с посеребренными пуговицами, в синей куртке с красной вышивкой и высоких кожаных гетрах; в руке он держал окованную железом палку, какие сельские жители берут с собой, отправляясь в дорогу.

Казалось, он удивился зрелищу, представшему его взору, но никого ни о чем не спросил.

Он преклонил колени и произнес молитву; затем, подойдя к кровати, пристально взгляделся в бледное, бескровное лицо несчастного Тенги; две крупные слезы скапывали по его щекам; он вытер их, а затем вышел из хижины молча, как и вошел.

Крестьяне, никогда не проходившие мимо жилища усопшего, не помолившись за упокой его души и не поклонившись его телу, не удивились появлению незнакомца и не обратили внимания на его уход.

А незнакомец, отойдя на несколько шагов, встретил другого крестьянина, поменьше ростом и помоложе, который казался его братом. Этот крестьянин сидел верхом на лошади, оседланной по-бретонски.

— Ну что, Золотая Ветка,— спросил невысокий крестьянин,— что там происходит?

— Там происходит... то, что в этом доме нам уже места нет: туда явилась гостья, которая заняла его целиком.

— Что за гостья?

— Смерть.

— Кто умер?

— Тот человек, у которого мы хотели остановиться. Я бы вам предложил: «Используем эту смерть в качестве прикрытия; спрячемся под саваном, который никто даже не подумает поднять»,— но я слышал, что Тенги умер от тифозной горячки, и, хотя врачи считают эту болезнь не заразной, я не могу подвергать вас опасности заболеть.

— Вы не бойтесь, что вас увидели и узнали?

— Это невозможно! Там было восемь или десять человек, мужчин и женщин, молившихся у кровати. Я вошел, стал на колени, помолился вместе со всеми. Так поступает в подобном случае всякий бретонский или вандейский крестьянин.

— И что же нам теперь делать? — спросил младший из крестьян.

— Как я уже говорил, нам предстояло сделать выбор между замком моего старого друга и хижиной бедного крестьянина, который должен был стать нашим проводником, между роскошью и удобством жизни в богатых апартаментах, но не в полной безопасности, и тесным домишком, скверной кроватью, ржаным хлебом, но в несомненной безопасности. Господь Бог за нас решил этот вопрос, нам больше не из чего выбирать: придется спать в комфорте.

— Но вы сказали, что в замке небезопасно?

— Замок принадлежит моему другу детства, чей отец при Реставрации стал бароном. Отец умер; в замке сейчас живут его вдова и сын. Если б там был один только сын, я был бы спокоен: он хоть и слабохарактерный, но честный малый, а вот его мать мне кажется эгоистичной и тщеславной женщиной, и это меня все время беспокоит.

— Ба! На одну ночь! Вам недостает отваги, Золотая Ветка!

— У меня ее достаточно, когда дело касается только меня, но я отвечаю перед Францией или по крайней мере перед моей партией, за жизнь Мад...

— Малыша Пьера, вы хотите сказать... Ах! Золотая Ветка, за те два часа, что мы в пути, вы уже мне заплатили десятый фант.

— И последний, Мад... Малыш Пьер, хотел я сказать; отныне вы мой брат, и называю вас только этим именем и своим братом.

— Поедем, поедем в замок! Я чувствую такую усталость, что попросила бы приюта в замке у людоеда из сказки.

— Мы поедем напрямик и будем на месте через десять минут, — сказал молодой человек. — Устройтесь поудобнее в седле; я же пойду пешком — вам надо только ехать за мной. Иначе мы собьемся с пути — ведь тропинку почти не видно.

— Пойдите, — воскликнул Малыш Пьер.

И соскользнул на землю.

— Куда вы? — с беспокойством спросил Золотая Ветка.

— Вы помолились у постели бедного крестьянина, теперь мой черед.

— Вы так думаете?

— У него было храброе, верное сердце,— настаивал Малыш Пьер,— если б он остался жив, то рискнул бы жизнью ради нас. Я должен вознести у его тела хотя бы скромную молитву.

Золотая Ветка снял шляпу и сделал шаг навстречу, чтобы дать пройти своему молодому спутнику.

Как сделал до этого Золотая Ветка, маленький крестьянин вошел в хижину, взял веточку букса, обмакнул в святую воду и встряхнул над телом усопшего; затем он преклонил колена, помолился и вышел, так же незаметно, как и его спутник.

Затем Малыш Пьер подошел к Золотой Ветке так же, как пятью минутами ранее Золотая Ветка присоединился к нему.

Молодой человек помог Малышу Пьеру снова взобраться в седло; затем оба они, тот, кто помоложе, верхом, а другой пешком, молча двинулись через поля по едва различимой тропинке, которая, как мы уже сказали, была самой короткой дорогой в замок Ложери.

Но не успели они сделать и пять сотен шагов, как Золотая Ветка остановился и придержал лошадь Малыша Пьера.

— Что там еще? — спросил тот.

— Я слышу шаги,— ответил молодой человек.— Скройтесь в кустах, а я спрячусь вон за тем деревом.

Путники спешили не зря: тот, чьи шаги они слышали, приближался так быстро, что они его увидели, несмотря на темноту, в то самое мгновение, когда спрятались за своим укрытием.

Малыш Пьер — в кустах, Золотая Ветка — за деревом.

Незнакомец, которому они уступили дорогу, вскоре был шагах в тридцати от Золотой Ветки, чьи уже привыкшие к темноте глаза различили молодого человека лет двадцати, не шедшего, а скорее бежавшего в том же направлении, что и они.

Шляпа была у него в руке, ветер разведал его волосы, открывая лицо, которое было легко узнать.

У Золотой Ветки вырвался возглас удивления; однако он, словно еще сомневаясь и медля выполнить свое желание, дал молодому человеку пройти мимо и только тогда, когда он повернулся к нему спиной, воскликнул:

— Мишель!

Молодой человек, не ожидавший услышать свое имя в темноте и в этом безлюдном месте, отпрянул в сторону и спросил дрожащим от волнения голосом:

— Кто меня зовет?

— Я,— ответил Золотая Ветка, снимая шляпу и парик, которые он бросил к подножию дерева, и двинувшись навстречу своему другу, оставаясь, однако, в одежде бретонца, нисколько, впрочем, не менявшей его облик.

— Анри де Бонвиль! — воскликнул Мишель, вне себя от изумления.

— Он самый. Но не произноси мое имя так громко: здесь кусты, овраги и деревья могут иметь уши.

— Ах, верно! — сказал Мишель.— И потом...

— Да, и потом,— отозвался Бонвиль.

— Так, значит, ты здесь, чтобы участвовать в восстании, о котором все говорят?

— Именно! А теперь скажи: с кем ты?

— Я?

— Да, ты.

— Дружище,— отвечал молодой барон,— я еще не пришел к определенному мнению; однако признаюсь тебе по секрету...

— По большому секрету, если хочешь, но только признавайся поскорее!

— Ладно, скажу тебе по секрету: я склоняюсь на сторону Генриха Пятого.

— Что ж, дорогой мой Мишель,— весело сказал граф де Бонвиль,— если ты встанешь на сторону Генриха Пятого, это то, что мне нужно!

— Позволь... Вообще-то говоря, я еще не вполне решился.

— Тем лучше! Я буду иметь удовольствие завершить твое обращение, а для успеха этого предприятия ты не-

медленно предложишь переночевать в твоём замке мне и одному из моих друзей, который сопровождает меня.

— Где же этот твой друг?

— Я здесь,— произнес Малыш Пьер, подойдя к ним и поклонившись молодому человеку с ловкостью и изяществом, какую нельзя было ожидать от человека в его одежде.

Мишель несколько секунд разглядывал маленького крестьянина, затем, подойдя поближе к Золотой Ветке, вернее, к графу де Бонвилю, спросил:

— Анри, как зовут твоего друга?

— Мишель, ты нарушаешь древние традиции гостеприимства; ты забыл «Одиссею», дорогой мой, и тем самым меня огорчил! Какая тебе разница, как зовут моего друга? Разве не достаточно тебе знать, что это очень знатный юноша?

— А ты уверен, что это юноша?

Граф и Малыш Пьер расхохотались.

— Как видно, бедняга Мишель, ты непременно желаешь знать, кого будешь принимать у себя?

— Дело не во мне, дорогой Анри, клянусь тебе. Но в замке Ложери...

— Ну что там, в замке Ложери?

— Я не хозяин.

— Да, там хозяйкой баронесса Мишель, и я предупреждал об этом моего друга, Малыша Пьера. Но мы не собираемся задержаться в замке, мы только переночуем. Ты отведешь нас на свою половину, я загляну в погреб и в чулан — все это осталось на прежнем месте, — мой юный спутник выпится на твоей кровати, а завтра с рассветом я отправлюсь на поиски убежища, и, как только найду его, что не составит, надеюсь, особого труда, мы избавим тебя от нашего присутствия.

— Это невозможно, Анри! Не думай, что я боюсь за себя; но привести тебя в замок означало бы поставить под угрозу твою безопасность.

— Как это?

— Я уверен, что моя мать еще не легла: она ждет, когда я вернусь,— и увидит всех нас. Твое переодевание еще можно как-то понять; но как объяснить странный наряд твоего спутника, который не обманул даже меня?

— Он прав,— заметил Малыш Пьер.

— Ну и что нам теперь делать?

— Речь идет не только о моей матери,— продолжил Мишель.

— А о ком же еще?

— Постой! — воскликнул молодой человек, беспокойно оглядываясь по сторонам.— Отойдем подальше от этой изгороди и кустов.

— Черт возьми!

— Речь идет о Куртене.

— О Куртене? Это еще кто такой?

— Ты не помнишь арендатора Куртена?

— Как же, помню! Славный малый, всегда принимавший твою сторону против кого угодно, даже против твоей матери.

— Правильно! Так вот, Куртен теперь мэр нашей деревни и ярый сторонник Филиппа! Если он увидит тебя ночью в поле, да еще в этом костюме, он без лишних церемоний арестует тебя.

— Вот это заслуживает внимания,— заметил Анри, сразу став более серьезным.— Что думает об этом Малыш Пьер?

— Я ничего не думаю, приятель Золотая Ветка, я предоставляю вам это сделать за меня.

— Короче говоря, ты закрываешь перед нами двери своего дома? — спросил Бонвиль.

— Что за важность, — ответил барон Мишель, в глазах которого блеснули искры надежды, — что за важность, если я открою вам двери другого дома, и притом более безопасного, чем замок Ложери?

— Как что за важность? Напротив, нам это очень даже важно! Что скажет мой юный спутник?

— Я скажу так: пусть откроется хотя бы какая-нибудь дверь, это все, что мне нужно. Должен признаться, я падаю с ног от усталости.

— Тогда следуйте за мной,— сказал барон.

— Подожди-ка... Это далеко отсюда?

— Примерно час пути... Самое большее вам придется пройти лье с четвертью.

— Малыш Пьер чувствует себя в силах проделать этот путь? — осведомился Анри.

— Малыш Пьер найдет в себе силы,— смеясь, ответил молодой крестьянин.— Итак, вперед за бароном Мишелем!

И маленькая группа, ведомая бароном, после десяти-минутной остановки снова пустилась в путь.

Но не успел Мишель сделать и полусотни шагов, как его друг положил ему руку на плечо.

— Куда ты нас ведешь? — спросил он.

— Не беспокойся.

— Я последую за тобой, если ты пообещаешь, что для Малыша Пьера — он, видишь ли, существо изнеженное — найдутся приличный ужин и мягкая кровать.

— Он получит все то, что я предложил бы ему у себя, лучшее блюдо, какое найдется в кладовой, лучшее вино из погреба и лучшую кровать в замке.

Трое путников снова двинулись по тропинке.

— Я побегу вперед, чтобы там успели подготовиться, — выпалил вдруг Мишель.

— Постой минутку, — сказал Анри, — куда это ты побежишь?

— В замок Судэ.

— Как! В замок Судэ?

— Да, ты же знаешь замок Судэ с его островерхими, крытыми шифером башенками, справа от дороги, напротив Машкульского леса.

— Замок *Волчиц*?

— Замок *Волчиц*, если тебе угодно.

— И ты туда ведешь нас?

— Именно так.

— Ты хорошо все обдумал, Мишель?

— Я отвечаю за вас.

И, считая, что его друг получил исчерпывающие разъяснения, молодой барон помчался в направлении замка Судэ с такой же поразительной быстротой, с какой он бежал в тот день, или, вернее, в ту ночь, в Паллюю за врачом для умирающего Тенги.

— Итак, что будем делать? — спросил Малыш Пьер.

— Поскольку выбора у нас нет, последуем за ним.

— В замок *Волчиц*?

— В замок *Волчиц*.

— Ладно, пусть будет так; но чтобы скоротать время в дороге, вы мне расскажете, Золотая Ветка, что это за Волчицы, — произнес молодой крестьянин.

— По крайней мере вы узнаете о том, что я о них знаю.

— Большого я от вас требовать не могу.

И тогда, держась за луку седла, граф де Бонвиль поведал Малышу Пьеру о том, о чем судачили в Нижней Луаре и в соседних департаментах: об отличавшихся диким нравом наследницах маркиза де Судэ, об их охотах днем, об их прогулках по лесу ночью, об их бешеной скачке на конях с оглушительно лающей сворой в погоне за волками и кабанами.

Граф дошел до самого волнующего момента в своем фантастическом повествовании, как вдруг заметил впереди башенки замка Судэ и, оборвав рассказ, объявил своему спутнику, что они близки к цели своего путешествия.

Малыш Пьер, уверенный в том, что ему предстоит увидеть каких-то ведьм из «Макбета», призвал себе на помощь все свое мужество, приближаясь к этому ужасному замку, когда за поворотом дороги вдруг очутился перед открытой дверью и увидел на пороге застывшие в ожидании две белые фигуры, освещенные пламенем факела, который держал стоявший позади человек с суровым лицом и в одежде крестьянина.

Малыш Пьер бросил боязливый взгляд на Берту и Мари, ибо это были они, предупрежденные бароном Мишелем и вышедшие навстречу путникам.

И увидел двух очаровательных девушек: блондинку с голубыми глазами и ангельским личиком и черноглазую брюнетку с гордым, решительным взором, с открытым лицом. Обе они улыбались.

Юный спутник Золотой Ветки спешился, и оба пошли к девушкам.

— Мой друг барон Мишель позволил мне надеяться, милые дамы, что ваш отец, маркиз де Судэ, соблаговолит оказать нам гостеприимство,— сказал Берте и Мари граф де Бонвиль.

— Моего отца, сударь, сейчас нет дома,— ответила Берта,— он будет жалеть о том, что упустил возможность проявить добродетель, которую редко встретишь в наши дни.

— Но я не знаю, мадемуазель, сообщил ли вам Мишель о том, что это гостеприимство может оказаться небезопасным для вас. Я и мой юный спутник почти что вне закона: за предоставленный нам приют вы можете навлечь на себя неприятности.

— Вы служите тому же делу, что и мы, сударь. Будь вы чужими, мы все равно приняли бы вас, но раз вы роялисты и вне закона — вы желанные гости, пусть даже смерть и разорение войдут с вами в наше бедное жилище. Если бы отец был здесь, он сказал бы вам то же самое.

— Барон Мишель, наверно, назвал вам мое имя, остается только сказать, как зовут моего юного спутника.

— Мы вас не спрашиваем об этом; ваше положение значит для нас больше, чем ваше имя, каково бы оно ни было; вы — роялисты, вас преследуют из-за дела, за которое мы обе, хотя и женщины, были бы рады отдать жизни! Войдите в дом; пусть в нем и нет ни богатства, ни роскоши, но вы по крайней мере найдете в нем людей, которые верны долгу и умеют молчать.

И жестом, полным неизъяснимого величия, Берта пригласила молодых людей войти внутрь.

— Слава святому Юлиану! — прошептал на ухо графу Малыш Пьер.— Вы предлагали мне на выбор дворец или хижину, так вот вам и то и другое под одной крышей. До чего же они мне нравятся, ваши *Волчицы!*

И он вошел в узкую боковую дверь, поблагодарив девушек изящным кивком головы.

За ним вошел граф де Бонвиль.

На прощание Мари и Берта дружески кивнули Мишелю, а Берта даже протянула ему руку.

Но Жан Уллье захлопнул дверь с такой силой, что бедный молодой человек не успел пожать протянутую ему руку.

Несколько мгновений он смотрел на башенки замка, черневшие на темном фоне неба, на окна, зажигавшиеся одно за другим, затем направился в сторону своего дома.

Как только он скрылся из виду, кусты напротив замка раздвинулись, и из них вышел человек, присутствовавший при этой сцене совсем с другими целями, чем остальные ее участники.

Человеком этим был Куртен; оглядевшись и убедившись в том, что вокруг никого нет, он зашагал по той же дороге, по которой его молодой хозяин возвращался в Ложери.

XV НЕУРОЧНЫЙ ЧАС

Было около двух часов ночи, когда молодой барон Мишель вышел на широкую аллею, ведущую к замку Ложери.

Воздух был неподвижен; величавая тишина ночи, которую лишь нарушал шелест осин, погрузила его в глубокое раздумье.

Разумеется, он думал о сестрах Судэ, и той из них по имени Мари, за которой барон уносился в мечтах с таким же благоговением и любовью, с какими юный Товия следовал за архангелом.

Но когда в пятистах шагах, за темным строем деревьев, под зеленым сводом которых он шел, стали видны поблескивавшие в лунных лучах окна замка, его чарующие грезы развеялись, и мысли сразу приняли более прозаическое направление.

Вместо двух прелестных девичьих лиц, до сих пор сопровождавших его в пути, воображению его представился строгий и грозный профиль матери.

Мы знаем, какой непреодолимый страх испытывал перед баронессой ее сын.

Молодой человек остановился.

Охвативший его страх был столь велик, что, знай он в окрестностях какой-нибудь дом или даже постоянный двор, где бы могли его приютить на ночь, он вернулся бы в замок только на следующий день. Впервые в жизни он не то что не ночевал дома, но возвращался в столь поздний час, и сейчас инстинктивно чувствовал, что его отсутствие было замечено, и мать не спит.

Что ему ответить на страшный вопрос: «Где вы были?»

Только Куртен мог его приютить; но, попросив убежища у Куртена, надо было все ему рассказать, а молодой барон понимал, как опасно довериться такому человеку.

Поэтому он решил мужественно встретить материнский гнев, но так, как приговоренный к казни, у которого нет другого выхода, идет на эшафот, и продолжил путь.

Но чем ближе он подходил к замку, тем менее твердым становилось его решение.

Когда он дошел до конца аллеи, когда надо было ид-

ти дальше по лужайкам, без прикрытия деревьев, когда увидел окно материнской спальни, выделявшееся на темном фасаде, единственное освещенное окно в замке, от его смелости не осталось и следа.

Значит, предчувствия его не обманули, баронесса не спала и дожидалась возвращения сына.

Как мы уже сказали, мужество покинуло молодого человека окончательно, и воображение, подстегнутое страхом, подсказало ему хитрость, которая могла если не отвлечь материнский гнев, то по крайней мере отсрочить его вспышку.

Он побежал налево вдоль грабовой аллеи и скрылся в ее тени; затем перелез через стенку в огород и, открыв калитку, вышел из огорода в парк.

В парке под сенью деревьев можно было незаметно подобраться к окнам замка.

До сих пор все шло удачно, но самое трудное, или, вернее, самое рискованное было впереди: нужно было найти окно, которое забыл закрыть один из слуг, через которое можно было бы попасть внутрь и добраться до своих комнат.

Замок Ложери представлял собой большое квадратное строение с одинаковыми башенками по углам.

Кухни и служебные помещения находились в подвале; парадные апартаменты располагались на первом этаже, покои баронессы — на втором, комнаты ее сына — на третьем.

Мишель осмотрел замок с трех сторон, осторожно, но настойчиво пытаясь отворить двери и окна, прижимаясь к стенам, неслышно ступая, затаив дыхание.

Но двери и окна не поддавались.

Оставалось обследовать главный фасад.

Это было чрезвычайно опасным делом; как мы уже сказали, на эту сторону, единственную, где не росли ни кусты, ни деревья, выходили окна баронессы, и одно из них, окно спальни, было открыто.

И все же Мишель, рассудив, что ему все равно, где получать нагоняй, внутри или снаружи, решил попытать счастья.

Он осторожно высунул голову из-за башенки, которую намеревался обойти, как вдруг заметил, что по лужайке крадется какая-то тень.

Если была тень, должно было существовать и тело, которое отбрасывало ее.

Мишель замер, и стал напряженно вглядываться в темноту.

Он разглядел, что это был мужчина, и шел он той же дорогой, что и он, если бы решил вернуться в замок не таясь.

Молодой барон сделал несколько шагов назад и притаился в тени башенки.

А незнакомец все приближался

Когда до замка ему оставалось не более пятидесяти шагов, Мишель услышал, как из окна раздался суровый голос матери.

— Это, наконец, вы, Мишель? — спросила баронесса.

— Нет, мадам, нет,— ответил ей голос, в котором Мишель с удивлением и страхом узнал голос арендатора,— слишком много чести бедному Куртону быть принятым за молодого барона.

— Великий Боже! — воскликнула баронесса.— Что привело вас сюда в такой поздний час?

— Ах, вы догадались, нечто важное, не правда ли, госпожа баронесса?

— С моим сыном случилось несчастье?

В голосе матери прозвучала такая смертельная тревога, что молодой человек, растрогавшись, чуть было не бросился успокаивать ее.

Но ответ Куртена, который он тут же услышал, помешал осуществиться этому благому намерению.

И Мишель снова вошел в тень башенки, которая служила ему укрытием.

— О нет, мадам, ничего особенного,— ответил арендатор,— парень, если мне дозволено будет так выразиться о господине бароне, жив и целехонек, по крайней мере покамест.

— Покамест! — подхватила баронесса.— Значит, его подстерегает какая-то опасность?

— Э! — сказал Куртен.— Ясное дело! С ним может случиться недоброе, если и дальше его будут завлекать окаянные чертовки, чтоб им сгинуть в преисподней! А я хочу избежать этого несчастья, потому и позволил себе прийти к вам посреди ночи,—впрочем, я догадался,

что вы заметили отсутствие господина барона и еще не ложились спать.

— И правильно сделали, Куртен. Но где же он, этот несчастный ребенок? Вы знаете, где он?

Куртен огляделся вокруг.

— Право же, странно, что он еще не вернулся. Я ведь нарочно свернул на проселочную дорогу, чтобы не встретиться с ним на тропинке, а тропинка покорооче проселочной дороги на добрых четверть лье.

— Но все-таки скажите, откуда он возвращается? Где был? Что делал? Почему бегаёт по полям ночью, в третьем часу, не думая о том, что я беспокоюсь, не заботясь ни о моем, ни о своем здоровье?

— Госпожа баронесса,— сказал Куртен,— а как повашему, не слишком ли много вопросов, чтобы отвечать на них под открытым небом?

И продолжил, понизив голос:

— То, что я должен рассказать госпоже баронессе, так важно, что не было бы излишней предосторожностью выслушать меня у себя в комнате... не говоря уж о том, что, если молодого хозяина пока еще нет в замке, он может появиться с минуты на минуту,— и снова он опасливо огляделся вокруг,— а ему не надо знать, что я за ним слежу, хотя и делаю это для его же блага, а главное, чтобы оказать услугу вам.

— Тогда входите! — воскликнула баронесса.— Вы правы, входите скорее!

— Прошу прощения, мадам, подскажите, как мне войти?

— В самом деле,— заметила баронесса,— дверь закрыта.

— Если бы госпожа баронесса изволила бросить мне ключ.

— Он в двери, но с внутренней стороны.

— Ах, незадача какая...

— Я хотела скрыть от слуг поступок моего сына и отослала их спать; но подождите, я сейчас позвоню горничной.

— Нет! Не надо, мадам, не звоните! — сказал Куртен.— Не стоит посвящать посторонних в наши тайны! И притом сдается мне, дело тут слишком серьезное, чтобы соблюдать правила этикета. Само собой разумеется, что не пристало госпоже баронессе самой открывать

дверь бедному арендатору вроде меня, но один раз не в счет. Если в замке все спят — что ж, тем лучше! По крайней мере нас не потревожат любопытные.

— Право же, Куртен, вы меня пугаете! — произнесла баронесса, которая не могла снизить в своей гордости до простого крестьянина. — Я решилась.

Баронесса отошла от окна, и через несколько секунд Мишель услышал, как заскрипела задвижка и повернулся ключ в скважине входной двери. Он с тревогой вслушивался в эти звуки, но затем сообразил, что его мать и Куртен, поглощенные своими заботами, с таким трудом открыв дверь, забыли запереть ее за собой.

Молодой человек выждал несколько секунд, чтобы дать им возможность подняться наверх; затем, прижимаясь к стене, взбежал по ступенькам, толкнул дверь, бесшумно повернувшись на петлях, и вошел в вестибюль.

Раньше он собирался пройти к себе в спальню, притвориться спящим и ждать, что будет. В этом случае нельзя было бы в точности определить, когда именно он вернулся, и у него бы еще оставалась возможность выйти из затруднительного положения с помощью какой-нибудь дерзкой лжи.

Но с тех пор, как он принял это решение, многое изменилось.

Куртен выследил его, Куртен его видел, Куртен, очевидно, знал, в чьем доме укрылись граф де Бонвиль и его спутник; на мгновение Мишель забыл о себе самом, беспokoясь только о судьбе друга, которому арендатор, чьи убеждения были хорошо известны Мишелю, мог сильно навредить.

Вместо того, чтобы подняться на третий этаж, молодой человек остался на втором; вместо того, чтобы идти к себе в комнату, прокрался в коридор.

Он остановился у двери в спальню баронессы и прислушался.

— Итак, Куртен, вы полагаете, — спросила баронесса, — вы всерьез полагаете, что мой сын влюбился в одну из этих несчастных?

— О, мадам, у меня нет никаких сомнений; и притом он так здорово запутался в ее любовных сетях, что вам, боюсь, нелегко будет его выпутать.

— У этих особ в кармане ни су!

— Зато они принадлежат к самому древнему роду в

этих краях, госпожа баронесса,— заметил Куртен, желавший прощупать почву,— а для вас, аристократов, это, кажется, кое-что значит.

— Фу! — сказала баронесса.— Побочные дочери!

— Зато красивые: одна похожа на ангела, другая жена демона!

— Если бы Мишелю захотелось с ними немного поразвлечься, как делали, говорят, многие другие в здешних краях,— это еще можно понять, но у меня просто не укладывается в голове, что он задумал жениться на одной из них; притом он слишком хорошо меня знает, чтобы вообразить, что я когда-нибудь соглашусь на подобный брак.

— При всем почтении к молодому хозяину, госпожа баронесса, скажу так: он, по-моему, еще не обдумал все до конца, быть может, он сам не дает отчета в том, какое чувство испытывает к этим девицам; но я точно знаю, что ему сейчас грозит более серьезная опасность в другом, более важном деле.

— Что вы хотите этим сказать, Куртен?

— Эх, госпожа баронесса,— отозвался Куртен,— а знаете ли вы, как тяжело будет мне арестовывать моего молодого хозяина?

Мишель за дверью вздрогнул; баронесса была потрясена до глубины души.

— Арестовать Мишеля! — воскликнула она, встрепенувшись.— Мне кажется, вы забываетесь, милейший Куртен.

— Нет, госпожа баронесса, нисколько.

— Однако...

— Я ваш арендатор, это верно,— продолжил Куртен, жестом призывая надменную даму успокоиться,— мое дело — представить вам без утайки отчет об урожае, половина которого по праву принадлежит вам, и оплатить в установленный день и час аренду, что я и стараюсь делать по мере сил, хотя времена теперь нелегкие; но я не только ваш арендатор, прежде всего я — гражданин, и более того, я — мэр и в этом моем качестве, госпожа баронесса, тоже имею обязанности, каковые и призван исполнять, как бы это ни надрывало мое бедное сердце.

— Что за чушь вы несете, милейший, и что общего может быть между моим сыном и вашим долгом гражданина и мэра?

— А вот что общего, госпожа баронесса: сынок-то ваш спутался с врагами государства.

— Я знаю, что господин маркиз де Судэ придерживается крайних взглядов,— сказала баронесса,— однако, мне кажется, если Мишель завел интрижку с одной или с другой его дочерью, то это вовсе не значит, что он совершил преступление.

— Эта интрижка заведет господина Мишеля гораздо дальше, чем вы думаете, госпожа баронесса, я знаю, что говорю. Конечно, он еще не совсем увяз в болоте, куда его заманивают, но уже плохо различает дорогу назад.

— Ладно, Куртен, хватит метафор.

— Извольте, госпожа баронесса, вот вам полное объяснение. Сегодня вечером, побывав у смертного ложа этого старого шуана Тенги с риском занести в замок лихорадку, проводив до дома самую рослую из *Волчиц*, господин барон согласился стать проводником двум крестьянам — они такие же крестьяне, как я дворянин,— и отвел их в замок Судэ.

— Кто вам это сказал, Куртен?

— Я это видел собственными глазами, госпожа баронесса; они меня не подводят, и я им доверяю.

— И кто же, по-вашему, были эти двое крестьян?

— Эти двое крестьян?

— Да.

— Один — голову даю на отсечение — был граф де Бонвиль, отъявленный шуан! Тут нет сомнений, он довольно долго жил в наших краях, и я узнал его. А что касается другого...

— Ну-ну, договаривайте...

— Что касается другого, то, если я не ошибаюсь, это фигура поважнее.

— Кто же он?.. Ах, Куртен, назовите его имя.

— Хватит, госпожа баронесса; коли появится необходимости, я назову его имя кому следует.

— Кому следует! Так вы что, собираетесь донести на моего сына? — вскричала баронесса, изумленная ответом своего арендатора, обычно такого почтительного и покорного с ней.

— Безусловно, госпожа баронесса,— напыщенно ответил Куртен.

— Ну нет, Куртен, вы не решитесь на это!

— Уже решился, госпожа баронесса, и так твердо, что был бы уже на пути в Монтегю или в Нант, если бы не хотел непременно предупредить вас заранее, чтобы вы успели спрятать господина Мишеля в безопасном месте.

— Однако, если даже предположить, что Мишель не замешан в этом деле,—волнуясь, произнесла баронесса,— вы опорочите меня перед соседями и, кто знает, быть может, навлечете на Ложери ужасные преследования.

— Что же, в таком случае мы будем защищать Ложери, госпожа баронесса.

— Куртен...

— Я помню ту большую войну, госпожа баронесса. Я был тогда несмышленишем, но воспоминания о ней не выветрились из моей памяти, даю вам честное слово, и не хочу увидеть ее опять. Мне меньше всего хочется, чтобы мои двадцать арпанов земли стали полем битвы для враждующих сторон, чтобы одни съели мой урожай, а другие сожгли его; и я совсем не хочу видеть, как опять прибирают к рукам государственное имущество, что непременно случится, если роялисты возьмут верх. Из моих двадцати арпанов пять принадлежали эмигрантам, я их честно купил и заплатил, сколько положено; это четверть моего имения. И потом правительство рассчитывает на меня, и я хочу оправдать его доверие.

— Но, Куртен,—заметила баронесса, готовая снизойти до просьбы,— уверяю вас, все не так страшно, как вы уверяете.

— Э! Черта с два! Не скажите, госпожа баронесса, это очень страшно. Хоть я и простой крестьянин, однако знаю не меньше других, потому что привык прислушиваться, а ухо у меня чуткое. Во всей округе до Реца неспокойно, все бурлит, как вода в котелке, один выстрел — и кипяток перельется через край.

— Вы ошибаетесь, Куртен.

— Да нет же, госпожа баронесса, не ошибаюсь. Уж я-то знаю, что знаю, Бог ты мой! Дворяне собирались уже три раза, вот как! Один раз у маркиза де Судэ, другой раз у того, кого они называют Луи Рено, и третий раз — у графа де Сент-Амана. От всех этих сборищ прямо так и разит порохом, госпожа баронесса, кстати, о порохе: у монберского кюре его заготовлено фунтов четырехста, да еще несколько мешков пуль. И наконец —

и это самое главное — раз уж надо вам это сказать, ожидается приезд герцогини Беррийской, а после того, что я видел, мне кажется, что ждать осталось недолго.

— Почему?

— Потому что, сдается мне, она уже здесь.

— Где, Боже милостивый?

— В замке Судэ, где же еще.

— В замке Судэ?

— Именно туда господин Мишель проводил ее сегодня вечером.

— Мишель? Ах, несчастный ребенок! Но вы будете молчать, Куртен, не правда ли? Я так хочу, я приказываю. Впрочем, правительство приняло свои меры, и если бы герцогиня попыталась вернуться в Вандею, была бы арестована.

— А если тем не менее она находится здесь, госпожа баронесса?

— Вот вам еще одна причина, почему вы должны молчать.

— Ну да! И упустить такую добычу, а вместе с ней — славу и выгоду; не говоря уж о том, что если герцогиню арестует кто-то другой, кроме меня, весь наш край будет предан огню и мечу... Нет, госпожа баронесса, нет, такое невозможно.

— Господи, но что же делать? Что делать?

— Послушайте, госпожа баронесса, — сказал Куртен, — сделать надо вот что.

— Говорите, Куртен, говорите.

— Поскольку, будучи честным гражданином, я в то же время хочу остаться вашим преданным и усердным слугой; поскольку надеюсь, что в благодарность за услугу мне продлят аренду на приемлемых условиях, я не назову имени господина Мишеля. Позаботьтесь только о том, чтобы впредь он не совал носа в это осиное гнездо; сейчас-то он туда его уже просунул, но на сей раз еще можно успеть его вытащить.

— Будьте покойны, Куртен.

— Однако, госпожа баронесса, хорошо бы... — начал арендатор и запнулся.

— Ну что еще?

— Право же, я не осмеливаюсь давать советы госпоже баронессе: не мое это дело.

— Говорите, Куртен, говорите.

— Так вот, чтобы держать господина Мишеля подальше от этого осинового гнезда, вам, по-моему, следовало бы любыми средствами, будь то уговоры или угрозы, склонить его покинуть Ложери и уехать в Париж.

— Да, Куртен, вы правы.

— Вот только я думаю, что он не согласится.

— Он будет вынужден согласиться, Куртен, раз я так решила.

— Через одиннадцать месяцев ему исполнится двадцать один год: осталось совсем недолго до совершеннолетия.

— А я говорю вам, Куртен, что он уедет. Но что это с вами?

В самом деле, Куртен, повернувшись к двери, напряженно прислушивался.

— Мне кажется, в коридоре кто-то ходит,— сказал он.

— Посмотрите.

Куртен взял свечу и вышел в коридор.

— Никого нет,— сказал он, вернувшись,— и все же мне показалось, что я слышал шаги.

— Но скажите, где, по-вашему, в такой поздний час может быть этот несчастный ребенок?

— Право, не знаю,— ответил Куртен,— возможно, пришел ко мне домой и дожидается меня. Молодой барон доверяет мне, и не в первый раз он придет, чтобы поведать мне о своих маленьких огорчениях.

— Вы правы, Куртен, это возможно. Идите домой, а главное, не забудьте о своем обещании.

— А вы — о вашем, госпожа баронесса. Когда он вернется, запирайте его. Не давайте ему снова увидеться с *Волчицами*, ведь, если он встретится с ними еще раз...

— Что тогда?

— Тогда я не удивлюсь, если узнаю, что в один из ближайших дней он подстрелил кого-то в зарослях дрока.

— О! Из-за него я умру от горя! Что за несчастная мысль пришла моему мужу — вернуться в эти проклятые края!

— Да, госпожа баронесса, мысль была действительно несчастная, в особенности для него.

Баронесса грустно поникла головой, удрученная воспоминаниями, которые вызвали в ней слова Куртена, а когда он удалился, предварительно оглядевшись вокруг и убедившись, что никто не увидит, как он выходит из замка Ложери.

ДИПЛОМАТИЯ КУРТЕНА

Не успел Куртен сделать и двух сотен шагов по дороге, ведущей на его ферму, как вдруг услышал совсем близко от себя шорох в кустах.

— Кто здесь? — спросил он, отбегая в сторону и угрожающе подняв палку, которую держал в руке.

— Друг, — ответил юношеский голос.

И тот, кому принадлежал этот голос, вышел из кустов на тропинку.

— Да это же господин барон! — вскричал Куртен.

— Но куда вы идете в такой час? Великий Боже! Если бы госпожа баронесса узнала, что вы глубокой ночью бродите по полям, что бы она сказала? — произнес арендатор, разыгрывая удивление.

— Так уж получилось, Куртен.

— Надо думать, — насмешливо заметил арендатор, — надо думать, у господина барона были на то свои причины?

— Да, и ты о них узнаешь, когда мы придем к тебе, — ответил Мишель.

— Ко мне! Вы идете ко мне? — воскликнул озадаченный Куртен.

— Ты отказываешься меня принять? — спросил молодой человек.

— Праведный Боже! Мне — и отказываться вас принять в доме, который, если разобраться, принадлежит вам!

— Ну, тогда не будем терять времени, ведь уже очень поздно. Иди вперед, я пойду за тобой.

Обеспокоенный повелительным тоном молодого хозяина, Куртен повиновался; через сотню шагов он открыл калитку в изгороди, пересек плодовый сад и очутился у своего дома.

Войдя в комнату на первом этаже, служившую одновременно горницей и кухней, он сгреб головни в очаге, раздул огонь и зажег свечу желтого воска, которую поставил на камин.

И только тогда, при свете этой свечи, он увидел то, что не смог увидеть при луне: Мишель был бледен, как смерть!

— Ах, господин барон! — воскликнул Куртен. — Господи Иисусе! Что это с вами?

— Куртен, — нахмурившись, произнес молодой человек, — я слышал твой разговор с моей матерью.

— Вот как, вы слышали? — слегка опешив, спросил арендатор.

Но тут же овладел собой:

— Ну так что же?

— Ты очень хочешь, чтобы в будущем году тебе продали аренду.

— Я, господин барон?..

— Ты, Куртен, и ты хочешь этого гораздо сильнее, чем можно предположить по твоим словам.

— По правде говоря, господин барон, я был бы не против, но если бы возникло какое препятствие, я бы от этого не умер.

— Куртен, твой арендный договор буду продлевать я, — сказал молодой человек, — потому что в будущем году, когда придется его подписывать, я уже буду совершеннолетним.

— Точно так, господин барон.

— Но ты прекрасно понимаешь, — продолжал молодой человек, которому желание спасти графа де Бонвиля и остаться возле Мари придало несвойственную его характеру решимость, — не правда ли, ты ведь понимаешь, что если ты выполнишь то, о чем говорил сегодня, если ты донесешь на моих друзей, то я-то уж никак не стану продлевать аренду доносчику?

— О! — вырвалось у Куртена.

— Вот так. А если ты один раз лишишься аренды, Куртен, надо будет проститься с твоим участком; больше ты сюда не вернешься.

— Но правительство! Но госпожа баронесса!

— А меня все это не касается, Куртен. Меня зовут барон Мишель де ла Ложери; по достижении совершеннолетия поместье и замок Ложери переходят от матери ко мне. Это произойдет через одиннадцать месяцев, а через тринадцать кончается срок твоего договора.

— А если я откажусь от моего плана, господин барон? — заискивающим тоном спросил арендатор.

— Если откажешься от твоего плана, договор будет продлен.

— На тех же условиях, что и раньше?

— На тех же условиях, что и раньше.

— Ах, господин барон, если бы только не боязнь навредить вам...— сказал Куртен, доставая из ящика комода бутылочку чернил, листок бумаги, перо и кладя все это на стол.

— Это еще что? — спросил Мишель.

— Вот если бы господин барон великодушно соизволил и записать то, что он сейчас сказал... Не знаешь ведь, кому сколько отпущено, а я со своей стороны... хорошо, вот распятие, и на этом распятии я поклянусь господину барону...

— Я не нуждаюсь в твоих клятвах, Куртен: выйдя отсюда, я вернусь в Судэ. Я предупрежу Жака Уллье, чтобы он был начеку, а Бонвилю посоветую подыскать другое убежище.

— Что ж, вот еще одна причина,— произнес Куртен, подавая перо своему молодому хозяину.

Мишель взял у него перо и написал на листке: «Я, нижеподписавшийся, Огюст-Франсуа Мишель, барон де ла Ложери, обязуюсь возобновить арендный договор с Куртеном на тех же условиях, на каких он владеет участком земли в настоящее время».

Он хотел было написать дату, но арендатор остановил его:

— Нет, молодой хозяин, не сейчас, пожалуйста. Мы поставим число на следующий день после вашего совершеннолетия.

— Хорошо,— сказал Мишель.

И подписал документ, оставив над подписью свободное место, чтобы потом вписать число.

— Если бы господин барон пожелал отдохнуть поудобнее, чем на этом табурете, я бы сказал господину барону: там, наверху, имеется не слишком скверная кровать, и она в вашем распоряжении.

— Нет, Куртен,— ответил Мишель,— разве ты не слышал, что я возвращаюсь в замок Судэ?

— А зачем вам туда? Раз уж господин барон заручился моим обещанием ничего не говорить, то ему спешить некуда.

— То, что видел ты, Куртен, мог видеть и кто-нибудь другой, и если ты будешь молчать, потому что обещал, другой, не давший такого обещания, сможет заговорить. Итак, до свидания!

— Господин барон волен поступать, как ему угодно,— сказал Куртен,— но напрасно, право же, напрасно он возвращается в эту мышеловку.

— Ладно, ладно! Я благодарен тебе за советы, но я рад тебе сообщить, что я уже в том возрасте, когда могу делать то, что хочу.

И с этими словами, произнесенными с твердостью, на какую арендатор не считал его способным, он встал, открыл дверь и вышел.

Куртен проводил его взглядом, пока дверь за ним не закрылась; только тогда схватил бумагу, обещавшую ему продление аренды, прочел, аккуратно сложил вчетверо и убрал в свой бумажник.

И тут ему показалось, что он слышит какие-то голоса возле дома, он подошел к окну, приоткрыл занавеску и увидел молодого барона рядом с матерью.

— Ага! — сказал он.— Передо мной, молодой петушок, вы распелись куда как громко; но вот госпожа наседка, она заставит вас притихнуть!

В самом деле, баронесса, видя, что Мишель все не возвращается, подумала, что Куртен мог сказать ей правду, и не будет ничего удивительного, если ее сын окажется у арендатора.

Мгновение она колебалась, отчасти от гордости, отчасти от боязни выходить ночью, но наконец материнская тревога взяла верх, и, завернувшись в длинную шаль, она направилась по дороге, ведущей на ферму Куртена.

Дойдя до двери, она увидела, как из дома Куртена выходил ее сын.

Когда она поняла, что с молодым человеком ничего не случилось, все ее страхи исчезли, и ничто больше не сдерживало ее властный нрав.

А Мишель при виде матери от неожиданности отпрянул назад.

— Идите за мной, сударь,— произнесла баронесса,— по-моему, самое время возвращаться в замок.

Бедному юноше даже в голову не пришло спорить или спасаться бегством: он пошел за матерью послушно и безучастно, как малый ребенок.

За всю дорогу баронесса и ее сын не обменялись ни словом.

По правде говоря, Мишеля молчание устраивало больше, чем объяснение, в котором его сыновнее послушание,

или, вернее, слабость характера, неизбежно заставило бы признать свою вину.

Когда они подходили к замку, уже начало светать.

Все так же молча баронесса проводила молодого человека в его комнату.

Там он увидел накрытый стол.

— Вы, наверное, проголодались и устали,— сказала баронесса.

И добавила, показывая на стол и на кровать:

— Вам надо поесть и выспаться.

Затем она удалилась, закрыв за собой дверь.

Молодой человек с содроганием услышал, как ключ два раза повернулся в скважине замка.

Его лишили свободы.

Уничтоженный, он рухнул в кресло.

Такая лавина событий способна была сломить и более волевого человека, чем барон Мишель.

Впрочем, у него был только небольшой запас энергии, да и тот ушел на разговор с Куртенем.

Быть может, он не рассчитал своих сил, заявляя арендатору, что вернется в замок Судэ.

Как верно заметила мать, он устал и проголодался.

На людей в возрасте Мишеля предъявляет свои права и другая строгая мать — природа.

Кроме того, его волнение несколько улеглось.

Раз баронесса, показав ему на стол и на кровать, сказала: «Вам надо поесть и выспаться», это означало, что она не собиралась заходить к нему, пока он сделает то, что она велела.

Таким образом, перед объяснением у него будет несколько часов отдыха.

Наскоро поужинав или, вернее, позавтракав, Мишель проверил дверь, и убедившись в том, что его действительно заперли снаружи, улегся в постель и заснул.

Проснулся он около десяти часов утра.

Лучи ослепительного майского солнца осветили его комнату.

Он открыл окна.

На ветвях деревьев, покрытых молодой и нежной зеленой листвой, щебетали птицы, на газоне распускались первые розы, бабочки кружились в воздухе.

И казалось, что в такой чудесный день несчастье на-

дежно упрятано под замок и не сможет никому причинить вреда.

Ликование проснувшейся после долгого зимнего сна природы прибавило бодрости молодому человеку, и он стал ждать прихода матери, уже не волнуясь.

Но время шло, часы уже пробили полдень, а баронесса все не появлялась.

Мишель с некоторой тревогой заметил, что еды на столе хватало не только на вчерашний ужин, но и на сегодняшней завтрак и даже на обед.

Тогда он стал опасаться, как бы его затворничество не продлилось дольше, чем он думал.

Эти опасения усилились, когда пробило два, а затем и три часа.

Напряженно вслушиваясь в любой шорох, ему показалось, что ветер донес до него выстрелы со стороны Монтегю.

Создавалось впечатление, что стрелял взвод.

Однако невозможно было с полной уверенностью утверждать, что действительно он услышал выстрел.

Монтегю находился в двух лье от Ложери, а эти звуки были похожи на раскаты дальнего грома.

Но нет — небо было чистым.

Перестрелка продолжалась около часа; затем вновь наступила тишина.

Барона охватило такое беспокойство, что он — если не считать завтрака — совершенно забыл о еде.

Впрочем, он успел принять решение: когда наступит ночь и кругом все уснет, он вывинтит замок столовым ножом и выйдет, но не через вестибюль — входная дверь скорее всего будет заперта, — а вылезет через окно.

Надежда на бегство вернула узнику аппетит.

Он плотно пообедал, как человек, уверенный в том, что у него впереди бурная ночь, и набирающийся сил, чтобы выдержать превратности предстоящего пути.

Мишель окончил обед к семи часам; через час должно было стемнеть; он лег на кровать и стал ждать.

Он бы охотно поспал: сон помог бы ему скоротать время, но он был слишком взволнован. Напрасно он закрыл глаза; его слух продолжал улавливать малейшие шорохи.

К удивлению, мать не пришла в его комнату: он не видел ее с самого утра. Со своей стороны она долж-

на была бы предположить, что с наступлением ночи пленник приложит все силы, чтобы сбежать.

Наверно, она что-то задумала, но что именно?

Внезапно молодому барону показалось, что он услышал звон бубенчиков, какие нацепляют на хомут почтовой лошади.

Он подбежал к окну.

В сумерках он различил, что по дороге в Монтегю к замку Ложери с большой скоростью приближалось что-то темное.

К звону бубенчиков теперь уже примешивался стук копыт двух лошадей.

В это мгновение форейтор, скакавший на одной из двух лошадей, щелкнул кнутом, очевидно, возвещая о своем прибытии.

Все стало на свои места: это прибыл почтальон на двух почтовых лошадях.

В то же время молодой барон инстинктивно посмотрел во двор и увидел, как слуги выкатывают из каретного сарая дорожный экипаж его матери.

И тут его осенило.

Этот почтовый экипаж из Монтегю, этот почтальон, щелкнувший кнутом, эта дорожная коляска, которую выкатывали из каретного сарая... сомнений больше не было: мать решила уехать и забрать его с собой! Вот зачем она закрыла его и не выпускала из комнаты. Она придет за ним перед самым отъездом, посадит в коляску — и погоняй, кучер!

Она слишком хорошо знала силу своего влияния на молодого человека и была уверена, что он не посмеет ослушаться.

Мысль об этой зависимости, на которую так твердо рассчитывала мать, вывела молодого человека из себя именно потому, что он понимал, насколько правильны были эти расчеты: у него не оставалось сомнений в том, что, оказавшись лицом к лицу с баронессой, он не посмеет ей прекословить.

Но оставить Мари, отказаться от волнующей жизни, к которой его приобщили сестры Судэ, не участвовать в драме, которую собираются разыграть в Вандее граф де Бонвиль и его таинственный спутник, — все это казалось ему невозможным, и более того — постыдным.

Что подумают о нем обе девушки?

Мишель решился пойти на все, лишь бы избежать подобного унижения.

Он подошел к окну, прикинул расстояние от подоконника до земли: оно составляло примерно тридцать футов.

Какое-то мгновение молодой барон пребывал в задумчивости: в его душе явно происходила борьба.

Наконец он, по-видимому, принял решение; подойдя к секретеру, он достал оттуда крупную сумму денег и рассовал по карманам.

Тут ему послышалось, что он слышит шаги в коридоре.

Он быстро закрыл секретер, бросился на кровать и стал ждать.

Но по необычно напрягшимся мускулам лица внимательный наблюдатель непременно догадался бы, что решение принято.

Каково было это решение? По всей вероятности, мы рано или поздно узнаем о нем.

XVII

КАБАЧОК КУРГУЗОГО ОБЕНА

Было очевидно даже для властей, которые обычно последними узнают о настроениях жителей во вверенных им областях,— что в Бретани и Вандее готовилось восстание.

Как говорил Куртен баронессе де ла Ложери, совещания руководителей легитимистской партии ни для кого не были секретом: имена новых Боншанов и д'Эльбэ, собиравшихся возглавить вандейскую армию, были известны всем, в том числе и полиции; восстанавливалась организация по приходам и округам; священники отказывались петь «Боже, храни короля Луи-Филиппа» и призывали прихожан молиться за Генриха V, короля Франции и регентшу Марию-Каролину; наконец, в прилегавших к Луаре департаментах, особенно Нижней Луаре и Мэн-и-Луаре, в воздухе чувствовался запах пороха, который предшествует большим политическим бурям.

Несмотря на всеобщее брожение умов, а, быть может, именно благодаря этому, ярмарка в Монтегю обещала быть многолюдной.

Хотя обычно ярмарка не пользовалась большим успехом в близлежащих селениях и городках, на этот раз на нее съехалось множество крестьян: жители Можы и Реца соседствовали с обитателями Бокажа и равнины, и, что уже явно указывало на воинственные намерения прибывших, среди этого скопления широкополых шляп и непокрытых голов с длинными волосами почти не было видно белых кружевных чепчиков.

В самом деле, женщины, обычно составлявшие большинство в торговых рядах, сегодня не приехали на ярмарку в Монтегю.

И наконец — и этого было бы вполне достаточно для самых недогадливых, чтобы понять, что они присутствуют на сборе мятежников, — если покупателей на ярмарке в Монтегю было в избытке, то лошадей, коров, овец, которыми там издавна торгуют, не было вовсе.

Откуда бы они ни приехали — из Бопрео, Мортаня, Брессюпра, Сен-Фюльжана или Машкуля, крестьяне вместо привычных товаров, выставляемых на продажу, взяли с собой лишь кизилевые палки, обтянутые кожей, и потому, как они сжимали их в руке, не похоже было, что они собирались их продавать.

Площадь и единственная проезжая улица Монтегю выглядели мрачно, даже угрожающе, но в то же время торжественно, что было совершенно не свойственно такого рода сборищам.

Немногочисленные фигляры, шарлатаны, торговавшие сомнительным зельем, и зубодеры, напрасно стучавшие по своим ящикам, напрасно дули в медные рожки, били в тарелки, сыпали развеселыми прибаутками, зазывая публику: им не удавалось разглядеть морщины на нахмуренных лицах тех, кто проходил мимо, не удостоивая вниманием их музыку или болтовню.

Как и их северные соседи бретонцы, жители Вандей никогда не отличались разговорчивостью; в этот день они почти не раскрывали рта.

Большинство из них стояли, прислонясь спиной к стенам домов, садовым оградкам или деревянным поперечинам забора, обрамлявшего площадь, стояли, скрестив ноги, надвинув на глаза широкополые шляпы, опираясь обеими руками на палки, неподвижно, словно статуи.

Другие собирались небольшими группами, и стран-

ное дело: они, казалось, что-то ждали и были не более разговорчивы, чем крестьяне, стоявшие в стороне.

В центре городка находился кабачок прямо на том месте, где проводилась ярмарка, на углу площади и узкой улочки, выходявшей не на другую улицу и не в поля, а к реке Мен, омывавшей городок с северо-запада.

На кабачке не было никакой вывески.

Высохшая веточка букса, воткнутая в щель стены, да несколько яблок за окном, покрытым такой пылью, что оно могло обходиться без занавесок, указывали на назначение заведения.

А что же до завсегдатаев, то они в указаниях не нуждались.

Хозяина кабачка звали Кургузый Обен.

Обен — была его фамилия; Кургузый — прозвище, которым он был обязан неумно веселому нраву своих приятелей.

Вот при каких обстоятельствах он получил его.

Хотя роль, которую играет Обен в нашей истории, незначительна, мы все же должны немного рассказать о его прошлом.

В двадцать лет Обен был таким хилым, тщедушным и болезненным, что даже не слишком взыскательная призывная комиссия 1812 года сочла его недостойным тех милостей, которыми Его Величество Император имел обыкновение осыпать новобранцев.

Но в 1814 году та же самая призывная комиссия стала менее разборчивой: рассудив, что те молодые люди, которые раньше ей казались неполноценными, все же лучше, чем ничего, и могли, пусть только на бумаге, противостоят силам государей объединенной Европы.

Вот так Обен был призван в действующую армию.

Однако пренебрежение, с каким к нему отнеслись в первый раз, настроило его против воинской службы; решив надуть правительство, он ударился в бега и пристал к одной из банд дезертиров, появившихся в этих краях.

Чем меньше народу можно было поставить под ружье, тем безжалостнее вели себя агенты императорской полиции по отношению к уклонявшимся от призыва.

Обен, не особенно тщеславный от природы, ни за что бы не подумал, что он так необходим правительству, если бы не увидел собственными глазами, сколько силы поло-

жили власти, чтобы разыскать его в бретонских лесах и вандейских болотах.

Жандармы ретиво преследовали дезертиров.

В одной из стычек, какими обычно кончались эти преследования, Обен отстреливался с отвагой и упорством, доказывавшими, что призывная комиссия 1814 года не была уж так не права, признав его годным к военной службе; в одной из этих стычек в Обена угодила пуля, и его, посчитав мертвым, бросили посреди дороги.

В тот день некая зажиточная горожанка из Ансени ехала по дороге, идущей по берегу реки из Ансени в Нант.

Горожанка ехала на своей двуколке в восемь или девять часов вечера, то есть тогда, когда уже совсем стемнело.

Наткнувшись на труп посреди дороги, лошадь шарахнулась в сторону и решительно отказалась двигаться дальше.

Горожанка хлестнула лошадь; животное встало на дыбы.

После новых ударов хлыста лошадь развернулась и захотела во что бы то ни стало вернуться обратно в Ансени.

Горожанка, не привыкшая к таким капризам своей лошади, вылезла из двуколки.

И увидела мертвеца, загораживающего дорогу.

Такого рода встречи были не редкость в те времена.

Горожанка почти не испугалась, она привязала лошадь к дереву и собралась оттащить тело Обена в канаву, чтобы освободить путь своей двуколке и другим экипажам, которые могли последовать за ней.

Однако, прикоснувшись к телу мертвеца, она обнаружила, что оно еще теплое.

От прикосновения женщины или же от внезапной боли Обен очнулся; он вздохнул и пошевелил руками.

Кончилось все тем, что вместо того, чтобы оттащить его в канаву, женщина уложила его в двуколку и, не продолжив путь в Нант, вернулась в Ансени.

Дама была роялисткой и очень набожной женщиной.

Она послала за хирургом.

У несчастного Обена обе ноги были перебиты пулей, и их пришлось ампутировать.

Дама лечила Обена, ухаживала за ним с преданностью сестры милосердия; ее доброе дело, как почти всег-

да бывает, привязало ее к тому, кто был ею благодетельствован, и, когда Обен поправился, горожанка предложила бедному инвалиду, к его крайнему удивлению, свою руку и сердце.

Разумеется, Обен согласился.

И с этих пор Обен, к изумлению всей округи, стал одним из мелких собственников кантона.

Увы! Счастье Обена длилось недолго: через год умерла его жена; она предусмотрительно составила завещание, по которому все ее состояние отходило к мужу; однако законные наследники оспорили ее волю из-за несоблюдения формы, и, после того как суд в Нанте удовлетворил их претензии на наследство, бедный дезертир остался, как и раньше, ни с чем.

Впрочем, мы ошиблись: теперь у бедного горемыки было двумя ногами меньше.

Из-за того, что процветание Обена длилось недолго, остроумные жители Монтегю, которые, как легко себе представить, немало завидовали дезертиру и радовались несчастью, так быстро последовавшему за его небывалой удачей, прозвали Кургузым и прибавили к фамилии Обен прозвище «Прощай радость».

Наследники, оспорившие завещание, принадлежали к либералам; Обен не мог не перенести на всю их партию ярость, которую вызвал у него проигранный процесс.

Так он и сделал, и притом вполне осознанно.

Ожесточившийся из-за своего увечья, уязвленный той, как ему показалось, вопиющей несправедливостью, Обен испытывал ко всем, кого считал повинными в своем несчастье,— родственникам жены, судьям и республиканцам — лютую ненависть, подогреваемую политическими событиями и ожидавшую лишь благоприятного момента, чтобы вылиться в действия, которые при его мрачной, мстительной натуре могли иметь ужасные последствия.

При таком увечье Обену нечего было и думать о том, чтобы вернуться к крестьянскому труду и стать фермером, как его отец и дед.

И пришлось ему, несмотря на глубокое отвращение к городской жизни, обосноваться в городе: и, собрав остатки бывшего богатства, он поселился среди тех, кого ненавидел, в том же самом Монтегю, в кабачке, где мы его встретили через восемнадцать лет после только что описанных нами событий.

У легитимистской партии в 1832 году не было более фанатичного сторонника, чем Кургузый Обен. Разве его служение этой партии не было осуществлением личной мести?

Итак, несмотря на деревянные ноги, Кургузый Обен был самым энергичным и самым смелым участником создававшегося движения.

Как тайный агент в лагере неприятеля, он сообщал вандейским вождям обо всех правоохранительных мерах, которые предпринимало правительство не только в кантоне Монтегю, но и в других местах.

Странствующие попрошайки, эти гости на день, которых не принимают в расчет и не остерегаются, превратились в его руках в бесценных помощников, действовавших на десять лье вокруг, и служили ему одновременно и как лазутчики, и как посредники между ним и сельскими жителями.

Его кабачок был самым удобным местом встреч для тех, кого называли шуанами; как мы уже сказали, он был единственным местом, где им не приходилось сдерживать свои роялистские настроения.

В день ярмарки в кабачке Обена на первый взгляд было не так много посетителей, как можно было ожидать при таком стечении крестьян из окрестных деревень.

В первом зале, низком и темном помещении, обстановку которого составляли некогда полированная, а сейчас обшарпанная стойка и несколько скамеек и табуретов, сидели человек десять крестьян.

По опрятной и даже, можно сказать, изящной одежде можно было сделать вывод, что они были зажиточными людьми.

Первую залу отделяла от второй широкая застекленная дверь с хлопчатобумажными занавесками в красно-белую клетку.

Это второе помещение служило Кургузому Обену одновременно кухней, столовой, спальней и кабинетом, а в особых случаях дополнением к общей зале; здесь он принимал друзей.

Обстановка этой комнаты отвечала ее назначению.

В глубине стояла очень низкая кровать с балдахином и пологом из зеленой саржи: она принадлежала владельцу кабачка.

Рядом с кроватью находились две громадные бочки, откуда наливали сидр и водку для посетителей.

У входа, справа, был камин, обширный и высокий, как в крестьянской хижине; посреди комнаты — дубовый стол с двумя длинными деревянными скамейками и буфет, в котором красовались тарелки и оловянные кувшины.

Распятие с прикрепленной к нему освященной веточкой самшита, восковые статуэтки святых и грубо раскрашенные образа были единственным украшением комнаты.

В день ярмарки в Монтегю Обен открыл для своих многочисленных друзей то, что можно было назвать его святилищем.

Если в общей зале можно было насчитать десять — двенадцать посетителей, то в задней комнате собралось более двадцати человек.

Большинство из них сидело вокруг дубового стола, пило и вело оживленный разговор.

А трое или четверо доставали из мешков, стоявших в углу комнаты, круглые лепешки, пересчитывали их, складывали в корзины, а корзины передавали либо нищим, либо женщинам, которые заглядывали в дверь, находившуюся в другом углу комнаты, за бочками.

Эта дверь выходила на маленький дворик, а дворик, в свою очередь, — на узкую улочку; о ней мы уже упоминали.

Кургузый Обен сидел на некоем подобии деревянного кресла под навесом камина; рядом с ним, с собакой у ног, сидел человек в накидке из козьей шкуры и черном шерстяном колпаке, в котором мы узнаем нашего старого приятеля Жана Уллье.

Позади них племянница Обена, молодая и пригожая крестьянка, которую владелец кабачка взял себе в помощницы, поддерживала огонь и следила за дюжиной глиняных горшочков, в которых тушилось в умеренном жару то, что крестьяне называют «гретки в сидре».

Кургузый Обен очень горячо, хоть и негромко, говорил что-то Жану Уллье, когда в общей зале кабачка раздался свист, похожий на призывно-тревожный клич куропатки.

— Кто это к нам идет? — воскликнул Обен, накло-

ясь, чтобы заглянуть в дырку, проделанную им в занавеске.— Человек из Ложери... Берегитесь!

После того, как о предупреждении стало известно всем, к кому оно было обращено, комната Обена приняла обычный вид.

Дверь в углу тихо закрылась; женщины и нищие исчезли.

Люди, считавшие лепешки, обвязали мешки, уложили их на пол, уселись на них в самых непринужденных позах и закурили трубки.

Что же касалось тех, кто пил за столом, то все они замолчали, а трое или четверо, словно по волшебству, уронили головы на стол и заснули.

А Жан Уллье отвернулся к очагу, чтобы скрыть лицо от взглядов вошедших.

XVIII

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛОЖЕРИ

Куртен — ибо именно его Кургузый Обен назвал «человеком из Ложери» — вошел в общую залу кабачка.

Кроме условного свиста — настолько искусного, что его действительно можно было принять за голос прирученной куропатки, — присутствовавшие, казалось, ничем не выразили к нему свое отношение, беседа за стойкой продолжалась, разве что лица повеселели, слышались громкий смех и прибаутки Куртена.

Арендатор огляделся и, не найдя, по-видимому, в общей зале человека, которого искал, решительно открыл застекленную дверь, и заглянул в заднюю комнату.

И здесь тоже, по-видимому, никто не обратил на него внимания.

Одна лишь Мариэтта, племянница Обена, поглощенная стряпней, на мгновение прервала свое занятие, выпрямилась и спросила Куртена, как спросила бы любого другого завсегдашняя кабачка:

— Что прикажете подать, господин Куртен?

— Чашку кофе, — ответил Куртен, поочередно глядя в каждого из сидевших за столом и по углам комнаты.

— Хорошо... Сядьте где-нибудь,— ответила Мариэтта,— а я принесу вам кофе.

— О! В этом нет нужды,— добродушно ответил Куртен.— Налейте-ка мне его сейчас в мою чашку, я выпью у огня вместе с друзьями.

Никто из присутствующих не подал виду, что их поробили слова Куртена, однако никто и не подвинулся, чтобы освободить ему место.

Куртену пришлось сделать еще один шаг вперед.

— Хорошо вам живется, приятель Обен? — спросил он у владельца кабака.

— Как видите,— ответил тот, даже не повернув головы в его сторону.

Куртену нетрудно было заметить, что в этой компании его принимали без особого доброжелательства; но не таков он был, чтобы смутиться из-за подобного пустяка.

— Ну-ка, Мариэтта,— сказал он,— дай-ка мне табурет, я устроюсь рядышком с твоим дядей.

— Так ведь нет свободных табуретов, господин Куртен,— ответила девушка,— слава Богу, у вас достаточно хорошие глаза, чтобы это заметить.

— Ну что ж, тогда твой дядя отдаст мне свой,— с дерзкой фамильярностью продолжил Куртен, хоть его и не слишком воодушевляло поведение кабатчика и его гостей.

— Если уж так надо,— проворчал Обен,— ты его получишь, раз я тут хозяин, и пусть никто не скажет, что в «Ветке остролиста» не дали табурет тому, кто пожелал сесть.

— Ну, тогда уступи мне место, краснойбай, потому что я вижу здесь того, кого ищу.

— Кого же ты искал? — спросил Обен, вставая, и в то же мгновение двадцать посетителей повскакивали с мест и предложили свои табуреты.

— Ищу Жана Уллье,— ответил Куртен,— и, сдается мне, он здесь.

Услышав свое имя, Жан Уллье, в свою очередь, поднялся с места.

— Ну, и что же вы от меня хотите? — спросил он почти угрожающим тоном.

— Полно вам, полно, не надо меня за это пытаться съесть живьем! — ответил мэр Ложери.— То, что я со-

бираюсь сказать вам, для вас еще важнее, чем для меня.

— Господин Куртен,— ответил Жан Уллье,— вопреки тому, что вы только что сказали, мы с вами не друзья, до этого очень, очень далеко! И вы слишком хорошо это знаете, чтобы прийти сюда к нам с добрыми намерениями.

— А вот тут вы ошибаетесь, приятель Уллье.

— Господин Куртен,— продолжал Жан Уллье, не обращая внимания на знаки, которые подавал ему Обен, призывая к осторожности,— господин Куртен, с тех пор как мы с вами знакомы, вы всегда были синим и всегда вели нечистую игру.

— Нечистую игру? — перебил арендатор со своей всегдашней лукавой улыбкой.

— О! Я знаю, о чем говорю, и вы тоже, я думаю. Речь идет о землях, полученных из нечистых рук. Вы связались с городскими недоумками; вы преследовали жителей поселков и деревень, тех из них, кто сохранил веру в своего Бога и своего короля. Что же сегодня может быть общего между вами, который делал все это, и мной, который поступал как раз наоборот?

— Не скажите,— возразил Куртен,— не скажите, приятель Уллье, я не из вашего круга, это правда. Но хотя я и принадлежу к другой партии, все же мое мнение таково, что между соседями негоже желать друг другу смерти. Клянусь, я искал вас и пришел к вам только для того, чтобы оказать вам услугу.

— Ваши услуги мне ни к чему, господин Куртен,— ответил Жан Уллье.

— Почему же? — осведомился арендатор.

— Потому что за вашими услугами наверняка скрывается измена.

— Значит, вы отказываетесь меня выслушать?

— Отказываюсь,— резко ответил егерь.

— И напрасно,— произнес вполголоса Обен, которому грубоватая прямота его единомышленника показалась оплошностью.

— Ну что же,— медленно произнес Куртен,— если с теми, кто живет в замке Судэ, случится несчастье, вините только себя, приятель Уллье.

Куртен сказал «с теми, кто живет в замке» с явным намеком, включая в их число и гостей; Жан Уллье не мог

не понять этот намек и, несмотря на присущую ему силу воли, страшно побледнел.

Он пожалел, что зашел так далеко, но взять свои слова назад было бы опасно.

Если у Куртена имелись какие-то подозрения, то такое отступление могло только их укрепить.

Поэтому Улле постарался унять волнение и снова сел на табурет, спиной к Куртену. Это выглядело настолько естественно, что даже пройдоха Куртен попался на удочку.

Вместо того, чтобы поспешно выйти из кабачка, как полагалось бы после таких слов, он стал неторопливо искать в своем кожаном кошельке мелочь, чтобы заплатить за чашку кофе.

Обен понял причину его медлительности и воспользовался благоприятным моментом, чтобы вступить в разговор.

— Жан, старина,— добродушно обратился он к Жану Улле,— старина Жан, мы с тобой давние друзья, и не первый год, как я понимаю, идем одной дорогой: тому свидетельство эти деревянные ноги! Так вот, я не постесняюсь тебе сказать при досточтимом Куртене, что ты не прав, слышишь? Пока кулак сжат, только сумасшедший может сказать: «Я знаю, что в кулаке». Конечно, досточтимый Куртен,— продолжил Кургузый Обен, упорно называя так мэра Ложери,— конечно, досточтимый Куртен не на нашей стороне; но он не выступал против нас; он был сам за себя, вот и все, в чем можно его упрекнуть. Но сегодня, когда утихли все раздоры, сегодня, когда нет больше ни синих, ни шуанов; сегодня, когда у нас, слава Богу, нет войны, что тебе до цвета его кокарды? И право же, если досточтимый Куртен, как он утверждает, хочет сказать тебе что-то дельное, отчего бы тебе его не выслушать?

Жан Улле нетерпеливо пожал плечами.

«Старый лис!» — подумал Куртен, слишком хорошо осведомленный о том, что происходило в здешних краях, чтобы его могло обмануть красноречие Обена.

Однако вслух он произнес:

— Тем более что политика не имеет никакого отношения к тому, о чем я собирался рассказать.

— Вот видишь,— подхватил Обен,— ничто не мешает тебе перемолвиться словечком с господином мэром.

А ну-ка подвинься, пусть он сядет рядом с тобой, и потолкуйте в свое удовольствие.

Все это, однако, не заставило Жана Уллье взглянуть на Куртена дружелюбнее или хотя бы повернуться к нему лицом.

Он лишь не поднялся с места — чего можно было опасаться, — когда арендатор сел рядом с ним.

— Приятель Уллье, — произнес Куртен в качестве предисловия, — сдается мне, что хороший разговор надо хорошенько sprysnut'. «Вино — это мед, излитый на слова», — сказал наш кюре... правда, не в проповеди; но все равно ведь чистую правду сказал. Если б мы вместе распили бутылочку, от этого, быть может, мне было бы легче говорить.

— Как вам угодно, — ответил Жан Уллье: как бы ни было противно ему пить с Куртеном, он посчитал эту жертву необходимой для дела, которому служил.

— Есть ли у вас вино? — спросил Куртен у Мариэтты.

— Ну и ну! — воскликнула девушка. — Есть ли у нас вино! Что за вопрос!

— Я имею в виду хорошее вино в запечатанной бутылке.

— Вино в запечатанной бутылке у нас есть, — не без гордости сообщила Мариэтта, — только вот цена ему сорок су.

— Э! — вмешался Обен; он уселся с другой стороны камина, чтобы уловить, если это будет возможно, хоть что-нибудь из таинственного сообщения Куртена. — Господин мэр, деточка, человек обеспеченный, и расход в сорок су не помешает ему заплатить аренду баронессе Мишель.

Куртен пожалел, что позволил себе так много: если по несчастью опять наступят такие времена, как при той большой войне, будет, наверное, опасно слыть чересчур богатым.

— Не помешает! — подхватил он. — Не помешает! Это вы так думаете, приятель Обен! Да, конечно, на уплату аренды мне хватает, но, поверьте, заплатив за аренду, я счастлив, если мне удастся свести концы с концами. Вот и все мое богатство!

— Богатый вы или бедный — это нас не касается, — ответил Жан Уллье. — Что вы там хотели мне сказать? Не мешкайте!

Куртен взял бутылку, которую принесла Мариэтта, тщательно вытер горлышко рукавом; налил сначала немного вина себе, наполнил стакан Жана Уллье, а затем свой, чокнулся и, медленно смакуя вино, сказал:

— Не худо живется тому, кто каждый день попивает такое вино! — И прищелкнул языком.

— Особенно если пить его с чистой и спокойной совестью, — заметил Жан Уллье, — сдается мне, именно это придает добрый вкус вину.

— Жан Уллье, — продолжил Куртен, оставив без внимания философское замечание собеседника и наклонясь к очагу так, чтобы его только услышал тот, к кому он обращался. — Жан Уллье, вы на меня держите зло, и вы не правы, честное слово, не правы, это я вам говорю.

— Докажите — и тогда я с вами соглашусь. Видите, какое у меня к вам доверие.

— Я вам зла не желаю, как сейчас сказал Кургузый Обен, а он человек здравомыслящий, я только желаю добра себе самому, вот и все; по-моему, это не преступление. Я занимаюсь своими делами и не суюсь в чужие, потому что говорю себе: «Приятель, если к Пасхе или к Рождеству у тебя в кубышке не окажется сколько нужно, то королю, как бы он ни назывался: Генрих Пятый или Луи-Филипп, это будет так же безразлично, как и его сборщику налогов, и ты получишь бумагу с его портретом, что будет для тебя очень почетно, но чересчур накладно. А потому предоставь Генриху Пятому или Луи-Филиппу управляться самому и подумай о себе». Знаю, вы другого мнения, это ваше дело: я вас за это не осуждаю, я разве что пожалеть вас могу.

— Приберегите свою жалость для других, любезный, — гордо ответил Жан Уллье, — я в ней не нуждаюсь так же, как и в ваших секретах.

— Когда я говорю, что жалею вас, молодчина Уллье, то подразумеваю не только вас, но и вашего хозяина. Господин маркиз — человек, которого я глубоко уважаю, он не пожалел себя в ту большую войну... Ну и что он выиграл?

— Господин Куртен, вы как будто не собирались говорить о политике; по-моему, вы нарушаете слово.

— Да, верно, не собирался, но разве моя вина, если в этой окаянной стране политика так впуталась в наши дела, что одно уже нельзя отделить от другого! Я гово-

рил вам, старина, что очень уважаю господина маркиза и мне прискорбно, очень прискорбно видеть, как его, когда-то обладавшего самым значительным состоянием в провинции, обездолила толпа разбогатевших выскочек

— Если он доволен своей судьбой, что вам за дело? — ответил Жан Улле. — Вы не слышали его жалоб, и он не просил у вас займы, так?

— А что бы вы сказали о человеке, который предложил бы вернуть замку Судэ его бывшее процветание, бывшее богатство? Скажите, — продолжил Куртен, не смущаясь резкого тона собеседника, — разве был бы такой человек вам врагом? Вам не кажется, что господин маркиз испытывал бы к нему огромную благодарность? Ну, отвечайте прямо, так же, как я с вами говорю.

— Конечно, да, если бы человек, про которого вы говорите, хотел все сделать честно... только в этом я сомневаюсь.

— Честно! А кто бы посмел предложить вам другое, Жан Улле? Послушайте, старина, я говорю начистоту: вот я могу сделать так, что в замке Судэ будут иметь дело с сотнями и тысячами ливров, а не с монетами в пять ливров, но только...

— Но только что? Ага! Вот оно, уязвимое место, верно?

— Но только, черт возьми, надо и мне иметь от этого свой интерес.

— Если дело хорошее, это было бы справедливо, и вы получили бы свою долю.

— Не правда ли, а? И за то, чтобы поспособствовать этому делу, я прошу очень немного.

— Что же вы просите? — спросил Жан Улле, которому теперь захотелось узнать намерения Куртена.

— О! Бог ты мой! Да это проще простого! Во-первых, я хотел бы условиться насчет фермы: чтобы мне не надо было бы ни продлевать, ни выплачивать аренду за ферму, которая за мной уже двенадцать лет.

— То есть вы хотите получить ее в дар?

— Если бы господин маркиз пожелал так распорядиться, я бы не отказался, сами понимаете: я же себе не враг.

— Но как это можно устроить? Ваша ферма принадлежит молодому барону Мишелю или его матери, а я не

слышал, чтобы они собирались ее продавать. Как мы можем отдать вам то, что нам не принадлежит?

— Ладно! — отозвался Куртен. — Но если бы я взялся за дело, которое предлагаю вам, то, может статься, эта ферма очень скоро стала бы вашей, а тогда все было бы легко уладить. Что вы на это скажете?

— Скажу, что не понимаю вас, господин Куртен.

— Шутник!.. Ах, до чего же завидный жених наш молодой хозяин! Знаете ли вы, что, кроме Ложери, ему принадлежит еще Кудрэ, мельницы Ферронри, леса Жервез и что все это, в хороший или плохой год, приносит восемь тысяч пистолей дохода? Знаете ли вы, что старая баронесса собирается дать ему еще столько же, после своей смерти, разумеется?

— Что общего между бароном Мишелем и маркизом де Судэ, — спросил Жан Уллье, — и какое отношение имеет мой хозяин к тому, что имеет сам?

— Ладно, хватит, поговорим начистоту, старина Уллье. Черт возьми! Вы же не могли не заметить, что наш хозяин влюбился в одну из ваших барышень, и здорово влюбился! Уж не знаю, в которую из двух; но пусть господин маркиз скажет свое слово, напишет записку; когда девушка выйдет за барона — они ведь тонкие бестии! — то приберет мужа к рукам и добьется от него всего, что захочет. Конечно, он не станет упрячиться из-за нескольких арпанов земли, особенно если речь идет о том, чтобы отдать их человеку, которому он, со своей стороны, будет безмерно благодарен. Так я разом обстрипаю мое дельце и ваше. У нас на пути только одно препятствие — его мамаша; но это препятствие я берусь устранить, — добавил Куртен, придвигаясь поближе к Жану Уллье.

Тот ничего не ответил, но пристально посмотрел на собеседника.

— Да, — продолжил мэр Ложери, — если мы объединимся, баронесса ни в чем не сможет нам отказать. Знаешь, старина Уллье, — добавил Куртен, дружески похлопывая своего собеседника по колену, — я много что знаю о Мишеле-старшем.

— Если так, на что вам мы? Кто вам мешает сразу же потребовать от нее то, к чему вы так сильно стремитесь?

— Что мне мешает? А то, что к рассказу ребенка,

который пас овец и слышал, как заключалась сделка, мне надо прибавить свидетельство человека, который своими глазами видел, как в Шаботьерском лесу некто получил деньги за пролитую кровь. А ты ведь знаешь, старина Уллье, кто может дать такое свидетельство, верно? В тот день, когда мы начнем действовать сообща, баронесса станет мягкой, как воск. Она скупа, но в то же время тщеславна; страх перед бесчестьем и пересудами здешних жителей сделает ее сговорчивее. Она рассудит, что, в сущности, мадемуазель де Судэ, хотя и бедная и незаконнорожденная, ровня сыну барона Мишеля, чей дед был крестьянином, как мы с вами, и чей отец был... ладно, хватит! Ваша барышня будет богата, наш молодой человек будет счастлив, а я буду премного доволен. Какие могут быть возражения против этого? Не говоря уж о том, что мы станем друзьями, приятель Жан, и хотя я и добиваюсь вашей дружбы, я сам чего-нибудь стою.

— Дружбы? — подхватил Жан Уллье, который с трудом сдерживал негодование, вызванное необычным предложением Куртена.

— Да, дружбы,— ответил тот.— Не качай головой, это правда. Я сказал тебе, что знаю о жизни покойного барона больше, чем кто-либо; я мог бы еще добавить, что больше, чем кто-либо, знаю о его смерти. Я был одним из стрелков во время охоты, когда его убили, и мое место в цепи было как раз напротив места, где он стоял... Я тогда был совсем молод, но уже имел привычку — сохрани мне ее Господь! — не болтать языком, кроме как преследуя свою выгоду. А теперь скажи: разве услуги, которые я могу оказать твоей партии, если мне будет выгодно примкнуть к вам, совсем ничего не стоят?

— Господин Куртен,— нахмутив брови, ответил Жан Уллье,— я не имею никакого влияния на маркиза де Судэ; но если бы у меня и было на него хоть какое-нибудь влияние, эта ферма никогда бы не принадлежала нашей семье, а если бы и стала ее собственностью, то ею никогда бы не заплатили за предательство!

— Все это громкие слова,— заметил Куртен.

— Нет, как бы ни были бедны сестры Судэ, я бы никогда не пожелал им в мужья молодого человека, о котором вы говорите; как бы ни был богат этот молодой человек, и носи он даже другое имя, никогда мадемуазель

де Судэ не пойдет на низость, чтобы добиться такого союза.

— Ты называешь это низостью? А я вижу тут только выгодное дельце.

— Для вас, быть может, это так; но для тех, кому я служу, вступить в сделку с вами ради брака с господином Мишелем было бы больше, чем низостью — гнусностью.

— Берегись, Жан Уллье! Я хочу договориться с тобой по-хорошему, поэтому и не обращаю внимания на твои слова. Я пришел к тебе с добрыми намерениями; смотри, как бы у меня не появились дурные, когда я выйду отсюда.

— Ваши угрозы мне так же безразличны, как ваши предложения, господин Куртен, я вам это сказал, а если придется повторить, что ж, я повторю!

— Еще раз говорю, Жан Уллье: послушай меня. Я признался тебе в том, что хочу стать богатым; у меня это страсть, все равно как у тебя — хранить собачью преданность людям, которые беспокоятся о тебе меньше, чем ты о своей собаке; я подумал, что могу быть полезным твоему хозяину, понадеялся, что он не оставит меня без награды за мою услугу. Ты говоришь, что это невозможно. Ну и не будем больше об этом. Но если бы дворяне, которым ты служишь, захотели отблагодарить меня, как мне хочется, я предпочел бы оказать услугу им, а не другим, запомни это.

— Поскольку надеетесь, что дворяне заплатят вам больше, чем те, другие, не так ли?

— А хотя бы и так, Жан Уллье; я не стану строить из себя гордеца перед тобой, так оно и есть; и, как ты правильно сказал, если придется повторить, я повторю.

— Я не посредник в такого рода сделках, господин Куртен. Впрочем, если награда, которую я мог бы вам предложить, была бы соразмерна услугам, которые они могли ожидать от вас, она была бы столь невелика, что и говорить не стоит.

— Э! Кто знает? Ты ведь не подозревал, приятель, что я знаю про встречу в Шаботьерском лесу! Быть может, я сильно удивил бы тебя, если бы рассказал все, что мне известно.

Жан Уллье постарался не выдать свой испуг.

— Послушайте,— сказал он Куртену,— с меня хва-

тит. Если желаете продаваться, обращайтесь к кому-нибудь другому. А мне, имей я возможность заключать такие сделки, было бы противно этим заниматься. Но, слава Богу, это не мое дело!

— Это ваше последнее слово, Жан Уллье?

— Первое и последнее. Ступайте своей дорогой, господин Куртен, и позвольте нам идти нашей.

— Что же, тем хуже,— произнес Куртен, поднимаясь с места,— потому что, клянусь честью, мне было бы больше по душе поладить именно с вами, а не с другими.

Произнеся эти слова, Куртен встал, кивнул на прощание Жану Уллье и вышел.

Едва он переступил порог, как к Жану Уллье приковылял на своих деревяшках Обен.

— Ты сделал глупость,— негромко сказал он.

— А что надо было сделать?

— Отвести его к Луи Рено или к Гаспару, они бы его купили.

— Кого? Этого паршивого предателя?

— Жан, дружище, когда я был мэром в тысяча восемьсот пятнадцатом году, я видел в Нанте человека, который в то время или еще до того был министром, и из сказанного им я запомнил две вещи: во-первых, что империи создаются и уничтожаются предателями; во-вторых, предательство — единственная вещь в мире, которая несоизмерима с тем, кто его совершает.

— Что же мне, по-твоему, теперь делать?

— Идти следом и не спускать с него глаз.

Жан Уллье секунду размышлял.

Затем, в свою очередь, поднялся с места

— Ей-Богу, мне кажется, ты прав.

И вышел со встревоженным видом.

ХІХ

ЯРМАРКА МОНТЕГЮ

От правительства не укрылось, что политические страсти на западе Франции до предела накалились.

Естественно, заговор, в котором были замешаны многие французы, проживавшие на столь обширной территории, не мог долго оставаться в тайне.

Еще задолго до появления Мадам на берегах Прован-

са в Париже стало известно о том, что готовится восстание; и тут же мощная государственная машина пришла в действие, чтобы быстро и беспощадно навести порядок в провинции; когда же не осталось сомнений в том, что принцесса направляется на запад, выполнение разработанного плана было поручено верным и опытным людям.

Все провинции, где вероятность восстания была наиболее высокой, были поделены на военные округа по числу супрефектур под командованием командиров батальонов в звании капитанов.

В свою очередь, в округа были направлены роты во главе с лейтенантами или младшими лейтенантами, задача которых состояла в поддержании порядка в глубинке, насколько позволяло для этого состояние дорог.

В Монтегю, входившем в состав округа Клиссон, была расквартирована рота 32-го линейного полка.

В тот день, когда произошли события, о которых мы только что рассказали, рота была усилена двумя подразделениями жандармерии, прибывшими тем же утром из Нанта, и двадцатью егерями.

Задача егерей состояла в охране старшего воинского начальника из Нанта, отправившегося с инспекцией во веренные ему части.

Этим воинским начальником был генерал Дермонкур.

По окончании смотра энергичный и умудренный опытом генерал решил, что было бы нелишне для него узнать настроение тех, кого он называл своими старыми друзьями по Вандее, заполнивших площади и улицы города.

Переодевшись в городское платье, он вместе с представителем гражданской администрации, прибывшим одновременно с ним в Монтегю, вышел на улицу.

Несмотря на мрачные лица, горожане особого опасения гостям не внушали.

Люди расступались, пропуская двух важных господ. Хотя генералу уже исполнилось шестьдесят пять лет, он сохранял бравую выправку, а его густые усы даже не были тронуты сединой. Покрытое шрамами лицо генерала и, главное, сановный вид его попутчика привлекали внимание толпы настолько, что их переодевание оказалось пустой тратой времени. Однако, пробиваясь сквозь толпу, они не встретили на своем пути ни одного враждебного взгляда.

— Подумать только! — произнес генерал. — Мои старые друзья по Вандее совсем не изменились: как и тридцать восемь лет назад, они не отличаются приветливостью.

— Мне кажется, что настроение толпы не предвещает беды, — с важным видом заметил представитель гражданских властей. — За те два месяца, что я провел в Париже, где что ни день, то беспорядки, я вволю насмотрелся на парижан и приобрел кое-какой опыт, чтобы сразу распознать признаки готовящегося восстания. Взгляните, мой дорогой генерал: люди не собираются в группы, не видно ни одного оратора, не слышно ропота недовольства — все это позволяет сделать вывод, что толпа настроена вполне дружелюбно. Вы можете мне поверить на слово: эти славные люди думают лишь о том, как бы повыгоднее сбыть свой товар.

— Да, сударь, я полностью разделяю ваше мнение: эти, как вы их называете, славные люди и в самом деле заняты только своей мелкой торговлей и действительно думают лишь о том, как бы повыгоднее продать сабли и свинцовые пули, заполнившие все подсобные помещения их лавчонок, которыми они рассчитывают нас попотчевать, как только им представится первый удобный случай.

— Вы полагаете?

— Я в этом просто уверен. Если на наше несчастье к новому всплеску недовольства добавится еще и религиозный фактор, я с полной ответственностью смогу утверждать, что среди стоящих перед нами парней в грубошерстных куртках, полотняных штанах и деревянных башмаках вы не отыщете ни одного человека, кто бы не был нашим противником.

— Как! И нищие в том числе?

— Нищие прежде всего. Дорогой сударь, главная характеристика этой войны состоит в том, что противник находится как бы повсюду и в то же время его нет нигде; в поисках врага вы озираетесь по сторонам и видите точно так же, как и сейчас кланяющегося вам крестьянина, нищего, тянущего за милостыней руку, торговца-разносчика, предлагающего вам свой товар, музыканта, режущего ваш слух игрой на дудке, лекаря-шарлатана, торгующего своими снадобьями, улыбающегося вам пастушонка, женщину, кормящую грудью младенца на по-

роге своей убогой хижины, высокий кустарник, безобидно склонивший свои ветви над дорогой, и вы спокойно проходите мимо. Так вот, и крестьянин, и нищий, и торговец-разносчик, и музыкант, и лекарь-шарлатан, и пастушок, и женщина — это все ваши враги! И даже кустарник! Кто-нибудь из них, продираясь сквозь густые заросли, следует за вами по пятам, как неутомимый сыщик, и при малейшем вашем движении, показавшемся ему подозрительным, предупредит того, кого вы ищете; у них спрятаны в канаве под колючим кустом или зарыты в яму под деревом длинноствольные поржавевшие ружья, и, если вы, по их мнению, чего-то стоите, они крадучись пойдут за вами точно так же, как и предыдущие ваши преследователи, пока не дождутся благоприятного момента и не приблизятся на расстояние выстрела. Зря тратить порох они не любят. В вас выстрелят из-за кустов, и если, на ваше счастье, они промахнутся, то сколько бы вы ни шарили по кустам, вы не найдете никого и ничего, кроме густых зарослей, то есть ветвей, колючек и листвы. Вот видите, уважаемый сударь, какие они безобидные, жители этого края.

— А вы немного не преувеличиваете? — спросил с сомнением в голосе спутник генерала.

— Черт возьми! Господин супрефект, вам стоит только для примера арестовать одного из местных жителей. И вы увидите, во что превратится мирная толпа, состоящая из наших дружелюбных соотечественников-французов!

— И что же случится, если я решусь кого-то задержать?

— А произойдет то, что кто-то из числа тех, кого мы не знаем: возможно, этот юноша в белой куртке, а может, вот тот нищий, жадно жующий что-то у того дома, окажется Серебрянной ногой, Железной рукой или любым другим главарем банды; он подыметесь и подаст знак; и тут же на наши головы обрушатся тысяча двести или тысяча пятьсот палок, и нас измолотят, как два пшеничных снопа на сжатом поле, прежде чем на помощь придет моя охрана. Я вас еще не убедил? Что ж, можете это проверить в порядке эксперимента.

— Нет, нет, генерал, я вам верю на слово, — с живостью в голосе воскликнул супрефект. — Черт возьми, к чему такие неуместные шутки! С того момента, как вы

просветили меня по поводу намерений этих людей, они больше не внушают мне доверия: я вижу сейчас, что они похожи на настоящих бандитов.

— Что ж, эти люди в самом деле могут быть безобидными, надо только уметь правильно себя с ними вести; к несчастью, этого нельзя сказать про тех, кто нас послал,— произнес генерал с лукавой улыбкой.— Хотите узнать, о чем они между собой говорят? Вы в прошлом наверняка были адвокатом или являетесь им сейчас; я готов с вами побиться об заклад, что даже среди ваших коллег вы никогда не найдете никого, кто бы мог так много и долго говорить и ничего при этом не сказать, как эти люди. Эй, послушай, парень,— продолжал генерал, обратившись к вертевшемуся рядом с ними крестьянину лет тридцати пяти — сорока, с любопытством разглядывавшего булку в своих руках.— Эй! Парень, скажи-ка мне, где можно купить такую отличную булку, от одного вида которой у меня потекли слюни.

— Господин, эти булки не продают, их раздают.

— Черт возьми! Тем более мне хочется их отведать.

— Я и сам удивляюсь,— ответил крестьянин,— и еще как удивляюсь, что такие прекрасные белые булки раздают задарма, когда от желающих их купить не было бы отбоя!

— Да, в самом деле довольно странно, но нам кажется не менее странным и то, что первый человек, к кому мы обратились, не только нам подробно отвечает, но и предвосхищает наши вопросы. Добрый человек, покажите мне вашу булку.

И генерал стал внимательно ее разглядывать.

Это была обычная белая булка, испеченная из муки, замешанной на молоке. Только перед тем как поместить в печь, на ней ножом сверху вырезали крест и четыре параллельные линии.

— Черт возьми! Как же приятно получать такой подарок, который соединяет полезное с приятным. Этот рисунок, должно быть, изображает какой-то ребус. Скажи-ка мне, дружок, кто дал тебе эту булку?

— Мне ее не дали: мне не доверяют.

— А! Вы патриот?

— Я мэр здешней коммуны и поддерживаю правительство. Я увидел, как женщина раздавала бесплатно булки людям из Машкуле. Когда я попросил ее про-

дать, она не осмелилась мне отказать. Я даже купил две: одну сразу же съел при ней, а вот эту положил в карман.

— А не могли бы вы, любезнейший, уступить ее мне? Я собираю ребусы. А этот показался мне интересным.

— Как хотите: я могу вам отдать или продать.

— А! — произнес Дермонкур, взглянув более внимательно на своего собеседника. — Мне кажется, что я тебя понял. Ты можешь мне объяснить, что означают эти иероглифы?

— Конечно, и я даже могу сообщить вам кое-какие другие полезные для вас сведения.

— Так ты хочешь, чтобы тебе заплатили?

— Конечно, — нимало не смутившись, ответил крестьянин.

— Вот как ты служишь правительству, назначившему тебя мэром?

— Черт возьми! Разве правительство покрыло черепицей крышу моего дома? Разве правительство сменило на каменные хоромы мое убогое жилище? Нет, я попрежнему живу в глинобитной, покрытой соломой хижине, которая при пожаре мгновенно превратится в горсточку пепла. За риск надо платить; вы же понимаете, что все мое имущество может в один прекрасный день сгореть.

— Ты прав. Что ж, господин супрефект, это по вашей части. Слава Богу, я всего лишь солдат; прежде чем получить товар, надо за него заплатить. Вам придется раскошелиться.

— Скорее расплачивайтесь, — произнес вымогатель, — на нас смотрят со всех сторон.

И в самом деле крестьяне, по всей вероятности, движимые любопытством, которое всегда вызывают у них заезжие люди, мало-помалу плотным кольцом окружили двух господ и своего земляка.

Это обстоятельство не ускользнуло от внимания генерала.

— Дорогой мой, — произнес он вслух, обращаясь к супрефекту, — вы вовсе не должны верить на слово этому человеку. Он вам продает двести мешков овса по цене девятнадцать франков за мешок. Но нет никакой уверенности в том, что вы их получите. Дайте ему задаток и потребуйте расписку.

— Но у меня нет ни бумаги, ни карандаша,— сказал супрефект, разгадав замысел генерала.

— Так вернитесь в гостиницу, черт возьми! Посмотрим,— продолжал генерал,— продаст ли нам здесь еще кто-нибудь овес? Нам нужно кормить лошадей.

Какой-то крестьянин утвердительно кивнул головой, и, пока генерал торговался с ним, супрефект и человек с булкой смешались с толпой, не привлекая к себе излишнего внимания.

Как, наверное, уже догадался наш читатель, этим крестьянином был не кто иной, как Куртен.

Попробуем рассказать, чем он с самого утра занимался.

Разговор с юным хозяином дал Куртену обильную пищу для размышлений.

Он рассудил, что простой донос не принесет ему большой выгоды.

Кроме того, правительство может и позабыть наградить за оказанную услугу одного из своих мелких агентов. Рискую остаться с носом, Куртен подвергался большой опасности, навлекая на себя ненависть роялистов, которых было не счесть в здешних местах.

Вот тогда-то он и придумал план, в который, как мы уже знаем, он посвятил Жана Уллье.

Он надеялся использовать в своих целях влюбленность юного барона и завоевать расположение маркиза де Судэ, считая, что маркиз только и мечтает об этом союзе, а это, в свою очередь, дало бы ему возможность хорошо заработать, если он не будет раскрывать рта, и одновременно спасти человека, чья жизнь, если он не ошибался, высоко ценилась партией роялистов.

Мы видели, как Жан Уллье принял предложение Куртена. И вот тут-то Куртен, упуская такое для него выгодное дело, польстился на мелкую подачку и перешел на сторону правительства.

XX

БУНТ

Спустя полчаса после того, как в толпе затерялись супрефект и Куртен, на поиски генерала отправился жандарм. И нашел его мирно беседующим с благообраз-

ным нищим в отрепьях; выслушав несколько сказанных ему на ухо слов, генерал поспешил в гостиницу «Белый конь».

Супрефект встретил его в дверях.

— И что же вам удалось узнать? — спросил генерал, увидев, что лицо чиновника так и светится от удовольствия.

— А! Генерал, есть отличная новость! — воскликнул он.

— Что ж, посмотрим.

— Я только что говорил с весьма осведомленным человеком!

— Ну и новость! Они все, как один, самые осведомленные люди на свете! И самый несведующий из них знает больше господина Талейрана. И что же вам рассказал этот осведомленный человек?

— Он видел, как позавчера вечером в замок Судэ прибыл переодетый в крестьянскую одежду граф де Бонвиль в сопровождении невысокого крестьянина, смахивавшего на женщину.

— И что же?

— Генерал, сомнений больше нет.

— Выкладывайте, господин супрефект, все до конца: вы же видите, с каким нетерпением я жду продолжения вашего рассказа,— произнес самым спокойным тоном генерал.

— Я думаю, что эта женщина вовсе не принцесса, которую мы ждали.

— Что ж, вы вправе иметь собственное мнение, а я думаю по-другому.

— Почему же?

— Потому что у меня есть свои источники информации.

— От добровольных помощников или нет?

— Разве можно от этих людей добиться чего-то добровольно!

— Бал

— Но что же вы узнали?

— Да ничего.

— Ну все же?

— Когда вы ушли, я занялся покупкой овса.

— А потом?

— Крестьянин, к которому я обратился, попросил у

меня задаток. И это требование с его стороны было вполне правомерным. Я же, в свою очередь, попросил у него расписку, на что также имел полное право. Он зашел в первую попавшуюся на глаза лавчонку, чтобы составить расписку. «Ба! — воскликнул я, — вот тебе карандаш, а у тебя наверняка найдется клочок бумаги: моя шляпа будет вместо стола». При нем действительно оказалось какое-то письмо; разорвав его пополам, он написал расписку. Вот она.

Супрефект взял листок и прочитал:

«Получено от господина Жан-Луи-Робье пятьдесят франков в счет оплаты за тридцать мешков овса, которые я обязуюсь ему доставить 28 с. г.
14 мая 1832 г.

Ф. Террьен»

— Ну вот, — заметил супрефект, — я не вижу ничего заслуживающего внимания в этой записке.

— Взгляните, пожалуйста, что написано на обороте.

— Ах! Да! — воскликнул супрефект.

Листок бумаги, который держал в руках чиновник, в самом деле оказался разорванным пополам письмом. На обороте он прочитал:

. ркиз!
. новость
. которую мы ждем
. в Бофэ 26 вечером
. офицеры вашей дивизии
. представленные Мадам
. с почтением,
. ру.

— Черт возьми, — воскликнул супрефект, — у меня в руках не что иное, как объявление о торжественном построении; не составляет большого труда восстановить недостающие слова.

— Да, это сделать совсем не трудно, — произнес генерал.

Затем вполголоса добавил:

— Даже слишком просто.

— Ну вот, что вы на это скажете? — спросил супрефект. — Не кажется ли вам, что эти люди выглядят слишком большими простаками, что даже настораживает.

— Подождите! — произнес Дермонкур. — Это еще не все.

— Как!

— Распроставшись с продавцом овса, я разговорился с похожим на юродивого нищим. Поговорив с ним о Боге, о святых, о Пресвятой Деве, о перспективах на урожай гречихи и яблок — заметьте, что все яблони стоят сейчас в цвету, — я закончил разговор тем, что спросил, не сможет ли он сопроводить нас в Леру, куда мы собирались, если вы не забыли, заехать. «Я не могу, — хитро улыбнувшись, ответил юродивый. — Почему? — спросил я с самым невинным видом. — Потому что я уже дал согласие, — ответил он, — сопровождать одну благородную даму и двух таких же важных, как вы, господ из Пюи-Лорана в Фросельер».

— Ах! черт возьми! Мне кажется, дело усложняется.

— Наоборот, проясняется.

— Объясните.

— Если кто-то начинает вдруг с вами откровенничать в краю, где обычно ни от кого не добьешься лишнего слова, это сразу наводит на мысль о западне, которую расставляют, чтобы провести такую старую лису, как я. Герцогиня Беррийская, если она действительно прибыла в здешние края, не может в одно и то же время находиться в Судэ, Бофэ и Пюи-Лоране. Разве вы со мной не согласны, мой дорогой супрефект?

— Черт возьми, — ответил, почесывая затылок, государственный муж, — я думаю, что она вполне могла бы поочередно посетить их. Я считаю, что вместо того, чтобы спешить туда, где она была или собирается побывать, лучше отправиться прямо в Фросельер, о котором упоминал в разговоре с вами юродивый.

— Дорогой мой, вы плохой сыщик, — сказал генерал. — Только тот странный тип с булкой, которого вы привели сюда, представил нам сведения, которым можно доверять...

— А другие?

— Я готов поспорить на мои генеральские погоны, что другие крестьяне были подсланы нам каким-то хитрецом, который, увидев, как мэр беседовал с нами, решил пустить нас по ложному следу. Мой дорогой супрефект, если мы не хотим, чтобы нас провели за нос, мы должны отправиться на охоту в Судэ.

— Bravo! — воскликнул супрефект.— А я-то боялся, что поступил опрометчиво. Но теперь ваши слова вселяют в меня уверенность.

— Что же вы такое совершили?

— Я записал имя того странного мэра: его зовут Куртеном, и он мэр небольшой деревушки под названием Ложери.

— Мне известны эти места: тридцать семь лет назад мы чуть было там не захватили Шаретта.

— Так вот он назвал мне человека, который мог бы стать нашим проводником; во всяком случае, его следовало бы из предосторожности задержать, чтобы он не вернулся в замок и не поднял тревогу...

— И кто этот человек?

— Интендант и телохранитель маркиза. Вот его приметы.

Генерал взял клочок бумаги и прочитал:

«Волосы седые, коротко подстриженные, лоб низкий, глаза черные, выразительные, брови лохматые, на носу бородавка, из ноздрей торчат волосы, бакенбарды густые; носит круглую шляпу, одет в бархатную куртку, на нем жилет и штаны из той же ткани, кожаные гетры и пояс. Особые приметы: второй слева передний зуб выбит».

— О! — воскликнул генерал.— Да это вылитый портрет моего торговца овсом. Готов поклясться, что он такой же Террьер, как я Баррабас.

— Генерал, вы сможете сейчас сами в этом убедиться.

— Как это?

— Через секунду он будет здесь.

— Здесь?

— Несомненно.

— Он придет сюда?

— Да, придет.

— По доброй воле?

— По доброй воле или же его приведут насильно.

— Насильно?

— Да; я приказал его арестовать, и, должно быть, это уже сделано.

— Тысяча чертей! — вскричал генерал, ударив кулаком по столу с такой силой, что супрефект подскочил в

кресле.— Тысяча чертей! — повторил он.— Что же вы наделали?

— Генерал, если он такой опасный человек, как о нем мне говорили, я подумал, что у меня нет другого выхода, как заключить его под стражу.

— Опасный! Опасный!.. Да теперь он еще более опасен, чем был четверть часа назад.

— Даже если его арестовали?

— Поверьте мне, пока вы будете его арестовывать, он уже поднимет тревогу. Не успеем мы отъехать на одно лье отсюда, как принцесса уже будет предупреждена. Мы еще счастливо отделаемся, если по вашей милости на нас не набросятся местные жители, прежде чем мы успеем позвать на помощь кого-нибудь из солдат.

— Возможно, не все еще потеряно...— произнес супрефект, устремляясь к дверям.

— Да, скорее... Ах! Тысяча чертей! Слишком поздно!

В самом деле, с улицы послышался глухой шум, нараставший с каждой секундой все сильнее и сильнее, пока не достиг мощи бушующего пламени вулкана.

Генерал открыл окно.

В ста шагах от гостиницы он увидел жандармов, ведущих Жана Уллье со связанными руками.

Их сопровождала негодующая толпа; жандармы проталкивались сквозь нее медленно и с трудом.

Еще не пошло в ход оружие, но нельзя было терять ни минуты.

— Скорее, надо ковать железо, пока горячо! — воскликнул генерал, поспешно сбрасывая с себя гражданский сюртук и натягивая генеральский мундир.

Затем приказал секретарю:

— Рюскони, подай коня! Моего коня! А вы, господин супрефект, попробуйте вызвать гвардейцев, но позаботьтесь о том, чтобы без моего приказа не стреляли.

В комнату вошел вызванный секретарем капитан.

— Капитан, соберите людей во дворе, прикажите двадцати егерям из моей охраны седлать лошадей, возьмите на два дня провизии и выдайте по двадцать пять патронов на человека, и готовьтесь выступить по первому моему сигналу.

Старый генерал, словно сбросив с себя груз прожитых лет, бегом спустился во двор, расталкивая попадав-

шихся ему на пути штатских, и на ходу приказал открыть выходявшие на улицу ворота.

— Как! — воскликнул супрефект. — Вы хотите выйти к этим буйным головам? Одумайтесь, генерал!

— Наоборот, именно так и надо поступать. Черт возьми! А вы хотите, чтобы я приказал своим людям идти на них? Вперед, дороге! Дорогу! Сейчас не время предаваться эмоциям.

И в самом деле, как только скрипевшие на петлях ворота отворились, генерал, прищипорив коня, ринулся вперед и врзался в самую гущу толпы.

Неожиданное и смелое появление статного пожилого военного с волевым выражением лица в усыпанном наградами генеральском мундире и многочисленными нашивками произвело на толпу эффект электрического разряда.

Словно по мановению волшебной палочки вдруг наступила тишина, и уже было поднятые дубины опустились. Те крестьяне, что оказались рядом с генералом, невольно поднесли руки к головным уборам; плотные ряды смутьянов разомкнулись и пропустили старого солдата, участника битв под Риволи и в Египте, шагов на двадцать вперед в направлении жандармов.

— Ребятаушки, что случилось? — воскликнул он так громко, что его было слышно на улицах, примыкавших к площади.

— Только что арестовали Жана Уллье, — слышался чей-то голос.

— Жан Уллье — добрый малый, — вторил ему другой голос.

— Арестовывать надо мошенников, а не честных людей, — произнес третий голос.

— Мы не позволим отвести Жана Уллье в тюрьму, — раздался четвертый голос.

— Тихо! — приказал генерал таким властным тоном, что на площади наступила полная тишина.

И продолжил:

— Если Жан Уллье человек честный, в чем я несколько не сомневаюсь, он будет освобожден; если же Жан Уллье из числа тех, кто пытается вас обмануть, злоупотребляет вашим доверием, он понесет наказание. Как вы считаете, справедливо ли оставлять безнаказанными действия тех людей, кто хочет снова втянуть наш

край в невероятные бедствия, о которых старики рассказывают молодым не иначе, как со слезами на глазах?

— Жан Улле — человек мирный и не обидит и мухи, — произнес кто-то в толпе.

— Чего вам не хватает? — продолжил генерал, не обращая внимания на последнюю реплику. — Мы уважаем ваших священников, у нас с вами один Бог. Разве мы покушаемся на жизнь короля, как в 1793 году? Разве мы замахиваемся на религию, как в 1794-м? Разве мы стремимся отнять вашу собственность? Нет, закон стоит на страже ваших интересов. Никогда еще торговля не приносила вам таких доходов.

— Что правда, то правда, — произнес молодой крестьянин.

— Не слушайте тех дурных французов, которые, преследуя свои чисто эгоистические интересы, готовы ввергнуть страну в пучину гражданской войны. Неужто вы забыли, кто они; надо ли вам напоминать? Надо ли вспоминать об убитых стариках, матерях, детях, о вытоптаных полях, разоренных и сгоревших домах, о смерти и запустении, грозящим каждому очагу?

— Это дело рук солдат в синих мундирах! — воскликнул один крестьянин.

— Нет, дело вовсе не в солдатах в синих мундирах, — продолжил свою речь генерал, — а в тех, кто вас подбивает на эту бессмысленную борьбу, которая в наши дни становится просто безнравственной; если в прошлом этой борьбе можно было по крайней мере найти оправдание, то теперь уже такого оправдания просто нет.

С этими словами генерал направил свою лошадь в сторону жандармов, которые, в свою очередь, пытались изо всех сил пробиться к генералу.

Им стало легче продираться сквозь толпу потому, что простые и доходчивые слова генерала возымели свое действие на отдельных крестьян: одни молча опустили голову, другие же делились с соседями впечатлением от речи генерала, и, если судить по виду крестьян, оно было положительным.

Но чем ближе подъезжал генерал к жандармам и их пленнику, тем меньше доброжелательных лиц он видел вокруг, а те крестьяне, кто стоял ближе всего к пленнику и его конвоирам, выглядели просто угрожающе. Это

были, по всей вероятности, главари банд, которые наводили страх на местных прихожан.

Перед ними было бы бесполезно упражняться в красноречии: их уже ничто не могло заставить отказаться от раз и навсегда принятого решения — ничего не слышать и помешать другим прислушаться к голосу разума.

Эти люди не кричали, они вопили во все горло.

Мгновенно оценив обстановку, генерал понял, что люди такого сорта признают только грубую силу.

Обен, по прозвищу Кургузый, был в первых рядах ревуших мятежников.

И это было тем более удивительно для человека с таким увечьем, как у него.

Однако в данный момент вместо обычных деревяшек у него были настоящие ноги, так как Кургузый Обен оседлал высоченного нищего и сидел на нем, словно всадник на коне.

Находясь на плечах нищего, который поддерживал его за ремни протезов, трактирщик держался не менее уверенно на нем, чем генерал в своем седле.

Доставая головой до генеральских эполет, Кургузый Обен осыпал старого вояку яростной бранью, сопровождая ее угрожающими жестами.

Генерал вытянул руку, схватил калеку за воротник куртки, приподнял и держал несколько секунд в воздухе над головами крестьян, прежде чем отдать в руки жандармам.

— Свяжите этого шута горохового! — воскликнул он. — У меня от него в конце концов заболит голова.

Освобожденный от своей ноши нищий поднял голову, и генерал узнал в нем юродивого, с которым он беседовал утром, однако сейчас нищий ничем не отличался от любого умственно полноценного человека.

Поступок генерала развеселил толпу, но взрывы смеха сразу же смолкли.

Кургузый Обен оказался в руках жандарма, слева от которого шел Жан Уллье.

Вынув незаметно из кармана нож с уже раскрытым лезвием, он вонзил его по рукоятку в грудь жандарма с криком:

— Да здравствует Генрих VI! Спасайся, Уллье.

В этот момент нищий, видимо, из духа соперничества решивший не отставать от своего товарища, проскольз-

нул под генеральским конем и внезапным резким движением схватил всадника за ногу и сбросил его с лошади.

Генерал и жандарм упали на землю одновременно, словно были убиты на месте.

Но генерал сразу же поднялся на ноги и ловко вскочил в седло.

Оказавшись снова на коне, генерал с такой силой ударил кулаком по непокрытой голове нищего, что тот, не издав ни звука, упал навзничь, словно ему размозжили череп.

И жандарм, и нищий лежали без движения; нищий потерял сознание, а жандарм был мертв.

Несмотря на завязанные руки, Жан Уллье тоже не терял времени даром и неожиданно так сильно толкнул плечом второго жандарма, что тот покачнулся.

Переступив через тело мертвого солдата, пленник бросился бежать.

Однако генерал, казалось, видел даже то, что происходило у него за спиной.

Развернув лошадь, он врезался в самую гущу толпы, и, подхватив рукой Жана Уллье точно так же, как Кургузого Обена, он кинул его впереди себя поперек седла.

В этот момент на него посыпался град камней, и в воздухе мелькнули палки.

Жандармы не растерялись: ощерившись штыками, они приблизились к генералу, и толпа, не осмеливаясь пойти на них врукопашную, стала забрасывать их камнями.

Им оставалось сделать всего шагов двадцать до постоянного двора.

В этот момент положение генерала и его людей стало критическим.

Возмущение крестьян, решивших во что бы то ни стало освободить Жана Уллье, достигло апогея.

Несмотря на то что уже несколько штыков обагрились кровью, мятежники не отступали.

К счастью, генерал уже находился на таком расстоянии от своих солдат, что они слышали его голос.

— Ко мне, гренадеры 32 полка! — крикнул он.

В ту же секунду ворота постоянного двора распахнулись, пропуская солдат со штыками наперевес, бросившихся на выручку генералу.

И в сопровождении своей охраны ему удалось пробиться к постоялому двору.

Его уже поджидал супрефект.

— Вот этот тип,— произнес генерал, сбрасывая Жана Ульье с лошади, словно куль с бельем.— Нам дорого обошелся. Видит Бог, он должен нам за это заплатить.

Неожиданно на другом конце площади послышались частые выстрелы.

— Что это? — прислушавшись, спросил, раздувая ноздри, генерал.

— По-видимому, это национальная гвардия,— ответил супрефект.— Я вызвал гвардейцев и приказал им напасть на мятежников с тыла.

— А кто отдал приказ открыть огонь?

— Я, генерал, ведь необходимо было вас освободить.

— Тысяча чертей! Вы же видите, что я освободился без вашей помощи,— произнес старый солдат.

Затем, покачав неодобрительно головой, он произнес:

— Запомните, сударь, во время гражданской войны напрасно пролитая кровь — это больше, чем преступление, это настоящая ошибка.

Во дворе показался прискакавший галопом ординарец.

— Мой генерал,— произнес офицер,— мятежники разбегаются, кто куда. Надо ли, чтобы их преследовали подоспевшие егеря.

— Всем оставаться на своих местах! — приказал генерал.— Пусть восставшими займутся гвардейцы. Они между собой смогут договориться по-дружески.

В самом деле, словно в подтверждение его слов, раздался второй ружейный залп, возвестивший о том, что крестьяне и гвардейцы пришли к взаимному соглашению.

Именно эти два залпа и услышал в Ложери барон Мишель.

— А,— произнес генерал,— нам остается только закончить этот печальный день так, чтобы он не стал для нас последним.

Затем, указывая на Жана Ульье, продолжил:

— У нас остался последний шанс, если этот человек поделился с нами своим секретом. Эй, жандармы, скажите, говорил ли он с кем-нибудь после того, как вы его арестовали?

— Нет, мой генерал, он даже не мог пошевелить рукой, так как крепко они были у него связаны.

— Но, может быть, он хотя бы кивнул головой или что-то произнес? Вы же знаете, для этих мужланов достаточно и одного жеста или слова.

— Никак нет, мой генерал.

— Ну тогда попробуем еще раз, может, нам и повезет. Капитан, накормите своих людей; мы отправляемся в путь через четверть часа. Чтобы навести порядок в городе, хватит жандармов и гвардейцев; а мои егеря будут нам разведывать дорогу.

И он вошел на постоянный двор.

Солдаты занялись подготовкой к маршу.

Пока генерал говорил, Жан Уллье сидел на камне посреди двора под охраной двух жандармов.

Его лицо хранило обычную невозмутимость, а сам он связанными руками гладил пса, не отходившего от него все это время. Положив голову на колени хозяина, пес время от времени лизал его связанные руки, словно желая сказать пленнику, что в беде у него остался по крайней мере один преданный друг.

Жан Уллье поглаживал пса перышком дикой утки, которое он подобрал во дворе; затем, воспользовавшись тем, что внимание его охранников было отвлечено чем-то, происходившим неподалеку, просунул перышко в собачью пасть, и, поднявшись, негромко скомандовал:

— Вперед, Пато!

Пес нехотя повиновался и, оглядываясь на хозяина, побежал к воротам и исчез за ними так проворно, что его никто не заметил.

— Отлично! — произнес Жан Уллье. — Он будет на месте раньше нас. — К несчастью, не только жандармы следили за пленником!

XXI

ВОЗМОЖНОСТИ ЖАНА УЛЛЬЕ

И сейчас по всей Вандее найдется немного хороших широких дорог, и все они были проложены после 1832 года, то есть после событий, о которых идет речь в нашем романе.

Именно отсутствие путей сообщения было главным козырем восставших.

Скажем несколько слов о дорогах, проложенных с незапамятных времен по левому берегу Луары и действующих поныне.

Таких дорог две.

Одна соединяла Нант и Ла-Рошель через Монтегю, а другая вела от Нанта в Пембеф через Пелерен, почти на всем своем протяжении пролегая вдоль берега реки.

Кроме этих главных путей сообщения, существует еще несколько второстепенных дорог, проложенных от Нанта в Бопрео через Валле, а также от Нанта в Монтань, Шолле и Брессюир через Клиссон, соединяющих Нант и Сабль-д'Олон через Леже, и Нант и Шалан через Машкуле.

По этим узким и неудобным дорогам невозможно было добраться напрямую из Монтегю в Машкуле, не сделав большой крюк; доехав до Леже, следовало свернуть на дорогу, ведущую из Нанта в Сабль-д'Олон, и ехать до пересечения с дорогой на Шалан и уже по ней добираться до Машкуле.

Решившись на столь нелегкий переход, генерал хорошо понимал, что успех экспедиции зависит от того, с какой скоростью поедет отряд.

Впрочем, эти дороги были отнюдь не более приспособлены к военным переходам, чем проселочные.

По обе стороны пролегалли широкие и глубокие овраги, поросшие густым кустарником, представлявшие собой почти идеальное место для устройства засад.

Те немногие преимущества, которые давали дороги своим удобным местоположением, отнюдь не компенсировали их недостатки; вот почему генерал выбрал проселочную дорогу, по которой он мог добраться до Машкуле через Вьей-Винь, укорачивая путь почти на полтора лье.

Принятая генералом система расквартирования войск позволила приучить солдат действовать на местности и заранее познакомить с опасными тропами.

Капитан, командовавший отрядом пехотинцев, узнал дорогу до реки Булонь после того, как проехал по ней днем; а так как Жан Уллье наверняка отказался бы показывать им дорогу дальше, было решено, что, когда отряд доберется до реки, его будет поджидать проводник,

посланный Куртеном, который не осмелился открыто оказать им помощь.

Решив двигаться по проселочной дороге, генерал принял все необходимые меры предосторожности, чтобы его маленькое войско не было застигнуто врасплох.

Впереди отряда скакали два вооруженных пистолетами егеря с факелами в руках, дюжина солдат продвигалась за ними, проверяя на своем пути высокий кустарник, росший рядом с дорогой.

Во главе малочисленного отряда ехал генерал, а в центре колонны — Жан Уллье.

Старый вандеец со связанными руками лежал поперек седла одного из егерей; опоясывавшие его поводья, которыми он был привязан к лошади, для пущей надежности были схвачены узлом на груди перевозившего его всадника с тем, чтобы Жан Уллье, если бы ему даже удалось развязать веревку, связывавшую его руки, не смог бы далеко убежать от солдата.

По обе стороны от него ехали два егеря, в обязанности которых входило сторожить пленника.

Шел всего седьмой час вечера, когда отряд вышел из Монтегю; необходимо было проехать пять лье; посчитав, что на преодоление одного лье отряду понадобится один час, генерал решил, что на весь путь будет достаточно и пяти часов и что к одиннадцати часам ночи они прибудут в замок Судэ.

По подсчетам генерала, этот час будет наиболее благоприятным для осуществления его замысла.

Если Куртен не обманул, и его предположения подтвердятся, главари вандейского мятежа соберутся в Судэ для переговоров с принцессой и, возможно, еще не разъедутся по домам, когда отряд прибудет в замок. Если предположения генерала окажутся верными, ему удастся схватить сразу всех заговорщиков.

Тридцать минут спустя, то есть в то время, когда конвой удалился от Монтегю на полулье и проезжал развилку дороги на Сен-Корентен, он поравнялся со старухой в лохмотьях, молившейся, стоя на коленях, перед придорожным распятием.

На шум проезжавших мимо всадников женщина обернулась и, вероятно, движимая любопытством, поднялась на ноги и встала на обочине дороги, с тем чтобы поглазеть на военных; затем, словно расшитый золотом ге-

неральский мундир навел ее на какую-то мысль, она начала бормотать молитву, при помощи которой нищие обычно выпрашивают милостыню.

Офицеры и солдаты, крепко задумавшись над своими проблемами и мрачневшие по мере того, как темнело небо, проезжали мимо старухи, не обращая на нее никакого внимания.

— Разве ваш генерал не заметил попрошайку? — спросил Жан Уллье, обращаясь к егерю, ехавшему справа от него.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что он не поделился с ней содержимым своего кошелька. Ему не помешало бы быть более осторожным! Тот, кто отталкивает протянутую за милостыней ладонь, рискует нарваться на кулак. Нас ждет беда.

— Приятель, если ты говоришь о себе, то ты не ошибаешься, делая такое предположение, ибо, как мне кажется, из нас всех именно тебе первому грозят неприятности.

— Я знаю, и потому мне бы хотелось их избежать.

— Каким образом?

— Опустив руку в мой карман и возьми монету.

— Зачем?

— Подай милостыню этой женщине, и она помолится за меня, подавшего ей милостыню, и за тебя, оказавшего мне помощь в этом благородном деле.

Егерь пожал плечами, но суеверие особенно опасно для тех, кто полагает, что добрый поступок зачтется на небесах.

Солдат, считавший себя выше предрассудков, тем не менее решил, что не стоит отказывать Жану Уллье в услуге, о которой тот попросил, тем более что и ему он посулил благословение Бога.

В это время отряд сворачивал на дорогу, ведущую во Вьей-Винь; генерал остановил коня и пропустил вперед своих солдат с тем, чтобы посмотреть, точно ли выполняются все его распоряжения, и тут он заметил, что Жан Уллье обратился с какой-то просьбой к соседу, от него также не ускользнул и ответный жест солдата.

— Почему ты позволяешь заключенному разговаривать с прохожими? — спросил он егеря.

Солдат доложил генералу о просьбе Жана Уллье.

— Стойте! — приказал генерал.— Задержите эту женщину и обыщите ее.

Приказ генерала был тут же выполнен; у нищенки отобрали всего несколько монет, и генерал принялся их внимательно рассматривать.

Но напрасно он вертел их в руках: ему так и не удалось заметить ничего подозрительного.

Однако нищенка не осталась внакладе, так как генерал вместо отнятых монет протянул старой женщине пять франков.

Насмешливо улыбаясь, Жан Уллье наблюдал за генералом.

— Ну вот, мамаша,— произнес он вполголоса, но достаточно громко, чтобы нищенка услышала его слова,— вы видите, что скромная милостыня пленника (он голосом выделил это слово) принесла вам удачу, пусть это будет лишним поводом для того, чтобы вы не забыли упомянуть мое имя в своих молитвах. Дюжина «Ave Maria», в которых будет замолвлено и за меня слово, поможет спасению моей несчастной души.

Последнюю фразу Жан Уллье произнес немного громче.

— Приятель,— сказал генерал, обращаясь к Жану Уллье, когда колонна снова пришла в движение,— теперь, если вам снова придет в голову мысль подать кому-нибудь милостыню, вы должны будете это сделать через меня; я попрошу помолиться за вас всех, кого вы захотите материально поддержать; мое посредничество будет только приветствоваться небесами и избавит вас от многих неприятностей на земле. А вы,— строгим голосом продолжил генерал, обращаясь к остальным всадникам,— впредь должны неукоснительно выполнять все мои приказы, ибо в противном случае вас ждут крупные неприятности.

Во Вьей-Вине отряд сделал привал на четверть часа, чтобы пехотинцы смогли передохнуть.

Посреди присевших отдохнуть солдат поместили вандейца, чтобы не подпускать к нему близко местных жителей, примчавшихся со всех ног, чтобы поглазеть на отряд.

Лошадь, на которой везли Жана Уллье, была неподкована и выбилась из сил под двойной ношей, и генерал приказал егерям подыскать ей замену.

Самая крепкая лошадь в конвое принадлежала солдату, ехавшему в авангарде, который, несмотря на опасности, которые подстерегали его впереди отряда, с большой неохотой согласился заменить своего товарища.

Это был коренастый широкоплечий мужчина невысокого роста, с добрым и умным лицом, не отличавшийся бравой выправкой среди своих товарищей.

Пока готовили замену при свете фонаря — ибо уже наступила ночь — и проверяли надежность веревок и ремней, которыми был связан пленник, Жан Уллье успел разглядеть черты лица человека, с которым ему предстояло продолжить путь; встретившись с ним взглядом, он заметил, что солдат покраснел.

Прежде чем двинуться в путь, были приняты дополнительные меры предосторожности, ибо по мере продвижения отряда вперед местность становилась все менее открытой и, следовательно, все более благоприятной для засады.

Ни подстерегавшие солдат опасности, ни накопившаяся усталость за день перехода по дороге, проходившей по дну усыпанного огромными валунами оврага, не сказались на веселом настроении солдат, превративших рискованную экспедицию в развлечение; притихшие вначале пути, с наступлением ночи они разговорились между собой с беззаботностью, свойственной французам, ибо им на роду написано, что они не могут долго хранить молчание.

И только егерь, на лошади которого находился Жан Уллье, выглядел необычно хмурым и озабоченным.

— Черт возьми, Тома,— обратился к нему солдат, ехавший справа от него,— ты никогда не отличался особенно веселым нравом, но честное слово, сегодня у тебя такой вид, словно ты едешь в обнимку с самим дьяволом.

— Тысяча чертей,— сказал солдат, скакавший слева,— если он не едет с дьяволом в обнимку, он его везет, как мне кажется, на собственной спине.

— Тома, представь себе, что вместо земляка ты везешь с собой землячку, и ущипни-ка ее за лодыжку.

— Парень должен знать, как это бывает: в их деревне принято сажать девушек на лошадь позади себя, чтобы она целовала в затылок.

— Да, ты прав,— произнес первый солдат,— Тома, а тебе известно, что ты наполовину шуан?

— Скажешь наполовину, нет, полностью! Разве он не ходит на мессу каждое воскресенье?

Егерь, на которого обрушились насмешки товарищей, не успел ответить: послышался голос генерала, приказавшего перестроиться и следовать гуськом, так как тропинка стала совсем узкой, а склоны оврага сблизились так, что двум всадникам уже было не проехать.

Пока отряд перестраивался, Жан Уллье стал потихоньку насвистывать бретонскую песенку, начинавшуюся словами:

Шуаны — хорошие люди ..

При первых же словах песни всадник вздрогнул.

Один егерь ехал впереди, а другой сзади, и Жан Уллье, воспользовавшись тем, что оказался вне поля их зрения, наклонился к уху молчаливого всадника.

— Ты зря отмалчивался, — шепнул он, — Тома Тенги, я тебя сразу узнал точно так же, как и ты меня.

Солдат глубоко вздохнул и пошевелил плечами, словно хотел сказать, что выполняет приказ против своей воли.

Однако он по-прежнему хранил молчание.

— Тома Тенги, — продолжал Жан Уллье, — а известно ли тебе, куда ты направляешься? Знаешь ли ты, куда везешь старого друга твоего отца? Ты хочешь участвовать в разбое и разорении замка Судэ, хозяева которого всегда помогали твоей семье!

Тома Тенги снова вздохнул.

— Твой отец умер! — продолжил Жан Уллье.

Тома не ответил, но дрогнул в седле, и только одно слово слетело с его губ, которое услышал Жан Уллье:

— Умер?..

— Да, умер! — прошептал Жан Уллье. — А кто сидел у его постели вместе с твоей сестрой Розиной, когда он отдавал Богу душу? Две известные тебе девушки из Судэ, мадемуазель Берта и мадемуазель Мари, рисковавшие жизнью, ибо могли подхватить малярию в особо тяжелой форме, которой был болен твой отец. Не имея возможности продлить его дни, два ангела старались облегчить его страдания. Где теперь твоя сестра, потерявшая родной кров? В замке Судэ. Что скажешь, Тома Тенги? По мне лучше быть несчастным Жаном Уллье, которого расстреляют где-то под забором, чем человеком, везущим его связанного по рукам и ногам на казнь!

— Замолчи, Жан! Замолчи! — произнес со слезами в голосе Тома Тенги. — Мы еще не добрались до места... Там увидим.

Пока шел разговор между Жаном Ульье и сыном Тенги, овраг, по которому продвигался маленький отряд, резко пошел под уклон.

Отряд спустился к броду через реку Булонь.

Наступила ночь; стояла такая крошечная тьма, что не было видно ни единой звездочки на небе, такая ночь, которая, с одной стороны, благоприятствовала успешному завершению экспедиции, а, с другой, становилась во время продвижения по дикой и незнакомой местности источником дополнительных опасностей.

На берегу конвой поджидали с пистолетами в руках два егеря, ехавшие впереди отряда.

Колонна остановилась. Всадники в беспокойстве начали оглядываться по сторонам.

И их можно было понять: вместо хрустально-прозрачной воды, струившейся между камнями, как обычно бывает в тех местах, где устраивают брод, глазам солдат предстала темная стоячая вода, лениво омывавшая скалистые берега Булони.

Напрасно солдаты всматривались в темноту: обещанного Куртеном проводника не было и в помине.

Генерал наконец решил его окликнуть.

— Пароль? — раздался чей-то голос с другого берега.

— Судэ! — крикнул генерал.

— Значит, вас я и жду.

— Это брод через Булонь? — спросил генерал.

— Да!

— Но почему же здесь так глубоко?

— Из-за паводка после недавно выпавших дождей.

— А высокая вода не мешает нам перебраться через реку?

— Черт возьми, я никогда еще не видел, чтобы здесь было настолько глубоко; мне кажется, что было бы гораздо разумней...

Неожиданно голос проводника смолк и послышался глухой стон.

До солдат донесся шум борьбы, словно несколько человек катались по гальке.

— Тысяча чертей! — воскликнул генерал. — Убивают нашего проводника!

Ответом на возглас генерала был истошный крик умирающего человека.

— Гренадерам сесть на лошадей позади егерей! — скомандовал генерал. — Капитан, следуйте за мной! Двум лейтенантам оставаться на месте с оставшимися солдатами, пленником и тремя егерями! Вперед и поживее!

Понадобилось всего несколько секунд, чтобы семнадцать grenадеров вскочили на лошадей позади егерей.

Восемьдесят grenадеров, два лейтенанта, пленник и трое егерей, в том числе Тенги, остались на правом берегу Булони.

А генерал, возглавивший отряд из семнадцати егерей с grenадерами за спиной, въехал в реку.

В двадцати шагах от берега стало так глубоко, что у лошадей из-под копыт ушла земля, и они поплыли и несколько минут спустя благополучно достигли противоположного берега.

Пехотинцы спрыгнули на землю.

— Вы что-нибудь видите? — спросил генерал, вглядываясь в темноту.

— Нет, мой генерал, — ответили солдаты в один голос.

— Однако именно отсюда, — продолжал генерал, словно размышляя вслух, — раздался крик нашего проводника. Обыщите кусты, но не отходите далеко друг от друга; возможно, вы найдете его труп.

Солдаты выполнили приказ генерала и прочесали местность в радиусе пятидесяти метров от своего командира, однако четверть часа спустя вернулись ни с чем, заметно обескураженные внезапным исчезновением проводника.

— Вы никого и ничего не нашли? — спросил генерал.

К нему подошел grenадер, что-то держа в руках.

— Я нашел вот этот ночной колпак, — сказал он.

— Где?

— На кустарнике.

— Это ночной колпак нашего проводника, — сделал вывод генерал.

— Почему вы так решили? — спросил капитан.

— Потому что, — ответил, не раздумывая, генерал, — напавшие на него люди были в шапках.

Капитан замолк, не решаясь досаждать генералу рас-

спросами, хотя было видно, что ответ генерала ничего ему не прояснил.

Дермонкур догадался о причине его молчания.

— Все очень просто,— произнес он,— люди, убившие нашего проводника, по всей видимости, шли за нами по пятам с того самого момента, когда мы выехали из Монтегю, с целью отбить у нас нашего пленника. Похоже, что он более важная персона, чем я полагал вначале. Наши преследователи днем были на ярмарке, и, следовательно, у них на головах должны были быть шапки, как у всех выходящих на улицу людей, в то время как нашего проводника подняли с постели посреди ночи, и он нахлобучил на голову первое, что ему попало под руку, или же отправился в дорогу в том, что было у него на голове, а именно в ночном колпаке.

— И вы думаете, генерал,— сказал капитан,— что шуаны осмелились так близко приблизиться к нашему отряду?

— Они идут за нами от самого Монтегю и ни разу не потеряли нас из виду. Черт возьми! На этой войне так часто слышишь обвинения в жестоком обращении, но всякий раз на собственной шкуре понимаешь, что проявляешь излишнюю мягкость... Какой же я простофиля!

— Генерал, я отказываюсь вас понимать,— сказал улыбнувшись капитан.

— Вы помните нищенку, которая встретилась нам на дороге, когда мы выезжали из Монтегю?

— Да, генерал.

— Так вот, по вине этой мерзавки мы оказались в столь незавидном положении. Мне хотелось отправить ее под стражей обратно в город, и я напрасно не доверился интуиции: ведь я бы мог спасти жизнь этому бедолаге. Теперь я все понял: наш пленник еще до прибытия в Судэ связывал свои надежды на побег с «Ave Maria», чье пение мы только что слышали.

— Вы считаете, что им хватит наглости напасть на нас?

— Если бы у них было достаточно людей, они бы уже давно это сделали, но у них не больше пяти или шести человек.

— Мой генерал, вы хотите отдать приказ оставшимся на другом берегу солдатам начать переправу?

— Не торопитесь! Здесь слишком глубоко, и наши

пехотинцы рискуют утонуть. Здесь поблизости должно быть более подходящее для переправы место.

— Мой генерал, вы думаете, что мы найдем брод?

— Черт возьми! Да я в этом просто уверен.

— Так вы знаете здешние места?

— Никак нет.

— Тогда откуда такая уверенность?

— Ах! Капитан, видно сразу, что вы не участвовали, как я, в гражданской войне, в этой бойне без правил, когда приходится полагаться только на свою интуицию. Совершенно ясно, что они не поджидали нас по эту сторону реки до того, как мы вышли на берег.

— Это понятно только вам, мой генерал.

— Эй! Боже мой, да это понятно всем. Если бы они сидели в засаде на этом берегу, они бы услышали шаги нашего проводника, который, не подозревая об опасности, продирался сквозь кусты, и не стали бы ждать нас, чтобы захватить или убить его; следовательно, можно сделать вывод, что эти бандиты шли по нашим следам.

— Да, генерал, вполне возможно.

— Должно быть, они вышли к Булони немного раньше нас. И у них не было времени сделать большой крюк в поисках брода.

— Почему бы им не переправиться в том же месте, что и мы?

— Потому что крестьяне в большинстве своем, в особенности в глубинке, не умеют плавать. Вот почему сам по себе напрашивается вывод, что переправа находится где-то совсем рядом. Пусть четверо солдат поднимутся вверх по течению реки, а четверо других спустятся вниз на пятьсот шагов. Вперед и поживее! Мы не должны ждать, пока нас здесь всех перебьют в тот момент, когда мы промокли до нитки!

Не прошло и десяти минут, как офицер возвратился.

— Мой генерал, вы были абсолютно правы,— доложил он.— Всего в трехстах шагах отсюда мы увидели островок посреди реки, от него к берегу перекинута одно дерево, а другое дерево служит мостиком к другому берегу.

— Bravo! — воскликнул генерал.— Солдаты смогут перейти реку, не замочив пороха.

И затем, обращаясь к отряду, оставшемуся на другом берегу, скомандовал:

— Эй! Лейтенант, идите вверх по течению до переброшенного через реку дерева и не сводите глаз с пленного!

XXII

АПОРТ, ПАТО! АПОРТ

В течение пяти минут разделенный на две части отряд поднимался одновременно по обе стороны Булони.

Добравшись наконец до места, указанного капитаном, генерал дал команду остановиться.

— Сорок солдат во главе с лейтенантом, вперед! — приказал он.

Сорок пехотинцев под командованием офицера вошли в реку и побрели по плечи в воде, держа высоко над головой на вытянутых руках ружья и боеприпасы, чтобы их не замочить.

Выбравшись на другой берег, солдаты заняли свое место в колонне.

— А теперь,— приказал генерал,— переправляйте пленного.

Тома Тенги вместе с Жаном Уллье въехали в воду в сопровождении двух егерей, следовавших справа и слева от них.

— Будь я, Тома, на твоем месте,— тихим и проникновенным голосом произнес Жан Уллье,— я бы опасался только одного: чтобы передо мной не возник призрак моего отца и не поставил бы меня перед выбором — пролить кровь его лучшего друга или расстегнуть злосчастный ремень, чтобы отпустить его на свободу.

Егерь вытер рукой выступивший на лбу пот и перекрестился.

К этому времени трое всадников уже добрались до середины реки, но их развело друг от друга сильное течение.

Неожиданно послышался всплеск воды, доказывавший, что не напрасно Жан Уллье напоминал несчастному бретонскому солдату о призраке столь почитаемого им отца.

Генерал сразу же понял, что происходит.

— Пленный убегает! — воскликнул он громовым голосом.— Зажечь факелы, рассредоточиться по берегу, стрелять по нему, как только он появится на поверхности во-

ды! А что до тебя,— добавил он, обращаясь к Тома Тенги, выезжавшему из воды в двух шагах от него и не желавшему скрыться,— ты от меня далеко не уйдешь!

И, достав пистолет из кобуры, он воскликнул:

— Смерть предателю!

И выстрелил.

Сраженный наповал, Тома Тенги упал.

Солдаты выполнили приказ генерала с поспешностью, свидетельствовавшей о том, что они понимали, насколько серьезно их положение, и рассыпались по берегу реки вдоль ее течения.

В темных водах реки отражались кровавые отблески дюжины факелов, зажженных по правому и левому берегам Булони.

Освободившийся от веревки в тот момент, когда Тома Тенги решил расстегнуть ремень, которым он был привязан к своему пленнику, Жан Улле соскользнул вниз и нырнул в воду между копытами лошади правого всадника.

Теперь нас наверняка спросят, как Жан Улле мог плыть со связанными руками.

С наступлением темноты Жан Улле, нисколько не сомневаясь в том, что ему удастся в конце концов уговорить сына своего старого товарища отпустить его, в те минуты когда тот замолкал, он только и делал, что зубами пытался перегрызть веревку, которой были связаны его руки.

Зубы у Жана Улле оказались на редкость крепкими; на подступах к Булони его веревка держалась на одной только нити. Когда он соскользнул в воду, ему было достаточно лишь небольшого усилия, чтобы освободиться от пут.

Прошло несколько секунд, и Жану Улле пришлось вынырнуть, чтобы набрать воздух в легкие. И в тот же момент грянул залп из десяти ружей, и десять пуль вздыбили пену вокруг головы пловца.

Каким-то чудом его не задела ни одна из пуль, просвистевших так близко от него, что он почувствовал на своем лице их свинцовое дыхание.

И было бы неосторожно с его стороны полагаться во второй раз на удачу, ибо теперь он уже должен был уповать не на случай, а на самого Господа Бога.

Он снова нырнул и поплыл на глубине против тече-

ния, используя прием, который наблюдал во время псовой охоты вместо того, чтобы плыть вниз.

Почему бы ему не попытаться счастья там, где иногда оно улыбалось зайцу, лисице или волку, за которыми он сам в свое время охотился?

Жан Уллье поплыл против течения, задерживая дыхание до тех пор, пока ему не стало казаться, что его грудь разрывалась на части, и всплыл в том месте, куда не доходил свет факелов, зажженных по обе стороны реки.

В самом деле ему удалось перехитрить своих врагов.

Далекие от мысли, что после побега Жан Уллье прибегнет к новой уловке, солдаты продолжали поиски, спускаясь вниз по течению Булони, держа ружья, словно охотники, преследующие дичь, и готовые нажать на курки, как только увидят свою добычу.

А так как добычей был человек, их нервы были напряжены до предела.

И только пятеро или шестеро гренадеров с единственным факелом в руках пошли вверх Булони.

Стараясь производить как можно меньше шума, Жан Уллье доплыл, сдерживая дыхание, до ветвей склонившейся над водой ивы.

Пловец ухватился за одну из них, зажал ее в зубах и запрокинул голову назад с тем, чтобы на поверхности находились лишь рот и нос.

Он еще не успел восстановить дыхание, когда услышал чей-то жалобный вой, доносившийся с того места, где стояли солдаты и откуда они спускались к воде.

И он тут же понял, кому принадлежал этот вой.

— Пато! — прошептал он. — Пато здесь? Но разве я не послал его в Судэ? Должно быть, с ним приключилось какое-то несчастье, раз он не добрался... О! Боже всемогущий, — добавил он с необычайным жаром, словно молясь, — именно сейчас мне нельзя снова попадаться в руки этим людям.

И солдаты узнали пса Жана Уллье, которого видели во дворе постоянного двора.

— Вот его пес! Вот его пес! — хором закричали они.

— Отлично! — сказал сержант. — Пес приведет нас к своему хозяину.

И он попытался схватить Пато.

Несмотря на усталость, бедному животному все же

удалось увернуться и, потянув носом воздух, Пато бросился в воду.

— Сюда, друзья! Сюда! — крикнул сержант, обращаясь к солдатам, шарившим на берегу, указывая рукой в направлении собаки. — Нам остается только проследить за псом. Вперед, Пато, вперед!

В тот момент, когда Жан Уллье услышал возглас «Пато», он с риском для жизни высунул голову из воды.

И увидел, как пес по диагонали переплывает реку по направлению к нему; он понял, что пропал, если не примет единственно верное решение.

У Жана Уллье не было выбора: он должен был пожертвовать псом.

Если бы речь шла только о нем, Жан Уллье погиб бы или спасся вместе с собакой, или по крайней мере он бы еще мог раздумывать, стоит ли ему спастись ценой жизни Пато.

Он осторожно снял тужурку из овчины, которую носил поверх жилета, и опустил в воду, подтолкнув на середину реки.

Пато уже был в пяти или шести футах от него.

— Ищи! Апорт! — тихим голосом приказал Жан Уллье, указывая псу направление, куда он должен плыть.

Но, по-видимому, у пса силы были на исходе, и он не торопился выполнить приказ хозяина.

— Пато, Апорт! Апорт! — повторил Жан Уллье более повелительным тоном.

Пато бросился вслед за тужуркой, которую течение реки уже отнесло на двадцать футов от него.

Увидев, что его хитрость удалась, Жан Уллье, набрав побольше воздуха в легкие, снова погрузился в воду в тот самый момент, когда солдаты на берегу подошли к иве.

Один из них проворно забрался на дерево и, подняв над головой факел, осветил перед собой реку.

И солдаты увидели, как плывет Пато, жалобно скуля, словно огорченный, что не может из-за усталости быстро выполнить команду хозяина.

Следуя за псом, солдаты побежали берегом вниз по реке, удаляясь от Жана Уллье, как вдруг один из них, разглядев на поверхности воды уплывавшую куртку, воскликнул:

— Сюда! Ребята, сюда! Он здесь, этот негодяй!

И выстрелил по куртке.

Подняв страшный шум, гренадеры и егеря со всех ног побежали, все дальше и дальше удаляясь от того места, где прятался Жан Улье, и стреляя по куртке, которую безуспешно пытался настичь Пато.

В течение нескольких минут ружья палили так часто, что факелы больше были не нужны: вспышки горевшей серы, вылетающие из стволов ружей, освещали глубоководную расщелину, по которой протекала река Булонь, а эхо, отражавшееся от скал, подхватывало раскаты выстрелов и казалось, что стрелков вдвое больше, чем их было на самом деле.

Генерал первый догадался о том, что солдаты ошиблись.

— Прикажите прекратить огонь,— приказал он капитану, шагнувшему рядом с ним.— Эти дураки приняли тень за мишень!

В этот момент гребень прибрежной скалы осветился вспышкой выстрела; послышался резкий свист пули, пролетевшей над самой головой офицеров и впившейся в ствол дерева в двух шагах впереди от них.

— Ну вот,— заметил генерал, не теряя самообладания,— наш пленный просил прочесть за него двенадцать раз «Аве Марию», но похоже, что его друзья переусердствовали.

В самом деле раздалось три или четыре выстрела, и пули отряхнули от реки. Кто-то вскрикнул от боли.

И перекрывавшим солдатский гвалт голосом генерал приказал:

— Горнист, играйте сбор; потушить факелы!

И совсем тихо добавил капитану:

— Прикажите сорока солдатам, оставшимся на том берегу, переправиться на нашу сторону; возможно, нам скоро понадобится весь наш отряд.

Встревоженные ночной атакой солдаты тут же сгруппировались вокруг своего командира.

Вершина прибрежного холма снова осветилась от пяти или шести выстрелов, расчерчивая картечью темное небо; один гренадер упал замертво; одна лошадь встала на дыбы, а затем упала, придавив своего всадника: пуля попала ей прямо в грудь.

— Тысяча чертей, вперед! —скомандовал генерал.— И посмотрим, осмелятся ли нас подождать эти ночные птицы.

И первый стал карабкаться вверх на скалу с такой решимостью, что, несмотря на темноту, затруднявшую восхождение, несмотря на пули, рикошетившие от скалы и ранившие еще двух солдат, не прошло и нескольких секунд, как отряд добрался до вершины.

Словно по волшебству, огонь прекратился, и если бы не колыхавшиеся кусты, свидетельствовавшие о том, что здесь только что сидели в засаде шуаны, можно было бы подумать, что противник провалился сквозь землю.

— Какая печальная война! — прошептал генерал. — И теперь весь наш переход обречен на провал. Ну и ладно! Все же попытка не пытка. К тому же Судэ находится по дороге в Машкуле, а наши люди смогут отдохнуть только в Машкуле.

— Мой генерал, а как же мы обойдемся без проводника? — спросил капитан.

— Без проводника? Вы видите свет в полумиле отсюда?

— Свет?

— Да, вот там.

— Нет, мой генерал.

— А я вижу. Этот свет указывает на то, что там стоит хижина; а в хижине непременно найдутся хозяин, хозяйка или их ребенок, и кто-то из них поведет нас через лес.

И тоном, не предвещавшим ничего хорошего обитателю хижины, кем бы тот ни оказался, генерал приказал трогаться с места, распорядившись предварительно увеличить расстояние между идущими впереди разведчиками и остальной колонной, насколько это было возможно, чтобы не подвергать опасности жизнь его людей.

Еще не успел генерал во главе своего маленького войска спуститься с горы, как из воды показался человек; он на секунду остановился, прячась за стволом ивы, прислушался и крадучись пошел вдоль кустов; было очевидно, что он продвигался вперед в том же направлении, что и солдаты.

И когда, цепляясь за вереск, он карабкался на скалу, в нескольких шагах от него послышался слабый стон.

Жан Уллье, а это и был наш беглец, направился в ту сторону, откуда доносились стоны.

По мере его приближения они становились все жалобнее.

Склонившись, он протянул руку и почувствовал, как его пальцы лижет нежный и горячий язык собаки.

— Пато! Мой бедный Пато! — прошептал вандеец.

В самом деле это был Пато, который из последних сил выволок на берег овчинную тужурку своего хозяина и лег на нее, чтобы умереть.

Позвав пса, Жан Уллье потянул за тужурку.

Пато жалобно заскулил, но не двинулся с места.

Жан Уллье взял пса на руки с тем, чтобы нести, но Пато даже не пошевелился.

Вандеец почувствовал, что по руке, которой он поддерживал пса, полилось что-то теплое и вязкое.

Вандеец поднес руку ко рту и ощутил тошнотворный вкус крови.

Он попытался разжать зубы животного, но не смог.

Пато погиб, спасая своего хозяина, и случай его привел сюда, чтобы хозяин приласкал его в последний раз.

Оставалось только догадываться, был ли он убит одной из пуль солдат или же был уже ранен, когда бросился в воду, пытаясь доплыть до Жана Уллье.

Вандеец склонялся ко второму мнению; и остановка Пато на берегу, и небольшая скорость, с которой пес плыл,— все наводило Жана Уллье на мысль о том, что пес был ранен раньше.

— Ладно,— произнес он,— завтра при свете дня все прояснится, и горе тому, кто убил моего бедного пса!

И с этими словами он положил тело Пато под кусты и, продолжив восхождение в гору, исчез в зарослях.

XXIII

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛА ХИЖИНА

В хижине, свет в которой издали разглядел в темноте генерал, проживали две семьи.

Главами семей были родные братья.

Старшего брата звали Жозеф, а младшего — Паскаль Пико.

В начале 1792 года их отец принял участие в первых выступлениях в Ре, направленных против правительства. Как рыба-прилипала привязывается к хищной акуле, как шакал неотступно следует за львом, так и он примкнул к славившемуся своей жестокостью Сушо и

участвовал в массовых убийствах, ознаменовавших начало восстания на левом берегу Луары. Когда Шаретт вознамерился призвать к порядку Каррье, носившему на головном уборе белую кокарду, Пико, чей кровожадный аппетит все больше разгорался, рассердился на своего командира за то, что тот, по его мнению, совершил непροститтельную ошибку, запретив убивать противника вне поля боя, покинул отряд и присоединился к войску, которым командовал прославившийся своей жестокостью Жолли, бывший хирург из Машкуле: вот он, по его мнению, был на высоте положения и соответствовал его запросам.

Однако Жолли, понимая необходимость объединения всех антиправительственных сил и отдавая должное военному таланту главнокомандующего нижней Вандеи, встал под знамена Шаретта, а обиженный Пико, с которым не сочли нужным посоветоваться, в свою очередь, расстался со своими новыми товарищами, не сообщив об уходе своему командиру.

В конце концов ему надоело постоянно менять командиров, и он, убежденный в том, что время бессильно исцелить его от чувства ненависти, которое он питал к убийцам Сушю, пустился на поиски такого генерала, которого не соблазнит слава Шаретта, и не нашел никого лучше Стоффле, чья неприязнь к героям Ре была общеизвестна.

25 февраля 1796 года Стоффле вместе с двумя ординарцами и сопровождавшими его егерями был окружен и пленен.

Предводителя восставших вандейцев и двух офицеров расстреляли, а крестьян отправили по домам.

Минуло два года с той поры, как Пико, один из двух егерей генерала Стоффле, покинул родные края.

Подойдя к дому, он увидел на пороге двух высоких, ладных и крепких молодых людей, бросившихся к нему с объятиями и поцелуями.

Это были его сыновья.

Старшему исполнилось семнадцать лет, а младшему — шестнадцать.

Пико охотно подставлял щеки для поцелуев, а когда прилив нежности пошел на убыль, с удовлетворением оглядел сыновей с головы до ног и остался доволен их атлетическим телосложением и с удовлетворением убедился в крепости их мускулов, пощупав руки.

Оставив дома детей, он увидел перед собой солдат. Однако его воины так же, как и он, не имели оружия.

В самом деле, республиканские власти конфисковали у Пико карабин и саблю, хранившиеся у него со времен заварушки с англичанами.

Но Пико не терял надежды, что Республика рассчитается с ним за причиненный ущерб, вернет долги и, возможно, проявит щедрость к его сыновьям.

Хотя верно и то, что он не собирался обращаться с просьбой по этому вопросу.

И потому на следующий же день он приказал молодым людям вооружиться дубинами из дикой яблони и отправился вместе с ними в Торфу.

В Торфу было расквартировано подразделение пехотинцев.

Когда передвигавшийся ночью напрямую через поля и обходивший стороной тропы Пико заметил в полулье от себя огоньки, свидетельствовавшие о том, что впереди лежит город, и возвещавшие о скором окончании путешествия, он приказал сыновьям следовать за ним, но повторять при этом каждое его движение и замирать на месте всякий раз, если они услышат щебетание потревоженного во сне дрозда.

Ибо на свете нет такого охотника, который бы не знал, какой шум производит разбуженный среди ночи дрозд, издавая три или четыре коротких и повторяющихся трели.

И теперь, вместо того, чтобы идти напрямую, как он шел до сих пор, Пико стал петлять в тени деревьев, огибая стороной город и останавливаясь через каждые двадцать шагов, чтобы прислушаться, что происходит во круг.

Наконец его слух различил чью-то медленную, размеренную и монотонную поступь.

Это были шаги одинокого мужчины.

Пико бросился плашмя на землю и пополз по-пластунски на шум шагов.

Сыновья Пико последовали его примеру.

На краю поля Пико, осторожно раздвинув ветки, посмотрел сквозь кустарник и, довольный своим осмотром, просунул голову и, нисколько не заботясь о колючках, царапавших его тело, ужом проскользнул сквозь кусты.

Оказавшись по другую сторону зарослей, он свистнул, подражая рассерженному дрозду.

Это был, как мы уже говорили, условный сигнал, о котором он договорился со своими сыновьями.

Согласно полученным указаниям, они остановились как вкопанные, только слегка вытянув головы, чтобы наблюдать над живой изгородью за действиями отца.

По другую сторону зарослей простирался луг, заросший высокой и густой травой, колыхавшейся на ветру.

На краю луга, шагах в пятидесяти от них, виднелась дорога.

По дороге взад и вперед ходил часовой, охраняя подступы к дому, располагавшемуся в ста шагах от него, у двери которого стоял второй часовой.

Молодые люди одним взглядом охватили открывшуюся перед ними картину и посмотрели на отца, продолжавшего по-пластунски ползти в траве по направлению к часовому.

Когда Пико оставалось до дороги совсем немного, он замер за кустом.

Солдат ходил взад и вперед, и всякий раз, поворачиваясь спиной к городу, он цеплялся одеждой или оружием за ветки куста.

И всякий раз молодые люди вздрагивали от страха за своего отца.

И вдруг, когда поднялся ветер, до них донесся чей-то приглушенный крик; обладая остротой зрения людей, привыкших к ночной охоте, они разглядели какую-то черневшую массу, которая копошилась на белевшей вдали дороге.

Это были Пико и часовой.

Ударив солдата ножом, он приканчивал его, сжимая обеими руками горло.

Минуту спустя вандеец вернулся к сыновьям и, словно волчица, делившаяся со своими детьми добычей после резни, Пико распределил захваченные им ружье, саблю и патронную сумку.

Имея ружье, саблю и патронную сумку, набитую картечью, им было уже легче добывать второе снаряжение, чем первое, и легче нападать на третьего солдата, чем на второго.

Однако Пико было недостаточно иметь оружие: у него так и чесались руки поскорее пустить его в ход. Оглядевшись по сторонам, он решил, что господа д'Отишам, Сепо, Пюизе и Бурмон, сохранявшие до сих пор свое влияние в провинции, были лишь размазнями-роялистами, не умевшими воевать и не шедшими ни в какое сравнение с таким доблестным военачальником, каким до сих пор для него оставался Сушю.

Пико рассудил, что вместо того, чтобы выполнять приказы плохого командира, лучше самому вести за собой других людей.

Собрав несколько таких же недовольных, как он, крестьян, Пико стал их предводителем. Несмотря на свою малочисленность, отряд наводил ужас на республиканцев.

Пико придерживался самой простой тактики.

Отряд скрывался в лесу.

Днем он отдыхал.

С наступлением ночи Пико со своими людьми выходил из ставшего им убежищем леса и устраивал засаду в придорожных кустах. Если мимо проезжал дилижанс или обоз, он нападал. Если же обоза долго не было или если дилижанс ехал в сопровождении многочисленной охраны, Пико нападал на передовые посты, которые расстреливал, или на фермы патриотов, которые он сжигал.

После одной или двух вылазок, получив от своих товарищей прозвище «Беспощадный», Пико старался в полной мере оправдать доверие крестьян и никогда не упускал случая, чтобы повесить, расстрелять или выпустить кишки любому попавшему ему в руки республиканцу, будь то мужчина или женщина, зажиточный горожанин или военный, старик или ребенок.

Он продолжал заниматься разбоем вплоть до 1800 года; но в это время Европа решила дать возможность передохнуть первому консулу, или же первый консул сам решил дать передышку Европе, и Бонапарт, до которого, без сомнения, дошли слухи о ратных подвигах Пико Беспощадного, решил им серьезно заняться и направил против него, нет, не армейский корпус, а всего-навсего двух шуанов, завербованных на Иерусалимской улице, и две бригады жандармов.

Ни о чем не подозревая, Пико принял двоих шуанов-отщепенцев в свою банду.

Несколько дней спустя он попал в западню.

Он был схвачен вместе со своими лучшими бойцами.

Пико поплатился головой за свою недобрую славу, а так как он был скорее бандит с большой дороги, грабивший дилижансы, чем солдат, его приговорили не к расстрелу, а к гильотине.

Он мужественно поднялся на эшафот, так как не считывал на снисхождение, ибо пощаду он сам никому не давал.

Его старший сын Жозеф был осужден вместе с другими бандитами и сослан на каторгу. Что же касалось Паскаля, то ему удалось уйти от погони, и он, вернувшись в лес, продолжал с остатками отряда дело, начатое отцом.

Однако вскоре ему осточертела жизнь затравленного зверя, его потянуло на волю, и в один прекрасный день, подойдя к Бопрео, он сдался первому встретившемуся ему на пути солдату, а когда его отвели к коменданту города, он выложил без утайки свою историю.

Комендант, командовавший отрядом драгун, проникся сочувствием к бедолаге и, приняв во внимание его молодость и подкупающую искренность, с которой тот открыл ему свою душу, предложил вступить в свой полк.

В случае отказа комендант был бы вынужден передать его в руки властей.

Оказавшись перед выбором, Паскаль Пико, зная о судьбе отца и брата, не горел желанием вернуться в родные края. Можно сказать, что у него не было выбора, и он, ни секунды не колеблясь, принял предложение коменданта.

Он надел форму драгуна.

Четырнадцать лет спустя сыновья Беспощадного вернулись на родину и поделили маленькое наследство, доставшееся им от отца.

После возвращения Бурбонов к власти ворота каторги открылись перед Жозефом; Паскаля же уволили со службы; теперь он, перестав называться бандитом из Вандеи, превратился в бандита с Луары.

Вернувшийся с каторги Жозеф пылал еще большей ненавистью, чем в свое время его отец, мечтал отомстить

патриотам за смерть отца и за пытки, которые ему довелось испытать.

Паскаль, напротив, возвратился в отчий дом совсем с другими мыслями, отличавшимися от его юношеских представлений. Его кругозор расширился, а мировоззрение изменилось после того, как он повидал новые края, и в особенности после встреч с людьми, для которых ненависть к Бурбонам была священным долгом, падение Наполеона — горем, нашествие союзников — позором; он вернулся с крестом на груди и с Богом в душе.

Однако несмотря на различие во взглядах, приводивших к частым спорам, и на полное отсутствие взаимопонимания, братья не разъехались и продолжали жить под одной крышей в доме, доставшимся им от отца, и возделывать каждый свою половину поля, примыкавшего к дому.

Оба брата поженились: Жозеф на дочери бедного крестьянина, Паскаль, пользовавшийся среди своих земляков уважением за то, что носил крест и получал небольшую пенсию, на дочери богатого горожанина из Сен-Фильбера, такого же, как и он, патриота.

Две женщины, проживавшие под одной крышей, где одна из зависти, а другая по злобе настраивали мужей против друг друга, только усиливали их разногласия; однако вплоть до 1830 года братья жили в родительском доме.

Июльская революция, восторженно встреченная Паскалем, разбудила неистовый фанатизм Жозефа; с другой стороны, когда тесть Паскаля стал мэром Сен-Фильбера, шуан и его жена стали извергать такой поток оскорблений на головы «недотеп», что жена Паскаля заявила своему супругу, что не желает больше жить в одном доме с такими буйными родственниками и что подобное соседство не кажется ей безопасным.

Не имея своих детей, старый солдат всей душой привязался к детям брата. И в особенности к белокурому мальчику с пухлыми и румяными, как яблочки, щечками. Он мог часами подбрасывать малыша на своих коленях, что было для него самым большим удовольствием. У Паскаля сжималось сердце при мысли о том, что у него отнимут приемного сына; несмотря на козни старшего брата, он, продолжая его любить, видел, как Жозеф безуспешно борется с нищетой, и опасался, что после его отъ-

езда у многочисленного семейства вовсе не будет средств к существованию. И он не пошел навстречу просьбе жены.

Вскоре они перестали собираться за обеденным столом, а так как в доме было три комнаты, Паскаль оставил две старшему брату, а сам поселился в третьей, предварительно наглухо забив общую дверь.

В тот вечер, когда был арестован Жан Улье, жена Паскаля Пико пребывала в большом волнении.

Ее муж вышел из дома около четырех часов, то есть именно в то время, когда отряд генерала Дермонкура выезжал из Монтегю, сказав ей, что пошел рассчитаться с Куртенем из Ложери и, хотя уже было восемь часов, еще не вернулся.

Когда несчастная женщина услышала выстрелы, доносившиеся с берега Булони всего в трехстах метрах от дома, ее волнение переросло в тревогу.

Ожидая мужа, Марианна Пико томилась тревогой, время от времени вставая из-за прялки, стоявшей в углу у камина, и подходила к двери, чтобы прислушаться к тому, что происходило за стенами дома.

Когда выстрелы прекратились, она не слышала больше ничего, кроме шума ветра, раскачивавшего верхушки деревьев, или далекого жалобного воя собаки.

Маленький Луи — ребенок, которого особенно любил Паскаль, — прибежал на звуки выстрелов спросить, не вернулся ли его дядя; не успела показаться в проеме двери прелестная белокурая и розовощекая головка мальчугана, как послышался строгий окрик его матери, и он скрылся за дверью.

Вот уже несколько дней, как Жозеф вел себя особенно задиристо и вызывающе, и еще утром, прежде чем отправиться на ярмарку в Монтегю, устроил брату сцену, и, если бы не выдержка старого солдата, она могла бы закончиться потасовкой.

Вот почему жена Паскаля не решилась поделиться своей тревогой с золовкой.

Неожиданно она услышала чьи-то шаги со стороны фруктового сада перед домом. Она вскочила так быстро, что опрокинула свою прялку.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Жозеф Пико.

КАК МАРИАННА ПИКО ОПЛАКИВАЛА СВОЕГО МУЖА

При появлении деверя, которого Марианна Пико совсем не ожидала увидеть в столь поздний час, бедную женщину охватило неясное предчувствие беды; у нее подкосились ноги, и она без сил опустилась на стул.

Между тем Жозеф молча, не торопясь, приближался к ней, и она смотрела на него с таким ужасом, словно перед ней был призрак.

Подойдя к камину, он, не проронив ни слова, придвинул себе стул, сел и стал помешивать пепел в камине палкой, которую держал в руке.

Вспыхнувший в очаге огонь осветил его лицо, и Марианна увидела, что он был необычно бледен.

— Ради Бога, Жозеф, — взмолилась она, — скажите, что произошло?

— Марианна, что за проходимцы приходили к вам сегодня вечером? — произнес шуан, отвечая вопросом на вопрос.

— Никого не было, — сказала Марианна, для большей убедительности покачав отрицательно головой.

И затем в свою очередь спросила:

— Жозеф, вы, случайно, не видели вашего брата?

— С кем он ушел из дома? — спросил шуан, желавший, по-видимому, только задавать вопросы, но никак не отвечать.

— Повторяю вам еще раз: никто не приходил. Около четырех часов вечера он пошел расплатиться с мэром Ложери за гречку, которую на прошлой неделе купил у него для вас.

— С мэром Ложери? — переспросил Жозеф Пико, нахмутив брови. — Ах да, мэтр Куртен... Еще один отъявленный негодяй! Я уже давно говорил Паскалю и даже сегодня утром повторил: «Не гневи Бога, от которого ты отрекся, или же с тобой приключится беда!»

— Жозеф! Жозеф! — воскликнула Марианна. — И вы еще смеете ссылаться на Бога, когда с такой ненавистью говорите о брате, который так любит вас и вашу семью, что отдал бы свой последний кусок хлеба вашим детям! Если, на наше несчастье, наш бедный край сотрясает гражданская война, разве необходимо, чтобы политиче-

ские страсти разделили нашу семью? Боже мой, оставьте при себе ваши убеждения, и пусть ваш брат остается при своих; в отличие от вас он настроен миролюбиво. Его ружье висит на стене; он держится в стороне от политических партий и интриг, никому не угрожая, в то время как за последние полгода вы ни разу не вышли из дома, не вооружившись до зубов! Вот уже полгода, как вы не перестаете угрожать жителям города, где живут мои родители, и даже нам!

— Лучше выходить из дома с оружием в руках и открыто выступать против наглецов, как это делаю я, чем трусливо предавать тех, с кем рядом живешь, приводить с собой людей в синих мундирах, служить им проводником, когда они пробираются по нашим полям, чтобы разграбить замки тех, кто еще сохранил веру.

— Кто же был проводником солдат?

— Паскаль.

— Когда? Где?

— Этой ночью у брода Пон-Фарси.

— Мой Бог! Я слышала выстрелы именно со стороны брода! — воскликнула Марианна.

Неожиданно в глазах несчастной женщины появилась растерянность.

Она посмотрела на руки Жозефа.

— У вас на руках кровь! — воскликнула она. — Чья это кровь, Жозеф? Скажите мне! Чья это кровь?

Шуан хотел было спрятать руки за спиной, но передумал.

— Это кровь, — ответил Жозеф, бледное лицо которого вдруг стало багровым, — это кровь того, кто предал своего Бога, свою страну и своего короля; это кровь человека, который забыл, что люди в синих мундирах послали его отца на эшафот, а брата на каторгу, и после всего этого не побоялся служить им!

— Вы убили моего мужа! Вы убили вашего брата! — воскликнула Марианна, с вызовом глядя на Жозефа.

— Нет, не я, — ответил Жозеф.

— Ты лжешь!

— Нет, клянусь, что не я.

— Если ты говоришь, что не ты убил своего брата, поклянись мне, что поможешь мне за него отомстить.

— Чтобы я, Жозеф Пико, помог вам за него ото-

мстить! Ну уж нет и еще раз нет,— глухим голосом ответил шуан,— хотя я и не поднял руку на своего брата, я одобряю тех, кто его прикончил; и если бы я оказался на их месте, то клянусь Господом Богом, поступил бы точно так же с ним, хотя он и мой брат!

— Повтори, что ты только что сказал! — воскликнула Марианна.— Мне кажется, что я ослышалась.

Шуан снова повторил слова, которые только что произнес.

— Будь ты проклят так же, как и они! — воскликнула Марианна, заноса в иступлении руку над головой деверя.— И пусть на тебя, братоубийцу в помыслах своих, падет возмездие; теперь нас только двое, чтобы отомстить за него: Бог и я! И я не отступлюсь, если даже от меня отступится Бог!

Затем с неожиданной для оторопевшего шуана властностью в голосе спросила:

— А теперь говори, где он? Что они сделали с ним? Говори! Говори же! Ты мне отдашь хотя бы его труп?

— Когда я прибежал на выстрелы,— произнес Жозеф,— он еще дышал. Я взял его на руки, чтобы отнести домой, но он по дороге умер.

— И тогда ты сбросил его, как собаку, в придорожную канаву, не так ли, Каин? О! А я-то, когда читала Библию, не могла поверить, что такое возможно!

— Нет,— произнес Жозеф,— я оставил его труп в саду.

— Боже мой! Боже мой! — воскликнула бедная женщина. Она тряслась как в лихорадке.— Боже мой, Жозеф, возможно, ты ошибся... возможно, он еще дышит, возможно, его еще можно спасти! Идем со мной, Жозеф! Идем со мной! И если он не умер, я прошу тебя за то, что ты видишь дружбу с убийцами собственного брата...

Она сняла со стены горящую лампу и бросилась к двери.

Но вместо того, чтобы следовать за ней, Жозеф Пико, уже несколько секунд прислушивавшийся к тому, что происходило снаружи дома, различил какой-то шум, и это было похоже на топот солдат, приближавшихся к хижине, и, подождав, пока исчезнет в дверном проеме свет от лампы в руках золовки, вышел из дома, обошел дворовые постройки, перелез через живую изгородь, разде-

лявшую поле пополам, и бросился в сторону Машкульского леса, темневшего в полумиле от дома.

Несчастливая Марианна тем временем выбежала в сад.

Обезумев от горя, она в горячке водила лампой перед собой, не различая ничего на освещенном участке сада, ей показалось, что она обрела способность видеть в темноте, чтобы найти тело мужа.

Она ходила взад и вперед по саду, пока чуть было не упала, неожиданно обо что-то споткнувшись, и, наклонившись, нащупала рукой человеческое тело, прислоненное к лестнице.

Она в ужасе закричала. Упав на бездыханное тело, она крепко прижала его к себе; затем, взяв его словно ребенка на руки, она перенесла его в дом и положила на кровать.

Несмотря на постоянные ссоры между братьями, жена Жозефа прибежала в комнату Паскаля.

Увидев распростертое на кровати тело, она с плачем упала перед ним на колени.

Взяв в руки лампу, которую принесла с собой невестка, так как свою лампу она оставила в саду на том месте, где лежал Паскаль, Марианна осветила лицо мужа.

Рот и глаза Паскаля Пико были открыты, словно он был еще жив.

Марианна приложила руку к его груди: сердце не билось.

Повернувшись лицом к невестке, которая с плачем продолжала молиться, вдова Паскаля Пико с покрасневшими и, казалось, метавшими молнии глазами, воскликнула:

— Вот что шуаны сделали с моим мужем! Вот что Жозеф сделал со своим братом! Клянусь, не отходя от тела мужа, что не успокоюсь, пока убийцы не заплатят кровью за его смерть!

— Клянусь честью, бедняжка, вам не придется долго ожидать! — раздался за ее спиной мужской голос.

Женщины одновременно обернулись и увидели офицера, закутанного в плащ.

Офицер вошел в комнату так тихо, что они не заметили.

В проеме двери поблескивали ружейные штыки.

Послышалось ржание лошадей, учуявших запах крови.

— Кто вы? — спросила Марианна.

— Такой же старый солдат, как и ваш муж, человек, достаточно повоевавший, чтобы иметь право вам сказать, что не оплакивают тех, кто погиб за родину, как он, а за них мстят.

— Сударь, я не клянусь судьбу, — ответила вдова, покачивая растрепанной головой. — Что привело вас в этот дом, куда только что постучалась смерть?

— Ваш муж должен был быть нашим проводником в одной очень важной для спасения вашего края экспедиции: мы должны были помешать напрасному кровопролитию; вы не могли бы указать нам кого-нибудь, кто бы мог его заменить?

— Встретятся ли на вашем пути шуаны? — спросила Марианна.

— Возможно, — ответил офицер.

— Отлично, в таком случае я буду вашим проводником! — воскликнула вдова, снимая висевшее над каминном ружье мужа. — Куда вы направляетесь? Я отведу вас; дайте мне только патронов.

— Нам необходимо добраться до замка Судэ.

— Хорошо, я вас туда проведу, дорога мне известна.

И, бросив последний взгляд на тело мужа, вдова Паскаля Пико первой вышла из дома.

Жена Жозефа осталась молиться у тела своего деверя.

XXV

В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ, КАК ПОД ВЛИЯНИЕМ ЛЮБВИ ПОЯВЛЯЮТСЯ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДАЖЕ У ТЕХ ЛЮДЕЙ, КТО ИХ РАНЬШЕ НЕ ИМЕЛ

Мы оставили барона Мишеля в тот момент, когда он принимал важное решение.

Именно тогда он и услышал шаги в коридоре.

Барон тут же лег в постель, закрыл глаза и прислушался.

Кто-то прошелся взад и вперед мимо его двери, но так и не остановился.

Он понял, что это была не мать и что искали не его. Юный барон открыл глаза и, приподнявшись на подушках, задумался.

Ему было совсем невесело.

Он должен был либо порвать с матерью, желания которой были всегда законом для него, и отказаться от честолюбивых планов, которые она вынашивала для своего сына и которые продолжали волновать пылкое воображение молодого барона; распрощаться с почестями, обещанными юному миллионеру сильными мира сего, которые пришли к власти в результате июльских событий, и пуститься в рискованное предприятие, которое, без сомнения, чревато кровопролитием и может повлечь за собой ссылку, конфискацию имущества и даже смерть, в которую он, по своей молодости, еще не верил, считая, что она обойдет его стороной; либо забыть Мари.

Надо сказать, что колебания Мишеля длились совсем недолго.

Упрямство есть не что иное, как первый признак слабости, которую порой трудно побороть.

Впрочем, у юного барона было слишком много веских доводов, чтобы не отступить.

По долгу чести он был обязан предупредить графа де Бонвиля об опасности, которая подстерегала лично его и сопровождаемую им важную персону.

И здесь он мог упрекнуть себя только в излишней медлительности.

Итак, после недолгих размышлений он сделал свой выбор.

Несмотря на меры предосторожности, принятые его матерью, Мишель вдоволь начитался романов, чтобы знать, как в случае необходимости использовать пару простыней вместо лестницы: именно об этом он и подумал прежде всего. К несчастью, его спальня была расположена как раз над комнатой для прислуги, из окна которой сразу бы увидели, как он раскачивается между небом и землей, хотя, как мы сказали, уже наступили сумерки; кроме того, несмотря на решимость во что бы то ни стало покорить сердце той, которую он любил, от одной только мысли, что ему придется спускаться по столь непрочной веревке с большой высоты, наш герой почувствовал, как на его теле проступил холодный пот.

Внизу перед его окнами рос огромный канадский тополь, ветви которого не доходили всего на четыре или пять футов до балкона.

Даже не привычному к акробатическим упражнениям Мишелю не составило бы труда спуститься по стволу этого тополя; но как добраться до ветвей, если молодой человек не рассчитывал на прочность своих подвязок.

Попав в затруднительное положение, он быстро нашел выход.

Пошарив по углам, он наткнулся на рыбацкие снасти, которыми он в свое время пользовался, когда ловил карпов и плотву в озере Гран-Лье — единственное невинное развлечение, на которое, несмотря на всю свою назойливую заботу, мать не наложила запрета.

Отобрав одну из удочек, он прицепил к ней крючок и прислонил к окну.

Подойдя к кровати, он снял простыню.

К одному концу простыни он привязал подсвечник, ибо для осуществления замысла ему был необходим тяжелый предмет.

И он так постарался бросить привязанный к простыне подсвечник, чтобы перекинуть его через самую толстую тополиную ветвь.

Затем с помощью удочки он подцепил крючком свободный конец простыни и притянул к себе.

После чего крепко привязал к балкону оба конца простыни; получилось нечто похожее на вполне надежный подвесной мост, перекинутый к тополию из окна.

Взгромоздившись на импровизированный мост, как матрос на рею мачты, молодой человек начал не спеша продвигаться вперед и благополучно добрался сначала до ветви дерева, а затем спустился по стволу дерева на землю.

И, не заботясь больше о том, что его могли увидеть из дома, он торопливо пересек лужайку и бегом направился в Судэ, дорогу к которому он теперь знал лучше, чем кто-либо другой.

Когда он поравнялся со скалой Сервьер, ему послышались выстрелы, раздавшиеся где-то между Монтегю и озером Гран-Лье.

Его охватило смятение.

Каждый из выстрелов болью отдавался в сердце молодого человека; в самом деле, выстрелы предупреждали

об опасности, возможно даже о предсмертной агонии тех, кого он любил, и от одной этой мысли он оцепенел от ужаса; подумав, что Мари могла обвинить, взвалить на него всю ответственность за неприятности, от которых он не сумел уберечь ни ее, ни ее отца, ни ее сестру, ни их друзей, глаза Мишеля наполнились слезами.

Так, вместо того чтобы при звуках выстрелов замедлить шаг, он, напротив, побежал и через несколько минут уже достиг опушки Машкульского леса.

И тут, свернув с дороги, он помчался сломя шею по тропинке, по которой уже не раз ходил, сокращая немного путь, чтобы выиграть хотя бы несколько минут.

Пробираясь под густой кроной деревьев, время от времени проваливаясь в ямы, спотыкаясь о придорожные камни, цепляясь за кусты, настолько темно было в лесу и так узка была тропинка, он наконец добрался до так называемого Ущелья дьявола.

Когда молодой человек перепрыгивал через ручей, протекавший по дну ущелья, из-за кустов выскочил незнакомец и набросился на него; от неожиданности юный барон потерял равновесие и свалился в грязный ручей и тут же почувствовал у виска холодное дуло пистолета.

— Не кричать! Ни звука! Или вы покойник! — услышал он.

Молодой человек пребывал в столь незавидном положении около минуты, которая показалась ему целой вечностью.

Мужчина уперся коленом в его грудь, не давая Мишелю приподняться, и замер, словно кого-то поджидая.

Наконец, устав ждать, он издал звук, похожий на мяуканье кошки.

Из глубины леса раздался ответный свист; затем слышались чьи-то быстрые шаги.

— Это ты, Пико? — спросил мужчина, придерживавший коленом юного барона.

— Нет, это не Пико, — прозвучало в ответ, — это я.

— Кто это я?

— Это я, Жан Улле.

— Жан Улле! — воскликнул незнакомец с такой неподдельной радостью, что даже привстал над пленником. — Это и впрямь ты? Так тебе удалось ускользнуть от «красных штанов»?

— С вашей помощью, друзья мои; но нам нельзя те-

рять ни минуты, если мы хотим воспрепятствовать большому кровопролитию.

— Что надо делать? Теперь, когда ты снова на свободе и вместе с нами, все будет хорошо.

— Сколько с тобой людей?

— Нас было восемь человек, когда мы выходили из Монтегю; по дороге к нам присоединились парни из Вьей-Виня: теперь нас человек пятнадцать или восемнадцать.

— А ружья есть у всех?

— Да, у всех.

— Хорошо. И где же твои люди?

— На опушке леса.

— Надо позвать их.

— Будет сделано.

— Ты знаешь развилку Раго?

— Как свои пять пальцев.

— Вот там вы и подождете солдат, но не в зарослях, а на открытой местности; ты прикажешь открыть огонь, когда они будут в двадцати шагах от вас. Вы должны постараться вывести из строя как можно больше солдат: все несколькими негодьями будет меньше.

— Хорошо, а затем?

— После первого залпа вы разделитесь на две группы: одна направится по тропинке, ведущей в Клутье, а другая — по дороге в Бургинье. Конечно, вы будете отходить, отстреливаясь на ходу; надо, чтобы солдаты за вами погнались.

— И свернули с дороги, не так ли?

— Именно так, Герен.

— Да, но... а чем займешься ты?

— Я постараюсь как можно быстрее добраться до Судэ. Мне надо успеть добежать за десять минут.

— Ох! Жан Улле! — воскликнул крестьянин, с сомнением покачав головой.

— А что такое? — встрепенулся Жан Улле. — Может быть, кто-то во мне сомневается?

— В тебе никто не сомневается, но мои люди никому не доверяют, кроме тебя.

— Тебе сказано, что через десять минут я должен уже быть в Судэ; если Жан Улле так сказал, так и будет! А ты в ближайшие полчаса займешься солдатами; вот и все, что ты должен сделать.

— Жан Улле! Жан Улле!

— Что?

— А если наши парни откажутся поджидать «красные штаны» на открытом месте?

— Скажи им, что такова Божья воля!

— Вот если бы ты сам приказал, они бы тебя послушались; но боюсь, что меня... с ними Жозеф Пико, а ты ведь хорошо знаешь, что для него никто не указ.

— Но кто пойдет в Судэ вместо меня?

— Я, если вы не против, господин Жан Уллье,— раздался голос, словно из преисподней.

— Кто это? — спросил Жан Уллье.

— Человек, которого я только что взял в плен,— ответил шуан.

— Как его звать?

— О! Я еще не успел спросить его имя.

— Кто вы? — строгим голосом спросил Жан Уллье.

— Барон де Ложери,— ответил молодой человек, которому наконец удалось привстать.

Железная рука вандейца невольно разжалась, отпуская его, и он тут же этим воспользовался, чтобы перевести дыхание.

— А! Мишель... Вы опять здесь? — сердито произнес вполголоса Жан Уллье.

— Да, когда господин Герен меня остановил, я как раз направлялся в Судэ предупредить моего друга Бонвиля и Малыша Пьера о том, что их убежище раскрыто.

— И как вы об этом узнали?

— Подслушав вчера вечером разговор моей матери с Куртенем.

— Как же случилось, что, имея столь благородные намерения, вы не поторопились сразу же предупредить вашего друга? — продолжал допрашивать Жан Уллье с сомнением и одновременно с иронией в голосе.

— По той простой причине, что баронесса заперла меня в моей комнате, расположенной на третьем этаже, и только с наступлением ночи мне удалось с риском для жизни вылезти из окна.

Жан Уллье на несколько секунд погрузился в раздумья: его предубеждение ко всему, что исходило от семейства Ложери, было настолько сильным, а ненависть ко всем, кто носил одну фамилию с Мишелем, столь глубокой, что ему претила даже мысль принять какую бы то ни было услугу от молодого человека, ибо, несмотря на

наивное простодушие, с которым ответил на его вопросы юный барон, подозрительный вандеец продолжал опасаться коварства.

Однако в то же время умом он понимал, что Герен был прав. В столь решающий час только он может повести за собой шуанов на бой с врагом, только он может принять необходимые меры, чтобы прикрыть им отход.

С другой стороны, рассудил он, Мишелю лучше, чем любому крестьянину, удастся убедить графа де Бонвиля в том, что ему грозит опасность. И, все еще сомневаясь, он согласился принять услугу от отпрыска ненавистного ему семейства.

Но все же у него против воли вырвалось:

— Черт побери! У меня нет другого выхода!

Затем уже громко произнес:

— Ладно, отправляйтесь! По крайней мере у вас ноги-то крепкие?

— Железные!

— Гм! — усомнился Жан Улье.

— Если бы с нами была мадемуазель Берта, она смогла бы подтвердить.

— Мадемуазель Берта? — спросил Жан Улье, нахмурившись.

— Да, когда возникла необходимость вызвать к папаше Тенги врача, мне потребовалось всего пятьдесят минут, чтобы преодолеть два с половиной лье дороги туда и обратно.

Жан Улье покачал головой с видом человека, совсем не убежденного доводом молодого человека.

— Вы бы лучше занялись своими врагами, — сказал Мишель, — и целиком положились на меня. Вам понадобится бы десять минут, чтобы добраться до Судэ. А я готов с вами поспорить, что буду там через пять.

И молодой человек, стряхнув с себя грязь, уже приготовился бежать.

— Вы хорошо знаете дорогу? — спросил его Жан Улье.

— Еще бы! Мне она знакома так же, как дорожки в парке Ложери.

И, повернувшись в сторону замка Судэ, сказал на прощанье вандейцу:

— Удачи вам, господин Жан Улье!

Жан Улье задумался: ему совсем не понравились

слова юного барона о том, что тому известны окрестности замка его хозяина.

— Ну, ладно,— проворчал наконец он.— Разберемся, когда будет больше времени.

Затем Герену:

— А ты зови ребят.

Сняв с ноги башмак, шуан поднес его к губам и подул в него так, что раздался звук, похожий на волчий вой.

— Ты полагаешь, что они тебя услышат? — спросил Жан Уллье.

— Я в этом уверен! Ветер донесет до них сигнал сбора по тревоге.

— Тогда не стоит их поджидать здесь. Надо выйти на развилку Раго. По дороге ты снова подашь сигнал, так мы сэкономим драгоценные минуты.

— Сколько в нашем распоряжении времени до прихода солдат? — спросил Герен, устремившись в лесную чащу вслед за Жаном Уллье.

— Еще целых полчаса. Они остановились на ферме Пишардьер.

— На ферме Пишардьер? — спросил в раздумье Герен.

— Вне всякого сомнения. Они наверняка подняли с постели Паскаля Пико, взяв его в проводники. Ведь он для них просто находка, не правда ли?

— Паскаль Пико уже не сможет никому служить проводником: Паскаль Пико заснул вечным сном! — мрачно произнес Герен.

— А! Вот в чем дело! — произнес Жан Уллье.— Теперь понятно... так это был он?

— Да, это был он.

— Вы его убили?

— Он сопротивлялся, он звал на помощь. Солдаты были совсем рядом. Нам ничего не оставалось, как его прикончить!

— Бедный Паскаль! — выдохнул Жан Уллье.

— Да,— продолжал Герен,— хотя и недотепа, но мужик храбрый.

— А его брат? — спросил Жан Уллье.

— Его брат?...

— Ну, да, Жозеф.

— Он смотрел,— ответил Герен.

Жан Уллье вздрогнул, словно волк, получивший в бок

заряд крупной дроби. Он не сгибался под ударами, которые доставались ему в ходе упорной схватки не на жизнь, а на смерть, какой бывают все войны, но удара такой силы он не ожидал, и у него от ужаса мурашки пробежали по коже.

Чтобы скрыть свои переживания от Герена, он ускори́л шаг и, несмотря на кромешную тьму, проди́рался сквозь заросли так же быстро, как на охоте, когда бежал за собаками, взявшими след дичи.

Герен, время от времени останавливавшийся, чтобы подать сигнал своим людям, едва поспевал за ним.

Неожиданно он услышал чей-то тихий свист, словно кто-то подавал ему знак остановиться.

Он уже добрался до лесной дороги, прозванной поро́гом Бо́же.

До развилки Раго оставалось совсем немного.

XXVI

ПОРОГ БО́ЖЕ

Поро́гом Бо́же назывался болотистый участок местности, после которого дорога, ведущая в Судэ, начинала круто подниматься вверх.

Она пролегла по одному из самых обрывистых склонов, поросших лесом

Отряд «красных штанов», как Герен называл солдат, должен был сначала преодолеть болото, а затем уже подняться почти на отвесную скалу.

Жан Уллье дошел до самой гати, помеченной связками хвороста, перевязанными прутьями, и уже было соби́рался начать подъем в гору.

Как мы уже сказали, добравшись до этого участка дороги, он свистнул Герену, который и застал его погрузенным в раздумья.

— Ну,— спросил его Герен,— о чем ты задумался?

— Я вдруг подумал,— ответил Жан Уллье,— что это место, пожалуй, лучше подходит для засады, чем развилка Раго.

— Тем более,— согласился с ним Герен,— вот и телега, за которой можно укрыться.

Жан Уллье, не заметивший поначалу телеги, внимательно ее осмотрел.

Это была тяжелая телега, нагруженная бревнами, которую лесорубы оставили на ночь на краю болота; по всей видимости, ночь их застала за работой, и они не решились вывозить лес по узкой, похожей на временные мостки дороге, проложенной через болото.

— Мне пришла одна мысль,— произнес Жан Уллье, поглядывая то на телегу, то на возвышавшийся подобно темной крепостной стене холм по другую сторону болота,— только для этого надо будет...

И Жан Уллье огляделся по сторонам.

— Что надо сделать?

— Подождем, пока все соберутся.

— Так вот же они,— сказал Герен,— посмотри, вот к нам подходит Пари, вот идут братья Гамбье, а вот и люди из Вьей-Виня, а вот и Жозеф Пико.

Жан Уллье отвернулся, чтобы не встречаться взглядом с Жозефом Пико.

Со всех сторон к ним спешили шуаны. Они выходили поодиночке из зарослей: казалось, что до этого момента они прятались за каждым кустом.

Вскоре все были в сборе.

— Парни,— обратился к ним Жан Уллье,— с того времени, как Вандея стала достойна своего имени, то есть с тех пор, как ее дети взялись за оружие, еще ни разу перед ними не стояла столь ответственная задача — доказать на деле свою добрую волю и веру. Если нам не удастся остановить солдат, посланных Луи-Филиппом, несомненно, произойдет огромное несчастье. Беда будет такой великой, дети мои, что слава нашего края тут же померкнет. Что до меня, то я твердо решил скорее погибнуть здесь, на пороге Боже, чем позволить этому посланному дьяволом отряду продвинуться вперед.

— Мы с тобой, Жан Уллье,— ответил ему хор голосов.

— Отлично! Я не ожидал услышать другой ответ от людей, шедших от самого Монтегю, чтобы освободить меня. Ну, а сейчас вы не можете мне помочь закатить эту телегу на вершину холма?

— Попробуем,— ответили вандейцы.

Жан Уллье встал впереди, и тяжелая нагруженная телега — одни крестьяне подталкивали сзади ее колеса, а другие тянули ее спереди за оглобли,— без труда прео-

долела заболоченный участок дороги, и ее скорее подняли на руках, чем закатили на вершину холма.

После того как Жан Улье подложил под колеса телеги камни, чтобы она не скатилась вниз под тяжестью собственного веса по склону, по которому ее с таким трудом втащили, он сказал:

— А теперь вам надо окружить болото и укрыться в кустах; разделитесь пополам, одна группа должна спрятаться на правой стороне болота, а другая — на левой, а когда настанет нужный момент и вы услышите мою команду: «Огонь!» — нажимайте на курки. Если солдаты бросятся за вами — на что я и рассчитываю, — вы не спеша начнете отходить в сторону Гран-Лье и постараетесь увести их за собой как можно дальше от Судэ, куда они держат путь. Если же они не последуют за вами, тогда мы с двух сторон перекроем им дорогу на развилке Раго. И там дадим бой и будем стоять до конца.

Шуаны поспешили замаскироваться за кустами по обе стороны болота. С Жаном Улье остался лишь один Герен.

Вандеец лег и припал ухом к земле.

— Они приближаются, — сказал он, — и продвигаются вперед по дороге, ведущей в Судэ, как будто она им хорошо знакома. Кто же их ведет, если Паскаль Пико мертв?

— Вероятно, они нашли на ферме другого крестьянина, которого заставили стать их проводником.

— Тогда надо и его убрать... Оказавшись в чаще Машкульского леса без проводника, ни одному из них не удастся выбраться живым!

— Вот как! Жан Улье, а ведь у тебя нет ружья?

— У меня, — ответил усмехнувшись старый вандеец, — есть одно средство, которое сразит побольше врагов, чем твой карабин, и будь спокоен, минут через десять, если все пойдет так, как я задумал, у нас будет сколько угодно ружей.

И с этими словами Жан Улье поднялся и стал вновь взбираться на холм, с которого наполовину спустился, чтобы дать последние указания перед боем; и он подошел к телеге.

И как раз вовремя: с вершины он услышал, как с другой стороны холма посыпались камни, выбивавшиеся из-

год копыт лошадей, и ему удалось разглядеть в темноте две или три искры, высеченные подковами.

Кроме того, ночной воздух был наполнен характерными звуками, свидетельствовавшими о приближении вооруженных людей.

— Иди к ребятам,— сказал он Герену.— А я останусь здесь.

— Зачем?

— Сейчас увидишь.

Герен подчинился.

Жан Улье забрался под телегу и затаился в напряженном ожидании.

Не успел Герен присоединиться к своим товарищам, как на краю болота появились два егеря, скакавшие на лошадях впереди отряда.

Увидев перед собой препятствие, они в нерешительности остановились.

— Прямо! — раздался чей-то уверенный, похожий на женский голос.— Прямо!

Оба егеря ступили в болото; благодаря перевязанным прутьями связкам хвороста, указывавшим дорогу, они без труда его преодолели и стали взбираться на холм, приближаясь все ближе и ближе к телеге и, следовательно, к Жану Улье.

Когда же они подошли шагов на двадцать, прятавшийся под телегой Жан Улье ухватился руками за ось, а ногами уперся в переднюю штангу и замер, затаив дыхание.

Вскоре егеря подъехали совсем близко.

Не слезая с лошадей, они оглядели телегу и, не заметив ничего подозрительного, отправились дальше.

К краю болота подошли основные силы отряда.

Сначала болото перешла вдова, затем переправился генерал, а уж потом пришла очередь егерей.

А уже за егерями последовала пехота.

Вот и пехотинцы двинулись через болото.

Но в тот момент, когда солдаты выбирались на твердую почву и начали карабкаться в гору, вдруг с ее вершины до них донесся приближавшийся шум, похожий на раскаты грома; под ними задрожала земля: с вершины холма на них стремительно несло что-то огромное, похожее на лавину, сокрушая все на своем пути.

— Посторонись! — крикнул Дермонкур так громко, что его голос перекрыл эти жуткие звуки.

Схватив вдову за руку, он пришпорил коня.

Генерал прежде всего подумал о спасении проводника: именно его жизнь была ему особенно дорога в этот момент.

Проводнику и генералу уже ничего не грозило.

Но большинство солдат не успели выполнить приказ своего командира. Услышав странный шум, они словно оцепенели. Не зная, от какого врага им придется обороняться, ничего не видя в темноте, предчувствуя опасность, они замерли посреди дороги, по которой набирала скорость телега, — именно ее и столкнул Жан Улле вниз по склону, — и она обрушилась на них, убивая на своем пути всех, кто оказывался под ее колесами, нанося увечья тем, на кого падали ее обломки.

Катастрофа застала солдат врасплох и вызвала всеобщую растерянность, и только Дермонкур не утратил самообладания. Зычным голосом он приказал:

— Вперед, солдаты! Вперед! Скорее выбирайтесь из западни.

В ту же секунду раздался не менее громкий, чем у генерала, голос:

— Огонь!

Кусты, росшие по краю болота, осветились вспышками выстрелов, и на маленький отряд посыпался град пуль.

Голос, подавший команду стрелять, прозвучал впереди колонны, в то время как выстрелы раздались сзади; генерал, немало повоевавший на своем веку, был не менее хитер, чем Жан Улле, и разгадал маневр противника.

Нападавшие стремились изменить направление их движения.

— Вперед! — воскликнул он. — Не теряйте времени на ответные действия... Вперед! Вперед!

Отряд перешел на бег; частая стрельба не помешала ему добраться до вершины холма.

Пока генерал с солдатами поднимался вверх по склону, Жан Улле под прикрытием вереска быстро спускался с холма, чтобы присоединиться к своим товарищам.

— Bravo! — сказал Герен. — Ах! Если бы у нас было хоть с десятков таких воинов, как ты, и еще несколько

груженых лесом телег, как та, мы бы уже покончили к этому часу с проклятыми солдатами.

— Гм! — ответил Жан Уллье. — Я вовсе не так доволен нашими успехами, как ты. Я ведь надеялся, что они повернут назад, но у нас ничего не вышло: похоже, что они не свернут со своего пути. И так, на развилку Pargo! И как можно быстрее!

— Кто это тут заявляет о том, что «красные штаны» не свернули со своего пути? — спросил кто-то в темноте.

Жан Уллье подошел к прогалине, откуда прозвучал голос, и увидел Жозефа Пико.

Вандеец, встав на колено и положив рядом ружье, со знанием дела выворачивал карманы трех солдат, сбитых с ног и раздавленных гигантским снарядам, выпущенным Жаном Уллье.

Старый охотник отвернулся, не в силах побороть отвращение.

— Послушайте, что скажет Жозеф, — шепнул Герен на ухо Жану Уллье, — послушайте его. Ведь он видит в ночи не хуже кошки, и его совет может нам пригодиться.

— А вот я считаю, — продолжал Жозеф Пико, складывая добычу в свою переметную сумку, с которой никогда не расставался, — что, добравшись до вершины холма, «синие мундиры» не двинулись с места. Вы что, глухие, чтобы не слышать, как там, наверху, у них от страха стучат зубы, и они дрожат с ног до головы, как овечий хвост? Ну, если вы ничего не слышите, так это вовсе не значит, что я так же, как и вы, потерял слух.

— Это надо проверить, — произнес Жан Уллье, обращаясь к Герену, не желая вступать в разговор с Жозефом.

— Вы правы, Жан Уллье; я пойду на разведку, — ответил Герен.

Вандеец перешел болото и, пробираясь сквозь заросли, добрался до середины склона. Затем лег на землю и по-пластунски пополз по камням, проскальзывая ужом в зарослях вереска с такой ловкостью, что их верхушки даже не колыхались.

Так он прополз две трети пути.

Когда до вершины оставалось не больше тридцати шагов, он приподнялся, нацепил шапку на ветку и потряс ею над головой.

И тотчас же с вершины холма грянул выстрел, и

шапка Герена отлетела шагов на двадцать от своего владельца.

— Он прав,— сказал Жан Уллье, услышав выстрел.— Но почему же они остановились? Проводник убит?

— Проводник не убит,— мрачно ответил Жозеф Пико.

— Так ты его видел? — спросил кто-то из крестьян, так как Жан Уллье, казалось, не собирался больше разговаривать с Пико.

— Да,— ответил шуан.

— И ты его знаешь?

— Да.

— Возможно,— негромко произнес Жан Уллье, как бы рассуждая про себя,— они не захотели продвигаться вперед в темноте по дороге, которая вся в рытвинах и колдобинах, а болотный воздух показался им вредным для здоровья. Они укрылись в скалах от наших пуль и, несомненно, не двинутся с места до рассвета.

И в самом деле, крестьяне вскоре заметили слабые огоньки на вершине холма, которые стали постепенно разгораться, пока не превратились в четыре или пять огромных костров, осветивших кровавым отблеском пламени редкий кустарник, растущий в трещинах между скалами.

— Странно, что они остановились, если их проводник еще жив,— произнес Жан Уллье.— Даже если они и решились устроить привал, им не миновать развилки Раго...

Он огляделся по сторонам и увидел, что рядом с ним присел вернувшийся из разведки Герен.

— Герен,— продолжал он,— ты отправишься туда со своими людьми.

— Хорошо,— ответил ему шуан.

— Если они не остановились на привал, ты знаешь, что надо делать; напротив, если же они решили отдохнуть у порога Боже, ты можешь вернуться через час; пусть они греются у костра: нет необходимости их атаковать.

— Почему? — спросил Жозеф Пико.

Жан Уллье был вынужден ответить на вопрос, обращенный к нему за разъяснением, как к командиру.

— Потому что убивать людей ради того, чтобы убивать, называется преступлением.

— Жан Уллье, скажите уж лучше...

— Что? — спросил старый охотник, прервав на полуслове Жозефа Пико.

— Скажите прямо: «Потому что хозяева, которым я служу, люди благородные; им не нужна смерть этих людей»,— и тогда, Жан Уллье, вы бы не солгали.

— Кто посмел утверждать, что Жан Уллье хоть один раз в жизни сказал неправду? — спросил, нахмурившись, старый охотник.

— Я,— произнес Жозеф Пико.

Жан Уллье стиснул зубы, но сдержался; казалось, что он решил не вступать ни в дружественные, ни во враждебные отношения с бывшим каторжником.

— Я,— повторил Жозеф Пико,— утверждаю, что вы не желаете, чтобы мы воспользовались нашей победой вовсе не из-за того, что заботитесь о сохранении нашей жизни: вы послали нас на бой с «красными штанами» только потому, чтобы помешать им разграбить замок Судэ.

— Жозеф Пико,— ответил ровным голосом Жан Уллье,— хотя мы воюем на одной стороне, мы идем разными дорогами и преследуем разные цели. Я всегда считал, что, невзирая на различия в убеждениях, все люди — братья, и мне не нравится, когда понапрасну проливается кровь моих братьев... Что же касается отношений с моими хозяевами, то я всегда думал, что смирение является священным долгом истинного христианина, в особенности для таких бедняков-крестьян, как вы и я. Наконец, я всегда полагал, что солдат должен беспрекословно выполнять приказы своего командира. Мне известно, что у вас совсем другие взгляды; тем хуже для вас! При других обстоятельствах я бы заставил вас раскаяться в ваших словах, которые вы только что произнесли, но сейчас я не располагаю собой... И поблагодарите за это Бога!

— Отлично,— произнес с усмешкой Жозеф Пико,— когда освободитесь, вы знаете, где меня найти, не так ли, Жан Уллье? И не ищите меня слишком долго.

И повернувшись к другим крестьянам:

— А теперь,— произнес он,— если среди вас найдется хоть один, кто посчитает за глупость караулить зайца в засаде, когда можно его взять на лежке, тот пойдет со мной.

И сделал шаг вперед, будто собираясь уйти.

Никто не двинулся с места, никто не произнес ни слова.

Не дождавшись ответа на свое предложение, Жозеф Пико, с яростью махнув рукой, скрылся в зарослях.

Жан Уллье расценил его возглас как бахвальство и лишь пожал плечами.

— Вперед! Вперед! — приказал Жан Уллье, обратившись к шуанам. — К развилке Раго, и побыстрее! Идите по руслу ручья до холма «На четырех ветрах», и через четверть часа вы будете на месте.

— А ты, Жан Уллье? — спросил Герен.

— Я пойду в Судэ; мне надо убедиться, что Мишель выполнил обещанное.

Небольшой отряд покорно двинулся вниз по ручью, как и приказал Жан Уллье.

И старый охотник остался в одиночестве.

В течение какого-то времени до него доносился плеск воды под ногами шуанов; вскоре он слился с шумом струившегося по камням ручья, и Жан Уллье повернул голову в ту сторону, где были солдаты.

Скалистая вершина, на которой вражеский отряд устроил привал, входила в состав гряды невысоких гор, вытянувшейся с востока на запад в сторону Судэ.

На востоке она заканчивалась в двухстах шагах от места, где произошли события, о которых мы только что рассказали, полого спускаясь к ручью, по которому продвигались шуаны, чтобы обойти стоявших лагерем солдат.

В западном направлении гряда простиралась на полудле; и чем ближе она подходила к Судэ, тем круче и обрывистее становилась, все выше поднималась, все меньше оставалось на ней растительности.

Наконец гряда обрывалась настоящей пропастью, обрванной огромными скалами, спускавшимися отвесно вниз и нависавшими над ручьем.

Всего один или два раза в жизни Жан Уллье решился спуститься по этой крутизне вниз, чтобы не упустить преследуемого собаками кабана.

Он сумел пробраться по петлявшей в кустарнике затерянной тропинке, шириной не больше фута, прозванной Козьей тропой.

Лишь несколько охотников знали о ней.

С огромным трудом спустившись по этой тропе однажды, рискуя свернуть себе шею, Жан Уллье утвердился во мнении, что никто не сможет пройти по ней ночью.

Если командир противника поведет свою колонну на Судэ, то изберет либо дорогу — и тогда на развилке Раго наткнется на шуанов, — либо спустится по склону, то есть вернется назад и поведет солдат по ручью, по которому только что отправились вандейцы.

Однако всего в нескольких шагах от этого места впадал мощный приток, превращая ручей в настоящую горную реку со стремительным течением, с заросшими колючим кустарником берегами, что делало их непреодолимыми. Здесь солдатам не пройти.

И все же у Жана Уллье было беспокойно на душе, словно он предчувствовал что-то неладное.

Ему показалось чрезвычайно странным, что Дермонкур отступил при первой же атаке и так легко и быстро отказался от похода на Судэ.

И вместо того чтобы уйти, как он только что сказал, Жан Уллье бросил задумчивый и тревожный взгляд на вершину холма; и вдруг ему показалось, что огонь потерял свою былую силу, а отблески, которые он отбрасывал на скалы, служившие ему сводом, потускнели.

Жану Уллье было несвойственно долго раздумывать; он решительно двинулся вверх, прибегая к тем же приемам маскировки, что и Герен несколько минут назад; только он не остановился, преодолев две трети пути, и продолжал карабкаться вверх, пока не добрался до валунов, окаймлявших вершину, словно пояс.

Он прислушался, но до него не донеслось ни единого звука.

Поднявшись на ноги, соблюдая при этом все необходимые меры предосторожности, чтобы не привлечь внимание противника, он посмотрел в промежуток между двумя огромными валунами, но никого не увидел.

Перед ним была пустая площадка, посреди которой горели одинокие костры с накинутыми на них ветками кустарника, которые, потрескивая, догорали в тишине.

Жан Уллье, вскарабкавшись на вершину валуна, скатился по противоположному склону и оказался на площадке, где, по его расчетам, должны были отдыхать солдаты.

Но их и след простыл.

С яростным криком, обращенным к товарищам по борьбе, с прытью преследуемой лани, он бросился по

тропе среди скал в сторону Судэ, уповая на выносливость и крепость своих ног.

У него не оставалось сомнений: неизвестный проводник, а точнее человек, которого знал только Жозеф Пико, повел солдат по Козьей тропе.

Несмотря на препятствия, которые воздвигнула природа на пути Жана Уллье, когда он чуть было не падал на плоских заросших мхом камнях, похожих на могильные плиты, или натыкался на острые гранитные выступы, попадавшиеся на его пути, когда ноги путались в колючих кустах, раздирающих до крови его кожу, он сумел преодолеть скалистую гряду холмов, и ему понадобилось на это всего десять минут.

Вскарабкавшись на последнюю и самую высокую гору, откуда открывался вид на долину, он увидел солдат.

Они уже заканчивали спуск, решившись вопреки здравому смыслу пройти Козьей тропой; и в свете факелов, которые они зажгли, чтобы осветить себе путь, можно было видеть, как цепочка солдат петляет над пропастью.

Оперевшись руками на огромный камень, на который только что забрался, Жан Уллье попытался его раскатать, чтобы скатить на головы солдат.

Но и в безумном порыве он не смог сдвинуть камень с места.

XXVII

ГОСТИ ЗАМКА СУДЭ

На другой день после прибытия графа де Бонвиля и его слутника в замок Судэ маркиз вернулся из поездки или, вернее, с совещания, на котором ему пришлось долго и безуспешно отстаивать свое мнение.

Слезая с лошади, достойный дворянин всем своим видом показывал, что пребывает в самом дурном расположении духа.

Он упрекнул дочерей за то, что те не удосужились выйти его встретить хотя бы к воротам, выругал отсутствовавшего Жана Уллье за то, что тот, не спросив его разрешения, отправился на ярмарку в Монтегю, придрался к кухарке, которая помогала ему слезть с лошади и вместо того, чтобы зайти с правой стороны, изо всех

сил потянула за левое стремя, что вынудило маркиза спрыгнуть на землю с противоположной крыльцу стороны.

Войдя в гостиную, маркиз де Судэ продолжал так яростно изливать свой гнев с помощью коротких и звучных бранных слов, что даже привычные к вольным выражениям, к которым частенько прибегал старый эмигрант, Берта и Мари покраснели от смущения и не знали, куда спрятаться.

Напрасно они пытались задобрить отца нежной лаской: даже согревая ноги у камина, маркиз продолжал похлопывать хлыстом по огромным сапогам и, казалось, очень сожалел о том, что вместо сапог перед ним не спины тех или иных господ, имена которых, играя хлыстом, он вспоминал, награждая самыми нелестными эпитетами.

Маркиз был явно не в духе.

В самом деле, уже некоторое время как маркиз не испытывал былого удовольствия от охоты; неожиданно он ловил себя на мысли, что зеваает за карточной игрой, которой обычно заканчивался каждый вечер; его больше не влекли радости землевладельца, иными словами, жизнь в замке ему начала казаться невыносимо скучной.

Кроме того, впервые за последние десять лет он ощутил необыкновенную легкость в ногах; он дышал свободно и ровно, голова была, как никогда, ясной.

К нему этим летом пришла та старческая мудрость, которая озаряет человеческий разум на пороге увядания, когда тело испытывает особенный ни с чем не сравнимый прилив сил, словно готовится встретить свой последний час; и маркиз, почувствовав себя бодрым и полным энергии, чего он не испытывал вот уже много лет, понял, что томится от тоски, занимаясь привычными делами, и подумал, что только в новой Вандее он смог бы лучше всего реализовать возможности вернувшейся к нему молодости, ни на секунду не сомневаясь в том, что только в беспокойной партизанской жизни, одно воспоминание о которой скрасит впоследствии его старость, он найдет лекарство от скуки.

Вот почему он с таким восторгом встретил сообщение о возобновлении вооруженной борьбы; пришедшееся как раз ко времени политическое потрясение нации лишний раз подтвердило то, о чем он подозревал в своем благом

и бесхитростном эгоизме: весь мир был создан и существовал только для того, чтобы удовлетворить желания столь достойного дворянина, каким считал себя маркиз де Судэ.

Однако, как ему показалось, его единоверцы совсем не горели желанием продолжить борьбу, как он, и не спешили принимать окончательное решение, чем и вывели его из себя.

Одни ссылались на то, что общественное мнение еще для этого не созрело, другие утверждали, что с их стороны было бы неосмотрительно пытаться что-то предпринять, не убедившись вначале в нейтралитете армии; третьи заявляли, что у крестьян поостыл религиозный и политический пыл и теперь нелегко будет поднять их на борьбу; и наш храбрый маркиз, никак не желавший понять, почему не все французы были готовы выступить, и рассматривавший небольшой военный поход как развлекательную прогулку, на которую отправился, получив из рук Жана Улле лучший карабин, а от дочерей перевязь с вышитым посередине красным сердечком, наш славный маркиз неожиданно простился со своими друзьями и, не желая больше слышать никаких доводов, вернулся в замок.

Зная, насколько высоко почитает законы гостеприимства ее отец, Мари как бы невзначай сообщила ему о приезде в замок графа де Бонвиля в тот момент, когда на нашего достойнейшего маркиза накатывалась новая волна раздражения, надеясь таким путем утихомирить разбушевавшегося старика.

— Бонвиль! Бонвиль! Не знаю никакого Бонвиля! — гневно воскликнул маркиз де Судэ. — Какой-нибудь мелкий адвокатишка, или один из выскочек в офицерских погонах, или болтун, умеющий лишь языком чесать, или самовлюбленный щеголь, который примется нам доказывать, что необходимо выждать, пока Филипп перестанет пользоваться всенародным уважением! Можно подумать, что популярность играет такую важную роль; разве не проще было бы позаботиться о популярности нашего короля!

— Я вижу, что господин маркиз за немедленное вооруженное выступление, — негромко произнес чей-то приятный и мелодичный голос.

Маркиз де Судэ обернулся и увидел юношу в крестьянской одежде, стоявшего по другую сторону камина и гревшего, как и он, ноги у очага.

Незнакомец тихо вошел через боковую дверь, в то время как маркиз, стоя к нему спиной, в пылу гнева не обратил внимание на знаки, подаваемые его дочерьми, которыми они пытались его предупредить о появлении в комнате одного из их гостей.

Малышу Пьеру — а это был именно он — на первый взгляд было не больше шестнадцати или восемнадцати лет, но даже для этого возраста он казался слишком худым и тщедушным; его лицо было совсем бескровным, а окаймлявшие голову длинные локоны черных волос еще больше подчеркивали его бледность; большие голубые глаза светились умом и храбростью; тонкие слегка приподнятые в уголках губы были раскрыты в лукавой улыбке; сильно выдававшийся подбородок свидетельствовал о недюжинной силе воли молодого человека; наконец, тонкий орлиный профиль дополнял внешний облик незнакомца, благородные черты лица которого совсем не соответствовали одежде крестьянина.

— Малыш Пьер, — произнесла Берта, взяв за руку молодого человека.

Маркиз отвесил низкий поклон, на что молодой человек ответил самым изысканным реверансом.

Крестьянская одежда и странное имя молодого человека не удивили старого эмигранта: за время войны он успел привыкнуть к прозвищам, под которыми скрывали свои имена самые знатные особы, и к маскараду, к которому они прибегали, чтобы не выдавать благородное происхождение; маркиз скорее подивился лишь возрасту гостя.

— Сударь, дочери мне уже успели поведать о том, что вчера вечером были счастливы принять вас и вашего друга графа де Бонвиля в нашем замке; что же касается лично меня, то я вдвойне сожалею о том, что не был в это время дома. Если бы известные господа не вынудили меня заняться выполнением столь неприятной миссии, я бы посчитал за великую честь встретить вас на пороге нашего скромного жилища. Надеюсь, что в мое отсутствие мои трещотки оказали вам достойный прием и, несмотря на наше невысокое положение в обществе, скра-

силы ваше пребывание под крышей нашего убогого замка.

— Господин маркиз, ваш дом мне показался особенно гостеприимным благодаря столь грациозным хозяйкам, — учтиво ответил Малыш Пьер.

— Гм! — произнес маркиз, вытянув нижнюю губу. — В былые времена они вполне могли бы развлечь гостей. Вот Берта: она прекрасно различает следы и может лучше любого охотника загнать кабана. Мария же не имеет себе равных в знании мест, где водятся вальдшнепы. Кроме умения играть в карты, которое перешло к ним по наследству от меня, мне кажется, что они совсем не созданы для ведения домашнего хозяйства; вот посмотрите: не прошло и нескольких минут, как в камине остались одни лишь головешки, — добавил маркиз де Судэ, пнув носком сапога догоравший в очаге огонь, что свидетельствовало о том, что его гнев еще не остыл.

— Я думаю, что немногие придворные дамы могли бы похвастаться грациозностью и изысканными манерами ваших дочерей. Господин маркиз, уверяю вас, что среди них не найдется ни одной, наделенной вдобавок к этим качествам еще и благородством души, и богатством чувств, какими обладают ваши дочери.

— Придворные дамы? — переспросил маркиз де Судэ, с удивлением взглянув на Малыша Пьера.

Малыш Пьер улыбнулся и покраснел, словно актер, который сбился с текста перед публикой, получившей бесплатные билеты на спектакль.

— Господин маркиз, это только мое предположение, — произнес он. Его смущение казалось слишком глубоким, чтобы быть притворным. — Я упомянул о придворных дамах только потому, что именно при дворе надлежит быть вашим дочерям благодаря их происхождению и достоинствам.

Маркиз де Судэ покраснел, в свою очередь, увидев, что ввел в краску гостя; он невольно едва не раскрыл инкогнито гостя, которое тот вовсе и не собирался ему открывать, и учтивый маркиз не мог себе этого простить.

Малыш Пьер поспешил нарушить неловкое молчание.

— Господин маркиз, как я вам уже сказал, когда девушки представляли меня, вы мне показались челове-

ком, ратующим за немедленное вооруженное выступление.

— Черт возьми! Конечно, сударь, и я могу вам в этом признаться, ибо, как мне кажется, вы из наших...

Малыш Пьер поклонился в знак согласия.

— Да, именно таково мое мнение,— продолжил маркиз,— но я напрасно уговаривал и убеждал других: никто не удосужился послушать старого орла, опалившего перья в огне огромного костра, полыхавшего по всей стране с девяносто третьего по девяносто седьмой год; они скорее прислушаются к словам банды болтунов, адвокатишек без практики, изнеженных щеголей, которые боятся спать под открытым небом и не хотят пачкать и рвать о колючий кустарник свои модные костюмчики; мокрые куры,— вот они кто... — добавил маркиз, яростно ударяя ногой по тлевшим в очаге головешкам, которые ответили тысячами искр, грозившими испортить сапоги.

— Отец,— произнесла ласково Мари, заметив, что Малыш Пьер не может сдержать улыбки,— отец, успокойтесь!

— Нет, я не успокоюсь,— ответил неугомонный старик.— Ведь у нас все готово; Жан Уллье мне сказал, что мои люди ждут не дождутся начала вооруженных действий; но вот уже наступило 14 мая, а мы снова отложили наше выступление!

— Терпение, господин маркиз,— сказал Малыш Пьер,— час еще не пробил.

— Терпение! Терпение! Легко сказать! — произнес со вздохом маркиз.— Вы молоды и можете еще ждать, но кто мне может ответить, доживу ли я милостью Божьей до того дня, когда смогу увидеть, как над моей головой развеивается славное старое знамя, под которым я когда-то сражался?

Слова старика тронули сердце Малыша Пьера.

— Но, господин маркиз, вы, возможно, как и я, слышали,— спросил он,— что вооруженное выступление отложено потому, что не известно, приедет принцесса или нет?

Вопрос Малыша Пьера, казалось, лишь усугубил дурное расположение духа маркиза.

— Оставьте меня в покое, молодой человек,— произнес он раздраженным тоном.— Мне ли не знать этой ста-

рой песни? На протяжении целых пяти лет, пока я воевал в Вандее, не нам ли столько раз обещали, что королевские знамена объединят всех бунтарей? И разве не я был первым среди тех, кто 2 октября ждал графа д'Артуа на острове Дье? Нам не суждено дожидаться принцессы в 1832 году, как мы не дождались принца в 1796-м! Впрочем, это не мешает мне отдать свою жизнь, как велит долг дворянина. Старое дерево умирает вместе с листвою.

— Господин маркиз де Судэ,— произнес Малыш Пьер со странным волнением в голосе,— клянусь вам, что мадам герцогиня Беррийская на маленьком утлом суденышке пересекла море лишь затем, чтобы встать под знамя, поднятое храброй и благородной рукой Шарретта; клянусь вам, что на этот раз она придет, если не победить, то по крайней мере умереть вместе с теми, кто поднимется на защиту законных прав ее сына!

В тоне молодого человека было столько страстной убежденности, и его слова так странно звучали в устах щупленького шестнадцатилетнего крестьянского паренка, что маркиз де Судэ с изумлением взглянул на своего собеседника.

— Но кто вы, наконец,— спросил маркиз, не в силах побороть любопытство.— Молодой человек... скорее дитя, кто вы такой, что можете говорить таким тоном о решении, принятом Ее Высочеством и от ее имени?

— Господин маркиз, мне показалось, что мадемуазель Судэ, когда представляла меня, назвала мое имя.

— Совершенно верно, господин Малыш Пьер,— произнес сбитый с толку маркиз.— Тысячу извинений! Однако,— продолжил он, обращаясь теперь с большим интересом к своему собеседнику, который, по его мнению, был сыном важной особы,— не считаете ли вы нескромным мое желание узнать, что вы думаете о сроках вооруженного выступления? Несмотря на юные годы, вы так здраво рассуждаете, что не скрою, мне бы очень хотелось знать ваше мнение.

— Господин маркиз, я вам отвечу с большой охотой, ибо мы с вами почти не расходимся во мнении.

— Правда?

— Мое мнение, если вы позволите мне иметь такое...

— Как! После всего того, что я услышал в прошлую ночь на совете у этих жалких типов, вы мне кажетесь похожим на одного из семи греческих мудрецов.

— Вы слишком снисходительны ко мне. Итак, господин маркиз, я сожалею о том, что мы не выступили, как было условлено, в ночь с тринадцатого на четырнадцатое мая.

— Вот, именно это я им говорил! А позвольте узнать, почему вы сожалеете?

— Мне кажется, дело вот в чем: солдаты расквартированы в деревнях и стоят на постое у крестьян по домам, разбросанным на большом расстоянии друг от друга. Войска оставлены на произвол судьбы: без командования, без знамени. Нет ничего проще заставить их врасплох и разоружить.

— Весьма справедливое суждение, тогда как сейчас...?

— Сейчас! ...Вот уже два дня, как отдан приказ покинуть небольшие деревни и объединить отдельные подразделения, нет, не в роты, а в батальоны и полки; теперь нам придется давать целое сражение, чтобы получить результат, который мы могли бы достигнуть без труда за одну только ночную атаку.

— Весьма убедительно! — с подъемом воскликнул маркиз. — И что меня огорчает больше всего, так это то, что, когда я приводил сто один веский довод, убеждая моих оппонентов, мне в голову не пришло ничего подобного! Однако, сударь, — продолжал он, — вы уверены, что приказ отослан в войска?

— Твердо уверен, — произнес Малыш Пьер с самым скромным видом, на который только был способен.

Маркиз взглянул на гостя с нескрываемым удивлением.

— Досадно, — произнес он, — весьма досадно! Ладно, мой юный друг, позвольте мне вас так называть, — так вы говорите, что надо набраться терпения и подождать, пока в новой Венгрии не объявится новая Мария-Терезия, и, ожидая этот день, выпить за здоровье королевского отпрыска и за незапятнанное знамя. Пусть девицы накроют на стол, ибо Жан Улле уехал после того, как кто-то, — добавил он, бросив на дочерей сердитый взгляд, —

отпустил его в Монтегю, не спросив предварительно моего разрешения.

— Господин маркиз, это моя вина,— произнес Малыш Пьер учтивым, но вместе с тем твердым голосом.— Прошу простить меня за то, что распорядился одним из ваших слуг; но надо было срочно выяснить настроения крестьян, собравшихся на ярмарку в Монтегю.

Тонкий и мелодичный голос молодого человека прозвучал с такой искренней верой в правоту своих слов, что окончательно сбитый с толку маркиз стал перебирать в памяти всех известных ему важных особ, чтобы догадаться, чьим сыном мог быть молодой человек; и лишь пробормотал в ответ, что не имеет ничего против.

В это время в гостиную вошел граф де Бонвиль.

На правах человека, знакомого с маркизом, Малыш Пьер посчитал своим долгом представить друга хозяину дома.

Благородное и открытое лицо графа сразу же понравилось маркизу де Судэ, уже находившемуся под впечатлением от беседы со своим юным гостем; его дурное расположение духа как рукой сняло, и он поклялся себе, что впредь нерешительность соратников по оружию будет его волновать не больше, чем прошлогодний снег. Однако, приглашая гостей к столу, он решил во что бы то ни стало выведать у графа де Бонвиля настоящее имя Малыша Пьера.

В это время в комнату вошла Мари и объявила, что стол накрыт.

XXVIII

В КОТОРОЙ МАРКИЗ ДЕ СУДЭ СОЖАЛЕЕТ О ТОМ, ЧТО МАЛЫШ ПЬЕР НЕ ДВОРЯНИН

Молодые люди, которых маркиз де Судэ пропустил вперед, замерли на пороге обеденного зала.

И в самом деле накрытый стол мог потрясти воображение любого гурмана.

В центре возвышались, словно древняя крепость над городом, жареные кабан и косуля; на ближних подступах с севера, юга, запада и востока крепость находилась под прикрытием щуки ливров на пятнадцать, трех или четырех копченых куриц, целой вавилонской башни

из отбивных котлет, груды кроликов под зеленым соусом; передовыми постами крепости по замыслу кухарки маркиза де Судэ служили многочисленные блюда с самыми разнообразными гарнирами и закусками: салаты, овощи, фрукты и желе; от обилия яств рябило в глазах; блюда стояли так тесно, что на столе негде было яблоку упасть; в то же время представшая глазам картина, несмотря на некоторую хаотичность, не была лишена своеобразной прелести для тех присутствовавших в комнате людей, у которых разыгрался аппетит после прогулки по лесам Можы.

— Бог мой! — воскликнул Малыш Пьер, отступив на шаг при виде такого изобилия угощений.— В самом деле, господин Судэ, вы слишком много чести оказываете таким бедным крестьянам, как мы.

— Что до стола, мой юный друг, то я тут ни при чем и не заслуживаю поэтому ни благодарности, ни осуждения. Это дело рук моих дочерей. Излишне говорить, что вы доставите мне удовольствие, если согласитесь разделить скромную трапезу бедного провинциального дворянина!

И маркиз подтолкнул Малыша Пьера к столу, к которому он, казалось, не решался приблизиться.

Малыш Пьер уступил хозяину, сделав, однако, одну оговорку.

— Боюсь, господин маркиз, что не смогу достойно ответить на ваше гостеприимство,— сказал он,— ибо вынужден вам признаться, что ем очень мало.

— Конечно,— заметил маркиз,— вы привыкли к более изысканным блюдам. Что до меня, то я, как истинный крестьянин, предпочитаю любой, даже самой тонкой кухне плотную и незатейливую крестьянскую пищу, которую легко переваривает желудок.

— Должен признаться, что я неоднократно присутствовал при разговорах на эту тему,— сказал Малыш Пьер,— между королем Людовиком XVIII и маркизом де Аварэ.

Граф де Бонвиль подтолкнул локтем Малыша Пьера.

— Вы знакомы с Людовиком XVIII и маркизом де Аварэ? — удивленно воскликнул старый маркиз, так взглянув на Малыша Пьера, словно хотел удостовериться, что тот не смеется над ним.

— Да, когда мне было мало лет,— просто ответил Малыш Пьер.

— Хм! — только и заметил маркиз.— В добрый час! Все расселись за столом и тотчас приступили к роскошной обеду.

Однако, сколько маркиз де Судэ ни угощал своего юного гостя блюдами, от которых ломился стол, Малыш Пьер так и не притронулся ни к одному из них, только попросив гостеприимного хозяина, чтобы ему принесли чашку чая и два свежих яйца, снесенные курицей, чье радостное кудахтанье во дворе он слышал поутру.

— Что касается яиц, нет ничего проще,— ответил маркиз.— Мари сама ходит в курятник и принесет их прямо из-под курицы, но что касается чая, то — о, дьявольщина! — сомневаюсь, чтобы в доме был чай.

Мари не стала ждать, когда к ней обратятся с просьбой, и, встав из-за стола, уже направилась было к двери, чтобы исполнить волю отца, но, услышав его восклицание, в нерешительности остановилась, смутившись не меньше маркиза.

Было ясно, что чая в доме не было.

От Малыша Пьера не ускользнуло замешательство маркиза и его дочери.

— О! — произнес он.— Не беспокойтесь: господин де Бонвиль ходит в мою комнату и принесет несколько щепоток чая из моего дорожного несессера.

— Из вашего дорожного несессера?

— Да,— ответил Малыш Пьер,— раз я приобрел столь дурную привычку пить чай, я вожу его всегда с собой.

И он вручил графу де Бонвиль ключик, сняв его с набора ключей, висевшего на золотой цепочке.

Граф де Бонвиль вышел из-за стола с одной стороны, тогда как Мари с другой.

— Черт возьми, мой юный друг! — воскликнул маркиз, проглотив огромный кусок мяса жареного кабана.— Вы ведете себя совсем, как женщина, и, если бы я собственными ушами не услышал только что вашего суждения, которое, как я считаю, слишком глубокомысленно для женского ума, у меня бы закралось сомнение относительно вашего пола.

Малыш Пьер улыбнулся.

— Ничего,— сказал он,— господин маркиз, у вас еще будет возможность увидеть меня в бою, когда мы встретимся с солдатами Филиппа, и вы измените превратное мнение, которое сложилось у вас обо мне на данный момент.

— Как! Вы собираетесь воевать вместе с нами? — спросил маркиз, все больше и больше удивляясь.

— Надеюсь,— ответил молодой человек.

— А я,— произнес вернувшийся в комнату Бонвиль, возвращая Малышу Пьеру ключик, полученный у него,— готов поклясться, что он будет драться наравне со мной.

— Буду очень рад, мой юный друг,— сказал маркиз.— Но я не вижу здесь ничего удивительного. Храбрость дается человеку Богом независимо от его пола. Я сам видел во время войны, как одна дама из окружения господина Шаретта, не моргнув глазом, выстрелила из пистолета.

В это время вошла Мари: в одной руке она держала чайник, а в другой — тарелку с двумя яйцами, сваренными всмятку.

— Благодарю вас, прелестное дитя,— сказал Малыш Пьер учтивым тоном, в котором слышались такие покровительственные нотки, что маркизу де Судэ на память пришли знатные сеньоры старого двора,— и тысяча извинений за то, что причинил вам столько хлопот.

— Вы недавно упомянули об Его Величестве короле Людовике XVIII,— сказал маркиз де Судэ,— и его кулинарных вкусах. В самом деле, я не раз слышал, что он любил особые деликатесы.

— Да, это правда,— сказал Малыш Пьер,— у этого славного короля была ни с кем не сравнимая манера наслаждаться мясом садовых овсянок и отбивных котлет.

— Но, мне кажется,— произнес маркиз де Судэ, с аплетитом поглощая отбивную, одним махом сняв ее с косточки,— разве можно вкушать отбивную как-то по-другому...

— И именно так, как это делаете вы, господин маркиз? — спросил с улыбкой Бонвиль.

— Ну да, черт возьми! Что до овсянок, то, если Берта или Мари затеивают игру в войну и в качестве трофея приносят мне не садовых овсянок, а лесных жаворонков, я беру их прямо за клюв и, посыпав тонким слоем перца и соли, целиком отправляю в рот. Я вам скажу, вот это вкусно! Только, чтобы получить удовольствие, надо съесть две или три дюжины за один раз.

Малыш Пьер не смог сдержаться от смеха; ему вспомнился рассказ про одного дворянина, который поспорил, что съест за обедом целого полуторамесячного теленка.

— Я ошибся, когда сказал, что король Людовик XVIII как-то по-особому вкушал дичь и отбивные котлеты. Было бы точнее сказать, что у его поваров был особый способ приготовления пищи.

— Черт возьми! — заметил маркиз де Судэ. — Мне всегда казалось, что дичь жарят на вертеле, а отбивные на решетке.

— Да, это так, — произнес Малыш Пьер, который заметно повеселел от своих воспоминаний, — но Его Величество Людовик XVIII несколько изменил способ их приготовления. Дворцовый шеф-повар закладывал отбивную, которой, по его словам, выпадала честь быть съеденной самим королем, между двумя другими отбивными так, что отбивная, находившаяся в середине, жарилась в их соку. Так же он поступал с овсянками: те, которые подавались королю, зашивались внутрь дрозда, который, в свою очередь, помещался внутрь вальдшнепа. По окончании жарки вальдшнепа есть было нельзя, тогда как дрозд был отлично приготовлен, а от мяса овсянки оторваться было просто невозможно.

— Молодой человек, — произнес маркиз де Судэ, откинувшись на спинку стула и взглянув на Малыша Пьера с крайним изумлением, — можно сказать, что вы были свидетелем того, как славный король Людовик XVIII совершал подвиги в области гастрономии.

— Да, это я в самом деле видел, — ответил Малыш Пьер.

— Так вы были вхожи в королевский дворец? — спросил сквозь смех маркиз.

— Я был пажом, — ответил Малыш Пьер.

— Ах, вот в чем дело! Теперь мне все понятно, — за-

метил маркиз.— Черт возьми, следует признать, что для своих лет вы много повидали.

— Да,— со вздохом ответил Малыш Пьер,— даже слишком много!

Девушки с глубокой симпатией посмотрели на юношу.

В самом деле, приглядевшись повнимательнее к его лицу, казавшемуся на первый взгляд таким юным, можно было сделать вывод, что время уже успело оставить на нем свой след и пережитые испытания отметили его своей печатью.

Маркиз дважды или трижды пытался оживить беседу за столом, однако Малыш Пьер, погружившись в свои мысли, казалось, не собирался больше принимать участия в разговоре и, если и слышал рассуждения маркиза о белом и красном мясе, о разнице во вкусе дичи и домашней птицы, то хранил упорное молчание, либо потому, что придерживался его мнения, либо не желал вступать в ненужный, на его взгляд, спор.

Когда хозяйева и гости встали из-за стола, маркиз де Судэ, заметно подобревший после того, как насытился, был в восторге от молодого человека, несмотря на то что его юный друг не отличался разговорчивостью.

Все перешли в гостиную. Однако вместо того, чтобы присоединиться к девушкам, графу де Бонвиллю и маркизу де Судэ, устроившимся вокруг камина, в котором был разведен большой огонь, свидетельствовавший о том, что неподалеку находился лес и потому в замке Судэ не надо было беречь дрова, Малыш Пьер, по-прежнему озабоченный какой-то проблемой или о чем-то мечтающий, подошел к окну и прислонился лбом к стеклу.

Некоторое время спустя, когда маркиз де Судэ рассыпался перед графом де Бонвилем в похвалах в адрес его юного спутника, неожиданно прозвучавший повелительный и резкий голос, каким было произнесено его имя, заставил графа вздрогнуть.

Это Малыш Пьер позвал его.

Граф тут же повернулся и не пошел, а скорее побегал на зов юного крестьянина.

Молодой человек начал ему что-то тихо выговаривать, как будто отдавая приказ.

После каждой фразы Бонвиль склонял голову перед Малышом Пьером как бы в знак согласия.

Когда Малыш Пьер закончил, Бонвиль взял шляпу и, попрощавшись со всеми, вышел.

А Малыш Пьер подошел к маркизу.

— Господин Судэ,— произнес он,— я только что от вашего имени заверил графа де Бонвиля в том, что вы не будете возражать, если он воспользуется одной из ваших лошадей, чтобы объехать близлежащие замки и сообщить их владельцам о встрече, назначенной на сегодняшний вечер в Судэ; здесь соберутся те люди, с кем вы поругались сегодня утром. Вероятно, он еще застанет их в Сен-Фильбере. Вот почему я приказал ему поторопиться.

— Но,— заметил маркиз,— среди этих господ, возможно, найдутся такие, кто обиделся на меня за нелестные слова, которые я высказал в их адрес сегодня утром, и не изъявят желания приехать вечером в мой замок.

— Приказ вынудит приехать тех, кто в других обстоятельствах стал бы упрямитесь.

— Чей приказ? — с удивлением спросил маркиз

— Герцогини Беррийской, предоставившей необходимые полномочия графу де Бонвилю. А теперь,— немного помедлив, словно раздумывая, произнес Малыш Пьер,— возможно, вы опасаетесь, что совещание в замке Судэ чревато негативными последствиями для вас и вашей семьи? В таком случае вам стоит только произнести одно слово, и граф де Бонвиль никуда не поедет.

— Черт возьми! — воскликнул маркиз.— Пусть он поскорее мчится галопом, даже если для этого ему придется загнать моего лучшего скакуна!

Не успел маркиз произнести эти слова, как граф де Бонвиль, словно только того и дожидался, прищипил коня перед окнами гостиной, выехал за ворота и поскакал по дороге, ведущей на Сен-Фильбер.

Маркиз подошел к окну, выходящему на улицу, и провожал графа взглядом до тех пор, пока он не исчез из вида.

Затем поднял глаза и огляделся по сторонам в поисках Малыша Пьера, но того уже и след простыл; и когда маркиз спросил дочерей, куда он исчез, они в один

голос ответили, что юноша поднялся к себе со словами, что хочет написать несколько писем.

— Какой странный молодой человек! — прошептал маркиз де Судэ.

XXIX

ВАНДЕЙЦЫ 1832

Граф де Бонвиль возвратился в пять часов.

Он встретился с пятью главными заговорщиками и договорился с ними о том, что они прибудут в замок Судэ между восьмью и девятью часами вечера.

Как гостеприимный хозяин маркиз приказал кухарке располагать по своему усмотрению всем находившимся в замке продовольствием, чтобы приготовить самый роскошный ужин, на какой она была только способна.

Пятью руководителями заговорщиков, с кем встретился граф, были Луи Рено, Паскаль, Львиное Сердце, Гаспар и Ашиль, которые пообещали прибыть вечером на совещание.

Те из наших читателей, кто хоть немного наслышан о событиях 1832 года, сразу поймут, о ком идет речь, ибо эти люди скрывались от властей во время войны под вымышленными именами на случай перехвата одного из их сообщений, которыми они обменивались между собой.

К восьми часам вечера Жан Уллье не вернулся, чем весьма огорчил маркиза, и открывать ворота замка было поручено Мари, которой было наказано впускать только тех гостей, кто стучал так, как было условлено заранее.

В гостиной за прикрытыми ставнями и занавешанными наглухо шторами все было готово к началу совещания.

К семи часам в гостиной собрались четверо: маркиз де Судэ, граф де Бонвиль, Малыш Пьер и Берта.

Как мы уже сказали, Мари ожидала прихода гостей, устроившись в тесной будке привратника с оконцем, выходящим на дорогу, через которое можно было разглядеть стучавшего в ворота, чтобы не открыть неожиданно визитеру.

Из всех собравшихся в гостиной людей самое большое нетерпение проявлял Малыш Пьер: похоже, что хладнокровие не было в числе его достоинств. Хотя часы показывали всего половину восьмого, тогда как встреча была назначена на восемь, он поминутно подходил к приоткрытой двери в надежде услышать шаги одного из ожидаемых гостей.

Наконец ровно в восемь послышался стук: три раза с условленными интервалами, что свидетельствовало о том, что прибыл один из приглашенных.

— Ах! — воскликнул Малыш Пьер, устремившись к двери.

Однако граф де Бонвиль, улыбнувшись, остановил его почтительным жестом.

— Да, вы правы, — сказал молодой человек.

И направился в самый дальний и неосвещенный угол гостиной.

Почти одновременно в дверях показался один из приглашенных на совещание руководителей восстания.

— Господин Луи Рено, — произнес громко граф де Бонвиль, чтобы его расслышал Малыш Пьер и по имени, взятому на время войны, мог определить, как в действительности звали гостя.

Маркиз де Судэ устремился навстречу Луи Рено тем более охотно, что узнал в молодом человеке одного из тех, кто, как и он, высказывался за немедленное вооруженное выступление.

— О! Добро пожаловать, мой дорогой граф; вы были первым; это принесет нам удачу.

— Мой дорогой маркиз, — ответил Луи Рено, — уверен, что прибыл первым вовсе не потому, что мои единомышленники торопятся меньше меня; все дело в том, что я живу ближе всех и на дорогу мне надо меньше времени.

И с этими словами молодой человек, появившийся в замке под именем Луи Рено, представился с такой юношеской грацией и отвесил Берте поклон с такой поистине аристократической непринужденностью, хотя и был в простой одежде бретонского крестьянина, что эти два достоинства, быстро превратившись в недостатки, могли бы ему весьма повредить, если бы ему пришлось хотя бы на время перенять манеру держаться и изъясняться, как

представители того сословия, чьим костюмом он на время воспользовался.

Графу де Бонвиллю пришлось подождать, пока гость отдаст долг вежливости хозяину дома и Берте.

Однако, понимая нетерпение Малыша Пьера, затаившегося в своем уголке и подававшего какие-то знаки, значение которых было известно лишь ему одному, Бонвиль приступил сразу к сути дела.

— Мой дорогой граф,— обратился он к Луи Рено,— вам известны мои полномочия, вы уже ознакомились с письмом Ее Высочества, и вы должны знать, что по крайней мере на данный момент я являюсь ее уполномоченным... И мне бы хотелось знать ваше мнение о текущем моменте?

— Сегодня утром я уже имел возможность высказаться по этому поводу, но не в тех, возможно, выражениях, что сейчас; однако в настоящее время, сознавая, что нахожусь среди сторонников Ее Высочества, могу говорить со всей откровенностью.

— Вот именно, со всей откровенностью,— подхватил его слова Бонвиль,— прежде всего необходимо, чтобы Мадам знала ваше мнение, мой дорогой граф, и не сомневайтесь, говорите, как будто она вас слушает.

— Хорошо, но я считаю, что не следует ничего начинать до прибытия маршала.

— А разве маршал,— заметил Малыш Пьер,— еще не в Нанте?

Не заметив вначале молодого человека, Луи Рено повернулся в его сторону и с поклоном ответил:

— Только сегодня, вернувшись домой, я узнал, что маршал, как только до него дошли слухи о событиях на юге страны, тут же выехал из Нанта, и теперь никому не известно, ни по какой дороге он поехал, ни о решении, которое он принял.

Малыш Пьер от нетерпения топнул ногой.

— Однако,— воскликнул он,— маршал был душой затеянного нами предприятия! Если он не вернется, солдаты будут нам меньше доверять, что может обернуться нашим поражением. В его отсутствие никто не захочет подчиняться, возникнет соперничество среди руководителей, которое и погубило партию роялистов в первые годы войны в Вандее.

Увидев, что Малыш Пьер принял участие в разговоре, граф де Бонвиль отошел в сторону, чтобы не мешать молодому человеку, который выступил на два шага вперед под свет ламп.

Луи Рено с удивлением взглянул на юношу, по виду совсем еще ребенка, говорившего с такой уверенностью и знанием дела.

— Поверьте мне, господин,— произнес он,— маршал всего-навсего задержался; он тут же примчится, как только ему сообщат о прибытии Мадам.

— А разве господин Бонвиль не предупредил вас, что Мадам в дороге и, несомненно, скоро будет здесь, чтобы присоединиться к своим друзьям?

— Конечно, сударь, и такая новость доставила мне опромную радость.

— Задержка! Снова задержка! — прошептал Малыш Пьер.— Все время мне приходится слышать только эти слова. Теперь мне кажется, что любое восстание в ваших краях должно происходить лишь в первой половине мая, чтобы легче привлечь на свою сторону жителей окрестных деревень, которые, если промедлить, займутся возделыванием своих полей. Уже четырнадцатое число, и мы здорово задержались. А руководителей восстания пригласили, не правда ли?

— Да, господин,— ответил Луи Рено с оттенком печали в голосе,— скажу больше, теперь вам придется рассчитывать только на руководителей.

И со вздохом добавил:

— И даже не на всех, как сегодня утром смог убедиться маркиз де Судэ.

— Что вы такое мне говорите! — воскликнул Малыш Пьер.— О миролюбии вандейцев, когда наши друзья в Марселе, что мне доподлинно известно, злятся лишь сами на себя и мечтают только о реванше!

На губах молодого предводителя повстанцев промелькнула мимолетная улыбка.

— Вы родом с юга,— заключил он, глядя на молодого человека,— хотя у вас совсем не слышен акцент.

— Да, вы правы,— заметил Малыш Пьер.— Ну и что дальше?

— Никогда не следует путать юг с западом, марсельца с вандейцем. Обычное воззвание может поднять весь

юг, в то время как поражение вызовет всеобщее уныние. Вандейцы, наоборот, если у вас появится возможность немного задержаться здесь, вы поймете, насколько правдивы мои слова, слишком серьезны, хладнокровны и молчаливы. Всякое предложение обсуждается здесь долго и тщательно, взвешиваются все «за» и «против»; если есть больше шансов на успех, вандеец поднимает руку, говорит свое «да» и умирает, если надо, чтобы выполнить свое обещание. Однако всем вандейцем известно, что «да» и «нет» равносильно выбору между жизнью и смертью, поэтому они тысячу раз подумают, прежде чем принять окончательное решение.

— Но как же быть с воодушевлением? — воскликнул Малыш Пьер.

Молодой руководитель повстанцев улыбнулся.

— Да,— произнес он,— несколько лет назад я уже слышал о воодушевлении: это божество нам досталось в наследство от наших прадедов, но нашим отцам было сделано столько обещаний, и ни одно из них не было выполнено. Вам известно, что произошло сегодня утром в Сен-Фильбере?

— Немного; маркиз мне рассказал.

— Но то, что произошло после его отъезда?

— Нет.

— Так вот. Из двенадцати руководителей восстания, которые должны были встать во главе своих отрядов, семеро высказались против вооруженного выступления и в этот час, по всей вероятности, уже отпустили своих людей по домам. И, следует отметить, они не переставали уверять друг друга в том, что, если потребуется, они отдадут жизнь за Мадам; только они добавляли при этом, что не могут перед Богом брать на себя ответственность за жизнь своих крестьян, которых вовлекают не во что в иное, как в кровавую бойню.

— Но тогда,— воскликнул Малыш Пьер,— нам придется отказаться от всякой попытки, оставить навсегда надежду.

На губах молодого человека вновь появилась грустная улыбка.

— Да, может быть, действительно придется распрощаться с надеждой, но только не отказываться от попытки. Мадам написала нам, что на ее стороне комитет по

руководству Парижем; Мадам заверила нас, что пользуется широкой поддержкой в армии. Попытка не пытка! Возможно, беспорядки в Париже или дезертирство в армии оттолкнут от нас Мадам. Если мы не попытаемся что-то сделать для нее, Мадам решит, отказываясь от своих планов, что в случае выступления мы бы имели шансы на успех, и мы не хотим, чтобы у Мадам остались сомнения.

— Но если мы потерпим поражение? — воскликнул Малыш Пьер.

— Тогда это обернется бесполезной гибелью пятиста или шестиста человек, только и всего; надо, чтобы время от времени какая-то партия терпела поражение и показывала пример, чтобы другим неповадно было не только у себя в стране, но и за рубежом.

— Так вы не из тех, кто отправил своих людей по домам? — спросил Малыш Пьер.

— Да нет, но я из тех, кто поклялся умереть за Ее Высочество. Впрочем, — продолжил молодой человек, — возможно, боевые действия уже начались, и нам остается только проследить за их развитием.

— Как так? — спросили в один голос Малыш Пьер, Бонвиль и маркиз.

— Сегодня на ярмарке в Монтею произошла перестрелка.

— И сейчас слышны выстрелы со стороны Булонской переправы, — произнес в дверях незнакомец.

И на пороге появился новый гость.

XXX

ТРЕВОГА

Тот, кто появился по нашей воле на пороге комнаты или, вернее, сам вошел в гостиную маркиза де Судэ, был главным комиссаром будущей армии Вандеи, сменивший известное на весь Нант имя адвоката на скромный псевдоним Паскаль.

Он был хорошо знаком с Мадам, ибо не раз выезжал за границу для переговоров с ней. Еще не прошло и двух месяцев, как он вернулся из последней поездки к Ее Вы-

сочеству, привезя ей последние новости из Франции и получив от нее указания, как надо действовать.

Как раз именно ему было поручено предупредить вандейцев, чтобы все было наготове.

— А! — увидев его, воскликнул маркиз де Судэ и невольно шевельнул губами, что свидетельствовало о том, что он недолго любил адвокатов.— Вот и господин Паскаль, главный комиссар.

— И, как нам кажется, он сообщит нам последние новости,— произнес Малыш Пьер, явно стараясь привлечь к себе внимание вошедшего.

В самом деле, услышав этот голос, комиссар вздрогнул и повернулся к Малышу Пьеру, подававшему ему глазами и губами едва заметные знаки, что для комиссара оказалось вполне достаточным, чтобы знать, как держаться дальше.

— Да, новости,— повторил он.

— Плохие или хорошие? — спросил Луи Рено.

— Разные... Однако начнем с хороших.

— Говорите!

— Ее Высочество успешно преодолела южные районы и прибыла целой и невредимой в Вандею.

— Вы уверены в этом? — спросили в один голос маркиз де Судэ и Луи Рено.

— Точно так же, как в том, что вижу вас перед собой впятером в полном здравии,— ответил Паскаль.— А теперь поговорим о другом.

— Что вам известно о Монтегю? — спросил Луи Рено.

— Сегодня там прозвучали выстрелы,— ответил Паскаль.— Национальные гвардейцы несколько раз выстрелили, среди крестьян есть убитые и раненые.

— Но что вынудило их? — спросил Малыш Пьер.

— Небольшая стычка, происшедшая на ярмарке, которая переросла затем в бунт.

— Кто командует гарнизоном в Монтегю?

— Простой капитан,— ответил Паскаль.— Но сегодня по случаю ярмарки туда нагрянули супрефект и генерал.

— А вам известно имя генерала?

— Генерал Дермонкур.

— Что он собой представляет?

— А что бы вам хотелось о нем узнать? Что он из себя представляет, его убеждения, характер?

— Да, все это, вместе взятое.

— Ну, во-первых, ему около шестидесяти—шестидесяти двух лет, он из тех военных, кто воевал всю свою жизнь, начиная от Революции и кончая Империей. Он не слезает с лошади ни днем, ни ночью и не даст нам ни малейшей передышки.

— Ну что ж,— заметил с улыбкой Луи Рено,— придется постараться, чтобы он выбился из сил, а так как нам в среднем в два раза меньше лет, мы наверняка в этом преуспеем, если только от нас не отвернется удача или же мы не окажемся совсем никудышными вояками.

— А каковы его взгляды?

— Мне кажется,— сказал Паскаль,— что в глубине души он республиканец.

— И это несмотря на двенадцатилетнюю службу Императору? Хорошо же он маскировался!

— Ничего удивительного. Вы помните слова Генриха IV о сторонниках Лиги: «Бочка всегда пахнет селедкой».

— А характер?

— Ну, он поистине человек чести! Это вам не Амадис или Галаор, а настоящий Феррагус. Если Мадам когда-нибудь, не дай Бог, попадет к нему в плен...

— О! Что вы такое говорите, господин Паскаль! — воскликнул Малыш Пьер.

— Я адвокат, господин,— ответил комиссар,— и как адвокат я предвижу все ходы защиты на судебном процессе. Итак, я повторяю: если Мадам когда-нибудь, не дай Бог, попадет в плен к генералу Дермонкуру, она сможет получить полное представление о том, какой он обходительный человек.

— В таком случае,— произнес Малыш Пьер,— наконец перед нами враг, о котором Мадам могла только мечтать: сильный, храбрый и честный. Господин, нам повезло... Однако вы упомянули о перестрелке на Булонской переправе.

— По крайней мере по дороге в замок мне показалось, что стреляют именно в той стороне.

— Пусть Берта,— сказал маркиз,— выйдет и послушает, а затем нам скажет, что происходит.

Берта встала.

— Как! — воскликнул Малыш Пьер.— Мадемуазель?

— Ну и что? — спросил маркиз.

— Мне кажется, что это совсем не женское дело.

— Мой юный друг,— произнес старик,— в таких делах я рассчитываю прежде всего на себя, затем на Жана Улле, а уж затем на Берту или Мари. Мне не хотелось бы оставлять вас, а мой чудак Жан Улле куда-то запропастился; так что пусть идет Берта.

Берта тут же направилась к двери, но на пороге столкнулась с сестрой, которая что-то ей тихо сказала.

— Вот Мари,— произнесла Берта.

— А! — протянул маркиз.— Детка, ты слышала выстрелы?

— Да, отец,— ответила Мари,— идет бой.

— Где же?

— У порога Боже.

— Ты в этом уверена?

— Да, ружейные выстрелы слышатся с болота.

— Вот видите,— сказал маркиз,— теперь у нас точные сведения. А кто остался у ворот вместо тебя?

— Розина Тенги.

— Послушайте,— произнес Малыш Пьер.

В самом деле кто-то громко стучал в ворота.

— Черт,— заметил маркиз,— это кто-то чужой.

Все прислушались.

— Откройте,— послышался крик,— откройте! Нельзя терять ни секунды!

— Это его голос! — взволнованно произнесла Мари.

— Его голос! — повторил маркиз.— Так кому же он принадлежит?

— Да это голос молодого барона Мишеля,— сказала Берта, тоже узнавшая его.

— И что же здесь ему понадобилось? — произнес маркиз, делая шаг к двери, словно желая не впускать молодого человека.

— Маркиз, пусть он войдет,— воскликнул Бонвиль,— нечего его опасаться, я за него ручаюсь.

Не успел он произнести эти слова, как послышались поспешные шаги, и в гостиную вбежал запыхавшийся молодой барон. Вспотевший, бледный, покрытый грязью, он только и смог вымолвить:

— Нельзя терять ни секунды! Спасайтесь! Они вот-вот будут здесь!

Он упал на одно колено, упираясь рукой о пол; у него перехватило дыхание, силы покинули его. Он сдержал обещание, которое дал Жану Уллье, пробежав более половины лье за шесть минут.

На какое-то время в гостиной воцарилось всеобщее смятение и растерянность.

— К оружию! — воскликнул маркиз.

И, схватив свое ружье, он указал пальцем в угол гостиной, где стояла решетчатая подставка с тремя или четырьмя карабинами и охотничьими ружьями.

Граф де Бонвиль и Паскаль бросились в едином порыве к Малышу Пьеру, словно желая прикрыть его собой.

Мари кинулась к молодому барону, чтобы помочь ему подняться.

Берта подбежала к окну, выходившему в лес, и распахнула его настежь.

Неподалеку послышались выстрелы, но все же еще не у самого замка, а на каком-то расстоянии от него.

— Они идут Козьей тропой, — сказала Берта.

— Будет тебе! — заметил маркиз. — Не может быть, чтобы они попытались пройти такой дорогой.

— Но они идут, отец, — сказала Берта.

— Да, да, — прошептал Мишель, — я видел, как они шли; у них в руках факелы; их вела женщина, шедшая впереди всех; вторым за ней шел генерал.

— О! Проклятый Жан! — воскликнул маркиз. — Почему его до сих пор нет?

— Он сражается, господин маркиз, — произнес молодой барон, — он послал меня к вам вместо себя.

— Он? — удивился маркиз.

— Но я бы и сам пришел, — сказал молодой человек. — Еще вчера вечером узнал, что готовится нападение на замок; но меня заперли в комнате, и мне пришлось спуститься через окно с третьего этажа...

— Боже мой! — побледнев, воскликнула Мари.

— Bravo! — заметила Берта.

— Господа,—спокойным голосом произнес Малыш Пьер,—я считаю, что сейчас самое время принять решение. Будем ли мы драться? В таком случае нам надо разобрать оружие, закрыть ворота замка и приготовиться к бою. Если же мы решим бежать, то у нас почти не остается времени.

— Будем защищаться! — воскликнул маркиз.

— Бежим! — произнес Бонвиль.—Только когда Малыш Пьер будет в безопасности, мы сможем дать бой.

— А вы, граф,—спросил Малыш Пьер,—что вы на это скажете?

— Я скажу, что мы не готовы к бою... Не так ли, господа?

— Мы всегда готовы драться,—произнес с беспечным видом молодой незнакомец, входивший в это время в гостиную; его слова были одновременно обращены к находившимся в гостиной и к двум молодым людям, шедшим за ним следом, которых он, по всей видимости, встретил у ворот замка.

— А! Гаспар! Гаспар! — воскликнул Бонвиль.

И, кинувшись навстречу вновь прибывшему гостю, что-то шепнул ему на ухо.

— Господа,—сказал Гаспар,—граф де Бонвиль совершенно прав: надо отступить!

Затем, обращаясь к маркизу:

— Маркиз, нет ли в вашем замке какой-нибудь потайной двери, какого-нибудь секретного хода? Нам нельзя терять ни минуты: последние выстрелы, которые Ашиль, Львиное Сердце и я слышали у ворот, раздавались не более чем в пятидесяти шагах отсюда.

— Господа,—произнес маркиз де Судэ,—вы у меня в гостях, и я беру всю ответственность на себя. Тихо! Выслушайте меня и подчинитесь. Сегодня вы подчинитесь мне, а завтра я послушаюсь вас.

Наступила полная тишина.

— Мари,—сказал маркиз,—запри ворота замка, но не перегораживай их; сделай так, чтобы их можно было открыть первому, кто постучится. А ты, Берта, проводи поскорее наших гостей к подземному ходу! Я с дочерьми останусь в замке и встречу генерала со всеми почестями, а завтра мы присоединимся к вам, где бы вы ни были; только сообщите нам, как вас найти.

Мари поспешила из гостиной выполнять приказ отца, а в это время Берта, сделав знак Малышу Пьеру следовать за ней, вышла в противоположную дверь, пересекла двор, вошла в часовню, взяла на алтаре две свечи, зажгла их от лампы и передала Бонвиллю и Паскалю, затем нажала пружину, и передняя часть алтаря повернулась, открыв лестницу, которая вела в подземелье, служившее в былые времена усыпальницей сеньоров Судэ.

— Здесь вы не сможете заблудиться,— сказала Берта,— в конце подземелья вы наткнетесь на дверь, в которой будет ключ. Эта дверь выходит в поле.

Малыш Пьер, взяв руку Берты, крепко ее пожал и поспешил вслед за Бонвилем и Паскалем, которые освещали ему путь.

За Малышом Пьером в темноте подвала скрылись Луи Рено, Ашиль, Львиное Сердце и Гаспар.

Берта закрыла за ними дверь.

Она заметила, что среди беглецов не было барона Мишеля.

XXXI

МОЙ ПРИЯТЕЛЬ ЛОРИО

Проводив взглядом беглецов, пока они не скрылись в часовне, маркиз де Судэ вздохнул с видом человека, с плеч которого свалилась тяжесть, и вошел в замок.

Но вместо того, чтобы пройти из прихожей в гостиную, он направился прямо на кухню.

К огромному удивлению кухарки, он, подойдя к плите, заглянул в каждую кастрюлю, что было ему совсем несвойственно, чтобы убедиться, не приставало ли жаркое ко дну, повернул вертела, чтобы нечаянный всполох огня не опалил мясо, вернулся затем в прихожую и прошел в обеденный зал. Окинув взглядом шеренгу бутылок, маркиз добавил еще столько же и, убедившись, что стол накрыт по всем правилам, довольный своим осмотром, вернулся в гостиную.

Там он застал дочерей, ибо сторожить ворота замка

было доверено Розине, которая по первому стуку молотка должна была дернуть за веревку.

Девушки молча сидели по обе стороны камина. Мари казалась взволнованной, а Берта задумчивой. Все мысли девушек были лишь об одном Мишеле.

Мари, предположив, что молодой барон отправился вслед за Бонвилем и Малышом Пьером, переживала о том, какие трудности и опасности подстерегали его на пути.

Берта же была целиком во власти той пьянящей радости, которая охватывает влюбленное девичье сердце, когда ему открывается, что его избранник отвечает взаимностью. В глазах молодого барона она прочла, как ей показалось, признание и подумала, что робкий и застенчивый юноша поборол свою нерешительность и рисковал жизнью исключительно ради любви к ней. Она подумала, какой же великой должна была быть любовь молодого человека, чтобы совершить такой переворот в его душе. Предаваясь мечтам, она строила воздушные замки и сурово упрекала себя за то, что не вернула его в гостиную, когда заметила, что его не было среди тех, кто спасался бегством благодаря его благородному поступку.

Неожиданно она улыбнулась, подумав, что он, по всей видимости, находится где-то поблизости и прячется в каком-нибудь укромном уголке замка, чтобы тайком наблюдать за ней, и стоит ей только выйти во двор или в парк, как он тут же появится перед ней со словами: «Вот видите, на что я способен ради одного вашего взгляда!»

Маркиз только успел устроиться поудобнее в кресле, и у него еще не было времени заметить настроение дочерей, которое он, впрочем, отнес бы на счет совсем других причин, как послышался стук в ворота.

Маркиз де Судэ вздрогнул. И вовсе не потому, что стук оказался неожиданным для него. В ворота стучали совсем не так, как должны были стучать: кто-то довольно робкий, почти раболепствующий, не имевший ничего общего с армией, держал в руке молоток.

— О! — заметил маркиз. — Что это?

— Мне кажется, что кто-то постучался в ворота, — очнувшись от своих мыслей, ответила Берта.

— Да, кто-то постучался, — подтвердила Мари.

Маркиз, как настоящий мужчина, рассудил по-другому и, тряхнув головой, произнес: «Не в этом дело»,— и подумал, что в подобных обстоятельствах надо доверять только себе и лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Поэтому он встал, вышел из гостиной, прошел через прихожую и вышел на первую ступеньку высокого крыльца.

В самом деле, вместо сабель и штыков, которые, как он ожидал, должны были блестеть в темноте, вместо грубых солдатских усатых физиономий, он увидел перед собой лишь раскрытый купол огромного синего зонта, приближавшегося к нему навстречу по ступенькам крыльца.

Поднимавшийся навстречу зонт, похожий на панцирь гигантской черепахи, грозил своим острием, словно ребром античного щита, угодить ему в глаз, что вынудило маркиза приподнять край полотна; и он увидел перед собой мужчину с хитрой лисьей мордочкой, на которой сверкали, словно два рубина, маленькие глазки; он был в высоком с очень узкими полями котелке, который так часто чистили щеткой, что он блестел в темноте, словно лакированный.

— Тысяча чертей! — воскликнул маркиз де Судэ.— Это же мой приятель Лорио!

— Всегда к вашим услугам, если вы в таковых нуждаетесь,— произнес фальцетом вновь прибывший, несмотря на все усилия его владальца придать ему елейные нотки.

— Добро пожаловать в Судэ, мэтр Лорио,— произнес маркиз таким бодрым голосом, словно приход Лорио, которого он встречал со всей сердечностью, доставил ему огромную радость.— Сегодня вечером я ожидаю много народа, и вы на правах нотариуса хозяина дома можете мне их достойно принять. Входите поскорее и поздоровайтесь с моими дочерьми.

И старый дворянин первым направился в гостиную, нисколько не заботясь казаться вежливым в глазах гостя, что подчеркивало, до какой степени маркиз соблюдал дистанцию, существовавшую между ним и простым деревенским нотариусом.

Следует отметить, что мэтр Лорио с такой тщатель-

ностью стал вытирать ноги о коврик, лежавший перед дверью гостиной, словно готовился пройти к алтарю, что вся учтивость маркиза, которому пришлось ожидать его на пороге, улетучилась, словно дым.

Воспользуемся паузой, пока наш нотариус, освещенный светом, падавшим через полуприкрытую дверь, складывал зонтик и вытирал ноги, чтобы набросать его портрет в силу наших скромных возможностей.

Мэтр Лорио, нотариус из Машкуле, был тощим, тщедушным человечком, казавшимся вдвое ниже ростом из-за привычки говорить с собеседником, склонившись перед ним в три погибели в знак глубочайшего уважения.

На его лице особенно примечательным был длинный и острый нос. Не покупившись на подобное украшение лица, природа обделила его во всем остальном таким чудовищным образом, что надо было очень долго приглядываться к нему с самого близкого расстояния, чтобы разглядеть, что у мэтра Лорио были глаза и рот, как и у всех других смертных: однако, убедившись в этом, наблюдательный человек сразу бы отметил про себя, что глаза его отличались живостью взгляда, а линия рта не была лишена изящества.

В самом деле о характере мэтра Лорио — или приятеля Иволги, как его называл маркиз де Судэ, который, как всякий хороший охотник, был немного орнитологом, — можно было судить по его внешности: он был достаточно ловок, чтобы ухитряться получать около тридцати тысяч франков там, где его предшественники едва сводили концы с концами.

Чтобы добиться подобного результата, считавшегося до него недостижимым, господин Лорио изучил не уголовный или гражданский кодекс, а людей; основываясь на своем житейском опыте, он пришел к выводу, что в характере ему подобных преобладающими чертами являлись тщеславие и честолюбие; и постарался использовать эти два порока в своих целях, став вскоре нужным человеком для тех, кто ими грешил больше всего.

Вежливость мэтра Лорио — в полном соответствии с его жизненной установкой — доходила до раболепия: он не отвечал на приветствия, а сгибался в три погибели и так поднаторел в этом упражнении, что его тело, словно

у индийского факира, привычно складывалось помимо его воли; он не уставал повторять при каждом удобном случае титулы своих клиентов; и будь то барон, шевалье или простой дворянин, нотариус всегда обращался к нему не иначе, как от третьего лица. Впрочем, он так униженно и одновременно бурно проявлял свою признательность в ответ на любезное обращение, демонстрируя в то же время такое преувеличенное рвение и преданность в ведении порученных ему дел, что снискал немало похвал и мало-помалу приобрел обширную клиентуру из числа местной знати.

Однако его неумеренность в проявлении своих политических убеждений более всего поспособствовала успеху мэтра Лорио в департаменте Нижняя Луара и даже в соседних департаментах.

Мэтр Лорио был одним из тех, про кого говорят: «Он святее папы римского».

Его маленькие мышинные глазки загорались, стоило ему услышать имя какого-нибудь якобинца, и для него все либералы, начиная от Шатобриана и кончая Файетом, были якобинцами.

Он так никогда и не признал июльскую монархию и называл Луи-Филиппа не иначе, как «господином герцогом Орлеанским», так и не признав титул, дарованный ему Карлом X.

Мэтр Лорио частенько навещался в замок Судэ.

В соответствии со своей уже укоренившейся привычкой он демонстрировал нижайшее почтение к последним представителям знатного семейства, принадлежавшего к уходящему в прошлое общественному строю, о чем он искренне сожалел. Его уважение к этой семье было настолько глубоким, что он смотрел сквозь пальцы на то, что маркиз, совсем не заботившийся, как мы уже говорили, о приумножении своего состояния, частенько забывал платить нотариусу проценты за деньги, которые он у него одалживал.

Маркиз де Судэ охотно принимал у себя своего приятеля Лорио: прежде всего потому, что, как мы уже сказали, одалживал у него деньги, а также не мог оставаться нечувствительным к лести, как и любой другой на его месте, и наконец потому, что хозяин Судэ, который вел замкнутый образ жизни, с радостью принимал в

своем доме всякого, кто мог помочь ему нарушить монотонное течение жизни.

И только тогда, когда скромнейший из скромных нотариус убедился в том, что на подошвах ботинок не осталось больше грязи, он осмелился войти в гостиную.

Он снова отвесил поклон маркизу, который снова устроился в кресле, и обратился с комплиментами к дочерям маркиза.

Однако маркиз прервал на полуслове поток его излияний.

— Лорио,— сказал маркиз,— я всегда рад вас видеть.

Нотариус склонился до земли.

— Только позвольте вас спросить,— продолжал маркиз,— что привело вас в такую плохую погоду почти на край света в половине десятого вечера? Хотя, как мне кажется, с таким зонтиком, как у вас, никакой дождь не страшен.

Лорио посчитал своим долгом ответить на шутку маркиза смешком:

— О! Вы правы! Вы правы!

А затем уже ответил на его вопрос:

— Дело в следующем. Я был в замке Ложери, куда отправился довольно поздно, получив в два часа дня распоряжение вручить деньги хозяйке замка. Возвращаясь домой по привычке пешком, я услышал шум, доносившийся из леса, не предвещавший ничего доброго, что подтверждало полученные мною сведения о бунте в Монтегю; не решившись идти дальше из боязни встретить по дороге солдат герцога Орлеанского, я подумал, что господин маркиз не откажет мне в любезности воспользоваться его гостеприимным кровом на сегодняшнюю ночь.

При упоминании о замке Ложери Берта и Мари одновременно встрепенулись, словно две лошади, услышавшие донесшийся издали звук походной трубы.

— Вы были в замке Ложери?— спросил маркиз.

— Да, как я уже имел честь сообщить господину маркизу,— ответил мэтр Лорио.

— Пойдите, пойдите! Сегодня вечером к нам уже наведывались из Ложери.

— Уж не молодой ли барон? — спросил нотариус.

— Да.

— Именно его я и ищу.

— Лорио, — произнес маркиз, — всегда считая вас человеком незыблемых убеждений, я удивлен, что вы изменяете своим принципам, наделяя какого-то там Мишеля титулом, который вы всегда уважали.

Услышав слова маркиза, произнесенные с нескрываемым презрением, Берта покраснела до корней волос, а Мари побледнела.

Старый дворянин не заметил, какое глубокое впечатление произвели его слова на дочерей, однако от мышиных глазок нотариуса ничего не ускользало. Он хотел было продолжить свой рассказ, когда маркиз де Судэ жестом ему показал, что еще не все сказал.

— И зачем, — продолжил маркиз, — зачем же вы, приятель, которого мы уважаем и всегда с радостью принимаем в нашем доме, прибегаете к какой-то уловке, чтобы навестить нас?

— Господин маркиз... — забормотал Лорио.

— Вы пришли за Мишелем, не так ли? Вот так прямо и скажите! А зачем лгать?

— Господин маркиз, нижайше прошу вашего прощения!.. Мать этого молодого человека, которую я вынужден считать своей клиенткой, как доставшуюся мне по наследству от моего предшественника, очень волнуется: ее сын, рискуя сломать себе шею, спустился из окна третьего этажа и, поправ ее материнскую волю, сбежал, и мадам Мишель поручила мне...

— А, — протянул маркиз, — он действительно так поступил?

— Именно так.

— Ладно, это заставляет меня примириться с ним... Правда, надо признаться, не совсем, но немного.

— Если бы господин маркиз мог мне подсказать, где искать этого юношу, — сказал Лорио, — я бы пошел за ним, чтобы отвести в Ложери.

— А! Ну что до этого, только черт знает, где он скрывается и как он убежал! Может, вы что-то слышали? — обратился маркиз к дочерям.

Берта и Мари отрицательно покачали головой.

— Вот видите, мой бедный приятель,— сказал маркиз,— мы ничем не можем вам помочь. А почему мамаша Мишель заперла своего сына?

— Кажется,— ответил нотариус,— что юный Мишель, до сей поры мягкий, послушный и покорный сын, неожиданно влюбился.

— Ах! Ах! И закусил удила,— сказал маркиз,— ну мне такое знакомо. Итак, приятель Лорио, если вас об этом спросят, посоветуйте мамаше отпустить поводья: она ничего не добьется, если натянет их еще туже. Надо признаться, за то малое время, что мне довелось за ним наблюдать, у меня сложилось о нем впечатление, как о добром малом.

— Господин маркиз, да у него золотое сердце! И к тому же он, как единственный сын, имеет более сотни тысяч ливров ренты! — произнес нотариус.

— Хм! — заметил маркиз.— Ну если у него нет других достоинств, то этого слишком мало, чтобы облагородить подлое имя, которое он носит.

— Отец! — воскликнула Берта, в то время как Мари лишь вздохнула.— Вы забыли об услуге, которую он оказал нам сегодня.

«Э! — заметил про себя, взглянув на Бертю, нотариус.— Неужели баронесса права? Честное слово, наклеивается неплохой контракт!»

И стал подсчитывать, какой доход ему может принести составление брачного контракта между бароном Мишелем де Ложери и мадемуазель Бертой де Судэ.

— Дитя мое, ты права,— ответил маркиз,— пусть Лорио продолжит поиски сына мамыши Мишель, нам до него нет сегодня никакого дела.

Затем, обернувшись к нотариусу:

— Господин нотариус, вы собираетесь продолжить поиски?

— Господин маркиз, если вы разрешите, мне бы было лучше...

— Вы только что ссылались на то, что боитесь встречи с солдатами,— прервал его маркиз,— так значит, вы действительно испугались? Черт возьми! Что это такое с вами? Вы же один из наших!

— И вовсе я не испугался,— поспешил ответить Лорно.— Господин маркиз может мне верить. Однако эти проклятые «синие мундиры» внушают мне такое отвращение, что, когда я только вижу их военную форму, у меня начинаются колики в животе, и я не могу в течение суток принимать никакой пищи.

— Приятель, теперь я понимаю, почему вы такой тощий, но что меня удручает больше всего, так это то, что я вынужден выводить вас за дверь.

— Господин маркиз хочет пошутить над своим почтенным слугой?

— Отнюдь нет, я всего-навсего не хочу вашей смерти.

— Как так?

— Если при виде одного солдата вы отказываетесь от еды на сутки, то я заведомо обрек бы вас на голодную смерть, если бы вы вдруг оказались под одной крышей с целым полком!

— С целым полком!

— Без всякого сомненья. Я пригласил сегодня на ужин в Судэ полк. И дружеские чувства, которые я питаю к вам, вынуждают меня выдворить вас поскорее из дома. Однако будьте осторожны, если эти чудаки-солдаты увидят, как вы несетесь по полям, вернее, по лесам, они вполне могут вас принять за кого-то другого... я хочу сказать, не за того, кем вы являетесь в действительности.

— И что же?

— А то, что в таком случае они не откажут себе в удовольствии выстрелить по вас, а ружья солдат герцога Орлеанского заряжены свинцовыми пулями.

Нотариус побледнел и пробормотал несколько неразборчивых слов.

— Тогда решайтесь! Перед вами выбор: умереть от голода или быть убитым. У вас совсем нет времени, ибо на этот раз я слышу топот целого подразделения... И вот, по всей вероятности, в ворота стучится сам генерал.

В самом деле послышался стук молотка, на этот раз более громкий, словно оповещающая о прибытии званого гостя.

— В обществе господина маркиза,— заметил Лорио,— я чувствую в себе достаточно сил, чтобы побороть мое отвращение, каким бы непреодолимым оно ни было.

— Хорошо! Тогда возьмите факел и ступайте встречать моих гостей.

— Ваших гостей? Но, господин маркиз, по правде говоря, я не могу поверить...

— Идите, идите, Тома Лорио, сначала вы увидите, а после уж поверите.

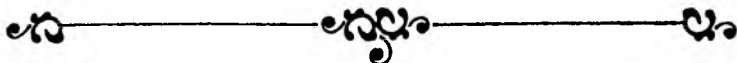
И маркиз де Судэ, взяв в руки факел, вышел на крыльцо.

Дочери последовали за отцом. Берта была взволнована, а Мари задумчива. Девушки всматривались в темноту двора, словно хотели отыскать глазами того, о ком они не переставали думать.

Книга
Вторая

главы I—XIV

I

**В КОТОРОЙ ГЕНЕРАЛ СЪЕДАЕТ ОБЕД,
ПРИГОТОВЛЕННЫЙ ВО ВСЕ НЕ ДЛЯ НЕГО**

В соответствии с указаниями маркиза, которые Розина получила от Мари, она впустила солдат по первому удару молотка. Как только ворота распахнулись, солдаты ринулись во двор и тут же окружили дом.

Слезая с лошади, генерал не мог не заметить двух мужчин с канделябрами в руках и двух девушек рядом с ними, наполовину выхваченных светом из темноты.

И что удивительно: они направлялись ему навстречу с самым любезным видом.

— Честное слово, генерал,— воскликнул маркиз, ступая на последнюю ступеньку крыльца, чтобы как можно ближе подойти к гостю,— я уже почти потерял всякую надежду увидеть вас... по крайней мере сегодня вечером.

— Так вы, господин маркиз, утверждаете, что поте-

ряли всякую надежду? — переспросил генерал, удивленный любезной встречей.

— Повторяю, что я уже почти потерял всякую надежду увидеть вас. Когда вы выехали из Монтегю? Часов около семи?

— Ровно в семь.

— Именно так я и подумал! Я рассчитал, что вам понадобится немногим более двух часов, чтобы добраться до нас. И вас поджидаю с четверти десятого. А сейчас уже больше десяти! Я уже подумал: «Господи, уж не приключилось ли чего непридвиденного, что может лишить меня удовольствия принять у себя столь храброго и уважаемого офицера?»

— Так вы меня ждали, сударь?

— Еще бы! Я задавался вопросом, уж не проклятый ли брод Пон-Фарси стал причиной вашей задержки? Какой дикий край, генерал! Здесь каждый ручеек норовит при малейшем дожде превратиться в реку, через которую невозможно переправиться, а дороги... и они еще смеют называться дорогами! Они не заслуживают другого названия, как колдобины! Впрочем, вам это известно не хуже, чем мне, ибо вам пришлось, как я предполагаю, переправиться с одня через этот чертов порог Боже, похожий больше на море грязи, где проваливаешься по пояс, если только не ныряешь с головой! Однако признайтесь, что все это мелочи по сравнению с Козьей тропой, на которую я в далекой юности, будучи заядлым охотником, ступал не без некоторой дрожи в коленках. И правда, генерал, только от предположения, сколько усилий вам пришлось приложить и сколько волнений пережить, я теряюсь, не зная, как вас отблагодарить за честь, которую вы мне оказали, прибыв в мой дом.

Генерал понял, что пока маркиз проявил больше хитрости, чем он.

И он решил проглотить, не морщась, горькую пилюлю.

— Поверьте, господин маркиз,— ответил генерал,— я искренне сожалею о том, что вам пришлось столько времени меня ожидать, однако вы несправедливы, упрекая меня в опоздании; в этом вины моей нет. Во всяком случае, я постараюсь извлечь урок из того, что вы мне только что преподали. И в следующий раз, невзирая на трудности переправы, пороги и козьи тропы, обе-

щаю прибыть вовремя, не нарушив при этом правила этикета.

В этот момент к генералу подошел офицер, чтобы лично получить от него разрешение на обыск в замке.

— Мой дорогой капитан, в этом необходимости больше нет,— ответил генерал.— Разве вы не слышали, как хозяин замка заявил, что мы прибыли слишком поздно? Это, как я понимаю, намек на то, что в замке все в полном порядке.

— Ну вот, вы скажете! — воскликнул маркиз.— В порядке или нет, вам решать, но я хочу, чтобы вы знали: мой замок в вашем полном распоряжении! Генерал, чувствуйте себя в нем, как дома.

— Ваше предложение столь заманчиво, что грех отказываться,— произнес с поклоном генерал.

— А вы, сударыни, заснули, что ли? — заметил маркиз де Судэ, обращаясь к дочерям,— почему же вы не сообразовали мне подсказать, что я держу уважаемых господ на улице в такую жуткую погоду! Ведь им пришлось переправляться через брод Пон-Фарси! Входите же, генерал, входите, господа! Специально для вас в гостиной я приказал развести огонь в камине, и вы сможете высушить вашу одежду, которая промокла, когда вы переправлялись через Булонь.

— Смогу ли я когда-нибудь вас отблагодарить за оказанное нам гостеприимство? — спросил генерал, покусывая усы и губы.

— О! Генерал, вы из тех людей, кто в долгу не остается,— ответил маркиз, шествуя впереди офицеров с канделябром в руках, тогда как робкий нотариус освещал дорогу, следуя сбоку.

— Однако позвольте мне,— добавил маркиз, ставя канделябр на камин в гостиной, и его примеру тут же последовал мэтр Лорио,— позвольте мне соблюсти одну формальность, с которой, возможно, мне следовало бы начать, и представить вам моих дочерей, мадемуазель Бертю и мадемуазель Мари де Судэ.

— Маркиз, честное слово,— учтиво произнес генерал,— стоило рисковать, подхватывать насморк при переправе через брод Пон-Фарси, тонуть в болотной тине у порога Боже или ломать себе шею на Козьей тропе, что бы иметь удовольствие увидеть столь прекрасные лица!

— Итак, девушки,— произнес маркиз,— чтобы от ва-

ших прекрасных глаз была хоть какая-то польза, ступайте и проследите за тем, чтобы обед после столь долгого ожидания этих господ не заставил бы себя долго ждать.

— Маркиз, по правде говоря,— произнес Дермонкур, обернувшись к своим офицерам,— ваша доброта нас настолько смущает, что наша признательность...

— Вы внесли разнообразие в нашу жизнь, и мы квиты. Вы понимаете, генерал, когда я каждый день непрестанно вижу перед собой только прелестные личики моих дочерей, которым вы сделали комплимент, я нахожу иногда жизнь маленького замка невыносимой и страшно однообразной; и вы можете предположить, какова была моя радость, когда один мой знакомый домовой шепнул мне на ухо: «Генерал Дермонкур выехал в семь часов вечера из Монтегю, направляясь вместе со своим штабом в Судэ!»

— Так это вас домовой предупредил о нашем визите?

— Именно так; разве вы не слышали, что в каждом замке, в каждой хижине этого края водится по домовому? И в ожидании замечательного вечера — чем я обязан только вам, генерал,— я почувствовал такой прилив энергии, о которой раньше и не подозревал. Я нарушил распорядок дня, к которому все мои домочадцы в замке уже давно привыкли, приказал опустошить птичий двор, замучил придирками дочерей, задержал у себя моего приятеля Лорио, нотариуса из Машкуле, чтобы доставить ему удовольствие познакомиться с вами, и, наконец — да простит мне Бог,— я приложил руку к приготовлению угощения для вас; и мы, как могли, состряпали ужин, который ждет вас и ваших солдат, которых я не мог обделить вниманием, ибо мне в свое время пришлось воевать.

— Господин маркиз, так вы служили в армии? — спросил Дермонкур.

— Возможно, я занимал не столь высокие должности, как вы; поэтому, вместо того чтобы ответить утвердительно на ваш вопрос, я просто скажу, что воевал.

— В этих краях?

— Так точно! Под началом Шаретта.

— Ах, вот оно что!

— Я был его адъютантом.

— Маркиз, в таком случае мы с вами уже имели возможность встречаться.

— Правда?

— Уверен! Я участвовал в двух кампаниях 1795 и 1796 годов в Вандее.

— Неужели? Bravo! Это меня еще больше радует!— воскликнул маркиз.— За десертом мы поговорим о нашей славной молодости, опаленной в боях. Ах, генерал,— заметил с некоторой грустью в голосе старый дворянин,— и в том и в другом лагере осталось совсем немного людей, с кем можно вспомнить былое!.. А вот и девушки пришли нам сообщить, что ужин подан. Генерал, не окажете ли нам честь сопроводить к столу одну из моих дочерей? А капитан возьмет под руку другую.

И обращаясь ко всем офицерам:

— Господа,— сказал он,— не хотите ли вы последовать за генералом в обеденный зал?

За столом генерал сел между Мари и Бертой, в то время как маркиз занял место между двумя офицерами.

Мэтр Лорио устроился рядом с Бертой; он не терял надежды шепнуть ей во время ужина словечко о юном Мишеле.

Он уже решил для себя, что займется составлением брачного контракта.

В течение некоторого времени в гостиной раздавался лишь звон тарелок и стаканов: хозяева и гости ужинали в полном молчании.

Следуя примеру своего генерала, офицеры с радостью восприняли неожиданный поворот событий.

Привыкнув ужинать ровно в пять часов вечера, маркиз наверстывал упущенное за пять часов ожидания.

По-прежнему углубившись в свои мысли, Мари и Берта, несмотря на все свое отвращение к трехцветным кокардам, были совсем не против воспользоваться предоставившимся им случаем, чтобы немного прийти в себя.

Генерал, по-видимому, обдумывал план реванша.

Он отлично понимал, что кто-то предупредил маркиза де Судэ об их приближении. Он отнюдь не был новичком в военном деле и знал, с какой быстротой передаются новости из одной деревни в другую. Удивившись вначале приему, оказанному маркизом де Судэ, генерал мало-помалу обрел привычное ему хладнокровие, и, как человек, от внимания которого ничто не ускользало, он

увидел во всем, что его окружало: в услужливости хозяина, в обильном угощении, слишком роскошном для того, чтобы его могли приготовить для неприятеля,— подтверждение своих мыслей. Однако, как всякий хороший охотник за дичью и людьми, он умел сдерживать нетерпение, и, будучи уверенным в том, что в потемках,— если известная приманка, за которой он охотился, сбежала, о чем свидетельствовало все вокруг,— пускаться вдогонку было бы пустой затеей, он решил подождать, чтобы заняться серьезным расследованием и не упустить ни малейшей улики, на которую мог наткнуться в замке.

Генерал первым нарушил молчание.

— Господин маркиз,— произнес он, поднимая бокал,— для нас, равно как и для вас, всегда трудно выбрать первый тост, который подходил бы к месту и ко времени. Однако есть один, который, я думаю, не поставит никого в неловкое положение, ибо он лучший из всех, что мы можем предложить. Позвольте мне поднять бокал за здоровье ваших дочерей и поблагодарить их за участие в любезном приеме, который вы нам оказали.

— Моя сестра и я признательны вам, господин генерал, за ваши слова,— произнесла Берта,— и мы рады, что доставили вам удовольствие, выполняя волю нашего отца.

— О, это означает,— ответил с улыбкой генерал,— что вы с нами приветливы, выполняя наказ господина маркиза, которому мы должны быть признательны... В добрый час! Мне нравится ваша поистине армейская прямота; и я бы охотно перешел из разряда поклонников в лагерь ваших друзей, если бы я мог только надеяться на то, что меня примут в их число, несмотря на мою кокарду.

— Ваша похвала моей искренности прибавляет мне мужества,— ответила Берта,— и я могу вам признаться, что цвета вашей кокарды не из тех, которые я бы хотела видеть на своих друзьях, но, если вы действительно дорожите ими, я охотно вам их оставляю в надежде, что когда-нибудь настанет день, когда вы будете носить цвета моего знамени.

— Господин генерал,— произнес, в свою очередь, маркиз, почесывая за ухом,— сделанное вами только что замечание совершенно справедливо: как ответить на ваш любезный тост, произнесенный в честь моих дочерей,

чтобы никого из нас не скомпрометировать? У вас есть жена?

Генерал все же не терял надежды уколоть маркиза.

— Нет,— ответил он.

— А сестра?

— Нет.

— Но, может быть, у вас есть мать?

— Да,— произнес генерал, затаившись, казалось, в засаде в ожидании маркиза,— у меня есть Франция, наша общая мать.

— Отлично, браво! Я выпью за Францию! Пусть впереди у нее будет еще восемь веков славы и величия, которыми она обязана своим королям!

— И позвольте мне добавить,— произнес генерал,— еще полвека свободы, которой она обязана своим сынам.

— Это не простое дополнение,— сказал маркиз,— это существенная поправка.

Затем после некоторого молчания он сказал:

— Но право, я принимаю тост: белая или трехцветная, Франция всегда останется Францией!

Сидевшие за столом подняли бокалы, и даже Лорио, следуя примеру маркиза, поддержал тост хозяина дома с поправкой, внесенной генералом, и осушил бокал.

После того как застолье приняло такой оборот и стало сопровождаться обильными возлияниями, разговор стал перескакивать с предмета на предмет с такой скоростью, что вскоре Берта и Мари поняли, что им не следует задерживаться за столом. Они поднялись и, стараясь не обращать на себя внимание гостей, вышли в гостиную.

Мэтр Лорио, пришедший не только к маркизу, но и к его дочерям, встал, в свою очередь, из-за стола и последовал за девушками.

II

В КОТОРОЙ ЛЮБОпытСТВО МЭТРА ЛОРИО НЕ БЫЛО ДО КОНЦА УДОВЛЕТВОРЕНО

Мэтр Лорио не замедлил воспользоваться предоставившимся случаем, чтобы последовать примеру девушек, и, оставив маркиза с гостями предаваться в свое удовольствие воспоминаниям о войне великанов, незамет-

но поднялся из-за стола и прошел за сестрами в гостиную.

Он вошел в комнату, отвешивая поклоны и радостно потирая руки.

— О! — сказала Берта. — Господин нотариус, у вас такой довольный вид.

— Я сделал все, что мог, — ответил вполголоса мэтр Лорио, — чтобы хитрость вашего отца удалась; я надеюсь, что в случае необходимости вы не откажетесь засвидетельствовать, какое хладнокровие и самообладание я продемонстрировал в данных обстоятельствах.

— Дорогой господин Лорио, о каких военных хитростях вы говорите? — спросила, рассмеявшись, Мари. — Ни мне, ни Берте непонятно, на что вы намекаете.

— Мой Бог, — снова вступил в разговор нотариус, — да я об этом знаю не больше, чем вы. Думаю, что у господина маркиза есть самые веские основания для того, чтобы пригласить за свой стол столь мерзких солдафонов, а внимание, которым он окружил приспешников узурпатора, показалось мне настолько странным, что навело на мысль, что он преследует какую-то определенную цель.

— Какую? — спросила Берта.

— Разве не понятно? Усыпить их бдительность, а затем воспользоваться удобным случаем, чтобы свести с ними счеты, уготовив им судьбу...

— Судьбу кого?

— Ну, как вам сказать... — начал было нотариус.

И показал, проведя ребром ладони по шее, как будто перерезая горло.

— Может быть, Олоферна? — воскликнула, громко рассмеявшись, Берта.

— Истинно так, — сказал мэтр Лорио.

Мари поспешила присоединиться к бурному веселью сестры.

Сестры смеялись до слез над домыслами деревенского нотариуса.

— Итак, вы нам отводите роль Юдифи? — спросила Берта, первой перестав смеяться.

— О, сударыни...

— Господин Лорио, если бы при этом разговоре присутствовал наш отец, он бы, возможно, возмутился, что вы посчитали его способным на подобные деяния, слыш-

ком смахивающие, на мой взгляд, на то, что можно прочитать в Библии. Однако не волнуйтесь, мы ничего не расскажем ни нашему отцу, ни генералу, который со своей стороны был бы просто в восторге от того, как вы истолковали наше гостеприимство.

— Сударыни,— произнес в ответ мэтр Лорио,— простите, если я в своих слишком пристрастных взглядах в политике и ненависти ко всем приверженцам ошибочной доктрины зашел слишком далеко.

— Я вас прощаю, господин Лорио,— ответила Берта, которая из-за своего открытого и решительного характера тоже нередко попадала в подобные ситуации и потому легко входила в положение других людей,— а чтобы вы больше не попадали впросак, я введу вас в курс дела. Знайте, что генерал Дермонкур, который в ваших глазах само воплощение дьявола на земле, прибыл в наш замок с обычным обыском, вроде тех, что были проведены по соседству.

— Ну тогда,— спросил сельский нотариус, все больше и больше приходя в замешательство,— к чему же их принимать...— клянусь, я не побоюсь произнести это слово,— с такой королевской пышностью? Ведь закон есть закон!

— Как? Какой закон?

— Да, закон запрещает всем должностным гражданским и военным лицам, находящимся при исполнении своих полномочий, отбирать, изымать, присваивать предметы, не указанные в выданном мандате; а что делают эти люди с жареным мясом, винами всех сортов и другими угощениями, от которых ломится стол маркиза де Судэ? Они его при-сва-и-ва-ют!

— Но, мой дорогой господин Лорио,— вмешалась в разговор Мари,— мне кажется, что мой отец волен приглашать всех, кого захочет.

— И даже принимать у себя людей, кто исполняет... представляет... власть тиранов и негодяев? Нет, мадемуазель, с вашего позволения, мне это кажется противоземельным, и я оставляю за собой право усматривать в этом какую-то цель или вескую причину.

— Иными словами, господин Лорио, вы считаете, что здесь кроется какой-то секрет, и вы хотите во что бы то ни стало его узнать?

— О! Мадемуазель!

— Ладно, так и быть, я открою вам тайну, ибо знаю, что вам можно доверять. Но только при одном условии: скажите нам сначала, что заставило вас отправиться искать господина Мишеля де ла Ложери не куда-нибудь, а в замок Судэ?

Берта произнесла эти слова твердым и властным тоном, и нотариус, к которому был обращен ее вопрос, пришел в еще большее замешательство, что нельзя было сказать про его собеседницу.

Что же касалось Мари, то она, подойдя к сестре, взяла ее под руку и положила голову на ее плечо, ожидая с любопытством, которое она даже и не пыталась скрывать, ответ мэтра Лорио.

— Ну, раз вы хотите знать почему...

Нотариус замолчал, словно поджидая, что его подбодрят.

Берта и в самом деле ободряюще кивнула головой.

— Я пришел потому,— продолжал мэтр Лорио,— что мадам баронесса де ла Ложери указала мне на замок Судэ, как на возможное место, где мог бы укрыться после побега ее сын.

— А были у мадам де ла Ложери основания делать такое предположение? — спросила Берта таким же твердым и властным голосом, сопровождая свои слова вопросительным взглядом.

— Мадемуазель,— ответил нотариус, все больше смущаясь,— право, не знаю, хватит ли у меня мужества выложить вам все, как на духу, после того, что я только что поведал вашему отцу.

— А почему бы и нет, господин нотариус? — с той же самоуверенной настойчивостью в голосе продолжила Берта.— Быть может, вы хотите, чтобы я вам пришла на помощь? Потому что, как вы сказали, она считает, что предмет любви ее сына находится в замке Судэ.

— Мадемуазель, вы совершенно правы.

— Хорошо! Однако мне хотелось бы знать, что думает мадам де ла Ложери об этой любви.

— Должен вам признаться, мадемуазель, что она настроена отнюдь не благожелательно.

— Вот наконец нечто общее, что сближает баронессу и нашего отца,— произнесла, улыбнувшись, Берта.

— Однако,— продолжал нотариус,— господин Мишель через несколько месяцев станет совершеннолетним

и, следовательно, свободным в своих поступках, наследником огромного состояния...

— В своих поступках, — произнесла Берта, — тем лучше! Это пойдет ему на пользу.

— В чем, мадемуазель? — спросил лукаво нотариус.

— Он сможет реабилитировать имя, которое носит, чтобы забылись горестные воспоминания, которые оставил после себя его отец. Что же касается состояния, то, если бы господин Мишель почтил меня своим вниманием, я бы посоветовала ему распорядиться им таким образом, чтобы очень скоро во всем нашем крае не было бы имени более почетного и почитаемого, чем его.

— И что бы вы, мадемуазель, ему посоветовали? — спросил удивленно нотариус.

— Возвратить состояние тем, у кого его отец, как говорят, отобрал, вернуть обратно бывшим владельцам то, что господин Мишель купил.

— Мадемуазель, в таком случае, — воскликнул совершенно сбитый с толку нотариус, — вы разорите чело- века, который вас любит!

— Неважно, разве у него не останется уважение окружающих и любовь той, которая посоветовала ему принести эту жертву?

В этот момент в дверях появилась Розина и заглянула в комнату, сказав, обращаясь непонятно к кому, то ли к Мари, то ли к Берте:

— Мадемуазель, вы идете?

Берте хотелось продолжить разговор с нотариусом; ее больше интересовало, возможно, отношение мадам де ла Ложери к ней, чем чувства ее сына, барона Мишеля; она желала, наконец, затронуть как бы вскользь планы, с некоторых пор занимавшие ее мысли; поэтому она и попросила Мари пойти узнать, что от них понадобилось Розине.

Мари тоже не хотела уходить из гостиной; она почувствовала себя очень неловко, когда поняла, что нескольких дней было достаточно, чтобы Берта влюбилась в Мишеля; каждое слово сестры болью отзывалось в сердце девушки; уверенная в том, что Мишель любит только ее, она с тоской подумала о разочаровании, которое постигнет Берту, когда она поймет, что жестоко заблуждалась. Кроме того, несмотря на огромную привязанность к сестре, она не хотела ни с кем делить свою лю-

бовь, как происходит со всеми, кому знакомо это чувство; Мари почувствовала себя счастливой от того, что только что услышала: она уже видела себя в роли, которую ее сестра отводила избраннице Мишеля; и Берте пришлось во второй раз повторить просьбу пойти узнать, почему Розина вызывает одну из них.

— Ну иди же, дорогая! — произнесла Берта, прикасаясь губами ко лбу Мари. — Иди! И заодно разузнай насчет комнаты для господина Лорио; ибо боюсь, что из-за этой суматохи про него забыли.

Привыкнув во всем подчиняться своим близким, Мари и не подумала возражать. Из двух сестер она была более уступчивой и послушной.

Розина поджидала ее в дверях.

— Что тебе понадобилось от нас? — спросила девушка.

Розина не ответила; и, как будто не желая, чтобы ее слова донеслись до столовой, где маркиз рассказывал о последнем дне Шаретта, она потянула Мари за руку и увлекла за собой под лестницу в другой конец прихожей.

— Мадемуазель, — сказала она, — он проголодался.

— Проголодался? — повторила Мари.

— Да, он мне только что об этом сказал.

— Но о ком ты говоришь? Кто проголодался?

— Да он, бедный мальчик!

— Да кто же он?

— Да господин Мишель!

— Как! Господин Мишель здесь?

— А вы разве не знаете?

— Конечно, нет.

— Два часа назад, после того как ваша сестра вернулась в гостиную перед самым приходом солдат, он зашел на кухню.

— Так он не пошел сопровождать Малыша Пьера?

— Нет.

— И ты говоришь, что он зашел на кухню?

— У него был такой усталый вид, что на него было жалко смотреть. «Господин Мишель, — сказала я ему, — почему бы вам не пройти в гостиную? — Моя дорогая Розина, — ответил он своим бархатным голосом, — я не получил приглашения остаться». И он хотел отправиться ночевать в Машкуль, ибо ни за что на свете не хотел

возвращаться в Ложери! Кажется, мать собирается увезти его в Париж. Я задержала его, ибо мне совсем не хотелось, чтобы он бродил в темноте в подобную ночь.

— Розина, ты правильно поступила. И где же он?

— Я устроила его в комнате башни, но теперь, когда солдаты заняли весь первый этаж, туда можно пройти только через коридор в конце чердака, за ключом от которого я и пришла.

Первое, что хотела сделать Мари, и это был добрый порыв, так это предупредить сестру; но за первым порывом последовал второй, и этот второй, следует признать, был не таким бескорыстным: ей нестерпимо захотелось увидиться с Мишеlem первой, причем наедине.

Впрочем, возможность для этого предоставила ей Розина, чем она и не замедлила воспользоваться.

— Вот ключ,— сказала Мари.

— О, мадемуазель,— попросила Розина,— умоляю вас, пойдемте со мной. В замке столько мужчин, что я боюсь идти одна и умру от страха, когда буду подниматься в башню, в то время как вас, дочь маркиза, никто не посмеет и пальцем тронуть.

— А как быть с едой?

— Вот она.

— Где?

— В этой корзине.

— Тогда поспешим!

И Мари устремилась вверх по лестнице с легкостью козочки, которую она преследовала в скалах, когда охотилась в лесу Машкуля.

III

КОМНАТА В БАШНЕ

Поднявшись на третий этаж, Мари остановилась перед комнатой, которую занимал в замке Жан Улье: именно здесь находился ключ, который был ей нужен.

Затем она открыла дверь, выходящую с этого этажа на винтовую лестницу, которая вела в башню, и, опережая Розину с корзиной в руках на несколько ступенек, стала быстро подниматься по довольно шаткой лестнице, ибо лестница сильно обветшала в этой редко посещаемой части замка.

Именно сюда, на самый верх башни, в маленькую комнатку под самой крышей, и привели юного барона Розина и кухарка, посоветовавшись между собой.

Если намерения двух славных девушек заслуживали похвалы, то исполнение замысла оставляло желать лучшего, так как трудно вообразить более убогой комнаты, в которой вряд ли кто смог отдохнуть — такой крошечной она была.

Это помещение служило Жану Улье кладовой для семян и инвентаря, необходимого мэтру Жаку для выполнения служебных обязанностей. На стенах не оставалось свободного места — так они были обвешаны связками лука, фасоли, капусты, салата-латука самых разнообразных сортов для того, чтобы семена могли хорошо высохнуть и вызреть. К несчастью, все эти сельскохозяйственные культуры уже полгода ожидали, когда их наконец посеют или посадят, и за это время так пропитались пылью, что при малейшем движении воздуха в узкой комнатенке тысячи пылинок слетали с пучков будущих овощей и забивали нос и рот.

Из мебели в комнате был один лишь верстак; как вы можете предположить, он был не самым лучшим местом для сидения, и поэтому Мишель, смирившись с неудобствами, расположился на груде овса нового редкого сорта, заслужившего право находиться в комнате с драгоценными семенами. Он присел посреди комнаты и, если не обращать внимания на некоторые неудобства — у любого кресла, каким бы комфортабельным оно ни выглядело, есть свои недостатки, — он вполне бы мог отдохнуть на столь мягком ложе.

Вскоре Мишель вытянулся на импровизированной подвижной и колкой софе. Упав в ручей после столкновения с Гереном, он сильно испачкался и промок. И не успел как следует высушить одежду за время, которое находился на кухне. Он вдруг почувствовал, как от сырости у него начало ломить кости. Он поднялся и начал мерить шагами каморку, всюю проклиная свою глупую застенчивость, из-за которой он вынужден был терпеть не только холод, усталость и уже пробудившийся голод, но еще — что было для него самым мучительным — отсутствие Мари! Он корил себя за то, что не сумел воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств после того, как совершил мужественный по-

ступок, и не смог достойно завершить то, что так хорошо началось для него.

Поспешим заметить, чтобы не вводить читателя в заблуждение относительно характера нашего героя, что сознание допущенной ошибки не прибавляло ему храбрости, и ему даже на секунду не приходило в голову спуститься вниз и открыто попроситься на ночлег, вместо того чтобы продолжать мучить себя упреками.

Тем временем замок заполнился солдатами, и Мишель, услышав их топот, расположился у узкого окошка, выходящего во двор замка, и смог наблюдать сквозь ярко освещенные окна главного здания, как по дому сновали взад и вперед сестры Судэ, генерал, офицеры и маркиз.

И вот, заметив Розину у подножия маленькой башни, в которой он сидел под самой крышей, барон решил, что настал самый подходящий момент, чтобы снова обратиться на себя внимание хозяев, которые никого не видели вокруг, кроме пришельцев; и со свойственной его характеру робостью попросил у женщины маленький кусочек хлеба; причем его скромная просьба отнюдь не соответствовала тому поистине волчьему аппетиту, который он испытывал после стольких моральных и физических перегрузок, которые выпали на его долю за последнее время!

Услышав легкие шаги, приближавшиеся к его тюремной камере, он почувствовал, как его захлестнула волна признательности.

В самом деле, шаги предвещали исполнение двух его желаний; притом одно должно было точно исполниться, в то время как другое находилось под вопросом.

Он знал, что вот-вот удовлетворит свой аппетит, но в то же время терялся в догадках, услышит ли он что-нибудь о Мари.

— Это ты, Розина? — спросил он, когда услышал, как кто-то пытается открыть дверь.

— Нет, господин Мишель, это не Розина; это я.

Мишель узнал голос Мари, но не поверил своим ушам. Девушка продолжала:

— Да, я... и я сердита на вас!

Однако это было сказано таким тоном, что Мишель не очень-то испугался.

— Бог мой! Мадемуазель Мари! — воскликнул он.—
Мадемуазель Мари!

И прислонился к стене, чтобы не упасть.

В это время девушка открыла дверь.

— Вы! — воскликнул Мишель.— Вы, мадемуазель Мари! О! Как я счастлив!

— О! Но не так, как вы пытаетесь меня убедить.

— Как это?

— Потому что вы признались, что умираете с голоду, хотя пытаетесь уверить, что счастливы.

— Ах! Мадемуазель, кто это вам сказал? — пробормотал Мишель, покраснев до корней волос.

— Розина... А вот и Розина! — продолжила Мари.— Хорошо! Поставь вначале фонарь на верстак и открой поскорее корзинку. Разве ты не видишь, что господин Мишель не отрывает от нее глаз?

От насмешливых слов Мари молодой барон, почувствовав легкое смущение, пожалел, что признался молочной сестре в столь тривиальном желании.

Первой его мыслью было выхватить корзинку из рук Розины, захватить обратно провизию, которую она успела достать и разложить на верстаке, и выбросить в окошко, рискуя угодить в голову какому-нибудь солдату, затем броситься на колени перед девушкой, прижав руки к сердцу, и с придыханием патетически воскликнуть: «Разве я могу думать о желудке, когда мое сердце замирает от счастья?». Возможно, такое признание исправило бы его ошибку.

Однако Мишель мог сколько угодно мечтать, но он бы никогда в жизни не решился на такой галантный жест; поэтому он не возражал, когда слышал, что Мари обращается с ним как с молочным братом Розины. Он не заставил себя долго упрашивать, чтобы снова устроиться на своем ложе из овса и за обе щеки с большим аппетитом уплетать кусочки, которые ему протягивала девушка своей белоснежной ручкой.

— О! Какой же вы еще ребенок! — сказала ему Мари.— Почему бы вам, совершив столь храбрый поступок и оказав нам с риском для жизни такую неоценимую услугу, не признаться моему отцу в вашем желании, что выглядело бы так естественно: «Нельзя ли мне остаться у вас до утра ввиду того, что сегодня вечером я не могу вернуться к моей матери?»

— О! Я бы никогда не посмел! — воскликнул Мишель, вытянув руки по швам, как человек, которому сделали предложение, о котором он никогда не думал.

— Но почему же? — спросила Мари.

— Потому что ваш отец мне кажется таким суровым!

— Мой отец! Но он же самый добрый человек на свете! К тому же разве вы не наш друг?

— О! Мадемуазель, как вы добры ко мне, причисляя к своим друзьям!

Затем, осмелев, сделал шаг вперед и спросил:

— Вы считаете, что я это заслужил?

Мари слегка покраснела.

Еще несколько дней назад она бы без колебаний ответила Мишелю, что считает его своим другом и почти постоянно, днем и ночью, думает о нем; но за последние дни любовь так изменила ее, что Мари неожиданно для себя стала вдруг стыдиться своих чувств, на что она, по своей наивности, раньше не считала себя способной. По мере того как в ней просыпалась женщина со всеми неведомыми ей до сих пор инстинктами, она начала понимать, насколько могли показаться вызывающими ее манеры, привычки и словечки, которые она ввертывала в речь, — результат странного воспитания, полученного в замке; и с чисто женской интуицией она поняла, как много ей надо приложить усилий, чтобы обрести недостававшие ей качества, в которых она, услышав подсказку своего любящего сердца, ощущала первейшую потребность.

Случилось так, что Мари, до сей поры даже никогда не помышлявшая скрывать свои мысли, пришла к выводу, что в некоторых случаях девушка должна не то чтобы лгать, но по крайней мере отвечать уклончиво, пряча свои чувства за самыми банальными фразами.

— Но мне кажется, — ответила девушка молодому барону, — что вы достаточно для этого потрудились.

Затем, не давая ему времени подумать над ее словами, которые могли повернуть их разговор в скользкое русло:

— Ну посмотрим, — продолжила она, — сможете ли вы доказать, что ваш аппетит так сильно разыгрался, как вы недавно утверждали, если съедите это крылышко.

— Но, мадемуазель, — простодушно ответил Мишель, — я уже объелся!

— О! Какой же вы плохой едок! Исполните мое же-

лание, или я уйду, ибо пришла я сюда только затем, чтобы вам услужить!

— Мадемуазель,— произнес Мишель, протягивая к Мари обе руки, в одной зажав вилку, а в другой — кусочек хлеба,— мадемуазель, вы не совершите такую жестокость по отношению ко мне! О! Если бы вы знали, как мне было грустно и каким несчастным человеком я себя считал, пока в течение целых двух часов находился здесь в полном одиночестве!

— Вероятно, потому,— сказала, рассмеявшись, Мари,— что умирали от голода.

— О! Нет, нет, нет, дело не только в этом! Представьте себе, что отсюда я мог видеть, как вертелись вокруг вас все эти офицеры...

— Вы сами виноваты! Вместо того чтобы укрыться в этой старой башне, как сова, вам следовало остаться в гостиной, пройти вместе с нами в столовую и отобедать за столом, как всякий честный христианин; вы бы тогда услышали, как мой отец и генерал Дермонкур предавались воспоминаниям о великих сражениях; и от их рассказов у вас бы мурашки побежали по коже; вы бы смогли наблюдать, как управлялся с едой наш приятель Лорио — так его зовет наш отец,— поверьте, это зрелище тоже неординарное!

— Ах! Мой Бог! — воскликнул Мишель.

— Что? — спросила удивленно Мари.

— Мэтр Лорио из Машкуля?..

— Мэтр Лорио из Машкуля,— повторила Мари.

— Нотариус моей матери?

— Да, да, именно он,— заметила Мари.

— Он здесь? — спросил молодой человек.

— Несомненно, он здесь... И даже, к слову будет сказано,— продолжала сквозь смех Мари,— знаете ли вы, почему он пришел, или скорее что привело его к нам?

— Нет.

— Он пришел за вами.

— За мной?

— По поручению баронессы.

— Но, мадемуазель,— воскликнул испуганным голосом Мишель,— я вовсе не собираюсь возвращаться в Ложери.

— Почему?

— Но... меня там держат взаперти потому, что хотят разлучить ...с моими друзьями!

— Ба! От Ложери до Судэ рукой подать.

— Да, но от Ложери до Парижа намного дальше, однако баронесса хочет увезти меня в Париж. Вы, надеюсь, не сказали нотариусу, что я нахожусь в вашем доме?

— Боже упаси.

— О! Мадемуазель, как я вам благодарен!

— Не стоит благодарности, я и сама об этом не знала.

— Но теперь, когда вы узнали...

Мишель не решился закончить свою мысль.

— И что?

— Мадемуазель, не говорите ему,— ответил смущенно Мишель.

— Ах! Честное слово, господин Мишель,— сказала Мари,— я хочу вам признаться...

— Говорите, мадемуазель, говорите скорее!

— Хорошо; мне кажется, что, будь я мужчиной, ни при каких обстоятельствах я бы всерьез не воспринимала мэтра Лорио.

Мишель, казалось, призвал на помощь все свое мужество, чтобы принять решение.

— Да, вы правы,— произнес он.— Я сейчас объявлю ему, что никогда не вернусь в Ложери.

В этот момент молодые люди вздрогнули.

Кухарка громко позвала Розину.

— О! Боже мой! — воскликнули они, одновременно охваченные страхом.

— Вы слышите, мадемуазель? — сказала Розина.

— Да.

— Меня зовут.

— Мой Бог! — воскликнула Мари и, вскочив на ноги, уже приготовилась было бежать вниз.— Вдруг внизу догадаются, что мы здесь?

— Ну и что? Я не вижу ничего плохого, если они догадаются или узнают,— сказала Розина.

— Конечно... но.

— Послушайте,— сказала Розина.

В комнате на некоторое время стало тихо. Голос кухарки доносился уже издалека.

— А теперь,— продолжала Розина,— она меня ищет в саду.

И Розина собралась спускаться вниз.

— О нет, ты же не можешь уйти без меня,— сказала Мари,— надеюсь, ты не оставишь меня одну!

— Но,— простодушно ответила Розина,— мне кажется, что вы здесь вовсе не одна; вы же останетесь с господином Мишелем.

— Да, но чтобы потом вернуться домой...— пробормотала Мари.

— Ах да,— заметила с удивлением Розина,— с чего бы это вы стали такой пугливой, ведь вы никогда не боитесь ни днем, ни ночью в лесу? Я что-то вас не узнаю!

— Неважно! Розина, останься.

— Вот еще! Уже целых полчаса, как я вам помогаю, и теперь могу со спокойной совестью уйти.

— Да, конечно, но дело не только в этом.

— А в чем же?

— Я хотела тебе сказать...

— Что?

— Но... знаешь, этот несчастный юноша не сможет остаться здесь на целую ночь.

— А где же он заночует? — спросила Розина.

— Не знаю, но ему надо найти комнату.

— И не говорить господину маркизу?

— Правда, ведь мой отец не знает... Боже мой, что же делать?.. Вот, господин Мишель, это все из-за вас!

— Мадемуазель,— произнес Мишель,— раз вы настаиваете, я готов уйти.

— Кто вам об этом сказал? — встрепенулась Мари.— Наобсрот, оставайтесь.

— Мадемуазель Мари, мне в голову пришла одна мысль,— вмешалась в разговор молодых людей Розина.

— Какая? — спросила девушка.

— А если я поговорю с мадемуазель Бертой?

— Нет,— ответила Мари с поспешностью, удивившей ее саму,— нет, это бесполезно! Я с ней сама поговорю, когда спущусь вниз, после того как господин Мишель закончит наконец свой несчастный ужин.

— Ну, тогда я пошла вниз,— сказала Розина.

Мари не стала ее задерживать.

Розина вышла, оставив молодых людей наедине.

КОТОРАЯ ЗАКОНЧИЛАСЬ СОВСЕМ НЕ ТАК,
КАК ОЖИДАЛА МАРИ

Крошечная комнатенка, если, конечно, можно так назвать похожее на голубятню помещение, куда забрались наши молодые герои освещалась только отраженным от входной двери светом лампы, которая оставляла тонуть в темноте почти весь чердак.

Мишель - по-прежнему находился на куче овса. Стоя на коленях, Мари искала на дне корзины лакомый кусочек, чтобы предложить в качестве десерта бедному узнику на ужин, собранный расторопной Розиной, пытаясь скорее скрыть свое смущение, чем доказать любовь к ближнему.

Однако за короткое время произошло столько событий, что Мишель и думать не мог об еде.

Подперев подбородок рукой, он с любовью во взоре смотрел на нежное личико девушки, тонкие черты которого, представившиеся молодому человеку в новом ракурсе, еще больше подчеркивали красоту Мари; он с наслаждением вдыхал аромат ее длинных, спадавших ко рту локонов, колыхавшихся от легкого движения воздуха, проникавшего через узкое оконце. От красоты девушки, аромата ее волос в груди юноши заколотилось сердце, и кровь ударила ему в лицо. Он почувствовал, как его тело охватывает легкая дрожь, а голова пошла кругом. Во власти новых для него ощущений молодой человек почувствовал, как его душой овладевает неведомое ему до сих пор волнение и желание.

И это желание заключалось только в одном: найти подходящие слова, чтобы признаться Мари в любви.

Он попытался их вспомнить, но они никак не приходили ему на ум; наконец он решил, что проще всего будет, если он возьмет руку девушки и поднесет к губам.

Что он и сделал неожиданно для себя.

— Господин Мишель! Господин Мишель! — воскликнула Мари скорее удивленным, чем сердитым голосом.— Что это вы такое делаете?

И поспешно вскочила на ноги.

Мишель понял, что позволил себе слишком много и

теперь ему было просто необходимо признаться в своих чувствах.

Он тут же встал на колени и подхватил ускользавшую от него руку.

Следует отметить, что девушка вовсе не думала ее отнимать.

— О! Я вас оскорбил? — воскликнул молодой человек. — Если это так, то я самый несчастный из людей и нижеяше прошу на коленях вашего прощения.

— Господин Мишель! — только и смогла сказать девушка, не задумываясь над тем, что говорит.

Однако барон из боязни, что она отнимет ладонь, схватил ее двумя руками и так же, как и она, произнес, не задумываясь над своими словами:

— О, мадемуазель, если я злоупотребил вашей добротой ко мне, признайтесь, я вас заклинаю, что вы не сердитесь на меня.

— Вы об этом узнаете, когда встанете, — произнесла Мари, пытаясь высвободить руку.

Однако для этого она приложила так мало усилий, что Мишель уверился в том, что девушка не очень-то стремится высвободиться.

— Нет, — снова начал барон, окрыленный надеждой, во власти охватившего его восторженного порыва, — нет, позвольте мне остаться перед вами на коленях... О! Если бы вы знали, сколько раз с того самого дня, как мы познакомились, я мечтал броситься к вашим ногам! Если бы вы только могли знать, какими сладкими были мои мечты, приятной неуверенностью наполнявшие мою душу... О, вы не должны отказывать мне в счастье насладиться моей мечтой, ставшей в эту минуту реальностью.

— Но, господин Мишель, — ответила Мари с все возрастающим волнением в голосе, ибо она почувствовала, что пришел такой момент, когда в ее душе не осталось больше сомнений в чувствах, которые ей внушал молодой человек. Но, господин Мишель, на колени становятся только перед Богом или святыми угодниками.

— По правде говоря, — произнес молодой человек, — мне не известно, перед кем я стою на коленях и почему я это делаю; то, что я чувствую, так далеко от того, что до сих пор мне пришлось пережить, и даже не похоже на нежность, которую я испытываю к матери, что я теряюсь и не могу выразить словами состояние моей ду-

ши, заставляющее меня вас боготворить... Это походит, как вы только что сказали, на почитание Бога или святых, перед которыми падают ниц. Вы для меня — центр Вселенной; благоговей перед вами, мне кажется, что я обожаю весь мир.

— О! Пощадите, сударь! Перестаньте мне говорить такие слова... О, Мишель, друг мой!

— О! Нет, нет, позвольте мне остаться перед вами на коленях! Разрешите посвятить вам всю оставшуюся жизнь, стать вашим верным рабом. Увы! Я понял,— и поверьте мне, что я не ошибаюсь,— когда увидел настоящих мужчин, что по сравнению с ними я робкий и слабый мальчишка; однако мне кажется, что для меня было бы наивысшим счастьем страдать, пролить кровь и, если нужно, умереть за вас, и эта надежда придает мне мужества и силы, которых мне недостает.

— Зачем говорить о страданиях и смерти? — произнесла нежным голосом Мари.— Неужели вы думаете, что только страдания и смерть могут доказать искренность чувств?

— Почему я об этом говорю, мадемуазель Мари? Почему взываю о помощи? Потому что не смею надеяться на другое счастье, потому что мне кажется несбыточной мечтой делить с вами тихую, мирную и счастливую жизнь, освещенную вашей привязанностью, и я даже не могу себе позволить подобную мечту.

— Бедное дитя! — произнесла Мари голосом, в котором было столько сопереживания, сколько и нежности.— Так, значит, вы меня любите?

— О! Мадемуазель Мари, к чему лишние слова? К чему признания? Разве вы не видите, разве вам не подсказывает ваше сердце? Проведите ладонью по моему лбу, и вы почувствуете, как он горит; положите руку на мое сердце, и вы услышите, как оно учащенно бьется; посмотрите, как я дрожу с головы до ног; и вы еще спрашиваете, люблю ли я вас!

Любвный порыв молодого человека, так неожиданно изменивший робкий характер барона, увлек Мари: ее охватило такое же, как и Мишеля, волнение, и она так же, как и он, задрожала всем телом: для нее перестала существовать ненависть отца к имени, которое носил барон, неприязнь мадам де ла Ложери к ее семье, и даже иллюзии Берты по поводу чувств Мишеля, кото-

рые Мари не раз клялась в душе уважать; юношеский пыл ее неразвитой, но сильной натуры взял верх над сдержанностью, которую с некоторых пор она посчитала необходимым напустить на себя. От нахлынувших чувств у нее начала кружиться голова, и она была готова ответить на страстную любовь молодого человека, возможно, еще более пылким чувством, как вдруг неясный шум, послышавшийся от двери, заставил ее обернуться.

И она увидела Берту, неподвижно застывшую на пороге.

Свет фонаря, как мы уже говорили, падал на дверь и освещал лицо Берты.

Мари увидела, насколько было бледно лицо ее сестры, сколько боли и гнева скрывалось в ее сдвинутых бровях, затаилось в горькой складке крепко сжатых губ.

Ее так напугало неожиданное и почти зловещее появление сестры, что, оттолкнув молодого человека, по-прежнему державшего ее за руку, она шагнула навстречу сестре.

Однако Берта, войдя в каморку под крышей башни, отстранила руку Мари, как неодушевленный предмет, и, не обращая внимания на сестру, направилась прямо к Мишелю.

— Сударь,— произнесла она срывающимся голосом,— разве моя сестра не сообщила вам, что нотариус вашей матери, господин Лорио, находится здесь по ее поручению и желает с вами переговорить?

Мишель пробормотал что-то невнятное себе под нос.

— Он ждет вас в гостиной,— произнесла Берта, слово отдавая приказ.

Превратившись снова в застенчивого и подверженного всем страхам и сомнениям молодого человека, Мишель с трудом встал на ноги и так смутился, что не смог произнести ни слова в ответ и нетвердым шагом направился к двери, словно мальчуган, застигнутый врасплох на месте преступления и послушно выполняющий указания взрослых, даже не думая протестовать.

Мари взяла лампу, чтобы осветить дорогу бедному юноше, но Берта выхватила ее из рук сестры и отдала молодому человеку, жестом указав на дверь.

— А вы, мадемуазель? — робко спросил Мишель.

— Мы у себя дома,— ответила Берта.

Затем топнула в нетерпении ногой, так как увидела, что Мишель посмотрел вопросительно на Мари.

— Идите же скорее! — приказала она.

Молодой человек скрылся за дверью, оставив девушек в комнате, освещенной слабым светом тонкого серпа луны, поминутно тонувшего в облаках, который проникал сквозь узкое башенное оконце. Оставшись наедине с сестрой, Мари уже приготовилась было выслушивать ее упрёки за беседу с молодым человеком с глазу на глаз, значение которой она только теперь по-настоящему поняла.

Мари ошибалась.

Как только Мишель исчез за поворотом лестницы и шаги его стихли, Берта взяла сестру за руку и крепко ее сжала, что говорило о силе ее переживаний.

— Что он здесь тебе говорил, стоя на коленях? — спросила она глухим голосом.

Вместо ответа Мари кинулась сестре на шею и, не смотря на то, что та пыталась отстраниться, крепко обняла и стала целовать, обливая ее лицо слезами, брызнувшими из глаз.

— Дорогая сестренка, за что же ты так на меня разозлилась? — спросила она.

— Мари, я вовсе не рассердилась на вас; я лишь хочу узнать, что вам говорил этот молодой человек, которого я застала на коленях перед вами?

— Но ты никогда со мной не говорила таким тоном!

— Разве это имеет какое-то отношение к моему вопросу? Я хочу, я требую, чтобы ты мне ответила.

— Берта! Берта!

— Говори же, наконец, что он тебе сказал? Я тебя спрашиваю, что он тебе сказал? — повелительным тоном воскликнула Берта и так крепко сжала запястье сестры, что Мари, закричав от боли, присела, словно падая в обморок.

Крик сестры образумил Берту. К ней вернулось собственное ей самообладание.

Порывистая и необузданная, она была по натуре доброй девушкой, и ее сердце дрогнуло, когда она поняла, какую боль и горе она причинила своей сестре; не дав ей упасть, она подхватила Мари на руки, подняла ее, словно дитя, и уложила на верстак, по-прежнему крепко прижимая к груди; затем она осыпала ее поцелуями, и

несколько горячих слезинок скатилось с ее ресниц на щеки Мари, сверкая в темноте, словно искорки костра.

Берта плакала совсем как Мария-Терезия: ее слезы не лились из глаз, а вырывались из-под век сверкавшими молниями.

— Бедная крошка! Бедная крошка! — повторяла Берта, думая о своей сестре, как о ребенке, который по неосторожности ушибся.— Прости меня! Я причинила тебе боль... Но, что еще хуже, я тебя огорчила! Прости меня!

Затем, словно говоря сама с собой, повторила:

— Прости меня! Я виновата во всем: мне бы следовало раньше открыть свое сердце, чтобы ты знала, какое странное чувство испытываю я к этому человеку... к этому мальчику,— добавила она с оттенком презрения в голосе,— мне надо было бы тебе рассказать, какую власть надо мной приобрел этот человек, что заставило меня ревновать к той, кого я люблю более всего на свете, больше жизни, больше его!.. Любовь заставила меня ревновать к тебе! Ах, если бы, моя бедная Мари, ты только могла бы знать, сколько страданий мне принесла эта странная любовь, которую я считаю ниже своего достоинства! Если бы ты только знала, сколько я боролась с ней, пока она меня не захватила целиком! Сколько раз я упрекала себя в непростительной слабости! В этом человеке нет ничего из того, что я уважаю в мужчинах. В нем нет ничего, что мне обычно нравится: ни благородной внешности, ни осанки, ни веры, ни темперамента, ни необузданности и силы чувств, ни безоглядной храбрости; но что поделать, несмотря на все его недостатки, я его люблю! Я полюбила его с первого взгляда. Я его люблю с такой страстью, что порой, обливаясь потом, задыхаюсь, почти теряю сознание от непонятной мне тоски и кричу, словно обезумев: «Боже! Возьми мою жизнь, но оставь мне мою любовь!» За те месяцы, что прошли с того дня, как мы на мое несчастье встретились с ним, я не переставала думать о нем; я испытываю к нему какое-то странное чувство, которое, возможно, похоже на влечение женщины к любовнику, но в то же время больше напоминает любовь матери к сыну. И с каждым днем моя жизнь все сильнее зависит от этого чувства; оно поглощает не только мои мысли, но заполняет мои сны, с ним связаны все мои надежды

на будущее. О! Мари! Я только что попросила у тебя прощенья, а теперь хочу сказать: пожалей меня, сестричка! Пожалей меня!

И Берта в отчаянии еще крепче прижалась к сестре.

Бедняжка Мари с дрожью слушала сестру; ее поразила столь мощный и страстный порыв Берты; каждое восклицание, каждое слово, каждая фраза сестры разведала розовые облака, на которых она только что парила в мечтах о будущем; и страстный голос сестры сметал на своем пути, словно ураган, остатки облаков, круживших в небе после грозы. На каждое слово сестры она отвечала потоком еще более горьких слез, понимая, что привязанность к Берте требует жертвы, о которой она уже не раз тайком задумывалась.

Ее боль была столь нестерпимой, а горе столь безутешным, что тишина, наступившая после последних слов Берты, подсказала ей, что придется как-то отвечать.

Сделав над собой усилие, она попробовала сдержать рыдания.

— Бог мой! — произнесла она. — Дорогая сестра, у меня разрывается сердце, и мне становится совсем невмоготу от мысли, что во всем, что случилось этим вечером, есть и доля моей вины.

— О, нет! — воскликнула Берта с присущей ей горячностью. — Наоборот, это мне нужно. Но скажи мне, наконец, — произнесла Берта с настойчивостью, подтверждавшей силу ее чувств, — что он тебе говорил и почему стоял на коленях?

Мари ощутила, как вздрогнула Берта, повторяя свой вопрос; при мысли о том, что ей все же придется дать ответ, ее охватило тяжелое предчувствие: ей показалось, что слова, к которым она прибегнет, чтобы объяснить Берте, что здесь произошло, застрянут у нее в горле.

— Ну, говори же, не тяни, — произнесла Берта сквозь слезы, которые трогали сердце Мари гораздо больше, чем гнев сестры, — мое дорогое дитя, говори же! Пожалей же меня! Тревожная неизвестность, в которой я пребываю, в сотню раз хуже, чем горькая правда. Скажи, он говорил тебе о любви?

Мари не умела лгать или по крайней мере родственные чувства помешали ей скрыть истину.

— Да, — сказала она.

— О, Боже мой! Боже мой! — воскликнула Берта и, вырвавшись из объятий Мари, бросилась вперед с вытянутыми руками и коснулась ладонями стены.

В ее восклицаниях прозвучало столько тоски и отчаяния, что Мари испугалась. Она забыла Мишеля; забыла его любовь; для нее не существовало больше никого на свете, кроме ее сестры. И тут она поняла, что готова пойти на жертву, о которой ей подсказывало сердце с того времени, когда она узнала о том, что Берта полюбила Мишеля, и, проникнувшись благородным стремлением полного самоотречения, она с улыбкой разбила надежду на собственное счастье.

— Какая же ты все-таки глупышка! — воскликнула она, бросаясь на шею Берте. — Ты же не даешь мне договорить до конца!

— О! Разве он не говорил о любви? — ответила раненая волчица.

— Конечно, но я тебе не сказала, кто предмет его любви.

— Мари, сжался же над моим бедным сердцем!

— Берта! Дорогая Берта!

— Так он говорил тебе обо мне?

У Мари не было сил отвечать: она лишь утвердительно кивнула головой.

Берта с шумом перевела дыхание и несколько раз провела рукой по пылавшему жаром лбу; пережив сокрушительный удар, ей было необходимо время, чтобы прийти в себя.

— Мари, — обратилась она к сестре, — что ты такое мне говоришь? Это невозможно, невысказано, просто какое-то безумие! Я не поверю, пока ты мне не поклянешься, что это правда. Поклянись...

Девушку охватили сомнения.

— Все, что ты хочешь, сестренка, — произнесла Мари, словно торопясь проложить между сердцем и любовью непреодолимую пропасть.

— Поклянись мне, что ты не любишь Мишеля и что Мишель не любит тебя.

И положила ей руку на плечо.

— Поклянись памятью нашей матери.

— Клянусь памятью нашей матери, — произнесла Мари решительным тоном, — я никогда не буду принадлежать Мишелю.

И упала на руки сестры, пытаясь найти забвение в ее объятиях после только что принесенной жертвы.

Если бы в комнате было не так темно, Берта могла бы догадаться по искажившимся чертам лица Мари, сколько усилий ей стоила подобная клятва.

Услышав слова сестры, Берта почти успокоилась. На этот раз легким вздохом она дала понять, какая тяжесть свалилась с ее души.

— Спасибо! — воскликнула она. — Спасибо! Спасибо! А теперь пошли вниз.

Однако по дороге Мари придумала благовидный предлог, чтобы пройти в свою комнату.

Она заперлась, чтобы вдоволь наплакаться и помолиться!

Ужин еще не закончился, и до Берты донеслись голоса гостей, когда она проходила через прихожую.

Она вошла в гостиную.

Господин Лорио разговаривал с молодым бароном и пытался его убедить в том, что в интересах молодого человека вернуться в Ложери.

Однако молчание Мишеля столь красноречиво свидетельствовало о его нежелании возвращаться под родительское крыло, что господин Лорио уже приходил в отчаяние от того, что почти исчерпал все свои аргументы.

Следует признать, что он уже потратил более полутора часа на уговоры.

Мишель, по всей вероятности, находился в не менее затруднительном положении, чем его собеседник, ибо он воспринял приход Берты так же, как встречает окруженный со всех сторон неприятелем сражающийся батальон появление подкреплений, которые должны помочь ему пробиться к своим войскам.

Он устремился навстречу девушке с поспешностью, свидетельствующей также о том, что его волновали последствия беседы наедине с Мари.

К его огромному удивлению, неумевшая скрывать свои чувства Берта протянула ему руку и сжала ее со значением.

Она по-своему истолковала порыв молодого человека, и ее лицо просияло от радости.

Ожидая совсем другого приема, Мишель почувствовал себя весьма неловко. И тут же нашелся, что ответить мэтру Лорио:

— Передайте моей матери, что благородный человек должен отстаивать свои политические взгляды и в этом его святой долг. И я решил, что умру, если будет необходимо, но выполню свой долг.

Бедное дитя! Он перепутал долг с любовью!

V

СИНИЙ И БЕЛЫЙ

На часах уже было около двух часов ночи, когда маркиз де Судэ предложил гостям перейти в гостиную.

Приглашенные к обеду вышли из-за стола в том блаженном состоянии, в которое обычно впадают после отличной и обильной еды, когда хозяин дома отличается особым гостеприимством, гости не жалуются на отсутствие аппетита, а все паузы во время смены блюд заполняются содержательной беседой.

Предложив гостям пройти в гостиную, маркиз, по всей видимости, лишь хотел сменить обстановку, ибо, вставая из-за стола, он приказал Розине и кухарке последовать за ним, прихватив бутылки с ликерами, и расставить в гостиной рюмки по числу гостей.

Затем, напевая известный мотив из «Ричарда Львиное Сердце» и не обращая внимания на то, что генерал отвечал ему припевом из «Марсельезы», которая, вероятно, впервые прозвучала под крышей замка Судэ, старый благородный дворянин, наполнив рюмки, уже приготовился было вступить в полемику по поводу Жонейского договора, включавшего, по мнению генерала, шестнадцать статей, когда тот показал ему пальцем на стрелки часов.

Рассмеявшись, Дермонкур сказал, что подозревает достойнейшего дворянина в желании закормить своих врагов до смерти, и маркиз, оценив по достоинству шутку генерала, поспешил откликнуться на пожелание гостей и развести их по комнатам, которые им приготовили для ночлега, а уже затем и сам отправился на покой.

Маркизу де Судэ после воспоминаний о ратных подвигах и разговоров о былых сражениях, которые он вел весь вечер, приснился сон, что он снова воюет.

Он участвовал в такой битве, по сравнению с которой сражения под Торфу, Лавале и Сомюрэ показались

бы сущими детскими забавами; под пристрельным огнем он вел свою дивизию на штурм редута и уже было водрузил белое знамя в самом центре вражеского укрепления, когда неожиданный стук в дверь его комнаты прервал сон на самом интересном месте.

Маркизу, еще не совсем пробудившемуся ото сна со всеми продолжавшими его преследовать грезами, стук в дверь показался грохотом пушек. Однако мало-помалу его прекрасный сон заволокло туманом, и достойный дворянин открыл глаза и вместо поля битвы, усеянного обломками лафетов, вместо лошадей, бьющихся в предсмертной агонии, вместо тел убитых солдат, по которым, как ему снилось, он вел своих воинов, он увидел, что спит на своей деревянной крашеной кушетке под скромным белым перкалевым пологом с красной каймой.

В дверь снова постучали.

— Войдите! — крикнул маркиз, протирая глаза. — А, честное слово, генерал, — продолжил он, — вы вовремя пришли: еще бы две минуты, и вам бы пришел конец!

— Как это?

— Да я пронзил бы вас шпагой.

— Вот вам, мой достойный друг, в качестве реванша, — произнес генерал, протягивая ему руку.

— Именно так я и понимаю реванш... Вы смотрите с удивлением на скромное убранство моей комнаты, вы поражены ее убогим видом. Да, моей грустной комнате с голыми стенами, моим жалким стульям и полу, не прикрытому ковром, далеко до шикарных апартаментов, в которых проживают ваши парижские вельможные друзья. Что же вы хотите? Я провел треть моей жизни на войне, а вторую треть в нужде, и вот эта кушетка с тонким волосяным матрацем кажется мне роскошью, достойной моей старости... Но что же, мой дорогой генерал, привело вас ко мне в такую рань? Ибо мне кажется, что рассвет наступил совсем недавно, не более часа назад.

— Мой дорогой хозяин, я пришел с вами проститься.

— Как, уже? Вот какова жизнь! Стойте, я должен вам признаться, что вчера, когда вы прибыли в мой дом, я относился к вам с большим предубеждением.

— Правда? А ваше лицо было таким приветливым!

— Ба! — ответил, рассмеявшись, маркиз, — вы же были в Египте, неужели посреди дышавшего прохладой гостеприимного оазиса вам не стреляли в спину?

— Черт возьми! Еще бы! Арабы считают оазис лучшим местом для устройства засады.

— Так вот, каюсь, вчера вечером я немного походил на араба и теперь об этом весьма сожалею. К тому же, меня искренне огорчает, что вы так скоро меня покидаете.

— Потому что вы меня еще не познакомили с самым таинственным уголком вашего оазиса!

— Нет, потому что ваша прямота, честность и наши общие воспоминания об опасностях, которым мы подвергались, сражаясь друг против друга, настроили меня,— я не знаю как, но сразу же, — на дружеский лад по отношению к вам...

— Слово дворянина?

— Слово дворянина и солдата.

— Хорошо, мой дорогой недруг, я отплачу вам той же монетой,— ответил генерал.— Я приготовился к встрече со старым, поросшим мхом, засушенным грибом, старым чванливым эмигрантом со всеми его старыми предрассудками...

— И вы увидели, что можно быть старым, поросшим мхом грибом без предрассудков.

— Я встретил честное, открытое сердце, общительный характер... ба! Скажем одним словом — жизнерадостного человека с утонченными манерами, которые обычно исключают все выше перечисленное. Случилось так, что вы очаровали старого ворчуна, и он полюбил вас всей душой.

— Ладно, мне приятны ваши слова. Послушайте, без всякой задней мысли я предлагаю вам остаться у меня еще на день.

— Невозможно.

— Ну, на нет и суда нет, но по крайней мере дайте слово, что навестите меня, когда наступит мир, если, конечно, мы еще будем живы.

— Как? После примирения? А разве у нас идет война? — спросил, рассмеявшись, генерал.

— У нас сейчас нет ни мира, ни войны.

— Да, мы находимся точно посередине.

— Ну тогда встретимся, когда эта середина окажется позади...

— Даю вам слово.

— Я его принимаю.

— Ну, ладно, поговорим как разумные люди,— заметил генерал, взяв стул и усаживаясь в ногах у постели старого эмигранта.

— Не имею ничего против,— ответил маркиз.— Попытка — не пытка.

— Не правда ли, вы любите охоту?

— Страстно.

— А какую охоту?

— Любую.

— Но что-то вы любите больше?

— Охоту на кабана... Она мне напоминает охоту на «синих».

— Благодарю вас.

— У кабанов и «синих» одинаковая сила удара.

— А что вы скажете про охоту на лис?

— Фи! — заметил маркиз, с пренебрежением вытянув нижнюю губу, словно наследный принц австрийского королевского дома.

— О! Это прекрасная охота,— сказал генерал.

— Я ее оставляю Жану Уллье, у которого прекрасный нюх и потрясающее терпение, чтобы часами сидеть в засаде, поджидая добычу.

— Скажите, маркиз, ваш Жан Уллье, может еще кого-нибудь выслеживать, кроме лис?

— Ну, он и в самом деле прекрасно выслеживает любую дичь.

— Маркиз, я бы хотел, чтобы вы полюбили охоту на лис.

— А почему?

— Потому что лучше всего охотиться на лис в Англии. Не знаю почему, но мне кажется, что в это время года воздух Англии будет особенно благотворным для вас и ваших дочерей.

— Ба! — заметил маркиз, присев в кровати, как бы собираясь встать.

— Да, мой любезный хозяин, именно это я и хотел вам сказать.

— Иными словами, вы советуете мне отправиться во вторую эмиграцию? Спасибо!

— Ну, если вы называете эмиграцией короткое приятное путешествие, пусть будет так.

— Мой дорогой генерал, мне хорошо знакомы подобные короткие поездки. Порой они бывают продол-

жительнее кругосветного путешествия: известно, когда они начинаются, но никогда не знаешь, когда они заканчиваются. А потом, есть одно обстоятельство; возможно, вы мне не поверите...

— Какое?

— Вчера и даже сегодня утром вы смогли убедиться в том, что у меня, несмотря на возраст, незаурядный аппетит, и я могу похвастаться, что у меня еще ни разу не болел живот; я ем все подряд.

— И что же?

— Так вот, единственное, что я не могу переваривать, так это чертов английский туман! Вам не кажется это странным?

— Ну тогда отправляйтесь в Швейцарию, Испанию, Италию, словом, туда, куда захотите, но только уезжайте поскорее из Судэ, уезжайте из Машкуле, из Вандеи.

— А!

— Да.

— Так, значит, нас считают замешанными в сомнительных делах? — спросил вполголоса маркиз, потирая радостно руки.

— Если сейчас нет, то скоро будут.

— Наконец-то! — воскликнул старый дворянин, ибо он подумал, что инициатива правительства наконец-то подтолкнет его единомышленников взяться за оружие.

— Сейчас не время шутить, — произнес генерал, придавая лицу строгое выражение, — не скрою, мой дорогой маркиз, если бы я повиновался только своему долгу, у ваших дверей уже стояли бы двое часовых, а на стуле, на котором я сижу сейчас, находился бы младший офицер.

— Гм! — хмыкнул маркиз с уже серьезным видом.

— Да! Бог мой! Да, все именно так! Но я понимаю, что мужчине вашего возраста, привыкшему к активному образу жизни, к свежему лесному воздуху, невыносимым покажется узкий застенок, где вы окажетесь по воле судей; и вот, доказывая на деле мое дружеское к вам расположение, о котором только что говорил, я пошел на сделку с совестью.

— Но, генерал, вдруг вас обвинят в нарушении долга?..

— Ба! Вы думаете, что я не найду доводов в оправдание? А если я скажу, что колонну остановил тощий,

чахлый, наполовину разбитый параличом древний немощный старик?

— О ком это вы говорите и кого называете стариком? — спросил маркиз.

— Вас, кого же еще!

— Это я-то тощий, чахлый, немощный, наполовину разбитый параличом старик? — воскликнул маркиз де Судэ, высунув наполовину из-под одеяла костлявую ногу. — Я не знаю, мой дорогой генерал, может быть, настало время снять со стены одну из шпаг и предложить вам размяться перед завтраком до первой крови, как это делалось сорок пять лет назад в мою бытность пажом.

— Будет, старое дитя, — ответил Дермонкур, — вы так хорошо мне доказали, что я совершил ошибку, что мне ничего не остается, как позвать двух солдат.

И генерал сделал вид, что хочет встать.

— Ну уж нет, черт возьми! Я древний и дряхлый старик, наполовину разбитый параличом, нет, полностью разбитый параличом! В конце концов вам виднее.

— В добрый час.

— Но, послушайте, не можете ли вы мне сказать, кто навел на меня подозрения?

— Прежде всего ваш слуга Жан Уллье...

— Да.

— Охотник за лисами...

— Я хорошо слышу.

— Ваш слуга Жан Уллье, — и вчера вечером я не посчитал нужным вам говорить, так как предполагал, что вам это известно не хуже, чем мне, — так вот, ваш слуга Жан Уллье во главе группы мятежников попытался остановить воинскую колонну, двигавшуюся к замку; произошло столкновение, в результате которого мы потеряли трех солдат, не считая предателя, которого пришлось пристрелить на месте. Я думаю, что он, должно быть, тоже из местных.

— Как его звали?

— Франсуа Тенги.

— Тише! Генерал, не говорите так громко! Здесь его сестра: та девушка, что прислуживала, нам за столом, — она только что похоронила отца.

— Ох уж эти гражданские войны! Черт бы их побрал! — произнес генерал.

— Между тем только они поддаются объяснению при помощи логики.

— Возможно.

— Я пленил вашего Жана Уллье, но он сбежал.

— Признайтесь, и правильно сделал.

— Да, но пусть мне он больше не попадается!

— Нет, не беспокойтесь, в этом больше опасности нет; раз вы предупредили, я отвечаю за него.

— Тем лучше, ибо я не расположен проявлять снисхождение, ибо мне не довелось побеседовать с ним, как с вами, о великой войне.

— Но он тоже воевал на той войне, и храбро воевал; в этом я могу вам поручиться.

— Лишнее доказательство, что он рецидивист.

— Однако, генерал, — сказал маркиз, — мне до сих пор не понятно, почему поведение моего слуги вменяется мне в вину?

— Подождите! Вчера вы упомянули о домовых, которые вам сообщили обо всем, что я делал между семью и десятью вечера.

— Да.

— Так вот, и у меня есть свои домовые, которые не хуже ваших.

— Сомневаюсь.

— И они мне доложили обо всем, что происходило в вашем замке вчера днем.

— Надо же, — произнес маркиз с самым невинным видом, — ну, что же, я вас внимательно слушаю.

— Позавчера к вам, в замок Судэ, прибыли два гостя.

— Ну вот, вы задумали перевыполнить данное мне обещание: вы должны были мне поведать обо всем, что происходило в замке вчера, а начинаете свой рассказ с позавчерашнего дня.

— И эти двое были мужчиной и женщиной.

Маркиз отрицательно покачал головой.

— Ладно, пусть будет двое мужчин, хотя один из них от нашего пола позаимствовал лишь одежду.

Маркиз промолчал, а генерал продолжил:

— Один, кто пониже ростом, пробыл весь день в замке, в то время как другой объехал с приглашением

встретиться вечером несколько соседей, чьи имена я бы мог вам назвать, если бы не боялся показаться бестактным, как сейчас, когда привожу в качестве примера имя графа де Бонвиля.

Маркиз не проронил ни слова; ему не хотелось ни лгать, ни признаваться.

— И что же произошло затем?

— Эти господа, приехав один за другим, обсудили несколько вопросов; притом они отнюдь не говорили о славе, благоденствии и процветании правительства, пришедшего к власти в июле.

— Признайтесь, генерал, ведь вы не глупее меня, хотя и служите этому правительству.

— Что вы этим хотите сказать?

— О! Мой Бог, я говорю только то, что вы республиканец, «синий», даже «темно-синий», и что этот цвет не из худших.

— Но вопрос не в том.

— А в чем же?

— Вопрос в людях, которые были в вашем замке с восьми до девяти часов вечера.

— Хорошо, если ко мне в гости заехали несколько соседей, если я приютил у себя двух чужестранцев, я не вижу, генерал, в чем состав преступления. Вот, я говорю, положив руку на свод законов... А! Если только снова не введен в действие закон о задержании по подозрению.

— Вы не нарушили закон, когда распахнули ворота замка перед соседями; преступление в том, что ваши гости собрались на совещание, на котором обсуждался вопрос о вооруженном восстании.

— У вас есть доказательства?

— Доказательством служит тот факт, что на совещании присутствовали два посторонних вам человека.

— Ба!

— Очень даже может быть, ибо тот, кто пониже ростом, блондин, или, вернее, блондинка, надевшая черный парик, чтобы скрыть цвет своих волос, не кто иная, как Мария-Каролина, которую вы называете регентшей королевства или герцогиней Беррийской, когда не обращаетесь к ней как к Малышу Пьеру.

Маркиз подпрыгнул на кровати. Генерал оказался лучше информированным, чем он, и теперь маркиз понял

то, что раньше ускользало от него. Сердце его наполнилось радостью, что ему была оказана честь принимать в своем замке герцогиню Беррийскую. Но, к несчастью, на этом свете радость никогда не бывает полной, и ее всегда что-нибудь омрачает, поэтому ему и пришлось сделать вид, что ничего из ряда вон выходящего не произошло.

— И дальше? — спросил он.

— А затем, когда разговор коснулся самых важных проблем, в замок прибыл молодой человек, которого никак не ожидали увидеть среди ваших сторонников; он и предупредил о приближении отряда; тогда вы, господин маркиз, предложили взять в руки оружие... и не отрицайте, я уверен, все было именно так, как я говорю; но было принято альтернативное решение. Мадемуазель, ваша дочь, та, что брюнетка...

— Берта.

— Мадемуазель Берта взяла фонарь и вышла во двор, и за ней последовали все участники совещания, — за исключением вас, господин маркиз, решившего, возможно, заранее подготовиться к приходу новых гостей, которых послал вам сам Бог. Она пересекла двор и подошла к часовне, открыла дверь, первой вошла внутрь и направилась прямо к алтарю. Нажав на пружину, замаскированную под левым копытцем ягненка, который украшал алтарь, она попыталась открыть потайной ход; однако пружина, которой давно не пользовались, как назло заела; тогда ей пришлось взять в руки используемый для мессы колокольчик с деревянной ручкой и нажать им на стальную кнопку; стена повернулась, открыв за собой лестницу, которая вела в подземелье. Мадемуазель Берта взяла на алтаре две свечи, зажгла их от своего фонаря и передала в руки двум вашим гостям, кто стоял рядом; затем, когда беглецы спустились в подземелье, она закрыла за ними потайную дверь и вернулась в дом, в то время как другой человек еще некоторое время бродил по парку. Ваши гости, пройдя в конец подземелья, выходящего к развалинам старого замка, которые видны отсюда, с трудом выбрались наружу; а один из них даже упал; наконец, они спустились на дорожку, проходящую вдоль стены, которая окружает парк, и разделились на группы; трое пошли по дороге, ведущей из Нанта в Машкуле, двое последовали тропинкой,

по которой можно добраться до Леже, а шестой и седьмой беглецы как бы превратились в одного...

— Ах вот! Но, генерал, вы мне рассказываете какие-то сказки!

— Подождите! Вы перебиваете меня на самом интересном месте... я сказал, что шестой и седьмой беглецы как бы превратились в одного: то есть тот, кто повыше ростом, взял маленького на плечи и донес до небольшого ручейка, который впадает в более крупный ручей, бегущий у подножия Козьей тропы, и, честное слово, именно этот или, вернее, эти беглецы меня интересуют больше всего; именно за ними я и пойду по следу.

— Но, генерал, повторяю вам еще раз,— произнес маркиз де Судэ,— все, что вы рассказали мне, плод вашего воображения.

— Ах, мой старый недруг, будет вам! Ведь вы старый охотник, не правда ли?

— Да.

— Так скажите, когда вы увидите четкий, ясный, хорошо отпечатавшийся кабаньей след на рыхлой земле, неужели вы поверите, если кто-то попытается вас уверить, что по тропе пробежал призрак, а не настоящий кабан? Так вот, маркиз, все, что я рассказал вам, я увидел, точнее, прочел, по следам.

— А! Черт возьми! — сказал, не скрывая своего восторженного любопытства, маркиз, поворачиваясь набок лицом к генералу.— Вы должны меня научить, как это вам удалось.

— Охотно,— ответил генерал,— у нас еще есть целых полчаса; пусть нам принесут жареного мяса и бутылку вина,— я расскажу вам все по порядку, пока буду завтракать.

— При одном условии.

— Каком?

— Что вы разрешите мне составить вам компанию.

— В столь ранний час?

— Appetit приходит во время еды.

Маркиз вскочил с кровати, натянул панталоны, встал на ноги в шлепанцы, позвонил, приказал накрыть стол и уселся, поглядывая вопросительно на генерала.

Генерал начал рассказ, как и обещал, когда немного утолил свой аппетит. Он был прекрасным рассказчиком, а поесть, пожалуй, любил побольше маркиза.

**В КОТОРОЙ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО В СЕТИ
ПАУКА ПОПАДАЮТ НЕ ТОЛЬКО МУХИ**

— Да будет вам известно, мой дорогой маркиз,— сказал генерал вместо вступления,— что я ни в коей мере не собираюсь выведывать у вас секреты, так как уверен и даже убежден в том, что все происходило именно так, как я вам рассказал, и даже не спрашиваю у вас, ошибся ли я или допустил какую-нибудь неточность в моем повествовании; из мелкого хвастовства мне хочется только доказать вам, что мы тоже не лыком шиты: я хочу немного потешить свое самолюбие и ничего более.

— Валяйте! — заметил маркиз с таким же нетерпением, как на охоте, когда Жан Улье сообщал ему о том, что по первому снегу собаки взяли след волка.

— Начнем с самого начала. Мне было известно, что граф де Бонвиль прибыл к вам позaproшлой ночью в сопровождении молодого крестьянина, который походил на женщину, переодетую в мужское платье; ею и была, по нашим предположениям, Мадам... Заслугу в получении этих сведений я вовсе не собираюсь относить на свой счет, так как мы добыли их по каналам разведки,— добавил генерал.

— Вы правы... Фу! — заметил маркиз.

— Но, выражаясь языком военных, когда я прибыл собственной персоной на место, меня отнюдь не сбил с толку оказанный вами приветливый прием, и я сразу же заметил две вещи...

— Надо же, и какие?

— Во-первых, из десяти расставленных на столе приборов у пяти были свернуты салфетки так, как будто они принадлежали людям, которые часто бывают в замке, и в случае судебного процесса, дорогой маркиз, имейте в виду, это будет одним из смягчающих для вас обстоятельств.

— Как это?

— Очень просто: если бы вы знали действительное положение ваших гостей в обществе, разве вы бы позволили, чтобы им свернули салфетки, как простым деревенским соседям? Ведь нет, не правда ли? Неужели в ореховых шкафах замка Судэ не осталось больше сто-

лового белья, чтобы герцогиня Беррийская не имела новой салфетки каждый раз, когда садилась за стол? Я склоняюсь к мысли, что вы принимали блондинку в черном парике за темноволосого молодого человека.

— Продолжайте! Продолжайте! — воскликнул маркиз, пожалев, что его собеседник оказался более проницательным, чем он сам.

— Да я вовсе и не собираюсь на этом останавливаться, — сказал генерал. — Итак, я заметил пять свернутых салфеток, что подтверждало, что обед был приготовлен вовсе не для нас, как вы попытались нас уверить; к тому же вы предложили расположиться на стульях, на которых раньше сидели господин де Бонвиль и его спутник, которых вы не посчитали нужным подождать.

— А что же вы еще заметили? — спросил маркиз.

— Мадемуазель Берта, как мне показалось, да нет, я в этом просто уверен, девушка аккуратная и постоянно следящая за своей внешностью, была вся в паутине, когда я имел честь быть ей представленным: сотканная пауками паутина украшала даже ее прекрасные волосы!..

— Ну и что?

— А то, что она встретила нас в таком странном виде — и я в этом убежден, — отнюдь не из-за кокетства. Сегодня утром мне оставалось только поискать в замке, где больше всего скопилось плодов труда этих замечательных насекомых...

— И вы нашли?..

— Скажу вам по правде, мой дорогой маркиз, это не делает вам чести как верующему, во всяком случае, тому, как вы исполняете церковные предписания, ибо я сделал открытие, что именно за дверью вашей часовни обитает по крайней мере дюжина этих замечательных тружеников, с необычайным рвением восстанавливающих ущерб, нанесенный им в прошлую ночь. Их рвение подкреплялось уверенностью в том, что дверь, за которой они устроили свой цех по производству паутины, открылась только по воле случая, который вряд ли повторится в ближайшее время.

— Но, мой дорогой генерал, вы должны со мной согласиться, что ваши доводы не выглядят слишком убедительными.

— Да, но вы не будете спорить, что, когда ваша ищей-

ка держит нос по ветру и слегка натягивает поводок, это выглядит со стороны еще более неубедительно, не правда ли? А между тем, несмотря ни на что, вы прочесываете лес, и еще как тщательно!

— Непременно! — сказал маркиз.

— Так вот, я тоже придерживаюсь подобной тактики, и на аллеях вашего парка, которые давно не посыпали песком, я обратил внимание на весьма характерные следы.

— Мужские и женские? — заметил маркиз. — Да их хватает повсюду.

— Нет, не везде можно встретить следы, количество которых в точности совпадает с числом предполагаемых гостей, которые не прохаживались не спеша по саду, а со всех ног спасались бегством.

— А как вы определили, что эти люди убегали?

— Ну, маркиз, это же элементарно!

— Говорите же наконец.

— Потому что, убегая, они опирались больше на носок, чем на каблук; вы, как хороший охотник, с этим согласны?

— Да, — ответил с видом знатока маркиз, — ну, а дальше что?

— Дальше?

— Да.

— Внимательно осмотрев землю, я увидел отпечатки самой разнообразной обуви: от сапог, охотничьих башмаков до подбитых железными гвоздями ботинок, — и среди следов, оставленных мужчинами, я разглядел маленькие изящные отпечатки женских ног, настоящие следы Золушки, которой могут позавидовать представительницы прекрасного пола Андалузии от Кордовы до Кадикса, несмотря на то, что на ней были обыкновенные крестьянские башмаки.

— Рассказывайте поскорее, что было дальше.

— Почему вы так спешите?

— Потому что, если вы еще задержитесь на описании этих следов, то рискуете влюбиться в обладательницу подбитых железными гвоздями башмаков.

— Ничего невозможного в этом нет, если бы я не был так занят своими наблюдениями. Но особенно бросалась в глаза грязь, оставленная обувью беглецов на ступеньках, ведущих к дверям часовни, и на гладких напольных

плитах часовни. Кроме того, я обнаружил около алтаря множество капелек застывшего воска, в особенности их было много вокруг удлиненного тонкого отпечатка, принадлежавшего, как я понял, обуви мадемуазель Берты; а так как следы расплавленного воска были и на ступеньке с наружной стороны двери, как раз под замочной скважиной, я сделал вывод, что свеча была вашей дочери, и, поворачивая ключ в двери, она держала ее в левой руке, в то время как правой открывала замок; кроме того, разорванная паутина вокруг двери, остатки которой прилипли к волосам вашей дочери, служила лишним доказательством того, что дорогу беглецам показывала именно она.

— Продолжайте.

— Ну, а есть ли необходимость говорить о том, что было дальше? Все следы вели к алтарю; а так как копытке пасхального ягненка было сломано, я обнаружил небольшую железную кнопку, приводившую в движение пружину, в чем я сразу же смог убедиться. Пружина поддалась мне не сразу, так же, впрочем, как и мадемуазель Берте, которая оцарапала о нее палец, о чем свидетельствовало пятнышко засохшей крови, оставшееся на свежем надломе деревянной скульптуры. Как и она, я искал глазами какой-нибудь твердый предмет, чтобы нажать на пружину, и так же, как и она, заметил рукоятку колокольчика, на котором осталась вмятина и засохшая капелька крови.

— Bravo! — воскликнул маркиз, прислушиваясь к рассказчику с удвоенным интересом.

— Тогда, как вы понимаете, — продолжил Дермонкур, — я спустился в подземелье. Следы отчетливо виднелись на сыром песке; один из беглецов даже споткнулся о камень и упал, когда пробирался через развалины: я догадался об этом, увидев крапиву, вырванную с корнем, словно кто-то, падая, ухватился за нее рукой в попытке сохранить равновесие, а затем скомкал в пучок; конечно, этот жест не мог быть преднамеренным, так как мало кому придет в голову рвать ни с того ни с сего столь неприятное и жгучее растение. В углу, напротив выхода, кто-то преднамеренно откинул с дороги камни развалин, чтобы облегчить путь кому-то более слабому. В зарослях крапивы, растущей у стены, я обнаружил две свечи, которые были брошены перед тем, как беглецы выбра-

лись из развалин. И, наконец, чтобы закончить рассказ, я увидел следы на дороге, а по тому, как они расходились, я смог определить, кому они принадлежали, о чем я уже имел возможность вам доложить.

— Нет, вы еще не все мне рассказали.

— Как? Разве я не все сказал? Нет, мне нечего больше добавить.

— Нет, а почему вы решили, что один из путешественников взял другого на закорки?

— Ах, маркиз, вы хотите, чтобы я еще раз вам продемонстрировал, как мало у меня смекалки. Так вот, следы маленьких башмачков, подбитых железными гвоздями, ах, эти следы оставленные изящными ножками, были настолько милы моему сердцу, что я не пожалел ни времени, ни сил, чтобы их отыскать, ах, отпечатки на земле прелестных ножек, таких крошечных, словно принадлежавших ребенку, были не шире половины моей ладони, и я шел за ними совсем не так, как по следам, оставленным мадемуазель Бертой; я увидел их в подземелье, затем еще раз на узкой тропинке позади развалин, где беглецы остановились, чтобы посовещаться между собой, о чем можно без труда сделать вывод, если посмотреть, как они притоптали землю; затем я их еще раз обнаружил по дороге к ручью; затем рядом с большим камнем, который должен был бы сиять чистотой после проливного дождя, а не быть запачканным грязью; а потом они исчезли! А так как в наши дни никто еще не видел крылатых коней, я сделал заключение, что господин Бонвиль взял на закорки своего юного спутника; впрочем, если судить по следам, оставленным господином Бонвилем, он заметно прибавил в весе, и уже не скажешь, что они принадлежали молодому, жизнерадостному, полному сил человеку, какими мы были с вами в его возрасте. Маркиз, вспомните следы самки кабана, вынашивающей потомство? Если раньше она только слегка касалась земли, то теперь начинает припадать на копыта всем телом, слегка раздвигая ноги, так вот после остановки у большого камня у господина де Бонвиля как раз и были такие следы.

— Но, генерал, вы кое о чем забыли.

— Не думаю.

— О, тот, кто сказал «а», должен говорить и «б»; по-

чему вы решили, что господин Бонвиль целый день объезжал соседей, чтобы созвать их на совет?

— Вы же мне сами сказали, что весь день провели в замке.

— И что же?

— Ваша лошадь, ваша любимая лошадь — о чем мне поведала милая девчушка, принимая у меня поводья у ворот, — так вот, ваша любимая лошадь, которую я увидел, когда отправился на конюшню собственноручно удостовериться в том, что мой Буцефал получил свою порцию овса, была забрызгана грязью до самой холки; кому же вы бы не доверили вашу лошадь человеку, которого бы не уважали.

— Вот как! Тогда позвольте еще один вопрос.

— Охотно, я готов ответить на любые ваши вопросы.

— Что вам дало основание предположить, что спутник господина де Бонвиля является именно той августейшей особой, о которой вы только что говорили?

— Я сделал такой вывод потому, что эту женщину везде и всюду пропускают вперед и даже убирают с ее пути камни.

— Так, значит, вы можете по следу определить, блондинка или брюнетка та или иная представительница прекрасного пола?

— Нет, для этого мне надо было сделать еще одно открытие.

— Какое? Послушайте, это будет мой последний вопрос, если вы ответите...

— Если отвечу?..

— Ничего... Продолжайте.

— Хорошо, мой дорогой маркиз, вы меня удостоили чести переночевать в комнате, которую еще вчера занимал спутник господина де Бонвиля.

— Да, я удостоил вас такой чести, и что из того?

— Я вам бесконечно признателен за столь высокую честь; так вот, перед вами прелестный дамский гребень, который я подобрал у ножки кровати. Дорогой маркиз, вы же не будете отрицать, что такой гребень слишком изящен для того, чтобы принадлежать юному крестьянину. Кроме того, в его зубьях, как вы видите, запутались длинные светлые волосы, которые, однако, совсем другого оттенка, чем золотистые локоны вашей младшей дочери — единственной блондинки в доме.

— Генерал,— воскликнул маркиз, вскочив и отбросив вилку в сторону,— генерал, вы можете меня арестовать, если вам так хочется, но готов повторить вам сотню и тысячу раз, что я не поеду в Англию; нет, нет, и еще раз нет, я никуда не поеду!

— О! Маркиз, какая муха вас укусила?

— Нет, черт возьми, вы меня раззадорили, вы задели мое самолюбие! Если вы, как мне и обещали, по окончании кампании заедете в Судэ, мне нечем будет вас удивить.

— Послушайте, мой старый добрый противник,— произнес генерал,— я пообещал, что не арестую вас, по крайней мере на этот раз; я сдержу свое слово, несмотря на все то, что вы собираетесь предпринять, или скорее несмотря на все то, что вы уже успели натворить. Однако клянусь вам во имя дружеских чувств, которые испытываю к вам, подумайте о ваших прелестных дочерях и не совершайте впредь безрассудных поступков; раз у вас нет желания на время покинуть Францию, хотя бы спокойно посидите у себя в замке и ни во что не ввязывайтесь.

— А почему?

— Потому что от славных героических времен, при одной мысли о которых начинает учащенно биться ваше сердце, остались одни лишь воспоминания; потому что в настоящее время французам не известны порывы, которые побуждали совершать великие дела; потому что давно канули в прошлое поединки на саблях, безграничная преданность, чувство великой утраты... О, я знаю хорошо, и даже слишком хорошо, неукротимую Вандею; и я имею полное право это утверждать, ибо она оставила железом славную отметину в моей душе. Вот уже целый месяц как я снова нахожусь здесь, среди вас, и тщетно пытаюсь узнать знакомый мне край, и не узнаю! Мой бедный маркиз, вы можете пересчитать по пальцам молодых людей с мятежной душой и честолюбивым сердцем, которые готовы выступить с оружием в руках; добавьте к ним несколько старых ветеранов, которые, подобно вам, хотя и выполнили свой долг в 1832 году точно так же, как они это сделали в 1793-м. Подумайте и рассудите, не будет ли столь неравная борьба чистым безумием.

— Мой дорогой генерал, потомки нам воздадут осо-

бую хвалу именно потому, что борьба казалась безрас- судной,— с жаром воскликнул маркиз, совершенно забыв об убеждениях своего собеседника.

— А вот и нет, вам не сыскать былой славы. Все, что произойдет,— и вы тогда вспомните, что я вас предупредал еще до того, как все началось,— будет лишь бледным, блеклым, тщедушным и хилым подобием того, что было раньше; и Бог мне свидетель, так будет и у нас, и у вас; у нас вы станете свидетелем низких, бесчестных поступков, предательств; у вас же будут преобладать эгоистические амбиции, мелочная трусость, что отзовется болью в вашем сердце и загубит вас, человека, которого пощадили пули «синих мундиров».

— Генерал, вы судите обо всем с позиций сторонника правительства, которое сейчас у власти,— сказал маркиз,— вы забываете, что у нас есть друзья даже в ваших рядах, и вы не принимаете во внимание то обстоятельство, что стоит нам бросить клич, как все наши земляки поднимутся на борьбу как один человек.

Генерал пожал плечами.

— Мой старый друг,— сказал он,— позвольте мне так вас называть,— во времена моей молодости синий цвет назывался синим, а белый — белым, и был еще красный; но это был цвет палача и гильотины, но не будем об этом говорить. В те времена у вас не могло быть друзей в наших рядах, как и у нас не было сторонников у вас; именно потому мы были одинаково сильны, велики и бесстрашны. Вы говорите, что стоит вам бросить клич и вся Вандея поднимется на борьбу? Заблуждение! Вандея, позволившая перерезать ей в 1795 году горло в надежде на приезд принца, давшего и не сдержавшего своего слова, не шевельнет теперь и пальцем даже при виде герцогини Беррийской; ваши крестьяне утратили веру, которая поднимает на борьбу людские массы, заставляя их идти друг против друга стенка на стенку до тех пор, пока они не захлебнутся в море крови; они утратили свой религиозный фанатизм, порождающий и увековечивающий мучеников. И у нас, мой бедный маркиз — и я должен в этом признаться — угасло былое стремление к свободе, прогрессу и славе, которое сотрясает устои старого мира и порождает новых героев. В будущей гражданской войне, если таковая все же начнется, победа будет за теми, кто будет более богат и выставит больше сол-

дат. И вот почему я вам говорю: взвесьте «за» и «против» и заранее дважды просчитайте все варианты прежде, чем принять участие в невероятном безумии.

— Генерал, вы ошибаетесь, вы снова ошибаетесь! У нас хватит солдат, и теперь, когда во главе наших войск будет женщина, даже самые нерешительные и робкие отбросят сомнения и пойдут воевать, единомышленники объединятся, а самые честолюбивые позабудут об амбициях.

— Бедная храбрая молодая женщина! Бедная романтически настроенная душа! — произнес старый солдат с глубокой жалостью в голосе, уронив на грудь покрытую шрамами голову. — Пройдет совсем немного времени, и я стану ее самым заклятым врагом, но пока я нахожусь в этой комнате, на нейтральной полосе, позвольте мне вам признаться, что я бесконечно восхищаюсь твердостью ее характера, решительностью, мужеством, стойкостью и отвагой, и в то же время мне остается лишь сожалеть о том, что она не родилась в эпоху, достойную ее. Маркиз, к сожалению, канули в небытие прошлые времена, когда Жанне де Монфор стоило только топнуть вынутой из стремени ногой о древнюю землю Бретани, как перед ней вырастали словно из-под земли полки вооруженных до зубов бойцов. Маркиз, если вам удастся увидеться с бедной женщиной, запомните и передайте ей мои слова: я хочу, чтобы эта благородная душа, пожалуй, еще более отважная, чем была графиня Жанна, знала, что самоотречение, кипучая энергия, преданность делу, высокий накал материнских и патриотических чувств не принесут ничего, кроме равнодушия, неблагодарности, трусости, вероломства... А теперь, мой дорогой маркиз, ваше последнее слово?

— Генерал, мое последнее слово такое же, как и первое.

— Тогда повторите еще раз.

— Я не поеду в Англию, — с твердостью в голосе произнес старый эмигрант.

— Послушайте, — продолжал Дермонкур, глядя маркизу прямо в глаза и положив ему на плечо руку. — Несмотря на то, что вы настоящий вандеец, вы такой же гордый, как гасконец. Мне известно, что ваши доходы весьма скромны... О! Не надо хмурить брови, выслушайте меня до конца, черт возьми! Вы же знаете, что я не

предложу вам ничего из того, на что бы сам не согласился.

На лице маркиза появилось прежнее выражение.

— Я сказал, что ваши доходы весьма скромны, а в этом забытом Богом краю недостаточно иметь доходы, будь они велики или незначительны, их надо уметь еще и получить! Так вот, если вопрос упирается в отсутствие нужной суммы денег, чтобы приобрести небольшой дом где-нибудь в Англии, то у меня, хотя я тоже не богач и живу только на свое жалованье, есть за душой кое-какие сбережения; ведь их можно принять от старого товарища, а как вы думаете? А после того, как наступит, как вы говорите, мир, вы мне их вернете.

— Довольно! Хватит! — сказал маркиз. — Генерал, вы меня знаете лишь со вчерашнего дня, а относитесь ко мне так, словно мы с вами дружим уже лет двадцать.

Почесав затылок, старый вандеец произнес, словно рассуждая про себя:

— Смогу ли я когда-нибудь вас отблагодарить за все, что вы для меня делаете?

— Так вы согласны?

— Конечно, нет! Я отказываюсь.

— Что, вы не едете?

— Я не трогаюсь с места.

— В таком случае мне остается столько сказать: да поможет вам Бог, — и пожелать вам здоровья, — произнес старый генерал, теряя всякое терпение, — только, вероятно, случай, — черт бы побрал его! — сможет нас снова свести, как противников, словно в былые времена, но теперь-то вы для меня не чужой человек и, если — не приведи Господь — судьбе будет угодно свести нас лицом к лицу в схватке, как это было тридцать шесть лет назад под Лавалем, клянусь, я отыщу вас!

— И я вас отыщу! — воскликнул маркиз, — обещаю, что буду выкрикивать ваше имя, насколько только позволит мне дыхание! Меня будет радовать от радости и гордости от сознания, что мы утрем нос всем этим молокососам и покажем, на что способны настоящие мужчины, участники великой войны.

— Ну вот, меня уже зовет труба. Прощайте, маркиз, и спасибо за гостеприимство.

— До свидания, генерал, и спасибо за вашу дружбу.

Мне ничего не остается, как доказать, что я также испытываю к вам дружеское расположение.

И два старика пожали друг другу руки. Дермонкур вышел.

Маркиз оделся и не отходил от окна, провожая взглядом уходивший по аллее в сторону леса маленький отряд. Отойдя от замка на сотню шагов, генерал дал команду повернуть направо, а сам, придерживав лошадь, в последний раз посмотрел на невысокие остроконечные башни замка своего нового друга и увидел, что маркиз машет ему на прощание рукой, и уже затем присоединился к своим солдатам.

В тот момент, когда маркиз де Судэ отходил от окна, в которое смотрел до тех пор, пока отряд вместе со своим командиром не скроется из вида, он услышал, что кто-то робко скребся в узкую дверь, ведущую из его спальни через небольшую комнату к служебной лестнице.

«Кого это черт сюда принес?» — подумал он.

И направился к двери.

Дверь отворилась, и он увидел перед собой Жана Уллье.

— Жан Уллье! — с искренней радостью в голосе воскликнул маркиз, — это ты! Наконец-то, мой храбрый Жан Уллье! Честное слово, день неплохо начинается.

И он протянул обе руки своему старому слуге, который поспешил их пожать с чувством признательности и в знак уважения.

Затем, высвободив руку, Жан Уллье порылся в кармане и протянул маркизу клочок простой бумаги, сложенный как письмо. Взяв его в руки, маркиз де Судэ развернул его и прочитал.

По мере того как он читал, его лицо озарялось радостью.

— Жан Уллье, — сказал он, — позови девушек, позови всех... Нет, подожди, принеси вначале мою шпагу, пистолеты, карабин, все мое военное снаряжение, подсыпь Тристану овса. Мой дорогой Уллье, кампания начинается! Наконец-то она начинается! Берта! Мари! Берта!

— Господин маркиз, — спокойным голосом заметил Жан Уллье, — для меня кампания началась еще вчера в три часа.

На зов маркиза примчались обе девушки.

У Мари были покрасневшие и распухшие глаза.

Берта сияла.

— Девушки,— обратился к сестрам маркиз,— вы отправитесь вместе со мной! Но сначала прочитайте, поскорее прочитайте.

И он протянул Берте письмо, которое только что ему передал Жан Улье.

Письмо было следующего содержания:

«Господин маркиз де Судэ!

Дело короля Генриха V требует, чтобы вы выступили с оружием в руках на несколько дней раньше назначенного срока. Вам надлежит собрать как можно больше преданных нам людей в отряд, командование которого я возлагаю на вас, и ждать в полной боевой готовности моего особого распоряжения.

Пребывая в уверенности, что присутствие в нашей маленькой армии двух амазонок поможет вдохновить наших друзей на подвиги, разжечь их боевой пыл, прошу вас, господин маркиз, направить в мое распоряжение ваших прелестных и очаровательных охотниц...

*С уважением
Малыш Пьер»*

— Итак,—спросила Берта,— мы едем?

— Черт возьми! — воскликнул маркиз.

— Отец мой, в таком случае,— сказала Берта,— позвольте представить вам нового рекрута.

— Всегда пожалуйста!

Мари, не проронив ни слова, стояла не шелохнувшись.

Берта вышла и спустя минуту вошла, держа за руку Мишеля.

— Господин Мишель де ла Ложери,— произнесла девушка, голосом выделяя его титул,— спешит доказать, что его Величество Людовик XVIII не допустил ошибки, когда пожаловал ему дворянство.

Маркиз, который нахмурил брови, когда услышал имя Мишеля, постарался ничем не выдать своих чувств.

— Я с интересом буду наблюдать, как господин Мишель достигнет поставленной цели,— наконец сказал он.

И он произносил эту короткую фразу таким же тоном, каким, вероятно, отдавал распоряжения император Наполеон накануне битвы под Маренго и Аустерлицем.

**В КОТОРОЙ ОБЛАДАТЕЛЬНИЦА САМЫХ ИЗЯЩНЫХ
ВО ВСЕЙ ФРАНЦИИ И НАВАРРЕ ПОЖЕК
НАХОДИТ, ЧТО ЕЙ БЫ БОЛЬШЕ ПОДОШЛИ
СЕМИМИЛЬНЫЕ САПОГИ, ЧЕМ ТУФЕЛЬКИ ЗОЛУШКИ**

Теперь нам, как бы сказал на охотничьем жаргоне Жан Уллье, следует отправиться по следу и переместиться во времени на несколько часов назад, чтобы догнать убежавших из замка графа де Бонвиля и Малыша Пьера, которые, как, вероятно, уже догадался наш читатель, играют отнюдь не второстепенную роль в нашем повествовании.

Генерал не ошибся в своих предположениях: выйдя из подземелья, благородные вандейские дворяне пробрались через развалины и вышли на дорогу, проложенную в ложбине. Здесь они остановились, чтобы посоветоваться, куда направить свои стопы дальше.

Человек, назвавшийся Гаспаром, склонялся к мысли, что им бы не следовало расставаться. Он заметил, что Бонвиль изменился в лице, когда Мишель объявил о приближении отряда; он также уловил слова, нечаянно оброненные графом: «Прежде всего спасем Малыша Пьера!», — поэтому на протяжении всего пути он не переставал заглядывать в лицо Малышу Пьеру — насколько ему позволял слабый свет факелов, освещавших им путь, — что привело к тому, что он уже остерегался по-простецки обращаться с молодым крестьянином.

И неудивительно, что, когда они остановились на дороге, чтобы обсудить планы дальнейших действий, он произнес пламенную речь.

— Вы сказали, — сказал он, обращаясь к графу де Бонвилю, — что от спасения лица, которого вы сопровождаете, зависит успех всего нашего дела. И разве из этого не следует, что мы не должны быть рядом с этим лицом, чтобы в случае опасности, — а она подстерегает на каждом шагу, — прикрыть его нашими телами?

— Да, несомненно, — ответил граф де Бонвиль, — если бы речь шла о заурядной стычке с врагом, но в данный момент мы всего-навсего беглецы, и чем меньше нас будет, тем больше шансов на успех.

— Подумайте хорошенько, граф! — воскликнул, нахмурившись Гаспар, — несмотря на то, что вам всего два-

дцать два года, вам выпала такая ответственная задача, от выполнения которой зависят судьбы многих людей.

— Раньше моя преданность ни у кого не вызывала сомнений,— ответил высокомерно граф,— и я постараюсь оправдать оказанное мне доверие.

Малыш Пьер, который до сих пор стоял молча рядом со спорившими Бонвилем и Гаспаром, решил, что пришло время вмешаться в разговор.

— Ну, вот еще немного,— сказал он,— и забота о безопасности какого-то бедного крестьянина станет яблоком раздора между двумя самыми благородными сторонами дела, в верности которому вы только что поклялись. А так как у нас нет времени на бесполезные споры, я вижу, что возникла настоятельная необходимость высказать мое мнение по поводу ваших разногласий. Но прежде, друзья мои,— произнес Малыш Пьер с признательностью в голосе,— я бы хотел попросить у вас прощения за то, что с самого начала скрыл от вас, кто я есть на самом деле; мне лишь хотелось разузнать ваши сокровенные мысли, чтобы у меня не осталось даже малейшего сомнения в том, что вами не двигало простое желание угодить, выполняя одно из моих самых горячих желаний. Теперь, когда Малыш Пьер достаточно осведомлен, он уведомит регентшу. А пока нам придется разделиться; мне подойдет любая крыша над головой, чтобы скоротать остаток ночи, а графу, прекрасно знакомому с местностью, не составит труда найти место для ночлега.

— Но когда же нам представится возможность непосредственно поговорить с Ее Высочеством? — спросил Паскаль, склонившись перед Малышом Пьером в низком поклоне.

— Малыш Пьер призовет вас, как только Ее Высочество во время своего странствия найдет подходящий дворец; подождите немного: Малыш Пьер не настроен надолго разлучаться со своими друзьями.

— Малыш Пьер — храбрый парень! — воскликнул весело Гаспар, — и я надеюсь, что его друзья докажут делом, что они достойны его дружбы.

— А пока, прощайте,— продолжил Малыш Пьер — Теперь, когда мое инкогнито раскрыто, я рада, мой храбрый Гаспар, что ваше сердце обманывалось столь недолго! Настало время пожать друг другу руки и разойтись.

Дворяне по очереди почтительно приложились губами к руке, которую им протянул Малыш Пьер.

Затем каждый пошел своей дорогой: кто направо, а кто налево,— и вскоре они потеряли друг друга из виду.

Бонвиль и Малыш Пьер остались одни.

— А мы? — спросил своего спутника Малыш Пьер.

— А мы отправимся в противоположную сторону.

— Тогда в путь, не будем терять ни минуты! — произнес Малыш Пьер и побежал по дороге.

— Пойдите! Пойдите! — крикнул Бонвиль.— Только, пожалуйста, не так быстро! Надо, чтобы Ваше Высочество ..

— Бонвиль! Бонвиль! — заметил Малыш Пьер,— вы забываете, о чем мы условились.

— Да, это так, Мадам должна меня простить.

— Опять! Ну вы просто неисправимы.

— Необходимо, чтобы Малыш Пьер разрешил мне нести его на спине.

— Как! Да со всей охотой. Вот тут словно нарочно лежит подходящий камень. Идите же, граф, не стесняйтесь.

Малыш Пьер забрался на каменную глыбу.

Бонвиль подошел поближе, и Малыш Пьер устроился у него на спине.

— Честное слово, у вас, кажется, большая практика ездить верхом,— сказал Бонвиль, отправляясь в путь.

— Черт возьми! — заметил Малыш Пьер,— игра в лошадки была моей любимой забавой в детстве.

— Вот видите,— произнес Бонвиль,— хорошее воспитание никогда не проходит бесследно.

— Скажите, граф,— спросил Малыш Пьер,— ведь разговаривать нам не запрещено?

— Совсем наоборот!

— Ну тогда вы, старый шуан, ответьте мне, начинающему, почему вы несете меня.

— Ну и любопытный же он, этот Малыш Пьер! — произнес Бонвиль.

— Нет, ведь ваше предложение не вызвало у меня возражений, хотя согласитесь, что ваша спина не самое лучшее место для принцессы из дома Бурбонов.

— Для принцессы из дома Бурбонов! — повторил Бонвиль.— А где вы тут видите принцессу из дома Бурбонов?

— Правда... Ну тогда почему Малыш Пьер, который может не только ходить, но и бегать, прыгать через канавы, забрался на спину к своему другу Бонвилю и тем самым стеснил его в движениях?

— А я вам отвечу: все потому, что у Малыша Пьера слишком маленькая ножка.

— Вы правы: маленькая, зато крепкая! — заметил Малыш Пьер таким тоном, словно его собеседник задел его самолюбие.

— Да, но, несмотря на все достоинства, у нее слишком малый размер, чтобы не быть опознанной.

— Кем?

— Теми, кто пойдет по нашим следам!

— Мой Бог! — заметила Мадам с нарочитой грустью в голосе, — кто бы мог подумать, что наступит день или ночь, когда я пожалею, что у меня не такая нога, как у герцогини...

— Бедный маркиз де Судэ, — сказал Бонвиль, — что бы он подумал, — он и так не раз удивлялся вашим познаниям придворной жизни, — если бы услышал, с какой уверенностью и с каким знанием дела вы судите о ножках герцогинь?

— Ба! Так я ведь паж, и мне полагается это делать. Затем, немного помолчав:

— Я понимаю, — продолжал Малыш Пьер, — что вы хотите запутать следы, но мы не сможем идти так до бесконечности: даже св. Христофор и тот бы утомился; рано или поздно эти проклятые ноги встретят на своем пути какую-нибудь грязную лужу и оставят отпечатки следов.

— Мы все же попытаемся пустить собак по ложному следу, — сказал Бонвиль, — хотя бы на какое-то время.

И молодой человек свернул налево, привлеченный, казалось, журчанием ручья.

— Что с вами? — спросил Малыш Пьер. — Вы сбились с пути? Вот вы уже бредете по колено в воде.

— Именно так, — ответил Бонвиль, одним движением спины подбросив повыше Малыша Пьера. — Пусть теперь нас поищут! — продолжил он, ступая по воде.

— О! Какая находчивость! — сказал Малыш Пьер. — Бонвиль, вот ваше настоящее призвание. Вам бы надо было родиться в джунглях или в пампасах. А теперь тем, кто решится нас преследовать, будет нелегко найти наш след.

— Не смейтесь. Тот, кто идет за нами, отнюдь не новичок: он воевал в Вандее еще во времена Шаретта и почти в одиночку задавал жару «синим».

— Тем лучше! — весело отозвался Малыш Пьер. — Хоть получим удовольствие от схватки с достойным противником.

После этих слов Малыш Пьер, несмотря на всю свою самоуверенность, задумался и замолчал, в то время как Бонвиль мужественно продолжал идти вперед, стараясь не поскользнуться на гальке и не зацепиться ногами за коряги, которыми было усеяно дно; и так он брел по руслу ручья еще с четверть часа или около того.

И вот, наконец, они добрались до впадения ручья в другой более широкий проток, который огибал Козью тропу.

Вскоре Бонвиль уже шел по пояс в воде, и ему пришлось предложить Малышу Пьеру, если тот не испытывал желания промочить ноги в неприятной холодной воде, подняться на верхний этаж, то есть расположиться уже не на спине, а у него на шее. Но ручей становился все глубже и глубже, и, к своему большому сожалению, Бонвиль был вынужден выйти на берег и продолжить путь по твердой земле вдоль русла горной реки.

Однако беглецы вскоре оказались перед необходимостью сделать выбор между Сциллой и Харибдой, ибо берег горной речки, поросший колючим кустарником и ежевикой, представлял собой настоящую неприступную крепость, где укрывались дикие кабаны.

Бонвиль опустил Малыша Пьера на землю; у него уже не было сил нести его ни на спине, ни на шее.

И Бонвилю ничего не оставалось, как отважно шагнуть в колючие заросли, пригласив Малыша Пьера следовать за ним. И, несмотря на густой кустарник, он шел, не сбиваясь с пути в ночи, как человек, привыкший к переходам по трудным лесным тропам.

И беглецам улыбнулась удача; пройдя с полсотни шагов, они вышли на одну из тропинок, называемых просеками, которые проложены в лесу параллельно друг другу скорее для того, чтобы отмечать границы рубки леса, чем служить пешеходными тропами.

— В добрый час! — сказал Малыш Пьер, который никак не мог привыкнуть к тому, что надо было продираться сквозь кустарник, порой закрывавший его с головой. —

По крайней мере теперь мы сможем спокойно продолжить свой путь!

— Да, и не оставим следов,— произнес Бонвиль, топнув ногой по сухой и каменистой земле.

— Остается только узнать,— сказал Малыш Пьер,— в какую сторону нам идти.

— Теперь, после того как мы задали непростую задачу нашим преследователям, мы отправимся туда, куда вы должны были уже прибыть.

— Вы уже знаете, что завтра вечером я должен встретиться в Клутьере с нашими друзьями из Парижа.

— Мы можем добраться до самого Клутьера, почти не выходя из леса; здесь мы в большей безопасности, чем на открытой местности. Мне известна тропа, ведущая к лесам Тувау и Гранд Ланд, на западе которых и располагается Клутьер. Только сегодня нам туда не попасть.

— Почему?

— Потому что нам придется идти в обход в течение целых шести часов, что нам сейчас не по силам.

Малыш Пьер от нетерпения топнул ногой.

— Не доходя одного лье до Бенаста,— сказал Бонвиль,— я знаю одну ферму, где нас встретят как желанных гостей и где мы сможем отдохнуть перед последним переходом.

— Тогда скорее в путь!— воскликнул Малыш Пьер.— Но в какую сторону?

— Позвольте мне выйти вперед,— сказал Бонвиль,— и повернуть направо.

Бонвиль пошел в указанном направлении с таким же решительным видом, с каким свернул в лесную чащу с берега горной речки.

Малыш Пьер последовал за ним.

Время от времени граф де Бонвиль останавливался, чтобы оглядеться по сторонам и дать возможность своему юному спутнику перевести дыхание. Он предупреждал его о рытвинах и неровностях, которые их подстерегали впереди, что доказывало, насколько хорошо он знал Машкульский лес.

— Как вы видите,— сказал он, когда они в очередной раз остановились,— мы избегаем тропинки.

— Да, но почему, мне бы хотелось это знать?

— Потому что наши следы будут искать на еще невысохших тропинках и нас труднее заметить в кустарни-

ке; к тому же проехать по лесу на повозке или лошади не так уж легко.

— Но мы потеряем больше времени?

— Да, однако дорога через лес безопаснее.

Минут десять они шли молча; вдруг Бонвиль остановился и схватил за руку своего спутника, первым желанием которого было спросить, что случилось.

— Тихо! Говорите как можно тише,— сказал Бонвиль.

— Почему?

— Вы ничего не слышите?

— Нет.

— А до меня доносятся голоса.

— Откуда?

— Я слышу разговор в полулье от нас; мне даже кажется, что сквозь ветви я различаю красный огонек.

— В самом деле, я его тоже вижу.

— Что это?

— Я бы хотела вас об этом спросить.

— Чертовщина!

— Возможно, там собрались заготовщики угля.

— Нет, сейчас не сезон; в то же время, если бы мы наверняка знали, что это именно они, мне бы совсем не хотелось, чтобы нас увидели: как ваш проводник, я не имею права полагаться на случай.

— А вы не знаете какой-нибудь другой дороги?

— Знаю.

— И что же?

— Я решил пойти по ней только в самом крайнем случае.

— Почему?

— Потому что нам придется переходить болото.

— Ба! И это говорит тот, кто идет по воде, словно св. Петр. Неужели вы не знаете ваше болото?

— Да я там сотню раз охотился на куликов, но...

— Но что?

— Но охотился днем.

— И что там такого особенного?

— Это такая бездонная трясина, что даже среди бела дня я чуть было раз десять не утонул.

— Ну что ж, попытка не пытка, и пусть нас издали греет огонь, разведенный славными угольщиками. Должна вам признаться, что я совсем не против немного погреться.

— Стойте здесь, а я пойду на разведку.

— Но как же...

— Ничего не бойтесь.

И с этими словами Бонвиль бесшумно растворился в темноте.

VIII

ГДЕ МАЛЫШУ ПЬЕРУ ВЫПАДАЕТ СЛУЧАЙ ОТВЕДАТЬ ЛУЧШИЙ В ЕГО ЖИЗНИ ОБЕД

Когда Малыш Пьер остался один, он неподвижно замер, прислонившись к дереву, стал напряженно вглядываться в темноту и прислушиваться к каждому шороху.

В течение пяти минут он не услышал ничего, кроме неясного гула, доносившегося с того места, где был разведен огонь.

Неожиданно раздавшееся в лесу лошадиное ржание заставило Малыша Пьера вздрогнуть.

И почти в ту же секунду он услышал легкий шум в зарослях, и перед ним возник Бонвиль.

Граф, не заметив прижавшегося к стволу дерева Малыша Пьера, дважды позвал его.

Малыш Пьер вышел ему навстречу из темноты.

— Тревога! Тревога! — произнес Бонвиль, увлекая за собой Малыша Пьера.

— Что случилось?

— Нельзя терять ни секунды! Скорее за мной!

Затем на ходу:

— Охотники расположились на привал. Если бы там находились только они одни, я бы смог даже погреться у их костра, так, что они бы не только меня не увидели, но и не услышали, но меня учуяла лошадь.

— Я слышал.

— Ну вот, теперь вы понимаете... Больше ни слова. Нам остается только надеяться на наши ноги.

В самом деле, Бонвиль и Малыш Пьер молча прошли шагов пятьсот по узкой просеке, встретившейся, к счастью, на их пути.

Затем Бонвиль повел Малыша Пьера к кромке леса и, остановившись, он сказал:

— А теперь отдыхайте.

Пока Малыш Пьер переводил дыхание, Бонвиль попробовал сориентироваться на местности.

— Мы заблудились? — с беспокойством в голосе спросил Малыш Пьер.

— О! Не надо волноваться! — ответил Бонвиль.— Я только пытаюсь найти дорогу, которая бы нам позволила обойти это чертово болото.

— Пошли через болото, если оно самый короткий путь к нашей цели,— сказал Малыш Пьер.

— Да, по-видимому, так нам и придется поступить,— произнес Бонвиль,— я вижу, что у нас нет другого выхода.

— Тогда вперед! — сказал Малыш Пьер.— Только показывайте мне дорогу.

Бонвиль, ничего не сказав в ответ, вышел вперед, словно спеша доказать необходимость побыстрее унести ноги отсюда. Вместо того, чтобы следовать в том же направлении, что и раньше, он свернул направо и пошел перелеском.

Не прошло и десяти минут, как заросли стали редеть, темнота начала рассеиваться, и путники, выйдя на опушку леса, услышали впереди шелест колыхавшегося на ветру тростника.

— А! — заметил Малыш Пьер, которому хорошо были знакомы эти звуки,— кажется, мы пришли.

— Да,— ответил Бонвиль,— не скрою, что наступает самый опасный момент нашего путешествия.

И с этими словами молодой человек вынул из кармана похожий на кинжал нож. Срезав небольшое деревцо, он очистил его от ветвей и спрятал в кустах срезанные сучья.

— А теперь,— произнес он,— мой бедный Малыш Пьер, вам придется снова забраться ко мне на спину.

Малыш Пьер не заставил себя долго просить и в ту же секунду выполнил просьбу своего проводника, который направился к болоту.

Бонвилю было очень нелегко продвигаться вперед с ношей за спиной, с длинным шестом в руке, которым он ощупывал дно под ногами.

Нередко он проваливался по колено в липкую трясину, и земля, казавшаяся ему вначале такой податливой и мягкой, когда он ставил на нее ногу, вдруг становилась необычайно плотной и не спешила выпускать его из сво-

их цепких объятий, и ему приходилось прилагать много усилий, чтобы высвободиться. Можно было подумать, что разверзнувшаяся под его ногами бездна не хотела отпускать свою жертву.

— Позвольте, дорогой граф, высказать мое мнение,— сказал Малыш Пьер.

Бонвиль остановился и вытер лоб.

— Если бы, вместо того чтобы барахтаться в трясине, вы пошли вдоль зарослей тростника, виднеющихся то здесь, то там, у вас бы под ногами, как мне кажется, была твердая земля.

— Конечно,— сказал Бонвиль,— но мы бы оставили после себя следы.

Однако, немного помолчав, произнес:

— Будь что будет! Вы правы, так будет лучше.

И, свернув, Бонвиль пошел к зарослям тростника.

В самом деле, поросшие травой корни тростника образовали островки с фут шириной, которые представляли собой довольно плотные кочки на зыбкой поверхности болота: молодой человек сначала ощупывал их шестом, а затем уже ступал на них, перепрыгивая с одной на другую.

Однако, устав нести на себе Малыша Пьера, Бонвиль время от времени не мог рассчитать прыжок и, поскользнувшись, с большим трудом удерживался на ногах. Вскоре, совсем выбившись из сил, он был вынужден попросить Малыша Пьера спуститься с его спины на землю, чтобы он смог перевести дыхание.

— Ну вот вы и выдохлись, мой бедный Бонвиль,— сказал Малыш Пьер,— когда же закончится ваше болото?

— Нам осталось сделать шагов двести или триста, а затем до самого Бенаста будет только лес, который подходит к самой ферме.

— Вы сможете дойти?

— Надеюсь.

— О Боже, если бы я мог нести вас или, на худой конец, идти за вами!

Эти слова вернули графу утраченные силы, и, отказавшись прыгать по кочкам, он решительно шагнул в трясины. Однако, чем дальше он продвигался вперед, тем более илистым и вязким становилось дно.

Неожиданно Бонвиль оступился, не проверив шестом место, куда шагнул, и его так стремительно начала засасывать трясина, что ему показалось, что он скоро уйдет в нее с головой.

— Если вы увидите, что меня начинает затягивать целиком, — крикнул он, — прыгайте вправо или влево; опасный участок никогда не бывает широким.

Малыш Пьер прыгнул в сторону, но вовсе не потому, что хотел спасти свою жизнь, а чтобы освободить Бонвиля от лишней тяжести.

— О, мой друг! — воскликнул он, и его сердце сжалось, а на глазах выступили слезы, когда он услышал в крике Бонвиля столько преданности и самоотречения, — подумайте о себе, я вам приказываю!

Граф уже успел погрузиться в болото по пояс. К счастью, он успел выбросить шест впереди себя, и тот упал концами на две кочки, представлявшие собой довольно твердую опору, и благодаря шесту, а также с помощью Малыша Пьера, державшего его за воротник куртки, он сумел выбраться на твердое место.

Вскоре почва уже не уходила из-под ног, черная линия леса, видневшаяся до сих пор на горизонте, приблизилась и разрослась в ширину. Беглецы вышли на окраину болота.

— Наконец! — сказал Бонвиль.

— Уф! — произнес Малыш Пьер, соскальзывая на землю, как только почувствовал, что его спутник выбрался на твердое место. — Уф, наверное, дорогой граф, вы чувствуете себя совершенно разбитым.

— Нет, — ответил Бонвиль, — у меня всего-навсего не хватило дыхания на весь путь.

— О! Боже! — воскликнул Малыш Пьер, — и у меня нет ничего, что помогло бы вам восстановить силы, нет даже фляги солдата или паломника, нет даже куска хлеба нищего!

— Ба! — сказал граф, — сила моя не в желудке.

— Тогда скажите, мой дорогой граф, откуда вы черпаете свои силы, и я постараюсь последовать вашему примеру.

— Вы голодны?

— Признаюсь, что не отказался бы от еды.

— Увы! — произнес граф, — вот теперь вы заставляете меня пожалеть о том, чего я меньше всего опасался.

Малыш Пьер рассмеялся и, стараясь шуткой подбодрить своего спутника, произнес:

— Бонвиль, позовите привратника, передайте дежурному камергеру, чтобы он приказал офицерам приготовить мне легкий ужин. Я бы охотно отведала дичи, чьи повсивы я только что слышала, когда мы шли по болоту.

— Ваше Высочество, кушать подано,— сказал граф, преклонив колено и протягивая лежащий в шляпе какой-то предмет, который торопливо схватил Малыш Пьер.

— Хлеб! — воскликнул он.

— Черный хлеб,— сказал Бонвиль.

— Хорошо! Ночью не видно, какого он цвета.

— Сухой хлеб, дважды сухой!

— Но хлеб всегда остается хлебом!

И Малыш Пьер с жадностью набросился на сухую горбушку, пролежавшую в кармане графа два дня.

— От мысли, что в этот час,— произнес Малыш Пьер,— генерал Дермонкур поедает мой ужин в Судэ, можно прийти в бешенство, не правда ли?

Затем, словно опомнившись, Малыш Пьер воскликнул:

— О, простите, мой дорогой проводник! Похоже, что голод одержал верх над разумом, раз я забыл предложить вам половину ужина.

— Спасибо,— ответил Бонвиль,— я еще не настолько проголодался, чтобы грызть камни. Но за вашу доброту я покажу, как сделать, чтобы ваш ужин стал более съедобным.

Взяв горбушку хлеба, Бонвиль не без труда раскрошил ее на мелкие кусочки, опустил их в родник, журчавший в двух шагах от них, и, позвав Малыша Пьера, устроился рядом с родником, предложив Малышу Пьеру присесть напротив. Вынимая по одной размокшие корки, он протягивал их своему проголодавшемуся спутнику.

— Клянусь,— произнес Малыш Пьер, отправляя в рот последнюю корку хлеба,— за последние двадцать лет мне еще не доводилось так вкусно ужинать! Бонвиль, назначаю вас мажордомом.

— А мне,— сказал граф,— придется снова стать вашим проводником. Хватит предаваться удовольствиям, пора и в дорогу!

— Я готов,— весело откликнулся Малыш Пьер, проворно вскочив на ноги.

Они пошли по лесу, и полчаса спустя путь им преградила узкая речка.

Бонвиль попробовал было воспользоваться уже любимым методом, но не тут-то было: ступив в речку, он тут же оказался по пояс в воде, и не прошел и двух шагов, как вода уже поднялась ему по горло, а Малыш Пьер уже успел замочить ноги.

Почувствовав, что его подхватывает течение, Бонвиль уцепился за ветку дерева и вылез на берег.

Необходимо было найти переправу.

Бонвиль не сделал и трех шагов, как ему показалось, что он нашел подходящее для переправы место.

Им могло стать сваленное ветром поперек речушки дерево, еще не успевшее потерять всей своей листвы.

— Вы сможете пройти по этому бревну? — спросил граф.

— Если пройдете вы, — ответил Малыш Пьер.

— Ступайте осторожно, без удалства. Держитесь за ветви и, прежде чем поднять ногу, убедитесь в том, что другая нога стоит на твердой опоре, — сказал Бонвиль, взобравшись на бревно.

— Я иду за вами, не так ли?

— Подождите, я помогу вам.

— Ну вот, я взобрался! Господи, никогда бы не подумал, что надо так много знать, чтобы путешествовать по бездорожью!

— Ради Бога, не разговаривайте! Смотрите под ноги... Стойте! Вон на ту ветку вы можете наткнуться, сейчас я ее сломаю.

В тот момент, когда граф нагнулся, чтобы выполнить свое обещание, он услышал за спиной приглушенный крик, а затем всплеск воды от упавшего в нее тела.

Он обернулся: Малыша Пьера на бревне не было.

Не теряя ни секунды, Бонвиль бросился в воду, и счастье ему улыбнулось: еще не достав дна реки, глубина которой в этом месте была не меньше семи или восьми футов, он наткнулся рукой на ногу своего спутника.

Он ухватился за нее, и, потеряв голову от охватившего его волнения и не думая о том, в какой неудобной позе находился человек, которого он спасал, граф за два энергичных движения руки достиг берега реки, оказавшейся, к счастью, не такой широкой, как глубокой.

Малыш Пьер не шевелился.

Бонвиль поднял его на руки, уложил на сухую листву и попытался с ним заговорить, выкрикивая его имя и тряся за плечи.

Однако Малыш Пьер молчал и не двигался.

От отчаяния граф Бонвиль начал рвать на себе волосы.

— О! Я виноват, я во всем виноват! — шептал он. — Бог меня наказывает за гордыню! Я слишком понадеялся на свои силы. А я отвечал за него. О! Жизнь моя, Боже мой! Умоляю, только один вздох, один выдох, одно дыхание!

Дуновение свежего ночного воздуха оказало на Малыша Пьера больше живительного воздействия, чем все жалобные стоны Бонвиля вместе взятые; и не прошло несколько минут, как он открыл глаза и чихнул.

Отчаявшись и поклявшись себе не пережить человека, в смерти которого он себя винил, Бонвиль вскрикнул от радости и упал на колени перед Малышом Пьером, который уже пришел в себя, чтобы услышать последние слова молодого графа.

— Бонвиль, — произнес Малыш Пьер, — вы мне не сказали: «Да благословит вас Бог!» И теперь я схвачу насморк!

— Живая! Живая! — воскликнул Бонвиль, не знавший удержу в излишнии чувств ни в радости, ни в горе.

— Да, живая, благодаря вам! Если бы кто-то другой был на вашем месте, я бы поклялась никогда не забывать об его услуге.

— Боже мой! Но вы же вымокли!

— Да, в моих башмаках много воды. Бонвиль, она в них хлюпает самым неприятным образом.

— И нет костра, чтобы обогреться! И нельзя его развести!

— Ладно, согреемся, когда будем идти. Я говорю во множественном числе, так как вы промокли не меньше, чем и я; ведь вам пришлось окунуться уже в третий раз, к тому же вы искупались прямо в грязи!

— О! Не беспокойтесь обо мне. Вы можете идти?

— Кажется, смогу, если удастся вылить воду из башмаков.

Бонвиль помог Малышу Пьеру, башмаки которого и впрямь были наполнены водой; взяв в руки его грубо-

шерстную куртку, он выжал ее и снова накинул на плечи своему спутнику; закончив эти нехитрые операции, он сказал:

— А теперь скорее в Бенаст!

— Хм! Бонвиль,— заметил Малыш Пьер,— что же мы выиграли, желая удалиться как можно дальше от костра, тепло которого нам бы сейчас очень пригодилось?

— Но мы же не могли пойти на то, чтобы сдаться! — ответил в отчаянии Бонвиль.

— Ладно! Неужели вы приняли высказанную вслух мысль за упрек? О! Какой же у вас трудный характер!.. Ну, идем же! С того момента, как я пошевелил ногами, мне кажется, что одежда на мне начинает высыхать, и мне становится так тепло, что не пройдет и десяти минут, как я вспотею.

Бонвиль совсем не нуждался в том, чтобы его подбадривали словами; он так спешил, что Малыш Пьер едва поспевал за ним, и даже время от времени он был вынужден напоминать графу, что у них не один и тот же шаг.

Однако Бонвиль все еще не пришел в себя от пережитого волнения после всего того, что приключилось с его спутником; в конце концов он совсем потерял голову, и это печальное обстоятельство привело к тому, что в исхоженном им вдоль и поперек лесу он никак не мог найти дорогу.

Раз десять, выходя на правильный путь, он останавливался, чтобы оглядеться вокруг, и, покачав головой, снова и снова с каким-то яростным упорством продолжал идти по кругу.

Наконец Малыш Пьер, который был вынужден ускорить шаг, чтобы нагнать Бонвиля, устремившегося вперед после очередного размышления о том, в какую сторону идти, сказал:

— Ну, что с вами, дорогой граф?

— Дело в том, что я достоин всяческого презрения,— произнес Бонвиль,— я был слишком уверен в том, что хорошо знаю эти места, и теперь... и теперь...

— И теперь мы заблудились?

— Боюсь, что да!

— А я в этом уверен: вот ветка, которую я недавно сломал, когда мы здесь проходили, и мы снова вернулись на это место. Вы видите, как я усвоил ваши уроки? — добавил с торжеством в голосе Малыш Пьер.

— А! — сказал Бонвиль, — я вижу, в чем моя ошибка.

— В чем же?

— Я вышел из воды на тот же берег, с которого мы начали переправу. Я был так взволнован, что не обратил на это внимания.

— И теперь можно сказать, что наш заплыв был совершенно напрасным, — сказал, рассмеявшись, Малыш Пьер.

— О! Прощу вас, Мадам, не смейтесь надо мной, — произнес Бонвиль, — от вашего смеха у меня разрывает сердце.

— Будь по-вашему, но когда я смеюсь, мне становится теплее.

— Так вам все еще холодно?

— Немного... но это еще не самое страшное.

— Что же еще?

— Вот уже целых полчаса, как вы не осмеливаетесь мне признаться в том, что мы заблудились, и вот уже целых полчаса, как я не решаюсь вам сказать, что ноги решительно отказываются мне служить.

— Что же теперь с нами будет?

— Ладно, неужели мне придется поменяться с вами ролями и подбодрить вас? Итак, совещание открыто. Какие будут предложения?

— Сегодня ночью мы не сможем дойти до Бенаста.

— И что же?

— В таком случае нам надо постараться до рассвета добраться до какой-либо ближайшей фермы.

— Ладно, но вы сможете сориентироваться?

— Ни луны, ни единой звездочки на небе.

— Ни компаса, — подсказал Малыш Пьер, стараясь шуткой подбодрить своего друга.

— Подождите.

— Хорошо! Вот я уверен, что вашу голову посетила новая мысль.

— Часов в пять вечера я случайно взглянул на флюгеры замка: ветер дул с запада.

Облизнув указательный палец, Бонвиль поднял его вверх.

— Что вы делаете?

— Флюгер.

Затем, секунду спустя, уверенным тоном он произнес:

— Север там, если мы пойдем по ветру, мы выйдем на равнину со стороны Сен-Фильбера.

— Да, если пойдем — вот в чем загвоздка.

— Разрешите мне взять вас на руки?

— Ладно! Мой бедный Бонвиль, вы уже достаточно меня носили на себе.

Герцогиня с трудом поднялась на ноги, ибо, чтобы произнести несколько слов, она присела или скорее припала к дереву.

— Вот! — воскликнула она. — Я уже встала. Хочу, чтобы непослушные ноги мне повиновались и двигались. Я должна поступать с ними так же, как принуждают непокорных; я здесь для того, чтобы приказывать.

И отважная женщина прошла шага четыре или пять, однако она настолько устала, а ее руки и ноги так застыли от ледяной ванны, которую она только что приняла, что она пошатнулась и едва не упала.

Бонвиль успел ее подхватить.

— Остановитесь, Бонвиль! — воскликнул Малыш Пьер. — Оставьте меня, я хочу, чтобы это жалкое тело, которое Бог создал таким хрупким, было достойно заключенной в нем души! Граф, никаких поблажек! Никакой помощи! А! Ты шатаешься на ногах! Ты сломлено усталостью! Ладно, ведь тебе предстоит не просто идти, а нести на себе груз ответственности, и я хочу, чтобы через две недели ты повиновалось моей воле, как выучное животное.

И действительно, у Малыша Пьера слова не разошлись с делом: он так стремительно бросился вперед, что проводник с трудом нагнал его.

Однако последнее усилие окончательно подорвало силы Малыша Пьера, и, когда Бонвилю удалось наконец с ним поравняться, он сел, прикрыв лицо руками.

Герцогиня плакала скорее от злости, чем от боли.

— Господи! Господи! — шепотом приговаривал он. — Ты, возложив на меня груз ответственности, который по плечу лишь гиганту, дал мне силы обычной слабой женщины!

Волей-неволей Малышу Пьеру пришлось согласиться, чтобы Бонвиль взял его на руки, и тот продолжил путь.

В его ушах еще звучали слова Гаспара, которые тот произнес, когда выходил из подземелья.

Он чувствовал, что хрупкое тело женщины не способно долго противостоять столь сокрушительным ударам, которые обрушились на нее, и он дал себе слово, что сделает все возможное и даже невозможное, чтобы отнести в надежное место доверенный ему бесценный груз.

Он понимал, что минута промедления может стоить его спутнику жизни.

Мужественный дворянин смог быстро идти в течение четверти часа. Когда его шляпа упала, граф не поднял ее, ибо он уже и думать забыл о том, чтобы не оставлять следы после себя; чувствуя, как в его руках сотрясается в лихорадке тело Малыша Пьера, слыша, как стучат его зубы, он, словно беговая лошадь, подзадоренная криками толпы, ощущал прилив сил.

Однако мало-помалу силы начали иссякать; он лишь продолжал идти по инерции; кровь прилила к сердцу и разрывала ему грудь; он почувствовал, что у него перехватило дыхание; ему не хватало воздуха, он задыхался; со лба струился ледяной пот, в висках кровь стучала так, словно голова была готова вот-вот расколоться на части; время от времени его глаза застилала густая черная пелена, пронизанная кровавыми сполохами. Вскоре он уже скользил при малейшем уклоне, спотыкался о каждый камень, задевал за любое препятствие, попадавшееся на его пути, и с согнутыми коленями, не имея сил распрямиться, он еле-еле волочил ноги.

— Остановитесь! Господин Бонвиль, остановитесь! — воскликнул Малыш Пьер. — Остановитесь, я вам приказываю!

— Нет, и еще раз нет! Я не остановлюсь, — ответил Бонвиль, — слава Богу, у меня есть еще силы! И я пойду до конца... Разве можно остановиться?! Когда мы почти пришли, еще немного усилий, и вы будете в безопасности!.. Разве можно остановиться, когда мы почти у цели?.. Вот, посмотрите лучше в том направлении!

И в самом деле, в конце просеки, по которой они шли, на фоне занимавшейся зари они увидели прямоугольные контуры дома.

Светало.

Они вышли на опушку леса, за которой начинались поля.

Однако, когда Бонвиль вскрикнул от радости, ноги тут же подкосились, он покачнулся, упал на колени, за-

тем его тело медленно повалилось навзничь, и в тот момент, когда его покидало сознание, он нечеловеческим усилием воли постарался предохранить от падения человека, которого нес.

Выскользнув из охвативших его плотным кольцом рук, Малыш Пьер вскочил на ноги, но тут же пошатнулся, что говорило о том, что он был не в лучшей форме, чем его спутник.

Напрасно он пытался приподнять графа.

Тем временем Бонвиль поднес ладони к губам, желая, по всей видимости, позвать на помощь сигналом, который был в ходу у шуанов, но у него перехватило дыхание. Ему едва хватило сил, чтобы прошептать:

— Не забудьте...

И он тут же потерял сознание.

От места, где находились Малыш Пьер и Бонвиль, до дома, который виднелся впереди, было каких-то семьсот или восемьсот шагов.

Ради спасения своего друга Малыш Пьер решил дойти до дома и рискнуть попросить помощи.

Пошатываясь, он направился к находившемуся недалеко дому.

В тот момент, когда Малыш Пьер вышел на пересечение тропинок, он увидел мужчину, удалявшегося от него в противоположную сторону.

На его оклик человек даже не обернулся.

То ли по интуиции, то ли вспомнив последние слова Бонвиля, он поднес ладони к губам и подал сигнал, похожий на крик совы, решив использовать на практике уроки, преподанные ему графом.

Мужчина тотчас остановился и, повернув назад, зашагал навстречу Малышу Пьеру.

— Друг мой,— крикнул ему Малыш Пьер, как только он подошел поближе,— если вам нужно золото, я вам его дам, но, ради Бога, помогите мне спасти несчастного умирающего!

Затем, уже уверенный в том, что человек пойдет за ним, Малыш Пьер поспешил к своему другу, насколько ему позволяли силы, и с большим трудом приподнял его голову.

Граф по-прежнему был без сознания.

Стоило подошедшему незнакомцу взглянуть на распростертое на земле тело, как он сказал:

— Не надо мне предлагать золото, чтобы я оказал помощь графу де Бонвилю.

Малыш Пьер тут же более внимательно посмотрел на незнакомца.

— Жан Уллье! — воскликнул он, узнав в слабом свете зарождавшегося дня егеря маркиза де Судэ.— Жан Уллье, не могли бы вы найти для нас с другом какое-нибудь пристанище неподалеку отсюда?

Жану Уллье не надо было долго размышлять, чтобы ответить.

— На пол-лье отсюда во всей округе нет другого дома, кроме этого.

Он произнес эти слова с брезгливостью в голосе.

Однако Малыш Пьер не заметил или же не захотел заметить его неприязни.

— Надо, чтобы вы провели меня к этому дому, а его донесли,— сказал он.

— Туда? — спросил Жан Уллье.

— Да, а что, живущие там люди не роялисты?

— Я еще не знаю,— ответил Жан Уллье.

— Ступайте! Жан Уллье, в ваших руках наша жизнь, и я знаю, что вы заслуживаете доверия.

Жан Уллье взвалил на плечи почти бездыханное тело Бонвиля, а Малышу Пьеру протянул руку.

И направился к дому, который принадлежал не кому иному, как Жозефу Пико и его невестке.

Жан Уллье перемахнул живую изгородь с такой легкостью, словно за плечами нес лишь охотничью сумку; однако, оказавшись во фруктовом саду, он пошел вперед, стараясь не шуметь.

На половине дома, где проживал со своей семьей Жозеф Пико, было тихо.

Однако этого нельзя было сказать про часть дома, где располагалась комната вдовы, ибо за занавесками мелькала ее тень.

Жану Уллье ничего не оставалось, как принять решение.

— Честно говоря, из двух зол я предпочитаю меньшее,— произнес он про себя и решительным шагом направился к дому Паскаля.

Подойдя к двери, он распахнул ее настежь.

Тело Паскаля покоилось на кровати.

Вдова читала молитву над усопшим под зажженными свечами.

Услышав скрип двери, она поднялась с места.

— Вдова Паскаля,— обратился к ней Жан Уллье, не торопясь опустить ношу на землю и не отпуская руку Малыша Пьера,— я спас вам жизнь сегодня у Козьей тропы.

Марианна с удивлением взглянула на него, словно что-то припоминая.

— Вы мне не верите?

— Да, Жан, я вам верю. Я знаю, что вы не из тех людей, кто будет врать, даже если ваша жизнь будет находиться под угрозой. Впрочем, я слышала выстрел, и у меня появились некоторые сомнения относительно промахнувшегося стрелка.

— Вдова Паскаля, хотите ли вы разом отомстить за вашего мужа и разбогатеть? Я принес вам все, что для этого нужно

— Как это?

— Госпожа герцогиня Беррийская и господин граф де Бонвиль умрут от голода и усталости, если я не попрошу вас приютить их у себя в доме; вот они перед вами!

Вдова с недоумением посмотрела на него, и в то же время в ее взгляде промелькнул явный интерес.

— За голову человека, который стоит перед вами, дадут столько золота, сколько она весит, и, если вы посчитаете нужным, вы нас можете выдать властям. И тогда, как я вам уже сказал, вы одновременно отомстите за мужа и разбогатеете.

— Жан Уллье,— ответила твердым голосом вдова,— Бог наказал нам проявлять милосердие ко всем людям, независимо от места, которое они занимают под солнцем. В мою дверь постучались двое страждущих, и я не могу оттолкнуть их; двое изгнанников попросили приюта, и скорее у меня над головой рухнет крыша, чем я их выдам.

Затем просто, но в то же время с подобающей моменту торжественностью она произнесла:

— Жан Уллье, входите смело в мой дом, он открыт для вас и ваших спутников.

Они переступили порог.

Пока Малыш Пьер помогал Жану Уллье усадить Бонвиля на стул, старый егерь шепнул ему на ухо:

— Мадам, спрячьте прядь светлых волос, выбившуюся из-под парика; по ней я догадался о том, кто вы есть на самом деле, и сказал приютившей нас женщине. Не стоит, чтобы об этом узнали все вокруг.

IX

ПЕРЕД МЕРТВЕЦАМИ ВСЕ РАВНЫ

В тот же день, часа в два пополудни, мэр Ложери отправился в Машкуле, чтобы купить, как он сказал, вола; на самом же деле он хотел разузнать подробности событий, происшедших прошлой ночью, потому что сей достойный государственный муж имел к ним свой особый интерес, о чем легко может догадаться читатель.

Доехав до брода Пон-Фарси, он увидел, как подручные мельника поднимали на руки тело сына Тенги, в то время как вокруг теснились женщины и мальчуганы, наблюдавшие за происходившим с присущим их возрасту и полу любопытством.

Когда мэр Ложери огрел свою клячу ударом хлыста, чтобы заставить ее въехать в воду, головы крестьян повернулись в его сторону, и, словно по приказу, разговоры стихли, хотя только что велась оживленная, если не сказать горячая, перепалка.

— Эй, парни, что здесь происходит? — спросил Куртен, лошадь которого по диагонали пересекла реку и вышла к собравшимся на берегу крестьянам.

— Мертвец, — ответил лаконично, как истинный ван-деец, один из подручных мельника.

Посмотрев на покойника, Куртен увидел, что тот был одет в военную форму.

— К счастью, — сказал он, — он не из наших мест.

Несмотря на свои верноподданнические взгляды, мэр Ложери остерегся проявить сочувствие к солдату Луи-Филиппа.

— Господин Куртен, как раз вы и не угадали, — ответил мрачным голосом человек в коричневой куртке.

Обращение «господин», произнесенное с некоторым почтением в голосе, отнюдь не польстило самолюбивому арендатору из Ложери, учитывая обстановку, сложив-

шуюся в округе и в целом по стране; ему было известно, что слово «господин» в устах крестьянина, когда он не хотел выказать особое уважение, было сродни ругательству или содержало угрозу, что не могло не насторожить Куртена.

В самом деле, мэр Ложери,— надо отдать ему должное — не принял обращения «господин» за проявление почтительного к себе отношения и тут же решил действовать с особой осмотрительностью.

— Между тем, как мне кажется,— продолжал он еле-еле голосом,— военная форма покойника свидетельствует о принадлежности к полку егерей.

— Ба! Военная форма! — прервал его все тот же крестьянин.— Как будто вам не известно, что охотники на людей — именно так вандейцы называли рекрутов — проявляют к нашим сыновьям и братьям не больше уважения, чем к другим. Как мэр может этого не знать?

В наступившей мертвой тишине Куртен почувствовал себя как рыба на песке от того, что заговорил.

— И вам известно имя несчастного парня? — спросил Куртен, безуспешно пытавшийся выдавить из глаз хотя бы одну слезинку.

Все по-прежнему молчали.

Тишина становилась все многозначительнее.

— А были ли еще жертвы? Например, среди местных крестьян? Я слышал несколько ружейных выстрелов.

— Что касается других жертв,— ответил все тот же крестьянин,— я знаю еще одну, хотя над телом усопшего христианина грех ее так называть.

И с этими словами крестьянин повернулся и, глядя в упор на Куртена, указал пальцем на труп пса Жана Улье, оставшийся лежать на берегу наполовину погруженным в воду реки.

Мэтр Куртен смертельно побледнел. Он закашлялся так, словно чья-то невидимая рука схватила его за горло.

— Что это? — спросил он.— Собака! Ах, к чему оплакивать подобные жертвы, если лучше приберечь слезы для более подходящего случая.

— Э! Господин Куртен,— заметил крестьянин в коричневой куртке,— за кровь собаки тоже кто-то должен ответить, и я уверен, что хозяин несчастного Пато расквитается с тем, кто пристрелил его пса свинцовой дробью, предназначенной для волков.

После этих слов крестьянин, словно посчитав, что достаточно сказал, и решив не дожидаться ответа, повернулся к Куртену спиной, перешагнув через плетень и исчез за живой изгородью.

Что же касалось подручных мельника, то они продолжили свой путь, неся покойника на руках.

Женщины и дети последовали за траурной процессией, молясь про себя или вслух.

Куртен остался один.

— Ладно! Чтобы свести со мной счеты, Жан Улле, — произнес мэр Ложери, ударив единственной шпорой свою клячу, которая вовсе не испытывала желаний двигаться дальше, — должен выпутаться из сетей, расставленных против него не без моей помощи, что оказалось занятием хотя и неприятным, но вполне осуществимым.

Мэтр Куртен продолжил свой путь, но его все больше и больше раздражало любопытство. И он решил, что не сможет долго томиться ожиданием, оставаясь в неведении, пока его лошадь не доплетется до Машкуле.

В этот момент он как раз проезжал мимо креста у дороги на Бертодьер, куда выходила проселочная дорога, ведущая к дому Пико.

Он подумал о Паскале, который мог бы лучше, чем кто другой, посвятить его в курс событий после того, как накануне показывал солдатам дорогу.

— Как же я не подумал раньше! — воскликнул он про себя. — Вместо того, чтобы еще целых полчаса мучиться в неведении, я могу уже сейчас узнать обо всем, что произошло, и от человека, который ничего не утаит от меня. Скорее к Паскалю: он мне расскажет, что произошло на самом деле.

И мэтр Куртен свернул направо и через пять минут уже выезжал из небольшого фруктового сада к куче навоза, лежавшего во дворе дома Паскаля Пико.

Жозеф сидел на хомуте и курил перед дверью, ведущей в комнаты, которые занимала его семья.

Увидев мэра Ложери, он даже не привстал.

Мэтр Куртен, обладавший замечательной способностью все замечать и в то же время не показывать вида, привязал свою клячу к железному кольцу, вделанному в стену.

Затем, обернувшись к Жозефу, он спросил:

— Ваш брат дома?

— Да, он еще там,— ответил Пико, выделяя голосом слово «еще» с таким загадочным видом, что показалось странным мэру Ложери.

— Он вам и сегодня понадобился, чтобы отвести «красные штаны» в замок Судэ?

Куртен прикусил язык и ничего не сказал Жозефу в ответ.

«И как это Паскаль оказался таким дурнем, чтобы выложить своему мерзавцу-брату, что именно я дал ему такое поручение? — подумал он, когда постучал в дверь, ведущую на половину, где проживал второй брат Пико.— Вот уже и шагу нельзя ступить в течение последних суток, чтобы об этом не стали судачить все сплетники в округе».

Несмотря на свой внутренний монолог, Куртен не мог не заметить, что его не спешили впускать в дом, дверь которого была заперта изнутри, что было совсем не свойственно сельским жителям, привыкшим доверять соседям.

Наконец дверь отворилась.

Однако стоило только Куртену заглянуть в полуоткрытую дверь, как он отпрянул перед открывшейся перед ним картиной, которую меньше всего ожидал увидеть.

— Кто здесь умер? — спросил он.

— Посмотрите сами,— ответила вдова, не вставая со стула, стоявшего у очага, на который она присела после того, как открыла мэру дверь.

Куртен взглянул на постель, и, хотя через простыню проступали только очертания покойника, он тут же догадался обо всем.

— Паскаль! — воскликнул он.— Паскаль!

— Я думала, что вы знаете,— сказала вдова.

— Я?

— Да, вы... Из-за вас он и погиб.

— Из-за меня? Из-за меня? — переспросил Куртен, тут же вспомнив только что услышанные слова брата убитого и поняв, насколько важно было ему поскорее отвести от себя подобное обвинение.— Из-за меня? Клянусь вам, честное слово, что вот уже больше недели, как я не встречался с вашим покойным мужем.

— Не клянитесь,— ответила вдова,— Паскаль никогда не клялся, потому что никогда не лгал.

— Однако в конце концов, кто вам сказал, что я с ним виделся? — спросил Куртен.— Он часом не рехнулся?

— Не лгите при покойнике, господин Куртен,— сказала Марианна,— это принесет вам несчастье.

— Я и не обманываю вовсе,— пробормотал арендатор.

— Он вышел из дома, чтобы пойти к вам. Именно вы уговорили его стать проводником у солдат.

Куртен хотел было снова все отрицать.

— О! Я вовсе не собираюсь вас за это бранить,— продолжила вдова, пристально взглянув на худенькую крестьянку лет двадцати пяти—тридцати, которая пряла пряжу, сидя по другую сторону очага.— Он считал своим долгом помогать людям, которые не хотели, чтобы нашу страну еще раз опалила гражданская война.

— Я преследую ту же цель, единственную для меня цель,— ответил Куртен так тихо, что молодая крестьянка едва ли могла его услышать.— Я бы хотел, чтобы правительство раз и навсегда очистило наш край от всех этих смутьянов, от всех этих аристократов, которые подавляют нас своей роскошью в мирное время и посылают нас на смерть, когда разгорается война. Хозяйка Пико, я работаю на них, но, видите ли, не обольщаюсь на их счет, ибо слишком хорошо знаю, на что способны эти люди.

— И это говорит человек, который получает пинком под зад, который слишком труслив, чтобы открыто выступить против них?! — произнесла Марианна с глубоким презрением в голосе.

— Что вы хотите, хозяйка Пико; можно делать только то, на что способен,— ответил в замешательстве Куртен,— не каждому дано быть бесстрашным, как ваш покойный муж. Но мы отомстим за беднягу Паскаля! Клянусь вам, мы за него отомстим!

— Спасибо! Я не нуждаюсь в вашей помощи, господин Куртен,— произнесла вдова с металлическими нотками в голосе.— Вы и так уже достаточно вмешивались во все, что происходило в нашем несчастном доме; впредь поберегите для других ваши благие намерения.

— Ну, как хотите, хозяйка Пико. Увы! Я настолько любил вашего покойного супруга, что пойду на все, чтобы вам угодить...

Затем, обернувшись к молодой крестьянке, на кото-

рую незаметно поглядывал краешком глаза во время разговора с вдовой, арендатор спросил:

— Кто эта молодуха?

— Моя кузина. Она пришла сегодня утром из Пор-Сен-Пера, чтобы помочь мне отдать последние почести бедному Паскалю и скрасить мое одиночество.

— Сегодня утром из Пор-Сен-Пера? Э, хозяйка Пико, она, должно быть, быстро ходит, если смогла за короткое время преодолеть немалое расстояние.

Бедная вдова, не привыкшая и не имевшая никогда причины говорить неправду, не умела обманывать. Она поджала губы и гневно посмотрела на Куртена, что, впрочем, он не заметил, так как в этот момент был всецело поглощен изучением крестьянской одежды, развешенной сушиться над очагом.

Однако, казалось, из всей одежды лишь пара башмаков и рубашка возбудили любопытство мэра.

Несмотря на то, что подошва была подбита гвоздями, обитатели сельских хижин не часто носили башмаки такой формы и из такой хорошей кожи, в то время как рубашка была сшита из тонкого батиста, о существовании которого он даже и не подозревал.

— Какой замечательный лен! Какой замечательный лен! — бормотал арендатор, ощупывая пальцами тонкую ткань. — Я уверен, что рубашка не поцарапает кожу той, кто ее носит.

Молодая крестьянка решила, что пришло время прийти на помощь вдове, которая чувствовала себя так, словно сидела на иглоках, в то время как лицо все более мрачнело.

— Да, — произнесла она, — я купила эти лохмотья в Нанте у тряпичника, чтобы выкроить из них рубашку для племянника моего бедного покойного кузена Паскаля.

— И вы их постирали, прежде чем начать их переделять? Честное слово, красавица, вы правильно поступили! Ибо, — добавил Куртен, с еще большим вниманием разглядывая молодую крестьянку, — у старьевщика можно купить что угодно; еще не известно, кто носил обноски: возможно, принц, а может быть, больной чесоткой.

— Мэтр Куртен, — прервала его Марианна, которую этот разговор начал выводить из себя, — мне кажется, что ваша лошадь за дверью бьет копытом.

Куртен сделал вид, что прислушался.

— Если бы я не слышал шаги вашего деверя, который ходит взад и вперед на чердаке над нашими головами, я бы сказал, что именно он, злоумышленник, изводит мою лошадь.

Еще раз убедившись в незаурядной наблюдательности мэра Ложери, молодая крестьянка побледнела. И ее бледность стала еще более заметной, когда она услышала, как Куртен, подошедший к окну, чтобы выглянуть во двор, произнес, как бы рассуждая про себя:

— Да нет, он во дворе, этот мерзавец! И он щекочет мою лошадь концом кнута.

Затем обращаясь к вдове:

— Хозяйка, а скажите-ка мне, кто там прячется на чердаке?

Девушка уже собиралась ответить, что у Жозефа были жена и дети, а чердак принадлежал двум семьям на равных правах; однако вдова не дала ей и рта раскрыть.

— Мэтр Куртен,— произнесла она, вставая во весь рост,— когда же вы, наконец, прекратите свой допрос? Предупреждаю вас, что я в равной степени ненавижу и красных и белых шпионов.

— Но с каких это пор, хозяйка Пико, простая болтовня друзей стала называться шпионством? Вы слишком обидчивы.

Молодая крестьянка умоляющими взглядами призвала вдову к осторожности, однако ее порывистую хозяйку уже ничто не могло остановить.

— Друзей? Друзей?..— произнесла она.— О! Поищите себе друзей среди себе подобных, то есть среди предателей и трусов, и знайте, что среди них никогда не будет вдовы Паскаля Пико. Убирайтесь! И оставьте нас наедине с нашим горем; вы слишком долго испытывали наше терпение.

— Да, да,— произнес Куртен с наигранным добродушием в голосе,— мое присутствие вам неприятно; должен был это понять раньше; прошу прощения, что не сразу догадался. Вы упорно продолжаете видеть во мне виновника гибели вашего бедного мужа. О! Это меня понастоящему печалит, очень печалит, ибо я его любил всей душой; и я бы никогда не причинил ему такой неприятно-

сти. Однако, раз вы настаиваете, раз вы меня прогоняете, я уйду, уйду, не надо так волноваться.

В этот момент вдова, которую, казалось, что-то особенно начало тревожить, бросила быстрый взгляд на хлебный ларь, стоявший за дверью, и подала глазами знак молодой крестьянке.

На ларе лежал письменный прибор,— видимо, оставленный после того, как был написан приказ, который этим утром Жан Улле отнес маркизу де Судэ.

Письменный прибор находился в картонном пенале, обернутом зеленым сафьяном.

Направляясь к двери, Куртен также не мог не заметить портфель и наполовину высовывавшиеся из него бумаги рядом с письменным прибором!

Молодая крестьянка, поняв поданный сигнал, увидела, откуда грозила опасность, прежде чем обернулся мэр Ложери. С проворством лани она скользнула к двери и так уселась на ларь, что прикрыла юбкой позабытый портфель.

Куртен, казалось, не обратил внимания на то, что происходило у него за спиной.

— Ладно, ладно! Прощайте, хозяйка Пико! — сказал он.— В лице вашего супруга я потерял товарища, которого очень любил, хотя вы и сомневаетесь в этом; однако будущее покажет, кто из нас прав. Если вас в округе станут вдруг обижать или допекать, обращайтесь прямо ко мне, вы меня слышите? Я уполномочен правительством, и вы увидите, что я в силах вам помочь.

Вдова не ответила; она сообщила Куртену все, что хотела сказать, и теперь, казалось, не обращала ни малейшего внимания на арендатора, направившегося к выходу: стоя неподвижно со скрещенными на груди руками, она не сводила глаз с покойника, застывший силуэт которого вырисовывался под накрывавшей его простыней.

— А, вот вы где, прелестное дитя? — произнес Куртен, проходя мимо крестьянки.

— Да, мне стало слишком жарко у очага.

— Дочка, получше ухаживайте за кухней,— продолжал Куртен,— из-за смерти мужа она превратилась в дикого зверя; теперь она не любезнее волчицы из Машкульского леса! И прядите получше! Однако сколько бы вы ни старались крутить веретено, вам не удастся вытянуть

такую же тонкую нить, как та, из которой соткана ткань для рубашки, висящей у огня!

Затем, решившись наконец уйти, Куртен повторил, закрывая дверь:

— Какой замечательный лен! Какой замечательный лен!

— Спрячьте поскорее все эти принадлежности! — сказала вдова: — он вот-вот вернется.

Молодая крестьянка молниеносно задвинула письменный прибор за хлебный ларь. Однако, как ни проворна она была, она все же не успела.

Верхняя створка, делившая дверь пополам, неожиданно раскрылась и в проеме показалась голова Куртена.

— Я вас напугал... Простите, — сказал Куртен, — но у меня важный вопрос. Скажите, когда состоится похороны?

— Завтра, как я думаю, — ответила крестьянка.

— Злой дух, ты когда-нибудь уйдешь? — воскликнула вдова и метнулась в сторону Куртена, подняв над головой огромные щипцы, которыми переворачивала головешки в очаге.

Куртен испуганно ретировался.

Хозяйка Пико, как прозвал ее Куртен, с силой захопнула створку.

Мэр Ложери отвязал свою клячу, поднял пучок соломы и обтер седло, так как Жозеф то ли в насмешку, то ли по причине того, что воспитывал своих детей с младых ногтей в ненависти к растяпам, приказал обмазать его коровьим навозом сверху до низу.

Не жалуясь и не кляня никого, словно приключившееся с ним было делом вполне естественным, мэр с равнодушным видом оседлал лошадь. Затем он надолго задержался в саду, с интересом рассматривая завязи на яблонях. Однако, подъехав к кресту Бертодьер, он свернул на дорогу, ведущую в Машкуле, и с такой яростью стал колотить по бокам своей клячи кожаной плеткой с одной стороны, и единственной шпорой с другой, что ему удалось заставить лошадь перейти на рысь, на которую никто до сих пор не считал ее способной.

— Наконец-то он убрался восвояси! — сказала молодая крестьянка, когда мэр скрылся из вида. Стоя у окна, она следила за всем, что делал Куртен во дворе.

— Да, но вам, Мадам, от этого не легче.

— То есть как?

— Я так думаю.

— Вы считаете, что он уехал, чтобы нас выдать?

— Говорят, что он на такое способен. Лично я об этом ничего не знаю, ибо не люблю прислушиваться к сплетням. Однако злое выражение его лица всегда наводило меня на мысль, что слухи отнюдь не преувеличены даже в том случае, если их распространяют белые.

— В самом деле,— произнесла с волнением в голосе молодая крестьянка,— его физиономия совсем не внушает мне доверия.

— Ах, Мадам, почему вы не оставили при себе Жа-на Улье? — спросила вдова.— Он человек надежный и честный.

— Мне надо было отослать распоряжение в замок Судэ, а потом вечером он должен привести нам лошадей, чтобы мы смогли как можно быстрее покинуть ваш дом, ибо мое присутствие лишь усиливает вашу боль, и я вам мешаю.

Вдова ничего не ответила.

Закрыв лицо руками, она плакала.

— Бедная женщина! — прошептала герцогиня,— ваши слезы капля за каплей просачиваются в мое сердце, и каждая из них оставляет после себя болезненную царапину. Увы! Это и есть ужасное и неминуемое следствие революций: все слезы и кровь должны пролиться на голову тех, кто их устраивает.

— Не лучше бы было, если бы Бог проявил высшую справедливость и пролил их на голову тех, из-за кого они происходят? — произнесла вдова глухим голосом, заставив вздрогнуть свою собеседницу.

— Так вы нас ненавидите? — спросила с болью в голосе молодая крестьянка.

— О да, я вас ненавижу! — ответила вдова.— За что же мне вас любить?

— Увы! Да, я понимаю, смерть вашего мужа...

— Нет, вы не понимаете,— сказала, встряхнув головой, Марианна.

Молодая крестьянка сделала жест, как бы говоря: «Тогда объясните».

— Нет, я вас ненавижу вовсе не за то, что человека, который на протяжении пятнадцати лет был частью моей жизни, завтра заруют в могиле, и не за то, что в ран-

нем детстве я была свидетельницей кровавой резни в Леже, когда под вашим белым знаменем на моих глазах перерезали горло моим близким, чья кровь брызнула мне прямо в лицо, и не за то, что целых десять лет люди, сражавшиеся за ваших предков, преследовали моих родственников, сжигали их дома, опустошали их поля, повторяю вам, нет, вовсе не за это я вас ненавижу.

— Но тогда за что?

— За то, что мне кажется кощунственным, когда одна семья, один род берет на себя смелость подменять собой Бога, нашего единственного повелителя на небе и на земле, какими мы бы ни были: богатыми или бедными, знатными или низкого происхождения,— когда этот род претендует на то, что все мы созданы исключительно для того, чтобы ублажать его прихоти, когда этот род считает, что растерзанный народ не имеет даже права пошевелиться на своем ложе пыток, где его распяли, если заранее не попросит у него разрешения! И раз вы происходите из этой семейки эгоистов и рода избранных, я вас ненавижу!

— Тем не менее вы укрыли меня, прервали на время траурную церемонию, чтобы оказать помощь не только мне, но и сопровождавшему меня человеку, одолжили мне свое платье, а моему спутнику — одежду бедного покойника, за которого я молюсь здесь на земле и надеюсь, что он вознесет за меня молитву на небесах.

— И это не помешает мне, как только вы покинете мой дом и я выполню долг гостеприимства, пожелать, чтобы вы попали в руки преследующих вас людей.

— Но почему же вы не выдаете меня, если по-недоброму относитесь к нам?

— Потому что моя неприязнь не так сильна, как сострадание к вам, чтобы нарушить долг гостеприимства, потому что я поклялась, что сегодня вас не поймают, и отчасти потому, что надеюсь: увиденное здесь станет для вас полезным уроком, и, возможно, вы разочаруетесь в своих идеалах, ибо у вас доброе сердце, я это знаю.

— Кто же сможет заставить меня отказаться от планов, которые я вынашиваю вот уже полтора года?

— Вот кто! — сказала вдова.

И резким и быстрым движением, какими были все ее жесты, Марианна сорвала простыню с покойника и от-

крыла его бескровное лицо и раны, которые окружала широкая лиловая полоса.

Несмотря на всю твердость своего характера, которую она уже не раз успела продемонстрировать, молодая крестьянка отвернулась, не в силах вынести столь жуткую картину.

— Подумайте, Мадам,— продолжала вдова,— прежде чем приступить к осуществлению ваших планов, сколько бедных людей, чье единственное преступление состоит в том, что они вас любят, сколько отцов семейств, сколько сыновей и братьев будут лежать, как он, на смертном одре, подумайте о том, сколько матерей, сестер, вдов и сирот будут, как я, оплакивать того, кого любили и кто был опорой в их жизни!

— Мой Бог! Мой Бог! — со стоном произнесла молодая женщина и заплакала навзрыд; упав на колени, она протянула руки к небу.— Если мы совершаем ошибку, нам придется ответить за все разбитые сердца!..

Ее слова заглушил вырвавшийся из ее груди жалобный плач.

Х

ОБЫСК

Вдруг послышался стук крышки люка, ведущего на чердак.

— Что там у вас происходит? — послышался голос Бонвиля.

Он забеспокоился, когда до него донеслись последние слова вдовы.

— Ничего, ничего,— поспешила ответить молодая крестьянка, с чувством сжимая руку хозяйки, что свидетельствовало о впечатлении, которое произвели на нее слова вдовы.

Затем уже другим тоном:

— А как вы там?..— спросила она, поднявшись, чтобы легче было говорить, на первые ступени лестницы, ведущей на чердак.

Крышка люка приподнялась, и в проеме появилось улыбающееся лицо молодого человека.

— Как вы себя чувствуете? — спросила крестьянка.

— Готов вам служить верой и правдой,— произнес он.

В знак благодарности крестьянка одарила его улыбкой.

— Но кто же сюда приходил? — спросил Бонвиль.

— Крестьянин по имени Куртен; и я полагаю, что он не из числа наших друзей.

— А! Мэр Ложери?

— Именно он.

— Да,— продолжал Бонвиль,— Мишель о нем говорил, что он опасный человек. Надо было бы за ним проследить.

— Но как? У нас нет никого, кто бы мог это сделать.

— Ну, а если попросить деверя хозяйки?

— А вы видели, с какой неприязнью глядел на него наш храбрый Уллье?

— Однако он белый! — воскликнула вдова.— Не пошевеливший даже пальцем, когда перерезали горло его брату!

Крестьянка и Бонвиль в ужасе отшатнулись.

— Ну, тогда нам не стоит посвящать его в наши планы,— сказал Бонвиль,— он нам только принесет несчастье! Нет ли у вас, милая дама, кого-то на примете, кого бы мы могли послать дозорным?

— Такие люди есть у Жана Уллье,— ответила вдова,— я же попросила племянника подняться на гору Сен-Пьер, откуда просматривается вся местность вокруг.

— Но он же ребенок,— с сомнением в голосе произнесла крестьянка.

— На него можно больше положиться, чем на некоторых мужчин,— ответила вдова.

— Впрочем,— продолжал Бонвиль,— нам осталось недолго ждать: через три часа стемнеет, и нам приведут лошадей; через три часа наши друзья будут здесь.

— За три часа,— сказала крестьянка, которая после слов вдовы пребывала в грустных раздумьях,— мой бедный Бонвиль, за три часа может произойти столько всего!

— Кто-то к нам спешит! — воскликнула жена Пико, устремившись от окна к двери и распахнув ее.— Это ты, малыш?

— Да, тетя, да,— ответил запыхавшийся ребенок.

— Что случилось?

— Тетя! Тетя! — воскликнул ребенок.— Там солдаты!

Они идут. Они набросились на человека, который переходил реку вброд, и убили его.

— Солдаты? Солдаты? — произнес Жозеф Пико, входя в свою комнату, услышав на пороге крик сына.

— Что же нам делать? — спросил Бонвиль.

— Будем их ждать, — сказала молодая крестьянка.

— А почему бы не попытаться скрыться?

— Если их послал или предупредил человек, который был только что здесь, они уже успели окружить дом.

— Кто тут говорит о побеге? — спросила вдова Пико. — Разве я вам не сказала, что в моем доме вы в безопасности? Разве я не поклялась, что пока вы будете под моей крышей, с вами ничего плохого не случится?

Но тут их положение осложнилось с появлением Жозефа Пико.

Подумав, по всей вероятности, что солдаты пришли, чтобы схватить его, он вошел в комнату.

Дом брата, известный в округе как дом синего, показался ему достойным убежищем.

Однако, увидев гостей невестки, он от удивления попытался.

— А! У вас гостят благородные господа? — сказал он. — Меня теперь совсем не удивляет приход солдат: вы предали своих гостей!

— Мерзавец! — ответила Марианна, схватив саблю своего мужа, висевшую на стене, и бросилась на Жозефа, который взял ее на мушку.

Бонвиль покатился вниз по лестнице, но молодая крестьянка бросилась между родственниками, прикрывая своим телом вдову.

— Опустите ружье! — крикнула она вандейцу таким непререкаемым тоном, что, на первый взгляд, он никак не мог принадлежать этому хрупкому и нежному созданию: настолько он был властным и по-мужски энергичным. — Брось оружие! Приказываю именем короля!

— Кто же вы такая, чтобы мне приказывать? — спросил Жозеф Пико, как всегда готовый не подчиниться приказу.

— Я — тот человек, кого вы ждали, я — тот человек, кто взял все командование на себя.

Услышав эти слова, произнесенные с поистине королевским величием, Жозеф Пико потерял весь свой апломб и от удивления опустил ружье.

— А теперь,— продолжила молодая крестьянка,— поднимайся наверх вместе с господином.

— А вы? — спросил Бонвиль.

— Я остаюсь здесь.

— Но...

— У нас нет времени для пререканий. Идите! Ну идите же.

Мужчины поднялись по лестнице и закрыли за собой люк.

— Что вы делаете? — спросила крестьянка у вдовы Пико, с удивлением увидев, как она передвигает на середину комнаты кровать, на которой лежал ее усопший супруг.

— Я готовлю вам убежище, где никто вас не станет искать.

— Но я не хочу прятаться. Они не узнают меня в этой одежде. Я их подожду.

— А я не хочу, чтобы вы их ждали,— сказала жена Пико таким властным голосом, что заставила собеседницу отступить.— Вы слышали, что сказал этот человек: если вас найдут у меня, то все подумают, что я вас выдала,— а мне вовсе не хочется, чтобы обо мне так подумали.

— Вы — мой враг.

— Да, ваш враг, однако мне легче лечь в эту постель, чтобы умереть рядом с тем, кто уже в ней лежит, чем увидеть, что вас арестовывают.

Спорить с ней было бесполезно.

Вдова Паскаля Пико, приподняв матрац, на котором лежал покойник, сначала спрятала одежду, затем рубашку и башмаки, привлекая столь пристальное внимание Куртена, после чего кивком головы она показала на место между матрацем и соломенным тюфяком, где могла укрыться молодая крестьянка, которая без лишних слов проворно забралась туда, оставив отверстие, чтобы дышать. Затем кровать была водворена на прежнее место.

Не успела хозяйка Пико окинуть взглядом комнату, чтобы убедиться в том, что ничего не забыла убрать из того, что могло выдать ее гостей, как услышала щелканье затворов ружей, и перед ее окном замаячил силуэт офицера.

— Так это здесь? — произнес офицер, обращаясь к кому-то, шедшему сзади него.

— Что вам угодно? — спросила вдова, распахивая дверь.

— У вас в доме посторонние, и мы бы хотели их видеть, — ответил офицер.

— А! Так что, вы меня теперь и не узнаете? — прервала его Марианна Пико, уклоняясь от прямого ответа на заданный ей вопрос.

— Да, черт возьми, я вас узнал: вы именно та женщина, которая была этой ночью нашим проводником.

— И если этой ночью я провела вас, чтобы вы поскорее нашли врагов нашего правительства, с какой это стати сегодня я буду скрывать кого-то из них у себя?

— Послушайте, командир, — заметил второй офицер, — ее рассуждение не лишено логики.

— Ба! Разве можно доверять этим людям? Они все с младенчества бандиты, — ответил лейтенант. — Разве вы не видели, как, несмотря на наш приказ остановиться, с откоса скатился парнишка лет десяти? Это был дозорный; он уже успел их предупредить. К счастью, у них не было времени скрыться, и они должны быть где-то здесь.

— Возможно, ты прав.

— Не сомневайся, пошли.

И обратившись к вдове:

— Послушайте, мы вас не тронем, но дом ваш все же общим.

— Делайте что хотите, — хладнокровно произнесла она.

И, присев на краешек очага, взяла в руки прялку и веретено и начала ткать.

Знаком руки позвав пять или шесть солдат, которые тут же ввалились в комнату, лейтенант, оглядев комнату, направился к кровати.

Лицо вдовы стало белее льна, который она наматывала на веретено: ее глаза засветились гневом, а прялка выскользнула из рук.

Офицер заглянул под кровать, затем в пространство между кроватью и стеной и протянул было руку, чтобы отвернуть простыню, прикрывавшую тело покойника.

Вдова Пико не могла больше сдерживать свои чувства.

Она встала, и, схватив со стены ружье своего мужа, с самым решительным видом передернула затвор, прицелившись в офицера:

— Если вы только притронетесь к покойнику,— произнесла она,— я пристрелю вас, как собаку, и это так же верно, как и то, что я — честная женщина.

Второй лейтенант потянул за рукав своего товарища.

Вдова Пико, не выпуская из рук ружья, приблизилась к кровати и уже во второй раз откинула покрывало, прикрывавшее тело усопшего.

— А теперь смотрите!..— воскликнула она.— Перед вами человек, который был моим мужем; он умер вчера на вашей службе.

— А! Наш первый проводник, который нас поджидал у брода Пон-Фарси! — догадался лейтенант.

— Бедная женщина! — произнес его спутник.— Оставим ее в покое: она в таком состоянии, что грех ее тревожить.

— Между тем,— вступился первый офицер,— человек, который нам встретился по дороге, был вполне категоричным...

— Зря мы его не захватили с собой.

— Нет ли у вас другой комнаты?

— У меня наверху чердак, а во дворе хлев.

— Обыщите чердак и хлев, но сначала откройте сундуки и осмотрите дымоход.

Солдаты бросились выполнять приказ командира.

Из своего жуткого убежища молодая крестьянка не упустила ни слова из разговора. Она услышала топот солдат, поднимавшихся по лестнице, от чего ее сердце сжалось еще больше, чем когда солдаты подошли вплотную к кровати умершего, где укрылась она, ибо с ужасом подумала о том, что место, где спрятались вандеец и Бонвиль, было отнюдь не таким надежным, как ее.

И когда она услышала, как после обыска чердака они спускались вниз без шума и крика, звуков борьбы и ударов, сопровождающих арест двух мужчин, она облегченно вздохнула, словно с ее души упала огромная тяжесть.

Первый лейтенант поджидал солдат внизу, прислонившись к хлебному ларю.

Второй офицер командовал восемью или десятью солдатами, проводившими обыск в хлеву.

— Ну, как,— спросил первый лейтенант,— вы ничего не нашли?

— Нет,— ответил капрал.

— Вы хотя бы догадались перевернуть сено, солому и все, что находилось на чердаке?

— Мы все там проткнули штыками, и если бы там был человек, невозможно, чтобы мы его не ранили.

— Ладно, проверим вторую половину дома. Несомненно они где-то здесь.

Солдаты вышли из комнаты; офицер последовал за ними.

Пока солдаты продолжали обыск, лейтенант ожидал результата, прислонившись к наружной стене дома и поглядывая с подозрением на невысокую пристройку, которую решил распорядиться осмотреть.

В этот момент к его ногам упал кусок штукатурки размером не больше половины мизинца.

Офицер тут же запрокинул голову, и ему показалось, что между двумя стропилами крыши он разглядел чью-то руку.

— Ко мне! — крикнул он громовым голосом.

На его зов примчался весь отряд.

— Ну-и хороши же вы! И вы еще думаете, что хорошо справились с заданием! — сказал он солдатам.

— Что случилось, лейтенант? — спросили солдаты в один голос.

— Случилось то, что они находятся наверху, на чердаке, который, как вы утверждаете, перевернули вверх дном, и что там не осталось ни единой соломинки, которую вы бы не осмотрели. Теперь вперед! В ружье!

И солдаты снова устремились в комнату вдовы.

Они полезли по лестнице к люку и было попытались его открыть, но на этот раз крышка люка не поддавалась, ибо была закрыта изнутри.

— В добрый час! Теперь уже кое-что проясняется! — крикнул офицер, ступая на первую ступеньку лестницы.— Выходите,— продолжал он, повысив голос,— выходите, или же мы заставим вас выйти.

С чердака послышались оживленные голоса.

Было очевидно, что посаженные никак не могли прийти к единому мнению, как им поступать.

Так вот что произошло на самом деле.

Вместе с того, чтобы спрятаться в том месте, где было

навалено больше всего сена, что несомненно должно было в первую очередь привлечь внимание солдат, Бонвиль схоронился вместе со своим спутником под слоем сена толщиной не более двух футов, рядом с люком.

И произошло то, на что они и рассчитывали: солдаты прошли едва ли не по их спинам, проткнули штыками и перевернули сапогами солому там, где ее было больше всего, однако они не догадались проверить в том месте, где, по их мнению, слой соломы был не толще ковра.

И мы видели, что они ушли с чердака, так и не обнаружив тех, кого искали.

Приложив ухо к полу своего укрытия, Бонвиль и вандеец отчетливо слышали каждое слово, произнесенное внизу.

Услышав, что офицер отдал приказ осмотреть дом, Жозеф Пико забеспокоился, ибо хранил у себя много пороха и ему в данный момент меньше всего хотелось, чтобы его нашли.

Несмотря на возражения спутника, он выбрался из своего укрытия, чтобы проследить за действиями солдат сквозь отверстия между потолочными балками и стеной.

И тут по его небрежности оторвался крошечный кусок штукатурки и упал к ногам офицера. И лейтенант увидел руку, на которую оперся Жозеф, чтобы выглянуть во двор.

Когда Бонвиль, услышав голос офицера, понял, что их обнаружили, он бросился к люку и завалил его, упрекнув с горечью вандейца за допущенную им оплошность.

В комнату вдовы как раз и донеслись слова упрека, произнесенные громким шепотом.

Однако что случилось — не вернуть, и упреками делу не поможешь; надо было принимать решение.

— Вы по крайней мере разглядели их? — спросил Бонвиль.

— Да.

— Сколько их?

— Мне показалось, человек тридцать.

— В таком случае сопротивляться бессмысленно. Впрочем, они не обнаружили Мадам, а когда нас арестуют, они уйдут из дома, что позволит завершить дело ее спасения, так славно начатое вашей невесткой.

— Так каково ваше мнение? — спросил Пико.

— Сдаться.

— Сдаться? — воскликнул вандеец. — Никогда!

— Как это никогда?

— Да, я знаю, о чем вы думаете. Вы человек знатный и богатый, вас посадят в хорошую тюрьму, где вы будете отдыхать в свое удовольствие, в то время как меня препроводят на каторгу, где я уже провел целых четырнадцать лет! Нет, нет, по мне лучше лечь в землю, чем окатиться на каторге, лучше могила, чем камера.

— Если бы речь шла только о наших жизнях, — возразил Бонвиль, — то, клянусь вам, я бы, не задумываясь, разделил вашу судьбу, и, как вас, они бы не взяли меня живым, но мы обязаны подумать о спасении матери нашего короля, и сейчас наши желания и личные интересы отступают на задний план.

— Напротив, уьем их как можно больше! Все меньше останется врагов у Генриха VI! Повторяю вам, я никогда не сдамся, — продолжал вандеец, поставив ногу на крышку люка, которую Бонвиль хотел было приподнять.

— О! — произнес граф, нахмутив брови. — Вы будете мне беспрекословно подчиняться, да или нет?

Пико рассмеялся ему в лицо. Однако его смех был прерван ударом кулака Бонвиля, откинувшим его в угол чердака.

Он упал и уронил ружье.

Однако он заметил, что упал как раз напротив служебного окна, прикрытого плотными ставнями.

И его тут же озарила внезапная мысль: пусть молодой человек сдастся, а он тем временем скроется.

В самом деле, он сделал вид, что подчинился Бонвилю; но в то время, пока граф открывал люк, он сбил ударом кулака крючок со ставни на окне, подобрал ружье и дождался момента, когда молодой человек, открыв люк, стал спускаться с лестницы, крикнув перед этим: «Не стреляйте! Мы сдаемся!», — вандеец наклонился, выстрелил через окно по группе солдат и выпрыгнул из окна в сад; приземлившись, он пальнул в сторону двух или трех солдат, стоявших на часах, и побежал по направлению к лесу.

Выстрелом с чердака был тяжело ранен один солдат, и тут же десяток ружей выстрелили в Бонвиля прежде, чем хозяйка дома успела прикрыть его своим телом; мо-

лодой человек, пораженный семью или восемью пулями, скатился по ступеням к ногам вдовы со словами:

— Да здравствует Генрих VI!

На предсмертный крик Бонвиля откликнулся другой возглас, полный отчаяния и скорби.

Из-за гвалта, последовавшего за залпом, солдаты не заметили, что крик донесся со стороны кровати, на которой покоилось тело Паскаля Пико; казалось, что он вырвался из груди усопшего, единственного из всех в комнате, кто хранил торжественное и невозмутимое спокойствие во время этой жуткой сцены.

Солдаты бросились на чердак, чтобы схватить убийцу, еще не зная о том, что он уже успел сбежать через окно.

Лейтенант сквозь пороховой дым увидел вдову, которая, стоя на коленях, прижимала к груди голову Бонвиля.

— Он мертв? — спросил он.

— Да, — ответила Марианна сдавленным от волнения голосом.

— Но вы тоже ранены!

В самом деле, со лба вдовы Пико ручьем текла кровь и крупными каплями падала на грудь Бонвиля.

— Я? — спросила она.

— Да, у вас струится кровь.

— Что значит пролить кровь, — ответила вдова, — когда ни капли ее не осталось в жилах того, за кого я не смогла отдать свою жизнь, как поклялась!

В этот момент в проеме люка показался солдат.

— Лейтенант, — сказал он, — второй выпрыгнул с чердака и сбежал; в него стреляли, но не попали.

— Именно второй нам и нужен! — крикнул лейтенант, посчитав, естественно, что им был Малыш Пьер. — Мы легко его поймаем, если он не найдет другого проводника. Быстрее за ним!

Затем подумав немного:

— А пока, добрая женщина, — произнес он, — отойдите в сторону. А вы обыщите покойника.

Приказ был выполнен, но в карманах Бонвиля ничего не нашли, так как на нем была одежда Паскаля Пико, которую ему дала вдова, пока сохнул его костюм.

— А теперь, — спросила жена Пико, когда приказ лейтенанта был выполнен, — вы оставите его мне?

И она протянула руку в сторону молодого человека...
— Да, сделайте с ним что хотите. Однако благодарите Бога за то, что он дал вам возможность оказать нам услугу вчера вечером, ибо в противном случае я бы сопроводил вас в Нант, где бы вы узнали, что делают с теми, кто предоставляет свой кров мятежникам.

И с этими словами лейтенант собрал отряд и пошел с ним туда, куда, по словам солдат, устремился беглец.

Как только они удалились, вдова подбежала к кровати и, приподняв матрац, вытащила потерявшую сознание принцессу.

Десять минут спустя тело мертвого Бонвиля лежало рядом с покойным Паскалем Пико, и две женщины, регентша и простая крестьянка, стояли рядом на коленях в ногах у их ложа и вместе молились за упокой души первых жертв восстания 1832 года.

XI

В КОТОРОЙ ЖАН УЛЛЬЕ ГОВОРИТ ВСЕ, ЧТО ДУМАЕТ О МОЛОДОМ БАРОНЕ МИШЕЛЕ

В то время как в доме, где Жан Улле оставил несчастного Бонвиля и его спутника, происходили печальные события, о которых только что узнал наш читатель, в замке маркиза де Судэ было шумно и весело.

Старый дворянин не мог прийти в себя от радости. Подумать только: он дождался своего часа! Подбирая военную форму для предстоящих сражений, он остановился на наименее ветхом охотничьем костюме из хранившихся в его гардеробе; повязав через плечо белую ленту дивизионного генерала, которую заранее по его просьбе сшили дочери в ожидании такого случая — с сердечком ярко-красного цвета на груди, с продернутым в петлицы декоративным шнуром, то есть в парадной одежде, которую приберегал для больших праздников, — он испытывал острое сабли на мебели, находившейся от него на расстоянии протянутой руки.

Кроме того, чтобы выработать у себя командирский голос, он скомандовал несколько раз Мишелю и даже нотариусу, которого во что бы то ни стало хотел записать в рекруты; однако нотариус, как бы ни преувеличивались его взгляды сторонника династии Бурбонов, вовсе не счи-

тал себя обязанным проявлять их столь легкомысленным образом.

Следуя примеру отца, Берта примерила костюм, приготовленный для предстоящего похода. Он состоял из короткого зеленого бархатного приталенного сюртука, украшенного бахромой и петлицами из черного шелка, в вырезе которого виднелось кружевное жабо ослепительной белизны; костюм дополняли широкие брюки из серого драпа навывпуск и высокие до колен гусарские сапоги.

У девушки не было перевязи через плечо, служившей у вандейцев знаком отличия; однако к левому рукаву она все же прицепила красный бант.

Костюм подчеркивал гибкость стана девушки, в то время как серая фетровая шляпа с белыми перьями необычайно шла к мужским чертам ее лица.

Берта была просто очаровательна.

И даже, несмотря на то, что отличавшейся с детства мальчишескими повадками Берте было почти не свойственно женское кокетство, она не могла не заметить в том настроении или скорее состоянии души, в котором пребывала, как выгодно подчеркивал костюм достоинства ее фигуры, а когда ей показалось, что Мишель не остался равнодушным, глядя на нее, она так же, как и маркиз де Судэ, не смогла сдержаться, чтобы от удовольствия не рассмеяться.

По правде говоря, Мишель, находившийся в состоянии эйфории, и не собирался скрывать своего восхищения, глядя на величественную осанку и гордый вид Берты в новых одеждах; просто он подумал, как придется к лицу такой костюм его горячо любимой Мари, ибо он и секунды не сомневался в том, что обе сестры будут вместе участвовать в походе и носить похожие одежды.

Он с нежностью посмотрел на Мари, словно хотел взглядом спросить, когда она наденет костюм и станет такой же красивой, как сестра; однако Мари с самого утра была с Мишелем сдержанной, холодной и равнодушной; после вчерашней встречи на чердаке она так старательно обходила его стороной, что свойственная молодому человеку робость возросла еще больше, и самое большее, на что он осмелился, так это на умоляющий взгляд.

И тогда Берта, а не Мишель, попросила Мари после-

довать ее примеру и надеть костюм наездника. Мари не ответила; на фоне всеобщего веселья обитателей замка было особенно заметно печальное выражение ее лица. Однако она не стала противиться Берте и поднялась в свою комнату.

На спинке стула ее ждала приготовленная заранее одежда; взглянув на нее, она грустно улыбнулась, но не протянула руки, чтобы скорее надеть новый наряд: Мари присела на узкую девичью кровать из клена, и крупные слезы, блеснув жемчужинами на ресницах, скатились по щекам.

Набожная и простодушная Мари не покривила душой и была искренней, когда ради нежной привязанности к сестре поклялась пожертвовать своей любовью; однако, возможно, она переоценила свои силы и возможности.

С самого начала борьбы, которую ей предстояло вести против себя самой, она поняла, что у нее нет уверенности в победе, хотя она и была полна решимости перебороть свою любовь.

С самого утра она не переставала мысленно твердить: «Ты не должна, ты не можешь его любить», — и с самого утра ее сердце отзывалось эхом: «Ты его любишь!»

Во власти охвативших чувств Мари все больше и больше отстранялась от всего, с чем до сего дня были связаны все ее надежды и в чем до сих пор она находила радость бытия; ей показались невыносимыми громкие звуки, шум и грубые развлечения, к которым она привыкла с детства; политические страсти никак не могли сравниться в ее глазах с переживаниями души; все, что она придумала накануне, чтобы отвлечь себя от мучивших ее сомнений, разлетелось, словно стайка певчих птиц, встревоженная появлением ястреба.

И чем больше она думала, тем яснее понимала, насколько одинокой и незащищенной, лишенной всякой опоры она будет в этой борьбе, в которой сможет рассчитывать только на себя, и единственным ее утешением будет только сознание выполненного долга; и от душевной тоски, от страха перед будущим, от запоздалых сожалений и жалости к себе самой девушка залилась горячими слезами.

И через мучительную душевную боль, какую она испытывала в настоящее время, она могла в полной мере оценить душевные муки, которые ее ждут в будущем.

Уже полчаса она предавалась отчаянию, не зная, что сделать, чтобы уменьшить мучившую ее боль, как за полуоткрытой дверью услышала голос Жана Уллье, который и узнать было нельзя, когда он обращался к дочерям маркиза, считая себя, как мы уже видели, их вторым отцом.

— Что с вами, дорогая мадемуазель Мари?

Вздвогнув, словно внезапно пробудившись ото сна, Мари ответила славному крестьянину в глубоком замешательстве, пытаясь улыбнуться сквозь слезы:

— Со мной? Да ничего, клянусь тебе, мой бедный Жан.

Однако ответ девушки не обманул Жана Уллье.

Подойдя к Мари на несколько шагов, он покачал не доверчиво головой, не сводя с нее пристального взгляда.

— Моя маленькая Мари, зачем вы так говорите? — произнес он добродушным и почтительным тоном. — Неужели вы сомневаетесь в моей дружбе?

— Я? Я? — воскликнула Мари.

— В самом деле надо в ней сомневаться, чтобы так говорить.

Мари протянула ему руку.

Взяв в свои огромные ладони тонкую и нежную руку, Жан Уллье с грустью взглянул на девушку.

— Ах! Моя ласковая маленькая Мари, — сказал он, словно ей еще было лет десять от роду, — как не бывает дождя без туч, так и слезы не могут литься без причины! Помните вы тот день, когда много лет назад вы заплакали от огорчения после того, как Берта бросила в колодец ваши ракушки? А на следующий день, когда, прошагав за ночь пятнадцать лье, Жан Уллье принес вам новые дары моря, слезы высохли на ваших прекрасных глазах, и вы улыбнулись.

— Да, мой добрый Жан Уллье, да, я ничего не забыла, — ответила Мари, которой в этот момент особенно хотелось излить свою душу.

— Да, — продолжил Жан Уллье, — я постарел, но мои добрые чувства к вам только окрепли. Мари, поделитесь со мной вашей бедой, а я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам; если же не найдется такого средства, я поплачу вместе с вами.

Мари знала, как ей будет трудно обмануть старого слугу дома, который в своей любви к ней обладал даром

прорицателя. Немного помедлив с ответом, она покраснела, однако, не решаясь открыть истинную причину своих слез, она попробовала их как-то объяснить.

— Мой бедный Жан,— ответила она,— я плачу потому, что эта война, возможно, унесет всех, кого я люблю.

Увы! Со вчерашнего вечера бедная Мари уже научилась обманывать.

Однако ее объяснение не обмануло Жана Уллье; покачивая головой, он произнес с укором в голосе:

— Нет, моя маленькая Мари, вы плачете совсем по другой причине. Когда люди в возрасте маркиза и меня пребывают во власти иллюзий и не видят в войне ничего, кроме победы, юные создания, как вы, не могут предвидеть того, что может произойти в случае поражения.

Однако Мари не сдавалась.

— Между тем уверяю тебя, Жан, что это именно так.

И девушка бросила на старого доброго слугу такой ласковый взгляд, перед которым, как ей было давно известно, он не мог устоять.

-- Нет, нет, я вам говорю, что причина в другом!— повторил Жан Уллье, мрачней на глазах.

— Так в чем же тогда дело? — спросила Мари.

— Ладно! — заметил старый егерь.— Так вы хотите, чтобы я сам вам открыл причину ваших слез? Вы этого хотите?

— Да, если сможешь!

— Хорошо, так вот, мне трудно об этом говорить, но мне тем не менее кажется, что причиной ваших слез является этот недоносок господин Мишель.

Лицо Мари стало блее занавесок на окнах за ее спиной, словно вся кровь прилила к ее сердцу.

— Жан, что ты хочешь этим сказать? — пробормотала девушка.

— По-моему, вы видели так же, как и я, что происходит; и вам это не менее неприятно, чем мне; однако, если меня, мужчину, это приводит в бешенство, вас, девушку, заставляет проливать слезы.

Почувствовав, как слова Жана Уллье бередают ее рану, Мари не смогла удержаться от рыданий.

— В конце концов тут нет ничего удивительного,— продолжал старый егерь, словно рассуждая сам с со-

бой,— для этих мерзких недотеп, хотя они и называют вас волчицей, вы являетесь всего-навсего женщиной, к тому же замешенной на самых лучших и сладких дрожжах, какие никогда еще до сих пор не попадали в божественную квашню.

— По правде говоря, уверяю тебя, Жан, я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Напротив, моя маленькая Мари, вы меня прекрасно поняли. Да, вы же видели, как и я, что происходит... Да, Господи, кто же этого не видел?.. Надо быть слепцом: ведь она даже и не таится.

— Но, Жан, о чем же ты говоришь? Скажи мне наконец. Разве ты не понимаешь, что заставляешь меня мучиться неизвестностью?

— А о ком мне говорить, если не о мадемуазель Берте?

— О моей сестре?

— Да, о вашей сестре, которая красуется рядом с этим молокососом и потащит теперь его за собой. А пока привязала его к своей юбке, чтобы не сбежал. И хвалится им перед всеми, словно одержала победу на войне, не заботясь о том, что про нее будут говорить живущие в замке люди и друзья господина маркиза, если не брать во внимание этого неприятного типа, нотариуса, который уже спит и видит своими маленькими глазками, как составляет брачный контракт.

— Ну, допустим, что так и есть на самом деле,— произнесла Мари, чья смертельная бледность на лице уступила место яркому румянцу, а сердце бешено заколотилось в груди, словно желая вырваться на волю,— ну допустим, что так и есть на самом деле; не понимаю, что тут плохого?

— Как! Что плохого? Но я чуть было не вспылил, когда увидел одну из сестер из замка Судэ... О! Умоляю вас, ни слова больше!

— Нет, наоборот, мой добрый Жан Улле, давай поговорим!— настаивала Мари.— Что же такое делала Берта?

И девушка попыталась взглядом вызвать на откровение старого егеря.

— Я стал свидетелем того, как мадемуазель Берта де Судэ повязывала белую ленту через плечо господину

Мишелю. Такой же цвет носил Шаретт... Ах, моя маленькая Мари, вы заставляете меня говорить больше, чем я бы хотел сказать! Ваш отец рассердился на меня из-за мадемуазель Берты!

— Мой отец! Так ты с ним говорил?

Мари замолчала.

— Конечно,— ответил Жан, истолковав по-своему вопрос девушки,— конечно, я с ним говорил.

— Когда же?

— Сегодня утром: вначале я передал ему письмо Малыша Пьера, затем я вручил ему список бойцов его отряда, которые готовы выступить вместе с нами. Я знаю, что список не такой уж длинный, как можно было ожидать; однако тот, кто честно выполняет свой долг, в награду всегда получает тумаки. Знаете, что мне ответил ваш отец, когда я спросил, уверен ли он, что молодой человек на нашей стороне?

— Нет,— произнесла Мари.

— Черт возьми,— сказал он,— ты так плохо провел набор в отряд, что я буду вынужден приставить к тебе помощника! Да, господин Мишель пополнит наши ряды, а если тебя это не устраивает, поговори с мадемуазель Бертой...

— Он так тебе и сказал, мой бедный Жан?

— Да... Конечно, я поговорю с мадемуазель Бергой!

— Жан, дружище, будь поосторожнее!

— А почему я должен остерегаться?

— Я не хочу, чтобы ты расстроил Берту. Постарайся ее не обидеть! Видишь ли, она любит его,— еле слышно произнесла Мари.

— А! Так, значит, вы признаете, что она любит его?— воскликнул Жан Уллье.

— Я вынуждена это признать,— ответила Мари.

— И как это мадемуазель Берту угораздило влюбиться в куклу, которую повергнет на землю первый порыв ветра! — продолжил Жан Уллье.— Как можно изъявить желание сменить имя, одно из самых древних в стране, прославившее наш край и всех нас здесь живущих, на имя предателя и труса!

Мари почувствовала, как сжимается ее сердце.

— Жан,— произнесла она,— друг мой, ты зашел слишком далеко! Заклинаю тебя, не говори таких слов!

— О! Да, но этому не бывать! — продолжал Жан, не

слушая девушку и меряя шагами комнату.— Но этому не бывать! Если никому нет дела до вашей чести, мне надлежит, раз так сложились обстоятельства, встать на ее защиту и не ждать, пока померкнет слава дома, которому я служу верой и правдой; и я должен его...

И Жан Улье угрожающим жестом показал, как собирается поступить с молодым бароном.

— Нет, Жан, нет, ты этого не сделаешь! — вскрикнула Мари душераздирающим голосом.— Умоляю тебя!

И она чуть было не упала ему в ноги.

Вандеец в ужасе отпрянул.

— И вы, моя маленькая Мари! — воскликнул он.— Так вы тоже его?..

Однако девушка не дала закончить фразу.

— Подумай, Жан, подумай,— сказала она,— как ты огорчишь бедную БERTУ!

Жан Улье с недоумением посмотрел на девушку, еще не совсем уверенный в том, что его подозрения небезосновательны, но вдруг послышался голос БERTЫ, приказывавшей Мишелю дожидаться ее в саду и никуда не отлучаться.

И почти в ту же минуту она появилась на пороге.

— Ну,— сказала БERTА сестре,— вот как ты готова?

Затем, взглянув внимательно на Мари и заметив, что она расстроена, спросила:

— Что с тобой? Ты никак плачешь? Да и у тебя, Жан Улье, такое сердитое выражение лица. Эй, что здесь происходит?

— Я вам сейчас расскажу, мадемуазель БERTА, обо всем, что здесь происходит,— ответил вандеец.

— Нет, нет,— вскрикнула Мари,— Жан! Умоляю тебя, замолчи! Замолчи!

— Ну, вы меня совсем напугали вашими намеками! А инквизиторские взгляды, которые бросает на меня Жан, как мне показалось, обвиняют меня в каком-то страшном преступлении. Ну-ка, Жан, выкладывай поскорее все начистоту. Я сегодня в хорошем настроении и не буду на тебя сердиться. Мне так радостно сознавать, что вот-вот осуществится мое самое сокровенное желание: участвовать наравне с мужчинами в военном походе!

— Мадемуазель БERTА, вы можете ответить, положи

руку на сердце,— спросил вандеец,— разве у вас нет другой причины для хорошего настроения?

— О, я поняла! — ответила девушка, по-своему истолковав его вопрос.— Господин генерал-майор Уллье хочет меня пожуричь за то, что я взяла на себя часть его обязанностей?

Затем, обернувшись к сестре, произнесла:

— Готова поспорить с тобой, Мари, что речь идет о моем бедном Мишеле?

— Именно так, мадемуазель,— сказал Жан Уллье, не давая девушке времени ответить на вопрос сестры.

— Ну, хорошо, Жан, а что ты имеешь против? Ведь мой отец рад заполучить в его войско еще одного солдата, и я не усматриваю в своем поступке большого греха, чтобы так хмурить брови, как это делаешь ты!

— Пусть это идея вашего отца,— возразил старый егерь,— это его право, но я думаю совсем по-другому.

— И что же?

— Надо, чтобы каждый оставался там, где должен быть.

— И?

— А то...

— Ну, говори, раз начал.

— Хорошо, так вот, господин Мишель не может быть одним из наших.

— Почему же? Разве господин Мишель не роялист? Мне кажется, что за последние два дня он представил достаточно доказательств преданности нашему делу.

— Не спорю, но что вы от нас, крестьян, хотите, мадемуазель Берта? У нас есть поговорка: «Яблоко от яблони недалеко падает»,— что не позволяет нам поверить, что господин Мишель стал роялистом.

— Хорошо, вы вынуждены будете в это поверить!

— Возможно, но пока...

И вандеец снова нахмурил брови.

— Что пока?...— спросила Берта.

— А пока я вам скажу, что такому старому солдату, как я, не пристало быть рядом с человеком, которого у нас не уважают.

— В чем же вы его можете упрекнуть? — спросила Берта с досадой в голосе.

— Во всем.

— Но это значит ни в чем, если нет объяснения. Ну хорошо, вопрос в его отце, в его происхождении...

— Его отец! Его происхождение! Заладили одно и то же! Так вот, мэтр Жан Улье,— произнесла Берта, нахмутив брови, в свою очередь,— знайте, что именно его отец и происхождение стали причиной того, что я приняла участие в судьбе этого молодого человека.

— Как это?

— А вот как: моя душа взбунтовалась против несправедливых обвинений, которые мы обрушивали вместе с нашими соседями на голову этого несчастного молодого человека; мне надоело слышать, как его попрекают происхождением, которое он не выбирал, отцом, которого он не знал, ошибками, которых он не совершал, а, возможно, и его отец не имел к ним никакого отношения; все это показалось мне настолько мерзким и отвратительным, что я решила подбодрить молодого человека, помочь ему исправить ошибки прошлого, если таковые действительно имели место, и доказать на деле храбрость и преданность, чтобы впредь никакой клеветник не осмеливался чернить его имя.

— Неважно! — не сдавался Жан Улье.— Как бы он ни старался, я никогда не смогу с уважением относиться к его имени.

— А все же, мэтр Жан, вам придется его уважать,— произнесла Берта твердым голосом,— когда это имя станет моим, как я надеюсь.

— О! Хотя я и слышу ваши слова!— воскликнул Жан Улье.— Но я до сих пор не могу поверить, что они выражают ваши мысли.

— Спроси у Мари,— сказала Берта, оборачиваясь к сестре, которая, белая как мел, затаив дыхание слушала их спор, словно от его исхода зависело жить ей или умереть.— Спроси у моей сестры. Я ей открыла свое сердце, и ей хорошо известны все мои печали и надежды. Ты же знаешь, Жан, как я ненавижу ложь и как мне противно перед собой и особенно перед вами скрывать то, что я думаю на самом деле. И потому я счастлива все выложить начистоту. И вам я скажу с такой же, как всегда, прямо-той: Жан Улье, я его люблю!

— Нет, нет, заклинаю вас, мадемуазель Берта, не говорите так! Я всего-навсего простой крестьянин, но раньше... когда вы были совсем крошкой, вы разрешили на-

зывать вас дочкой, и я вас полюбил и до сих пор люблю вас двоих так, как ни один отец не любил до сих пор своих собственных детей! Так вот старик, который был у вас нянькой, играл с вами, баюкал по вечерам, так вот этот старик, который не мыслит жизни без вас, на коленях умоляет об одном: мадемуазель Берта, не любите этого человека!

— Но почему же? — спросила, теряя терпение, девушка.

— Потому что, и я говорю вам это от чистого сердца, союз между вами невозможен, чудовищен и отвратителен!

— Мой бедный Жан, твоя привязанность к нам заставляет тебя все преувеличивать. Я надеюсь, что господин Мишель меня любит так же, как я его, а в своих чувствах к нему я не сомневаюсь. И если он своими делами заставит людей забыть то, что связано с его именем, я буду счастлива стать его женой.

— Хорошо, в таком случае,— произнес Жан Ульье с удрученным видом,— на старости лет мне придется искать других хозяев и крышу над головой.

— Но почему же?

— Потому что, каким бы нищим ни был Жан Ульье сейчас или в будущем, он никогда не согласится жить под одной крышей с сыном ренегата и предателя.

— Замолчи, Жан Ульье! — воскликнула Берта.— Замолчи! Или я тоже могу разбить твое сердце.

— Жан! Мой добрый Жан! — прошептала Мари.

— Нет, нет,— произнес старый егерь,— надо, чтобы вы знали обо всех распрекрасных поступках, совершенных теми, чье имя вы так спешите поменять на свое.

— Жан Ульье, ты больше не произнесешь ни единого слова! — воскликнула Берта, и в ее голосе послышались грозные нотки.— Послушай, я тебе открою секрет, мне часто приходилось спрашивать свое сердце, кого оно больше любит, отца или тебя, но еще одно оскорбление в адрес Мишеля, и ты для меня станешь только...

— Лакеем? — прервал ее речь Жан Ульье.— Да, но лакеем, не запятнавшим своей чести, который всю свою жизнь честно исполнял свой долг и никого не предал. И этот лакей имеет право сейчас крикнуть: «Позор сыну того, кто продал за деньги Шаретта, как Иуда продал Христа!»

— А мне дела нет до того, что произошло тридцать шесть лет назад, то есть за восемнадцать лет до моего рождения! Я знаю того человека, кто живет сейчас, а не того, кто давно умер. Я знаю сына, а не отца. Жан, ты меня слышишь, я его люблю! Со всей страстью души, как ты меня сам учил любить и ненавидеть. Если его отец и виновен в том, в чем ты его обвиняешь и во что я не хочу верить, Бог ему судья, а для Мишеля мы сделаем все, чтобы он прославился и никто больше не вспомнил, что его имя было проклято, как имя предателя, и все бы склонили головы перед тем, кто его носит. А ты, Жан, поможешь мне. Да, ты мне поможешь... Ибо повторяю тебе: я его люблю, и ничто, кроме смерти, не осушит источник нежных чувств к нему, который бьется в моей душе.

Мари еле слышно жалобно простонала; хотя звук, вырвавшийся из ее уст, был совсем негромким, Жан Ульье услышал.

Он обернулся к девушке.

Затем, словно из-за жалобного стона одной сестры и бурного признания другой, у него подкосились ноги, он упал в кресло и закрыл лицо руками.

Заплакав, старый вандеец не хотел, чтобы сестры видели его слезы.

Берта поняла все, что творилось в душе человека, который посвятил им всю свою жизнь. Она подошла к нему и встала перед ним на колени.

— Вот,— сказала она,— ты теперь можешь судить, насколько сильны мои чувства к молодому человеку? Ведь я едва не забыла о моей истинной и глубокой привязанности к тебе!

Жан Ульье печально покачал головой.

— Я понимаю всю твою неприязнь,— продолжала Берта,— и была готова к бурному проявлению твоих чувств. Но терпение, мой старый друг, терпение и покорность судьбе! Один только Бог может вырвать из моего сердца, то, что вложил в него, но он этого не сделает по той простой причине, что тогда ему придется лишить меня жизни. Дай нам время доказать тебе, что предрассудки сделали тебя несправедливым, а человек, которого я избрала, достоин меня.

В этот момент послышался голос маркиза.

Он звал Жана Уллье, и по его тону можно было предположить, что произошло что-то важное.

Жан Уллье встал и направился к двери.

— Как,— остановила его Берта,— ты уходишь, так ничего мне не сказав в ответ?

— Мадемуазель, меня зовет господин маркиз,— ответил ледяным голосом вандеец.

— Мадемуазель! — возмутилась Берта,— мадемуазель! Ах! Так, значит, ты не откликнулся на мою просьбу? В таком случае, запомни, я тебе запрещаю, ты меня слышишь? Я тебе запрещаю даже малейшим намеком оскорблять достоинство господина Мишеля; и я хочу, чтобы его жизнь стала для тебя священной; а если по твоей вине с ним что-либо случится, я за него отомщу, но убью не тебя, а себя, а ты ведь знаешь, что у меня слова никогда не расходятся с делом.

Жан Уллье, взглянув на Берту, притронулся к ее руке.

— Возможно, для вас,— сказал он,— так было бы лучше, чем выходить замуж за этого человека.

И, услышав, что маркиз еще раз позвал его, Жан Уллье вышел из комнаты, оставив Берту сокрушаться его упрямством, а Мари пребывать в полном смятении перед неистовостью чувств сестры, внушавших неподдельный ужас.

ХII

В КОТОРОЙ МОЛОДОЙ БАРОН МИШЕЛЬ СТАНОВИТСЯ ОРДИНАРЦЕМ БЕРТЫ

Жан Уллье поспешно вышел из комнаты, скорее руководствуясь желанием как можно быстрее расстаться с Бертой, чем откликнуться на зов маркиза.

Он нашел хозяина во дворе, перед которым стоял, еле переводя дух, забрызганный грязью и болотной тиной крестьянин.

Он сообщил, что солдаты ворвались в дом Паскаля Пико. Но ничего, кроме того, что они вошли в дом, он добавить не мог.

Ему поручили спрятаться в кустарнике у дороги на Саблоньер и без промедления бежать в замок, как только увидит, что солдаты направляются к дому, где оста-

появились беглецы. Крестьянин в точности выполнил задание.

Маркиз, которому Уллье ранее рассказал, что оставил Малыша Пьера и графа Бонвиля в доме Паскаля Пико, встревожился.

— Жан Уллье, Жан Уллье,— повторял он таким же тоном, каким император Август произносил имя своего ближайшего помощника после поражения их войска: «Варус! Варус!» — Жан Уллье, почему ты перепоручил другому то, что должен был сделать сам? Если произошло несчастье, бесчестье падет на мой дом раньше, чем он превратится в руины!

Жан Уллье не ответил маркизу. Он низко опустил голову и, насупившись, молчал.

Его молчание и неподвижность вывели из терпения маркиза.

— Жан Уллье, седлай мне коня! — воскликнул он. — И если тот человек, кого еще вчера я называл «моим юным другом», не зная того, кто он есть на самом деле, попал в плен к синим, мы сможем ему доказать, рискуя жизнью ради его освобождения, что мы достойны его доверия.

Но Жан Уллье отрицательно покачал головой.

— Как? — сказал маркиз. — Ты не хочешь подать мне коня?

— Он прав,— произнесла Берта, которая, появившись на пороге, слышала приказ, отданный маркизом, и видела нежелание Жана Уллье его выполнять,— остережемся от необдуманных поступков, чтобы ничего не испортить.

Затем, обращаясь к крестьянину, принесшему плохую весть, она спросила:

— А видел ли ты, как солдаты выходили из дома, ведя под конвоем пленников?

— Нет, я только видел, как они чуть было не приблили Малерба, которого Жан Уллье оставил дозорным у горы. Я следил за ними, пока они не скрылись в саду Пико, и сразу же помчался предупредить вас, как и приказал мне мэтр Жан.

— А теперь, Жан Уллье,— снова вступила в разговор Берта,— вы можете поручиться за женщину, у которой вы их оставили?

Жан Уллье, повернувшись к Берте, посмотрел на нее с укором:

— Еще вчера,— заметил он,— я мог бы сказать про Марианну Пико: «Ручаюсь за нее, как за самого себя»,— но...

— Что значит ваше «но»? — спросила Берта.

— Но сегодня,— добавил со вздохом старый егерь,— я сомневаюсь во всем.

— Ну, хватит. Мы лишь теряем время. Коня! Подать мне коня! И не пройдет и десяти минут, как я буду знать, что мне делать дальше.

Берта придержала маркиза за рукав.

— А! — воскликнул он.— Это так мне повинуются? Что же мне теперь ждать от других, если в моем собственном доме отказываются выполнять мои приказы?

— Папа, ваши приказы священны, особенно для ваших дочерей; однако вы не подумали о последствиях, стремясь поскорее доказать вашу преданность. Нам не следует забывать о том, что люди, из-за которых мы так волнуемся, в глазах жителей этого края простые крестьяне. И если сам маркиз де Судэ отправится верхом на коне справиться о судьбе двух бедняков, всем станет ясно, какое значение он придает этим людям, что и выдаст их с головой нашим врагам.

— Мадемуазель Берта права,— сказал Жан Улье,— я поеду один и все разузнаю.

— И вам тоже, как и моему отцу, не надо туда ездить.

— Это почему же?

— Потому что вы слишком рискуете.

— Сегодня утром я уже был там и подвергался большому риску, желая увидеть моего бедного Пато; и я снова повторю этот путь, чтобы разузнать, что произошло с господином Бонвилем и Малышом Пьером.

— Жан, я хочу, чтобы вы знали, что после вчерашней ночи вам лучше не попадаться на глаза солдатам; для такого задания нам нужен человек, который еще ни разу себя не скомпрометировал, который может отправиться к дому Пико, не боясь вызвать подозрения, и все там хорошенько разузнать: то, что уже произошло и, по возможности, к чему нам надо готовиться в будущем.

— Какое несчастье, что этот осел Лорио поторопился вернуться в Машкуле! — произнес маркиз де Судэ.— А ведь я его просил остаться. У меня было недоброе предчувствие, когда я хотел записать его в мой отряд.

— Ну, а разве господина Мишеля больше с нами нет?— спросил Жан Ульье с иронией в голосе.— Вы можете его послать в дом Пико, как и в любое другое место, куда только захотите. Его пропустят даже в том случае, если этот дом будет оцеплен десятью тысячами солдат, и никто не заподозрит, что он выполняет ваше задание.

— О! Вот именно тот человек, кто нам нужен! — воскликнула Берта, принимая помощь Жана Ульье, который преследовал тайную цель, предложив кандидатуру барона; при этом он руководствовался, несомненно, отнюдь не благими намерениями.— Не правда ли, папа?

— Черт возьми! Думаю, что ты не ошиблась! — воскликнул маркиз де Судэ.— Несмотря на изнеженный вид, молодой человек нам может оказаться полезным.

Услышав, что говорят о нем, Мишель подошел поближе и стал почтительно ожидать приказа маркиза.

Когда он увидел, что маркиз согласился с предложением Берты, его лицо просияло от радости.

Берта тоже светилась счастьем.

— Господин Мишель, вы готовы рисковать жизнью ради спасения Малыша Пьера? — спросила барона девушка.

— Мадемуазель, я готов выполнить все, что вы только захотите, лишь бы доказать господину маркизу, насколько я ему признателен за проявленное им гостеприимство и теплый прием.

— Хорошо! Тогда берите лошадь, но не мою: ее сразу узнают, — и скачите туда галопом. Войдите в дом без оружия, как будто вами движет простое любопытство, и если нашим друзьям угрожает опасность...

Маркиз замолчал, так как он всегда колебался, когда надо было брать на себя инициативу.

— Если нашим друзьям угрожает опасность, — подхватила его слова Берта, — разведите на горе костер из хвороста, а Жан Ульье тем временем соберет своих людей; и тогда все вместе с оружием в руках мы придем на помощь столь дорогим нам людям.

— Bravo! — заметил маркиз де Судэ.— Я всегда говорил, что Берта — самая сообразительная в семье.

Берта с гордой улыбкой посмотрела на Мишеля.

— Как, — обратилась она к сестре, вышедшей во двор и незаметно присоединившейся к ним в то время, как Ми-

шель отправился за лошадью,—уж не собираешься ли ты остаться в этом платье?

— Да,—ответила Мари.

— Как так?

— Я не стану переодеваться.

— Ты думаешь, что говоришь?

— Ты же знаешь,—произнесла с грустной улыбкой Мари,—что в любой армии рядом с солдатами, которые сражаются и умирают, находятся сестры милосердия, накладывающие повязки на их раны и лечащие их души. Вот и я буду вашей сестрой милосердия.

Берта с удивлением взглянула на сестру.

Возможно, она бы задала сестре вопрос о том, что заставило ее столь неожиданно изменить свое решение, но тут вернулся Мишель верхом на коне, которого ему велели взять, и слова застыли у нее на губах.

Обратился к девушке, отдавшей ему приказ:

— Мадемуазель, вы мне сказали, что я должен делать, если в доме Паскаля Пико случилось несчастье, но вы не уточнили мои действия, если я застану Малыша Пьера целым и невредимым.

— В таком случае,—произнес маркиз,—вы должны вернуться, чтобы успокоить нас.

— Нет,—ответила Берта, стараясь выглядеть в глазах того, кого любила, самой главной в семье,—поездка туда и обратно может вызвать подозрения у солдат, прочесывающих лес. Оставайтесь в доме Пико либо побудьте где-нибудь поблизости, а с наступлением ночи подойдете к дубу Жайе. Вы слышали о нем?

— Да, конечно,—ответил Мишель,—это по дороге в Судэ.

Мишель знал наперечет дубы, которые росли вдоль дороги в Судэ.

— Отлично! — продолжила девушка.— Мы спрячемся рядом с ним. Вы подадите условный знак: три раза прокричите лесной совой и один раз полевой, и мы к вам выйдем. А теперь, дорогой господин Мишель, в путь!

Мишель поклонился маркизу де Судэ и девушкам, а затем, пригнув голову, пустил лошадь в галоп.

Надо отдать ему должное: он был превосходным наездником, и Берте понравилось, как он ловко заставил лошадь перейти на аллюр, когда поравнялся с воротами.

— Невероятно, как легко можно из сельского недоросля превратиться в светского человека! — заметил маркиз, возвращаясь в замок. — Правду говорят, что во всем надо искать женщину. Этот молодой человек и впрямь чего-то стоит.

— Да, — ответил Жан Уллье, — в светского человека! Их много вокруг. Гораздо труднее найти человека с добрым сердцем.

— Жан Уллье, — заметила Берта, — вы уже забыли мое предупреждение: выбирайте слова!

— Мадемуазель, вы ошибаетесь, — ответил Жан Уллье. — Напротив, именно потому, что я ни о чем не забываю, я мучаюсь, как вы имели возможность заметить. Я принимал за угрызания совести неприязнь к молодому человеку, но боюсь с сегодняшнего дня, что предчувствие меня не обмануло.

— Угрызания совести у вас, Жан Уллье?

— А! Вы слышали?

— Да.

— Так вот, я не отказываюсь от своих слов.

— Так что же вы имеете против него?

— Против него ничего, — ответил мрачно Жан Уллье, — но против его отца...

— Его отца? — произнесла Берта, невольно вздрогнув.

— Да, — сказал Жан Уллье, — из-за него однажды мне пришлось изменить имя: и меня с тех пор уже больше не зовут Жаном Уллье.

— А каково же оно теперь?

— Возмездие.

— Из-за его отца? — повторила Берта.

Затем вспомнил о слухах, которые ходили в их краях по поводу смерти барона Мишеля:

— Из-за его отца, найденного мертвым во время охоты! Несчастный, что вы говорите!

— Что сын может отомстить за отца: око за око, зуб за зуб.

— И почему же?

— Потому что вы его безумно любите.

— Ну и что дальше?

— А то, что я могу вам сказать с полной уверенностью...

— Что?

— Даю вам слово Жана Уллье: он вас не любит.

Берта надменно пожала плечами, но его слова болью отозвались в ее сердце.

Вдруг у нее появилось ощущение, что она испытывает к старому вандейцу чувство, близкое к ненависти.

— Займитесь-ка лучше сбором своих людей, мой бедный Жан Уллье,— произнесла она.

— Повинуюсь, мадемуазель,— ответил шуан.

И направился к воротам.

Берта пошла к дому, не глядя по сторонам.

Однако прежде, чем выйти за ворота замка, Жан Уллье подозвал крестьянина, который недавно сообщил, что Малышу Пьеру и его спутнику грозила опасность.

— До того, как пришли солдаты,— спросил он,— ты не видел никого, входящим в дом Пико?

— К Жозефу или к Паскалю?

— К Паскалю.

— Да, мэтр Жан Уллье.

— И кто же был этот человек?

— Мэр Ложери.

— И ты говоришь, что он зашел к вдове Паскаля?

— Уверен.

— Ты его видел?

— Так же, как вижу сейчас вас.

— А в какую сторону он пошел?

— По тропе, ведущей в Машкуле.

— И вскоре оттуда появились солдаты?

— Именно так! Не прошло и четверти часа после его ухода, как пришли они.

— Хорошо! — заметил Уллье.

Погрозив затем сжатым кулаком в сторону Ложери, он воскликнул:

— Куртен! Куртен! Ты испытываешь терпение Бога. Вчера ты пристрелил моего пса, а сегодня совершил предательство!.. Это уже слишком!

ХІІІ

КРОЛИКИ МЭТРА ЖАКА

К югу от Машкуля, образуя треугольник вокруг селения Леже, простирались обширные леса.

Назывались они Тувуа, Гранд-Ланд и Рош-Сервьер.

Взятые в отдельности, они не представляли из себя

ничего особенного. Однако, находясь примерно в километрах трех друг от друга, они соединялись перелесками, полями, поросшими травой, и кустарником, особенно густым в этой части Вандеи, что и превращало их в довольно обширный лесной массив.

Благодаря своему удачному местоположению они стали удобным пристанищем для бунтовщиков, которые во время гражданской войны собирались здесь с силами, прежде чем начать боевые действия в соседних провинциях.

Селение Леже получило широкую известность не только потому, что в нем родился знаменитый врач Жолли: во время великой войны здесь находился штаб генерала Шаретта; именно в чаще опоясывавшего селение леса он скрывался после поражения, собирая разгромленные отряды и готовясь к новым сражениям.

Хотя после того, как через Леже была проложена дорога из Нанта в Сабль-д'Олонь, стратегическое значение местности изменилось, поросшие лесом и покрытые холмами окрестности селения по-прежнему оставались одними из главных мест подготовки восстания в 1832 году.

В непроходимых зарослях поросших папоротником трех лесов укрывались отряды мятежников, численность которых росла день ото дня; именно они должны были составить ядро восставшего Реца и провинций долины.

Несмотря на то, что власти несколько раз прочесывали эти леса, им никак не удавалось покончить со смутянами. Ходили слухи, что восставшие пользовались подземными ходами наподобие тех, что были прорыты в свое время шуанами в лесах Гралла, где они скрывались от своих преследователей.

На этот раз слухи соответствовали действительности.

Когда во второй половине дня Мишель, выехав из замка Судэ, поскакал на лошади, предоставленной маркизом, в сторону дома Пико, глазам человека, спрятавшегося за одним из столетних буков, растущих вокруг прогалины Фоллерон в лесу Тувуа, предстала любопытная картина.

В тот час, когда в след за опускавшимся за горизонт солнцем наступали первые сумерки, когда кусты уже почти полностью погрузились в темноту, поднимавшуюся, казалось, из-под земли, и когда последний луч заходящего светила золотил верхушки самых высоких де-

ревьев, он издалека увидел, как к нему навстречу шел человек, которого, если дать волю воображению, можно было принять за персонаж сказки, приближавшийся мелкими шажками, с опаской поглядывая по сторонам, что делать ему, на первый взгляд, было совсем нетрудно, ибо у него, похоже, было две головы, что и позволяло ему соблюдать необходимые меры предосторожности.

Это существо, облаченное в жалкие лохмотья, в куртку и некое подобие сшитых из драпа штанов, которые сплошь состояли из заплат всех цветов и оттенков, призванных бороться с ветхостью, походило, как мы уже сказали, на одно из тех двуглавых чудовищ, которые занимают почетное место в ряду редких явлений, созданных по безумной прихоти природой.

Головы не походили одна на другую, и, несмотря на общую шею, было заметно, что они не состояли в родственных отношениях.

Рядом с широким лицом цвета красного кирпича, изрытого оспой и почти до ушей заросшего неухоженной бородой, виднелась вторая физиономия, хотя и мало привлекательная, но все же не такая отталкивающая, хитроватая и лукавая, в то время как первая не выражала ничего, кроме тупости и свирепости.

Эти столь разные лица принадлежали нашим старым знакомым, с которыми мы повстречались на ярмарке в Монтегю, а именно: трактирщику Кургузому Обену и, — да простят нам не слишком, возможно, благозвучное прозвище, однако мы не считаем себя вправе его изменить, — Вшивому Триго, нищему, наделенному силой Геркулеса, сыгравшему, как мы помним, не последнюю роль во время волнений в Монтегю, когда он, приподняв на себе лошадь генерала, выбил его из седла.

Следуя мудрому расчету, о чем мы уже имели возможность вскользь упомянуть, Кургузый Обен извлек выгоду из общения с таким похожим на вьючное животное типом, повстречавшимся, на его счастье, на жизненном пути; и теперь, вместо ног, оставленных им на дороге Ансени, безногий обрел такие стальные конечности, которые не поддавались усталости, не отступали ни перед какими расстояниями, служили ему такой верой и правдой, какой ему никогда не служили его собственные ноги; и, наконец, они настолько беспрекословно подчиня-

лись его воле, что стоило Кургузому Обену произнести одно только слово, сделать жест, слегка нажать рукой на плечо или надавить коленями, как они угадывали, что им надо делать.

Но самым странным было то, что наибольшее удовлетворение от такого союза получал Вшивый Триго; своим дремучим разумом он понимал, что Кургузый Обен использовал его силу для достижения целей, которые он считал своими; и, когда своими огромными ушами улавливал доносившиеся до него со всех сторон слова «белые» и «синие», он думал, что, являясь для трактирщика средством передвижения, служил делу, которому поклонялся всей силой своего слабого интеллекта. Бесконечно доверяя Кургузому Обену, он гордился тем, что душой и телом принадлежал человеку, которого считал намного умнее себя; привязанность к своему постоянному спутнику, которого с полным основанием можно было бы назвать его хозяином, была типичной для отношений двух людей, основанных на первобытном инстинкте.

Триго носил Обена на спине или на плечах с такой же предосторожностью, с какой мать держит на руках своего ребенка; он так окружал его заботой и вниманием, не соответствовавшей, казалось, тому состоянию слабоумия, в котором пребывал несчастный малый, никогда не глядевший себе под ноги, пока не спотыкался и не разбивал их в кровь о камни, но в то же время не забывая на ходу заботливо раздвигать ветви деревьев, чтобы они не поцарапали тело и не хлестнули по лицу его проводника.

Когда они прошли примерно треть поляны, Кургузый Обен ткнул пальцем в плечо Триго, и великан тут же остановился.

Затем, ни слова ни говоря, трактирщик указал пальцем на большой камень, лежавший у подножия высоченного бука в правом углу просеки.

Великан подошел к дереву и поднял камень, ожидая дальнейших указаний.

— А теперь,— приказал Кургузый Обен,— постучи-ка три раза по стволу.

Триго сделал то, что ему велели, ударив первые два раза один за другим, а третий — немного погодя.

На глухо отозвавшийся по дереву условный сигнал

приподнялась узкая полоска дерна и мха, и из-под земли показалась голова.

— А! Мэтр Жак, так, значит, это вы стоите сегодня на часах у входа в нору? — спросил Обен, довольный, что встретил хорошо знакомого человека.

— Черт возьми, Кургузый, видишь ли, мой приятель, сейчас самое время остеречься, и, прежде чем выпускать моих братьев-кроликов на свободу, не помешает лишний раз убедиться собственными глазами в том, что все спокойно вокруг и поблизости нет охотников.

— И вы правильно делаете, мэтр Жак,— заметил Кургузый,— особенно сегодня, когда вся долина прямо-таки кишит вооруженными людьми.

— Расскажи мне поподробнее!

— Охотно.

— Ты войдешь?

— О! Жак, нет! Мой мальчик, нам и без того очень жарко, не так ли, Триго?

Великан проворчал в ответ нечто невразумительное, что лишь с огромной натяжкой походило на знак согласия.

— Как! Он заговорил? — произнес мэтр Жак.— А раньше утверждали, что он немой. А знаешь ли ты, приятель Триго, как тебе крупно повезло, когда наш Обен подружился с тобой? Теперь ты почти похож на нормального человека; к тому же тебе обеспечен кусок хлеба, чего недостает некоторым собакам, в том числе и находящимся в замке Судэ.

Попрошайка открыл огромный рот и так ухмыльнулся, что Обену пришлось жестом остановить приступ смеха, который мог плохо для них кончиться, ибо великан обладал огромным запасом воздуха в легких.

— Тише! Тише, Триго! — одернул его Обен.

Затем мэтру Жаку:

— Бедняга до сих пор думает, что находится на центральной площади в Монтегю.

— Ну, ладно, раз вы не хотите спуститься, я позову нарней. В конце концов, Кургузый, вы правы, там нестерпимо жарко! А многие из них говорят, что просто-напросто сварились заживо; но вы ведь знаете наших ребят: они всегда на что-нибудь жалуются.

— Вот Триго,— вставил реплику Обен, ударяя, как

бы лаская, кулаком по голове великана, служившего ему средством передвижения,— никогда не жалуется.

В знак благодарности за проявленное к нему Кургузым дружеское расположение Триго ответил кивком головы, сопровождая его громким смешком.

Мэтр Жак, которого мы только что представили нашему читателю и с которым нам осталось лишь познакомиться, был мужчиной лет пятидесяти — пятидесяти пяти и выглядел так же, как и все остальные честные арендаторы в Реце.

Если ему и беспорядочно спадали на плечи длинные волосы, его подбородок, напротив, был чисто выбрит; на нем была чистая драповая куртка вполне современного покроя, если сравнивать с теми, что еще носили жители Вандеи, надетая на жилет в широкую белую и светло-желтую полоску из той же ткани; и только штаны из толстой материи и хлопчатобумажные синие гетры были похожи на те, что носили его земляки.

Пара пистолетов, чьи отполированные рукоятки виднелись из-под краев его куртки, были единственным оружием, которое он позволил себе на данный момент.

Мэтр Жак, человек с благодушным и невозмутимым выражением лица, был командиром одного из самых дерзких отрядов в округе, слыл в радиусе десяти лье самым решительным шуаном и пользовался среди населения огромным уважением.

В течение пятнадцатилетнего правления Наполеона мэтр Жак почти не выпускал оружия из рук. С двумя или тремя бойцами, а зачастую действуя в одиночку, он успешно противостоял целым подразделениям, которым была поручена его поимка; ему настолько сопутствовала удача и он проявлял такую лихую отвагу, что среди суеверных жителей Бокажа стали ходить слухи о том, что у него сверхъестественные способности и он так заколдован, что пули синих пролетают мимо, отклоняясь от него. И вот, после июльской революции, в первых числах 1830 года, когда мэтр Жак объявил о том, что собирается выступить против властей с оружием в руках, к нему стали стекаться мятежники со всей округи, и некоторое время спустя он сколотил довольно крупный отряд, с которым небезуспешно начал свою вторую партизанскую войну.

После разговора с Кургузым Обеном, сначала высунув голову, чтобы расспросить вновь прибывших, а за-

тем приподнявшись из-под земли по пояс, мэтр Жак наклонился к отверстию и коротко и на редкость переливчато свистнул.

Не прошло и нескольких секунд после его сигнала, как из чрева земли донесся приглушенный шум, напоминавший гудение пчелиного роя. В нескольких шагах от них между двумя небольшими ветвистыми деревьями приподнялась решетка с землей и открылся широкий проход, поддерживаемый с четырех углов сваями и прикрытый, как и люк, дерном, мхом, опавшей листвой и ничем не отличавшийся от прилегающей местности.

Когда решетка с землей приподнялась, открылся глубокий и широкий бункер, откуда один за другим вышли человек двадцать.

Одежда этих людей не имела ничего общего с живописными элегантными костюмами, в которых щеголяли разбойники, появившиеся из картонных пещер на сцене «Опера Комик»: им до них было далеко. Одни были одеты так же, как Вшивый Триго, другие же носили драповые куртки, что придавало им более respectable вид; но все же большинство было облачено в домотканое тряпье.

Что же касалось оружия, то и здесь не было однообразия. Три или четыре винтовки, полдюжины охотничьих ружей и столько же пистолетов составляли их вооружение; холодное оружие не внушало вероятному противнику особых опасений, ибо оно было представлено лишь одной саблей, принадлежавшей мэтру Жаку, да двумя пиками, оставшимися от первой войны, и десятью вилами, тщательно отточенными их владельцами.

Когда все храбрецы высыпали на поляну, мэтр Жак направился к поваленному стволу дерева и присел на него, в то время как Триго осторожно опустил на землю Кургузого Обена рядом с ним, а затем отошел в сторону, однако не удаляясь далеко, чтобы его спутник не долго ждал, если он ему вдруг понадобится.

— Да, Кургузый,— произнес мэтр Жак,— хотя я уже знаю, что волки вышли на охоту, меня радует, что ты взял на себя труд меня об этом предупредить.

Затем без всякого перехода спросил:

— Но, как случилось, что ты вдруг появился в наших краях? Ведь тебя задержали вместе с Жаном Улле. Однако он спасся во время переправы че-

рез брод Пон-Фарси, и меня это нисколько не удивляет, но как тебе, мой бедный друг, безногому, удалось ускользнуть?

— А почему,— ответил, рассмеявшись, Кургузый Обен,— почему вы не берете в расчет ноги Триго? Я слегка ущипнул задержавшего меня жандарма; похоже, что это ему совсем не понравилось, так как он меня тут же выпустил из рук, а кулак моего приятеля Триго только завершил дело. Но откуда, мэтр Жак, вам известно, что произошло?

Мэтр Жак пожал беззаботно плечами.

Затем, не отвечая на вопрос, заданный, как ему показалось, из праздного любопытства, он произнес:

— Ах, это! А ты случайно не пришел мне сообщить, что выступление отложено?

— Нет, оно, как и раньше, запланировано на двадцать четвертое.

— Тем лучше! — ответил мэтр Жак.— По правде говоря, мне уже надоели все их отсрочки и хитрости. Боже великий! Неужели надо столько времени, чтобы взять ружье, попрощаться с женой и выйти из дома?!

— Не торопитесь! Осталось ждать совсем немного, мэтр Жак.

— Четыре дня! — произнес с нетерпением в голосе мэтр Жак.

— И что же?

— А я считаю, что и трех дней слишком много. Мне еще не выпало случая, как Жану Улье, слегка помять их бока прошлой ночью у порога Боже.

— Да, мне рассказали.

— К несчастью,— продолжал мэтр Жак,— они жестоко отыгрались над нами.

— Как это?

— А ты разве не знаешь?

— Нет, я иду прямо из Монтегю.

— В самом деле, ты не можешь это знать.

— Но что же произошло?

Они убили в доме Паскаля Пико одного храброго молодого человека, которого я уважал, несмотря на то, что люди, подобные ему, вызывают у меня антипатию.

— Кого же именно?

— Графа де Бонвиля.

— Ба! А когда?

- Да сегодня, часа в два пополудни.
- Мой дорогой Жак, как же вы могли, черт возьми, об этом узнать в своей норе?
- А разве мне не известно все, что меня интересует?
- Тогда я, право, не знаю, стоит ли мне говорить о том, что привело меня к вам.
- Почему же?
- Потому что вам об этом уже наверняка известно.
- Возможно.
- Я бы хотел точно знать.
- Хорошо!
- По правде говоря, это избавило бы меня от неприятного поручения, которое я скрепя сердце согласился выполнить.
- Ах, значит, ты пришел от тех господ.
- И мэтр Жак произнес последние слова презрительным тоном, в котором прозвучала в то же время угроза.
- Да,— ответил Кургузый Обен,— а позднее встретившийся мне по дороге Жан Уллье тоже попросил меня переговорить с вами.
- Жан Уллье? А! Милости прошу, если ты пришел от него! Вот кто мне нравится, так это Жан Уллье; однажды он совершил поступок, после которого я ему обязан навеки.
- Какой?
- Это его секрет, а не мой. Однако посмотрим вначале, что от меня хотят сильные мира сего.
- Меня послал сюда твой командир.
- Маркиз де Судэ?
- Точно.
- И чего же ему от меня надо?
- Он жалуется, что своими частыми вылазками ты привлекаешь внимание правительственных войск, а налетами вызываешь недовольство горожан и тем самым заранее усложняешь стоящие перед ним задачи.
- Хорошо! А почему он так припозднился с выступлением? Мы уже ждем и не дождемся начала; что же касается меня, то я готов был еще 30 июля.
- И затем...
- Как! Это еще не все?
- Нет, он тебе приказывает...
- Он мне приказывает?

— Постой же, наконец! Ты можешь ему повиноваться или нет — это твое дело, но он тебе приказывает...

— Послушай, Кургузый, что бы он мне ни приказал, я заранее могу поклясться...

— В чем?

— Что не выполню его приказ. А теперь, говори, я тебя слушаю.

— Ладно. Он просил передать, чтобы до 24-го числа в округе было тихо и твои люди не останавливали дилижансы и путников на дороге, как это было до сих пор.

— А я тебе клянусь,— ответил мэтр Жак,— что оставлю первого, кто попадетс я мне под руку на всем пути от Леже до Сент-Этьена и обратно! Что же касается тебя, Кургузый, ты останешься здесь и расскажешь ему обо всем, что увидишь.

— Ну уж нет! — произнес Обен.

— Как это нет?

— Вы так не поступите, мэтр Жак.

— Черт возьми, я это сделаю.

— Жак! Жак! — продолжал настойчиво трактирщик.— Ты должен понять, что своим поведением ты компрометируешь наше движение.

— Возможно, но я докажу этому старому солдафону, что ни я, ни мои люди никогда не будут у него в подчинении и его приказы здесь не имеют силы. А теперь, когда вопрос о распоряжении маркиза де Судэ закрыт, можешь перейти к поручению, которое тебе дал Жан Улье.

— Будь по-твоему! Я его встретил, когда поднимался к мосту Сервьер. Он спросил меня, куда я иду; а когда узнал, что к тебе: «Черт возьми,— произнес он,— ты как раз тот человек, кто мне нужен! Попроси мэтра Жака освободить на несколько дней его берлогу, чтобы кое-кто смог в ней на время спрятаться».

— А! И что, он не назвал тебе имя этого человека?

— Нет.

— Неважно! Кто бы ни пришел от Жана Улье, он будет желанным гостем, ибо, я уверен, что Жан не обратился бы ко мне с пустяковой просьбой. Он не похож на знатных бездельников, которые только говорят, а всю работу сваливают на нас.

— Среди них есть разные люди: и плохие, и хорошие,— философски заметил Обен.

— А когда придёт тот, кого надо будет укрыть? — спросил мэтр Жак.

— Сегодня ночью.

— А как я его узнаю?

— Его приведёт Жан Уллье.

— Хорошо! И это все, о чем он меня попросил?

— Не совсем. Он хочет, чтобы твои парни тщательно проверили, не бродит ли ночью по лесу какой-нибудь подозрительный человек, и осмотрели бы всю округу, обратив особое внимание на тропу, ведущую к Гран-Лье.

— Вот видишь! Мой так называемый командир мне приказывает никого не задерживать, а Жан Уллье просит, чтобы я освободил дорогу от «красных штанов» и городских недотеп; еще один повод, чтобы сдержать слово, которое я тебе только что дал. А как Жан Уллье узнает, что я его жду?

— Я должен его предупредить, что в Тувуа нет солдат.

— А как?

— С помощью ветки остролиста, на котором будет пятнадцать листочков, которую он найдет лежащей посередине дороги острием в сторону Тувуа на полпути от Машкуля у развилки Бенаст.

— Ты сказал пароль? Жан Уллье наверняка его не забыл.

— Да, «Победа», и отзыв: «Вандея».

— Хорошо! — сказал, вставая, мэтр Жак и направился к середине поляны.

Там он подозвал к себе четырех человек, что-то тихо им сказал, и все четверо без лишних слов разошлись в разные стороны.

Пока мэтр Жак просил принести из подземелья кувшин, наполненный, похоже, водкой, и предложил выпить своему приятелю, с четырех сторон, куда только что направились дозорные, подошли четверо крестьян.

Это были часовые, которых сменили их товарищи.

— Вы видели что-нибудь заслуживающее интереса? — спросил их мэтр Жак.

— Нет, — ответили трое.

— Хорошо! А ты, почему ты молчишь? — обратился он к четвертому. — Ведь у твоего поста — самое выгодное расположение.

— Проехал дилижанс из Нанта в сопровождении четырех жандармов.

— А! А! У тебя хороший нюх! Ты издали чувствуешь запах монет... Подумать только, что есть люди, которые только и мечтают, чтобы мы клюнули на приманку! Но будьте уверены, друзья, ничего у них не выйдет из их затей!..

— Ну так что же? — спросил Кургузый.

— В окрестностях «красные штаны» не замечены. Передай Жану Уллье, что он может приводить своего человека.

— Хорошо! — заметил Кургузый, который во время разговора с часовыми приготовил ветку остролиста, о которой они условились с Жаном Уллье. — Я пошлю Триго.

Затем обернулся к великану:

— Вшивый, подойди сюда!

Мэтр Жак остановил его.

— О! Ты, что, хочешь расстаться со своими ногами? — спросил он. — А вдруг они тебе понадобятся! Разве на поляне не находятся сорок парней, которые только и мечтают, чтобы немного поразмяться? Подожди, сейчас увидишь! Э! Жозеф Пико! — крикнул мэтр Жак.

Наш старый знакомый, нуждавшийся, как оказалось, в отдыхе, присел на траве.

— Жозеф Пико! — повторил нетерпеливо мэтр Жак.

Жозеф Пико не спеша встал и, бормоча ругательства, подошел к мэтру Жаку.

— Вот тебе ветка, — сказал предводитель кроликов. — Не отрывая ни листка, отнеси ее поскорее на дорогу, ведущую в Машкуле, и положи на развилке Бенаст, напротив придорожного распытия, острием в направлении Тувуа.

И мэтр Жак перекрестился, когда произносил слово «распытие».

— Но... — заметил ворчливым тоном Пико.

— Как! Но?

— Я не чувствую под собой ног после того, как я бежал по лесу четыре часа кряду.

— Жозеф Пико, — ответил мэтр Жак, и в его голосе прозвучали металлические нотки, — ты оставил свой приход, чтобы вступить в мой отряд; я тебя не звал, ты пришел ко мне сам. А теперь запомни раз и навсегда: если

кто-то начинает пререкаться, я бью, ну, а если вижу, что мне не подчиняются, убиваю.

И с этими словами мэтр Жак, взяв за дуло один из своих пистолетов, которые носил под курткой, нанес сильный удар по голове крестьянина.

Удар оказался настолько мощным, что оглушенный Жозеф Пико упал на колено. Если бы не его толстая фетровая шляпа, у него, по всей вероятности, был бы раскроен череп.

— А теперь отправляйся! — произнес мэтр Жак, проверяя как ни в чем ни бывало, не высыпался ли от удара порох из пистолета.

Жозеф Пико поднялся без лишних слов, потряс головой и ушел.

Кургузый смотрел ему вслед, пока он не исчез из виду.

— И он теперь у вас? — спросил он.

— Да, и не говори.

— И как долго?

— Вот уже несколько часов.

— Хорошенькое приобретение!

— Пока не стану спешить с выводами. Парень не из робкого десятка, так же, как и его отец, которого я знал. Ему только надо дать возможность привыкнуть к нашим порядкам, и он станет таким же, как мои кролики!

— О! Я в этом и не сомневаюсь. У вас талант воспитателя.

— Черт возьми, я не вчера этим занялся. Но,— продолжал мэтр Жак,— настало время обхода. Мой бедный Кургузый, нам придется расстаться. Так, значит, договорились: друзья Жана Уллье могут здесь себя чувствовать, как дома; что же касается моего командира, то он получит от меня ответ сегодня вечером. И это все, что тебе велел мне передать мой приятель Уллье?

— Да.

— Вспомни, ты ничего не забыл?

— Ничего.

— Значит, вопрос исчерпан. Я уступлю нору, если только она ему подойдет. И пусть не обращает внимания на моих парней; они ведь словно полевые мыши: одной

норой больше, одной меньше. До скорой встречи, друг Обен, а пока поужинай, ожидая меня. Я уже вижу, как они начали что-то готовить.

Мэтр Жак спустился в свою так называемую нору и тотчас же вернулся с карабином в руках и самым тщательным образом проверил запал.

Затем исчез за деревьями.

Поляна между тем становилась все оживленнее и своим живописным видом заслуживает отдельного описания.

В бункере был разведен большой костер, и он отсвечивал на кусты сквозь отверстие люка самыми странными и фантастическими бликами.

На огне готовился ужин для мятежников, которые разбрелись по поляне: одни, стоя на коленях, молились, другие, сидя, пели вполголоса народные песни, чьи жалобные и протяжные мелодии необычайно гармонировали с окружающим пейзажем. Два бретонца, лежа на животах у самого отверстия в бункер, играли в кости, пытаясь выиграть друг у друга несколько монет, в то время как другой парень с бледным и желтым от лихорадки лицом, по которому можно узнать обитателя болот, усердно, но без особого успеха, старался очистить от толстого слоя ржавчины ствол и барабан старого карабина.

Уже успев привыкнуть к подобным сценам, Обен не смотрел по сторонам. Триго из сухих листьев приготовил ему некое подобие ложа. Устроившись на импровизированном матраце, Обен курил трубку с таким невозмутимым видом, словно находился в своем трактире в Монтегю.

Неожиданно ему показалось, что он услышал отдаленный сигнал тревоги: протяжный и зловещий крик полевой совы.

Кургузый тихо свистнул, предупреждая находившихся на поляне об опасности, и тут же в тысяче шагов от них прозвучал выстрел.

В мгновение ока костер был залит водой из ведер, припасенных заранее специально на такой случай; решетка с землей опустилась, люк закрылся, а кролики мэтра Жака, в том числе и Кургузый Обен, бросились врассыпную в ожидании сигнала от своего предводителя, чтобы начать действовать.

**ОБ ОПАСНОСТИ, КОТОРОЙ МОЖНО ПОДВЕРГНУТЬСЯ
В ЛЕСУ, ЕСЛИ НАХОДИШЬСЯ В ДУРНОЙ КОМПАНИИ**

Уже было около семи часов вечера, когда Малыш Пьер вместе с бароном Мишелем, который сопровождал его после смерти бедного Бонвиля, покинул хижину, где в любой момент с ним могло произойти несчастье.

Можно понять глубокое и искреннее волнение Малыша Пьера, когда он переступил порог комнаты, в которой за его спиной осталось лежать холодное и бездыханное тело мужественного молодого человека, с которым познакомился всего несколько дней назад, а относился к нему, словно к давнему другу.

При мысли, что теперь ему предстоит в одиночку преодолеть трудности пути, которые бедный Бонвиль делил с ним вот уже четыре или пять дней, его храброе сердце сжалось: королевская рать потеряла только одного своего бойца, а Малышу Пьеру показалось, что он потерял целую армию!

Это было лишь первое зернышко кровавых семян, брошенных в землю Вандей, и Малыш Пьер задавался тревожным вопросом: не принесет ли посев что-нибудь другое, кроме траура и запоздалых сожалений, по крайней мере на этот раз.

Малыш Пьер не распорядился о похоронах своего товарища, боясь обидеть Марианну; какими бы странными ему ни показались убеждения этой женщины, он смог по-настоящему оценить ее возвышенные чувства и понять, что под суровой внешностью кроется добрая и глубоко религиозная душа.

Когда Мишель подвел лошадь к двери, он напомнил Малышу Пьеру, что дорога каждая секунда и их ждут друзья; Малыш Пьер, обернувшись к вдове Паскаля Пико, протянул ей руку:

— Как мне отблагодарить вас за то, что вы для меня сделали? — спросил он.

— Я ничего для вас не сделала, — ответила Марианна, — не изменив клятве, я лишь выполнила свой долг.

— Как, — спросил Малыш Пьер со слезами на глазах, — вы даже не хотите принять от меня вознаграждение?

— Раз вы так настаиваете, — ответила вдова, — то,

когда вы будете молиться за тех, кто умрет за вас, не забудьте помянуть в своих молитвах и имена тех, кто был убит по вашей вине.

— Вы считаете, что я пользуюсь каким-то особым расположением у Бога? — произнес Малыш Пьер, невольно улыбнувшись сквозь слезы.

— Да, потому что, как мне кажется, судьбой вам предначертано страдать.

— Возьмите хотя бы вот это, — произнес Малыш Пьер, снимая с шеи медальон на тонком черном шелковом шнурке, — он сделан всего-навсего из серебра, но его освятил в моем присутствии сам Папа Римский и, отдавая, сказал, что Бог выполнит все пожелания, если они будут обращены к нему с этого медальона, лишь бы они были справедливы и благочестивы.

Марианна уже взяла в руки медальон, когда добавила:

— Спасибо. С этим медальоном я буду молить Бога за то, чтобы он отвел от нашего края гражданскую войну и чтобы сохранил наше величие и свободу.

— Хорошо! — ответил Малыш Пьер. — Вторая половина вашего пожелания полностью совпадает с моими стремлениями.

И с этими словами с помощью Мишеля он вскочил на лошадь, которую молодой человек держал под уздцы.

Затем, кивнув на прощание вдове, они исчезли за забором.

Малыш Пьер некоторое время ехал, низко опустив голову, во власти глубоких и невеселых раздумий, покачиваясь в такт движениям лошади.

Наконец, сделав над собой усилие и словно пытаюсь стряхнуть с сердца тоску и печаль, он обернулся к шедшему рядом Мишелю.

— Сударь, — произнес он, — то, что я знаю о вас, позволяет вам полностью доверять: во-первых, вы предупредили вчера о приближении солдат к замку Судэ; во-вторых, вы прибыли сегодня за мной по поручению маркиза и его прелестных дочерей; мне только остается узнать главное — ваше имя. В силу известных обстоятельств у меня не так много друзей, чтобы я мог позволить себе разбрасываться ими.

— Я — барон Мишель де ла Ложери, — ответил молодой человек.

— Де ла Ложери? Послушайте, сударь, мне кажется, что я не в первый раз слышу это имя?

— Именно так, Мадам,— ответил молодой барон,— наш бедный Бонвиль сопровождал Ваше Высочество к моей матери...

— Постойте, что вы такое говорите? Ваше Высочество? К кому это вы обращаетесь? Здесь нет Вашего Высочества, перед вами бедный крестьянин по имени Малыш Пьер.

— Сушая правда; пусть Мадам извинит меня...

— Опять?

— Так вот, бедняга Бонвиль сопровождал вас к моей матери, когда я имел честь вас встретить и отвести в замок Судэ.

— Таким образом я вам уже трижды обязан. О! Несмотря на то, что вы мне оказали великие услуги, я не боюсь показаться неблагодарным, ибо надеюсь, что настанет день, когда смогу сторицей расплатиться с вами за все.

Мишель пробормотал что-то в ответ, но его собеседник не расслышал его слов. Однако было бы ошибочно сказать, что на молодого человека не произвела впечатления речь Малыша Пьера, ибо с этой минуты, хотя он изо всех сил старался не нарушить полученный приказ, он все же с большим почтением стал относиться к тому, кого сопровождал.

— Но мне кажется,— нарушил молчание Малыш Пьер после некоторого раздумья,— из слов господина Бонвиля я понял, что не вся ваша семья разделяла взгляды роялистов.

— Именно так, мадемуазель... господин...

— Зовите меня Малыш Пьер или же не обращайтесь ко мне по имени; так вы никогда не попадете в неловкое положение. Итак, я имею честь ехать рядом с вами потому, что ваши политические взгляды изменились?

— Что произошло очень быстро! В моем возрасте политические взгляды, оставаясь на уровне чувств, еще не успевают стать убеждениями.

— Вы еще слишком молоды,— произнес Малыш Пьер, взглянув на своего проводника.

— Мне скоро пойдет двадцать первый год.

Малыш Пьер вздохнул.

— Прекрасный возраст,— сказал он,— чтобы любить и сражаться.

Из груди молодого барона вырвался глубокий вздох, что не замедлил заметить Малыш Пьер и едва заметно улыбнулся.

— Ах! Ах! — снова заговорил Малыш Пьер.— Благодаря этому вздоху я понял причину перехода в другой лагерь, о чем мы только что говорили! Могу поспорить, что тут не обошлось без прекрасных женских глазок, а если бы солдатам Луи-Филиппа вздумалось вас обыскать, они бы наверняка нашли у вас платок, особенно дорогой вам тем, что вышит ее рукой, а не из-за символики его цвета.

— Могу вас заверить, Мадам,— пробормотал Мишель,— причина в другом.

— Будет, будет, вам вовсе не надо оправдываться: господин Мишель, вы совершили поистине рыцарский поступок. Хотя бы потому, что мы обязаны женщинам своим рождением или хотим на них походить, и нам не следует забывать, что наши предки почитали прекрасных дам почти так же, как Бога и короля. Теперь вы больше не будете стыдиться вашего чувства? Ведь именно ваша влюбленность вызывает у меня наибольшую симпатию к вам. «Черт возьми! — воскликнул Генрих IV.— С армией из двадцати тысяч влюбленных я бы легко покорил не только Францию, но и весь мир!» Теперь вам остается назвать имя вашей красавицы, господин барон де ла Ложери.

— О! — выдохнул Мишель с самым сконфуженным видом.

— А! Вы очень скрытны, молодой человек! Примите мои комплименты; это качество тем более ценно в наши дни, что оно встречается все реже и реже; однако поверьте мне, барон, что вашему спутнику можно довериться, если предупредите не разглашать ваш секрет. Хотите, я вам помогу? Могу поспорить, что мы направимся навстречу даме вашего сердца?

— Вы не ошиблись,— ответил Мишель.

— Поспорим, что она не кто иная, как одна из прекрасных амазонок Судэ?

— О! Мой Бог, кто вам мог об этом сказать?

— Поздравляю вас, мой юный друг. У каждой из этих волчиц, как их тут зовут, храброе и благородное сердце, способное составить счастье тому, кто ее выберет, как мне кажется. Вы богаты, господин де ла Ложери?

— Увы, да,— ответил Мишель.

— Тем лучше, а вовсе не «увы»! Ибо вы можете обеспечить вашей жене безбедное существование, что, по моему мнению, уже великое счастье. Хотя во всякой любовной истории необходимо преодолевать определенные трудности, и, если Малыш Пьер сможет вам оказаться в чем-то полезным, вы смело можете рассчитывать на его помощь: он будет только счастлив, если вас так отблагодарит за оказанные ему услуги. Но мне кажется, что кто-то идет нам навстречу; убедитесь в этом сами.

В действительности послышались шаги.

Хотя путник еще находился на некотором расстоянии от них, до беглецов донеслись его приближавшиеся шаги.

— По-моему, он один,— произнес Малыш Пьер.

— Да, но это вовсе не значит, что нам не надо его остерегаться— ответил барон.— Я прошу вашего позволения занять место на лошади рядом с вами.

— Охотно, вы уже утомились?

— Нет,нисколько! Только меня здесь все знают, и любой заподозрит что-нибудь неладное, если увидит, что я иду пешком и веду под уздцы лошадь, на которой сидит простой крестьянин.

— Bravo! Вы как всегда правы, и я склоняюсь к мысли, что перед вами открывается блестящее будущее.

Малыш Пьер спустился на землю, а Мишель проворно прыгнул в седло, и уже затем Малыш Пьер скромно сел сзади.

Они еще не успели как следует устроиться на лошади, как в шагах тридцати от них появился человек, направлявшийся в их сторону, который, увидев их, остановился.

— Ой! Ой! — воскликнул Малыш Пьер,— если мы и боимся любого шороха, наконец нам встретился человек, кто испугался нас.

— Кто идет? — крикнул громко Мишель.

— А! Господин барон! — ответил человек, приближаясь к ним.— Черта с два я ожидал встретиться с вами на дороге в такое время!

— Вы не ошиблись, когда сказали, что вас здесь все знают,— заметил, рассмеявшись Малыш Пьер.

— О, да, к несчастью,— ответил Мишель таким тоном, что Малыш Пьер понял, что им грозит опасность.

— Кто этот человек? — спросил Малыш Пьер.

— Куртен, мой арендатор; мы подозреваем, что именно он выдал вас, когда вы находились у Марианны Пико. Затем поспешно произнес повелительным тоном, давая понять своему спутнику, что нельзя медлить:

— Спрячьтесь за моей спиной.

Малыш Пьер тут же выполнил его просьбу.

— Куртен, это вы? — воскликнул Мишель, пока Малыш Пьер старался получше укрыться за ним.

— Да, — ответил арендатор.

— А вы сами откуда идете? — спросил Мишель.

— Из Машкуля, куда я ходил купить вола.

— А где же он? Что-то я его не вижу.

— Покупка сорвалась. Из-за проклятой политики торговля совсем стала никудышной, и уже на рынке ничего нельзя купить, — сказал Куртен, стараясь разглядеть в темноте лошадь, на которой сидел молодой человек.

Затем, видя, что Мишель не собирался продолжить разговор, Куртен продолжал:

— А, а вы, господин барон, как мне кажется, направляетесь в сторону, противоположную Ложери.

— Здесь нет ничего удивительного: я еду в Судэ.

— Позвольте мне заметить, что вы немного сбились с пути!

— О! Я знаю; но, полагая, что дорога сейчас усиленно охраняется, я предпочел сделать крюк.

— В таком случае, если вы действительно направляетесь в Судэ, — сказал Куртен, — я считаю своим долгом дать вам совет.

— Какой? Если совет идет от чистого сердца, я с радостью его приму.

— Вы там застанете пустую клетку: птичка улетела.

— Ба!

— Да, господин барон, вам не в ту сторону надо ехать, чтобы поймать птичку, за которой вы охотитесь.

— Куртен, кто тебе об этом сказал? — спросил Мишель, стараясь сделать так, чтобы его лошадь грудью все время находилась напротив его собеседника, скрывая Малыша Пьера.

— Кто мне сказал? — заметил Куртен. — Черт возьми! Да я видел собственными глазами, как вся эта проклятая Богом шайка проехала мимо по дороге на Гранд-Ланд.

— А солдаты пошли в том же направлении? — спросил молодой человек.

Подумав, что молодой человек задал вопрос, который мог бы вызвать подозрения, Малыш Пьер уцепился за руку Мишеля.

— Солдаты? — переспросил Куртен. — И вы тоже боитесь солдат? В таком случае я бы не советовал вам ехать этой ночью по долине, ибо вы шагу не сделаете, чтобы не наткнуться на их штыки. Господин Мишель, вы бы лучше...

— Что, по-твоему, я должен сделать? Скажи, и, если твой совет покажется мне разумным, я непременно воспользуюсь им.

— Возвращайтесь со мной в Ложери и обрадуйте вашу матушку! С тех пор как она узнала, что вы уехали из дома с дурными намерениями, она горюет не переставая.

— Мэтр Куртен, — заметил Мишель, — позвольте мне также дать вам совет.

— Какой, господин барон?

— Вы бы лучше помолчали.

— Нет, я не стану молчать, — ответил арендатор, всем своим видом показывая, что болеет душой. — Нет, мне слишком тяжело смотреть, как молодой хозяин подвергает свою жизнь опасности из-за какой-то...

— Замолчите, Куртен!

— Из-за какой-то проклятой волчицы, на которую не польстился бы я, сын простого крестьянина!

— Презренный, да замолчишь ли ты, наконец! — воскликнул молодой человек, замахиваясь на Куртена хлыстом, который держал в руке.

Этот несомненно спровоцированный Куртеном жест заставил лошадей тронуться с места, и мэтр Ложери увидел перед собой двух всадников.

— Простите, господин барон, я не хотел вас обидеть, — плаксивым тоном произнес он. — Простите меня, но вот уже две ночи, как я не могу заснуть, думая об этом.

Малыш Пьер вздрогнул: в голосе мэра Ложери он снова различил те же слащавые и фальшивые нотки, которые он уже слышал в хижине жены Пико, повлекшие за собой весьма печальные события. Он во второй раз подал знак Мишелю, словно хотел сказать: «Надо во что бы то ни стало поскорее избавиться от этого человека».

— Ладно,— произнес Мишель,— вы идите своей дорогой, а мы поедem своей.

Куртен сделал вид, что как будто только что заметил за спиной молодого барона еще одного человека.

— Ах, Боже мой! — воскликнул он.— А я вижу, что вы не один?.. Ах! Я понимаю, господин барон, что мои слова вас больно задела. Кем бы вы ни были, господин, но вы мне кажетесь на вид несомненно более благоразумным, чем ваш юный друг. Помогите же мне ему доказать, что он ничего не выиграет, если бросит вызов закону и силе, которой располагает правительство, чтобы угодить, по всей вероятности, волчицам.

— Еще раз, Куртен,— произнес Мишель, в голосе которого прозвучала настоящая угроза,— убирайтесь! Я волен поступать так, как считаю нужным, а вы слишком много на себя берете, осуждая мое поведение.

Однако Куртен, чья притворная навязчивость нам уже известна, похоже, и не собирался уходить, прежде чем не рассмотрит таинственного незнакомца, сидевшего за спиной молодого хозяина и старательно отворачивавшего от него свое лицо.

— Пойдите,— произнес он, придавая своему голосу самый благодушный тон,— завтра вы будете вести себя так, как вам только заблагорассудится, но сегодня по крайней мере вам следует ночевать дома вместе с вашим напарником, не знаю, кто он: мужчина или женщина. Клянусь вам, господин барон, сегодня ночью опасно оставаться под открытым небом.

— Ни мне, ни моему спутнику опасность не грозит, ибо мы политикой не занимаемся... Куртен, что вы делаете с моим седлом? — продолжил молодой человек, заметив непонятное ему движение арендатора.

— Ничего, господин Мишель, ничего,— ответил Куртен с самым любезным видом,— итак, вы не желаете ни прислушаться к моим советам, ни внять моим просьбам?

— Нет; идите своей дорогой, а мы продолжим свой путь.

— Пусть будет по-вашему! — заметил вкрадчивым голосом арендатор.— И да хранит вас Бог! Только запомните: ваш бедный Куртен сделал все возможное, что от него зависело, чтобы предупредить несчастье, которое может с вами произойти.

И с этими словами Куртен решил наконец сойти на

обочину дороги. Пришпорив коня, Мишель поспешил скрыться с его глаз.

— Быстрее! Быстрее! — воскликнул Малыш Пьер.— Да, я узнал человека, повинного в смерти бедного Бонвивия! Едем поскорее отсюда: этот человек приносит несчастье!

Молодой барон снова пришпорил коня, но не успела лошадь перейти на галоп, как седло начало сползать вниз и оба наездника со всего маху шлепнулись о придорожные камни.

Первым вскочил на ноги Малыш Пьер.

— Вы не ушиблись? — спросил он Мишеля, в свою очередь, поднимавшегося с земли.

— Нет, — ответил молодой человек, — я только не могу понять, как...

— Как мы упали? Какое это имеет значение? Упали, и все. Надо как можно быстрее подтянуть подпругу.

— Ай! — воскликнул Мишель, уже поднявший седло на спину лошади.— Оба ремня лопнули в одном и том же месте.

— Скажите лучше, что их подрезали, — заметил Малыш Пьер.— Это не что иное, как проделки вашего проклятого Куртена, и ничего хорошего нам это не сулит. Смотрите сюда...

И Малыш Пьер потянул за руку Мишеля, который, обернувшись в сторону, куда показывал Малыш Пьер, разглядел в долине в полчетверти лье от них три или четыре мерцавших в ночи огонька.

— Это бивуак, — сказал Мишель.— Если этот тип что-нибудь заподозрил, а это несомненно так, ибо он пошел в том направлении, он и во второй раз пустит по нашему следу «красные штаны».

— Как?! Вы думаете, что он осмелится, зная, что с вами я, его хозяин?..

— Предположим самое худшее, господин Мишель.

— Вы правы, лучше не полагаться на случай.

— Раз так, нам следует свернуть с проселочной дороги.

— Я так же подумал.

— Сколько времени понадобится, чтобы пешком добраться до места, где нас ожидает маркиз?

— Не менее часа; и нам нельзя терять ни минуты.

А что нам делать с лошадей маркиза? Мы не сможем ее провести через изгородь.

— Перебросим ей через шею поводья, и она вернется в свою конюшню, а если на нее наткнутся наши друзья, они сразу догадаются, что с нами приключилось нечто непредвиденное, и отправятся нас искать... Но тише!

— Что?

— Вы ничего не слышите? — спросил Малыш Пьер.

— Да, до меня донесся топот копыт лошади, скачущей в сторону бивуака.

— Какие вам еще надо доказательства в том, что ваш славный арендатор перерезал подпругу лошади? Бежим скорее, мой бедный барон!

— Но, если мы оставим здесь лошадь и ее найдут наши преследователи, они тут же догадаются, что всадники далеко не ушли и находятся где-то рядом.

— Подождите, — сказал Малыш Пьер, — я кое-что придумал...

— Что?

— Так делают в Италии... На скачках... да, именно так. Господин Мишель, вы должны последовать моему примеру.

— Приказывайте.

И Малыш Пьер принялся за работу.

Тонкими и нежными руками, рискуя исколоть себе пальцы, он наломал в соседних зарослях несколько веток колючего кустарника и хвороста и сложил их вместе, а так как Мишель делал то же, что и он, у них получилось две небольшие охапки хвороста.

— Для чего они вам понадобились? — спросил Мишель.

— Оторвите уголок носового платка, на котором вышит ваш вензель, а оставшуюся часть дайте мне.

Мишель в точности выполнил все, что от него попросили.

Малыш Пьер разорвал пополам платок и скрепил каждую охапку.

Затем привязал одну из них к длинной и шелковистой гриве лошади, а другую — к хвосту.

Почувствовав, как вонзаются в кожу колючки, несчастная лошадь стала брыкаться и вставать на дыбы.

И молодой барон наконец понял.

— А теперь,— сказал Малыш Пьер,— снимите с нее уздечку, чтобы она не сломала себе шею, и отпустите ее.

Едва освободившись от своих пут, конь заржал, резко встряхнул гривой и хвостом и вихрем бросился вперед, так что искры посыпались из-под копыт.

— Bravo!— сказал Малыш Пьер.— А теперь поднимите седло и поскорее спрячьте его куда-нибудь.

И он скрылся вместе с Мишелем, который нес в руках седло и уздечку, в зарослях.

Там они присели и прислушались.

До них донесся топот копыт, отдававшийся эхом от дорожных камней.

— Вы слышите?— произнес удовлетворенным тоном барон.

— Да, но слышим не только мы,— ответил Малыш Пьер.— А вот и эхо!

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ

I.	Адъютант Шаретта	7
II.	Королевская благодарность	15
III.	Сестры-близнецы	23
IV.	Как Жан Улле, приехав к маркизу на часок, оставался бы там и по сей день, если бы оба они не умерли десять лет назад	30
V.	Волчий выводок	37
VI.	Подстреленный заяц	43
VII.	Господин Мишель	51
VIII.	Баронесса де ла Ложери	58
IX.	Позумент и Аллегро	66
X.	Все складывается не совсем так, как представлял себе барон Мишель	76
XI.	Муж кормилицы	84
XII.	Благородство обязывает	92

XIII.	Кузина, живущая за пятьдесят лье	101
XIV.	Малыш Пьер	110
XV.	Неурочный час	123
XVI.	Дипломатия Куртена	133
XVII.	Кабачок Кургузого Обена	140
XVIII.	Человек из Ложери	147
XIX.	Ярмарка Монтегю	157
XX.	Бунт	163
XXI.	Возможности Жана Уллье	174
XXII.	Апорт, Пато! Апорт	185
XXIII.	Кому принадлежала хижина	191
XXIV.	Как Марианна Пико оплакивала своего мужа . .	199
XXV.	В которой рассказывается о том, как под влиянием любви появляются политические взгляды даже у тех людей, кто их раньше не имел	203
XXVI.	Порог Боже	211
XXVII.	Гости замка Судэ	221
XXVIII.	В которой маркиз де Судэ сожалеет о том, что Малыш Пьер не дворянин	229
XXIX.	Вандейцы 1832	236
XXX.	Тревога	241
XXXI.	Мой приятель Лорио	247

КНИГА ВТОРАЯ

I.	В которой генерал съедает обед, приготовленный вовсе не для него	259
II.	В которой любопытство мэтра Лорио не было до конца удовлетворено	265
III.	Комната в башне	271
IV.	Которая закончилась совсем не так, как ожидала Мари	279
V.	Синий и белый	288
VI.	В которой доказывается, что в сети паука попадают не только мухи	298
VII.	В которой обладательница самых изящных во всей Франции и Наварре ножек находит, что ей бы больше подошли семимильные сапоги, чем ту- фельки Золушки	310
VIII.	Где Малышу Пьеру выпадает случай отведасть луч- ший в его жизни обед	317
IX.	Перед мертвецами все равны	331

X.	Обыск	342
XI.	В которой Жан Улле говорит все, что думает о молодом бароне Мишеле	352
XII.	В которой молодой барон Мишель становится ординарцем Берты	364
XIII.	Кролики мэтра Жака	370
XIV.	Об опасности, которой можно подвергнуться в лесу, если находишься в дурной компании	384

Дюма А.

Д 96 Волчицы из Машкуле. Т. 1. Кн. первая. Кн. вторая. Гл. первая—четырнадцатая. / Под общ. ред. Ю. П. Уварова.: Перев. с фр.—М.: Пресса, 1995.—400 с.

ISBN 5—253—00827—6

Роман «Волчицы из Машкуле» продолжает серию «XX век в романах А. Дюма». Герои этого произведения — маркизы и генералы, трактирщики и солдаты, короли и простолюдины — становятся участниками заговоров и переворотов, попадая в самые разнообразные переделки.

Д 4703010100—3008 3008—95

080(02)—95

84.4 Фр

Литературно-художественное издание

ДЮМА Александр

ВОЛЧИЦЫ ИЗ МАШКУЛЕ

Том I

Редактор

С. А. Суркова

Оформление художника

Ю. К. Бажанова

Художественный редактор

Р. А. Клочков

Технический редактор

Т. С. Трошина

Младший редактор

Н. В. Зверева

ИБ 3008

Лицензия ЛР № 010151 выдана 26.12.91 г.

Сдано в набор 14.11.94. Подписано к печати 23.12.94.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Литературная».
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,00. Усл. кр.-отт. 21,00.
Уч.-изд. л. 22,07. Заказ № 13.
Тираж 25 000 экз. Цена договорная.

Набрано и отпечатано в типографии издательства
«Пресса», 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. Правды, 24.

**По вопросам приобретения книг
просим обращаться в отдел реализации
издательства «Пресса»
по телефонам: 257-45-13, 257-49-00
Оптовым покупателям
предоставляется скидка.**